

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 11

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, (г. Киров)

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Емельянов Б. В. Н. А. Серно-Соловьевич в борьбе за новую жизнь и «новую науку»</i>	6
<i>Ионайтис О. Б. Н. С. Трубецкой: «Великие культуры всегда религиозны»</i>	10
<i>Долгих А. Ю. Дарвинизм, псевдарвинизм и англосаксонская жизненная философия</i>	14
<i>Якупов С. Ф. Менталитет и социальные институты как факторы прогресса: на примере индийской цивилизации</i>	22
<i>Равочкин Н. Н. Влияние немецкой классической философии на формирование идеологии марксизма</i>	28

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Печатнов В. В. Богословие византийского иконоборческого кризиса: периодизация и богословские споры при императоре Льве III</i>	32
<i>Кустова Е. В. Особенности создания женских общин и монастырей в Сарапульском уезде Вятской епархии в начале XX в.</i>	43
<i>Ватник Н. С. Протестные акции учащихся средних школ России в 1906–1907 гг.: динамика, содержание, формы</i>	50
<i>Соза Л. Н. Стоимость и доходность городских строений уездного города Центральной России в пореформенное время (по материалам Коломны)</i>	57
<i>Стась И. Н. Миграция в процессе урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-е – начало 1990-х гг.)</i>	65
<i>Калинина Д. А. Организационно-правовое обеспечение порядка и безопасности в Вятской губернии в условиях начала Первой мировой войны</i>	73

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Золотова Т. А. Сюжеты с участием анималистических персонажей в обрядовых практиках Поволжья (к вопросу об эволюции предметных этнических маркеров)</i>	79
<i>Поздеев В. А. Фольклорно-этнографические мотивы в литературном творчестве Г. Е. Верещагина</i>	82
<i>Крашенинникова Ю. А. Записи русских свадебных приговоров в финно-угорских традициях (о некоторых особенностях бытования жанра русского свадебного обряда в иноэтнической среде)</i>	86
<i>Низовцева С. Г. Прозвищная традиция коми: опыт систематизации (по архивным материалам первой трети XX в. из фольклорного собрания Национального музея Республики Коми)</i>	94
<i>Трофимов Г. А. Образ женщины в русских народных змееборческих сюжетах</i>	103

<i>Сафина А. Р., Шакирова Р. Д.</i> Влияние социальных характеристик коммуникантов на функционирование модальных слов в современном английском языке	110
<i>Шугайло Ю. Б.</i> Коммуникативно-прагмасемантические особенности формы настоящего времени Present Continuous в английском языке.....	113
<i>Мирошниченко Л. Н.</i> Когнитивные основы процесса заимствования терминов.....	118

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Домрачев Д. Г.</i> О некоторых вопросах применения административного законодательства в целях профилактики дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации.....	122
<i>Пекшеев А. В.</i> Единство судебной практики в отечественной цивилистике: особенности процессуального законодательства	126
<i>Редких С. В.</i> К вопросу о правовой природе производства о признании недействующими нормативных правовых актов.....	130
<i>Петухов К. В.</i> Свобода совести и вероисповеданий в дореволюционном законодательстве России: уголовно-правовой аспект.....	133

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Караулов В. М., Караулова Л. В.</i> Формирование умений математического моделирования при проведении оценки эффективности финансовых операций	138
<i>Позолотина М. П., Сауров Ю. А.</i> О концепции формирования физического мышления при дистанционном обучении в основной школе.....	142
<i>Варанкина В. И., Вечтомов Е. М.</i> Первые магистратуры на Вятской земле.....	144
<i>Сведения об авторах</i>	150
<i>Information about authors</i>	153

CONTENTS

- Emelyanov B. V. N. A. Serno-Solovyevich* In the struggle for a new life and “new science”
- Ionaitis O. B. N. S. Trubetskoy:* “Great culture is always religious”
- Dolgikh A. Y.* Darwinism, pseudo-darwinism and anglo-saxon philosophy of life
- Yakupov S. F.* Mentality and social institutions as factors of progress: the example of the Indian civilization
- Ravochkin N. N.* The influence of german classical philosophy on the formation of the ideology of marxism
- Pechatnov V. V.* The Theology of the Iconoclastic Crisis in Byzantium: Periodization and the Theological Controversies Under the Emperor Leo III
- Kustova E. V.* Features of creation of women's communities and monasteries in Sarapul county Vyatka diocese at the beginning of the twentieth century
- Vatnik N. S.* The protests of students in secondary schools of Russia in 1906–1907: dynamics, content, forms
- Soza L. N.* Cost and profitability of urban buildings of the county town of Central Russia in the post-reform period (based on Kolomna's materials)
- Stas I. N.* Migration in the urbanization process of the Khanty-Mansi okrug (1960s – early 1990s)
- Kalinina D. A.* Organizational and legal maintenance of order and security in the Vyatka province in the conditions of the First World War
- Zolotova T. A.* Scenes involving animalistic characters in ritual practices of the Volga region (to the issue on the evolution of ethnic subject markers)
- Pozdeev V. A.* Folklore and ethnographic motives in literary creativity G. E. Vereschagina
- Krashennnikova Yu. A.* Recordings of Russian wedding sentences in Fin-Ugric traditions (on some peculiarities of existence of the genre of the Russian wedding ceremony in the migrant environment)
- Nizovtseva S. G.* Nicknaming tradition of Komi: the systematization experiences (on archive materials of the first third of the twentieth century from the folk collection the National Museum of the Komi Republic)
- Trofimov G. A.* The Image of Women in Russian Folk Dragon-Fighting Plots
- Safina A. R., Shakirova R. D.* The influence of communicants' social characteristics on functioning of the modal words in the modern English language
- Shugaylo Y. B.* Communicative and pragmasemantic peculiarities of the form of the Present Continuous tense in English language
- Miroshnichenko L. N.* Cognitive bases of the process of borrowing terms
- Domrachev D. G.* About some questions of application of administrative law in order to prevent road accidents in the Russian Federation
- Pekshev A. V.* Unity of jurisprudence in patriotic cc: features of procedural law
- Redkikh S. V.* On the question of the legal nature of the proceedings for invalidation of normative legal acts
- Petukhov K. V.* Freedom of conscience and religion in pre-revolutionary legislation of Russia: criminally-legal aspect
- Karaulov V. M., Karaulova L. V.* Formation of abilities of mathematical modeling in assessing the efficiency of financial operations
- Pozolotina M. P., Saurov Y. A.* About the concept of formatting physical thinking in distance learning physics in the primary school
- Varankina V. I., Vechtomov E. M.* First magistrates on Vyatka land

УДК 172.12

Б. В. Емельянов

Н. А. Серно-Соловьевич в борьбе за новую жизнь и «новую науку»

Статья посвящается русскому революционеру и мыслителю Н. А. Серно-Соловьевичу. В ней раскрываются особенности его сотрудничества с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, а также содержание его работ, посвященных борьбе против крепостного права, поиску закономерностей истории общества и созданию «новой науки» – социологии.

Мортиролог борцов за свободу и счастье народа, погибших на царской каторге и в сталинских лагерях, еще не написан. Одним из них был Николай Александрович Серно-Соловьевич, чья жизнь трагически оборвалась в тюремной больнице Иркутска 150 лет назад. Это печальное обстоятельство послужило нам поводом обратиться к его жизни и трудам.

The article is devoted to the Russian revolutionary N. A. Serno-Solovyevich. In it is revealed the features of its collaboration with A. I. Gerzeny and N. P. Ogarev, and reveals the contents of his works devoted to the struggle against serfdom, the laws of history of society, the “new Sciences” – sociology.

Martirolog of fighters for the freedom and happiness of the people killed in tsarist penal servitude eve of Stalin's camps, has yet to be written. One of them was Nikolai Aleksandrovich Serno-Solovyevich, whose life was tragically cut short in a prison hospital in Irkutsk 150 years ago. This sad fact has encouraged us to apply to his life and work.

Ключевые слова: крепостное право, восстание, революция, законы истории, социология.

Keywords: serfdom, the rebellion, the revolution, the laws of history, sociology.

Серно-Соловьевич родился 13 декабря 1834 г. в Петербурге в семье чиновника военного министерства. После окончания Ларинской гимназии он был зачислен в Александровский (бывший Царскосельский) лицей, который в 1853 г. закончил с серебряной медалью.

Перед молодым человеком открывалась блестящая карьера в Государственной канцелярии, куда он был принят на службу. Однако достаточно быстро, в течение нескольких лет, его взгляды проходят эволюцию от верноподданнических до революционно-демократических. Первым этапом этой эволюции был анализ хода Крымской войны, показавший разрушительное влияние крепостничества на экономический и политический потенциал России.

Работа в Главном комитете по подготовке отмены крепостного права быстро убедила Н. А. Серно-Соловьевича, что интересы России сосредоточены в настоящее время «в крестьянском вопросе». Еще не освободившись от либеральных иллюзий относительно нового царя, он вручает ему лично «Записку» об отмене крепостного права и откупов, в которой после «далеко не светлого» очерка общего положения крестьянства в России доказывалась необходимость скорейшей отмены крепостного права. «Дерзость» чиновника Серно-Соловьевича царь оставил без последствий, но из Государственной канцелярии его переместили в земский отдел Министерства внутренних дел, а затем послали делопроизводителем в калужский «Комитет по устройству быта помещичьих крестьян». Работа в нем, знакомство с декабристами, жившими в Калуге, – Г. С. Батеньковым, П. Н. Свистуновым, Е. П. Оболенским, петрашевцем Н. С. Кашкиным – способствовали быстрой радикализации взглядов Серно-Соловьевича.

По возвращении в 1859 г. в Петербург он знакомится с Н. Г. Чернышевским, становится сотрудником журнала «Современник», где публикует «Разбор трудов Комиссии для устройства земских банков», в котором порывает с либеральными иллюзиями и заявляет: «Опыт истории свидетельствует о всегдашней несостоятельности полумер, неудаче их в применении. В основании их лежит шаткость и нерешительность – самые вредные свойства для реформ; общество, для которого они проектируются, всегда *против* них» [1].

В это время Н. Серно-Соловьевич подает в отставку и уезжает за границу, где с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым обсуждает проблемы экономического развития России, революционной пропаганды и борьбы. Своеобразным итогом его изучения политико-экономической жизни Англии, Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, буржуазных «свобод» была брошюра «Россия и восточный вопрос», опубликованная им анонимно на французском языке в 1860 г. В ней Серно-Соловьевич высказывает ряд кардинальных положений по национальному вопросу, выступает за национальный суверенитет, право нации на самоопределение, за добровольную федерацию народов. Обсуждение этих вопросов дало возможность русскому революционеру высказать свое мнение о складывающейся в России революционной ситуации. Он пишет: «Каждый чувствует, что мы накануне революции грандиозной, мирной, которая не стоила бы нам ни капли крови, если бы правительство оказалось на высоте положения, если бы оно смогло взять инициативу, – ужасной, кровавой, если нация изнеможет от длительного и бесплотного ожидания» [2].

По возвращении в Россию после крестьянской реформы он пришел к выводу, что народ царем обманут, что «вместо подлинного освобождения крестьян было установлено новое “крепостное право”» [3]. Он совершает акт большого гражданского мужества – публикует в Берлине под своим именем работу «Окончательное решение крестьянского вопроса», в котором значительно усиливает вывод о возможности революции и необходимости ее подготовки: «Настоящий общественный быт окончательно сгнил на корне, и людям, достаточно смелым, чтоб сознать это, ничего не остается делать, как собирать силы для создания вместо него нового, лучшего порядка» [4].

В это же время в «Колоколе» А. И. Герцена Н. Серно-Соловьевич публикует программную статью «Ответ “Великороссу”», в которой четко определяет задачи грядущей народной революции: «Наша цель – полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей» [5]. Практическим осуществлением «собираания сил» для будущей революции было создание общерусской подпольной революционной организации «Земля и Воля», одним из организаторов которой он и был.

Революционная деятельность Н. Серно-Соловьевича не была секретом для жандармов, и они искали только повод, чтобы пресечь ее. Такой повод представился, когда по доносу агента III Отделения Перетца был арестован П. А. Ветошников, доставивший из Лондона несколько писем, в том числе и Н. А. Серно-Соловьевичу. 7 июля 1862 г. одновременно с Н. Г. Чернышевским его арестовывают и помещают в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

Три года вел борьбу с жандармами заключенный камеры № 16 – Серно-Соловьевич. В письме, тайно переправленном в 1864 г. из крепости Герцену и Огареву, он пишет: «Я люблю Вас, как любил; люблю все, что любил; ненавижу все, что ненавидел. Но Вы довольно знали меня, чтобы знать все это. Молот изрядно колотит, но он бьет не стекло. Лишь бы физика вынесла, наши дни придут еще» [6]. Он не утратил веры в грядущую революцию. В первой половине 1864 г. он пророчески писал брату Александру: «Главное, что я смотрю вперед с полным доверием. Делать нечего. Закон силы против нас. Он неумолим и неотразим. Но имеющие баланс в свою пользу доживают свой век, – мы начинаем свой. Они не понимают этого, и потому обстоятельства через 10 лет выведут нас на арену» [7].

Годы, проведенные в заточении, были для русского революционера годами интенсивной умственной деятельности. Более десятка статей, стихотворений, переводов произведений Байрона, Гербениуса, Шлицера, Бентама, три философско-драматических произведения («Андроник», «Из былого», «Кто лучше?») было передано им из рavelина. Многие из этих работ до сих пор не обнаружены. Две из дошедших до нас статей Серно-Соловьевича «Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки?» и «О мерах к умножению народного богатства и улучшению материальных условий народного труда в России» и расширенный план большой работы «О законах исторического развития человечества» раскрывают нам объем и уровень социально-философских его представлений.

Первая из этих статей – «Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки?», написанная в июле 1863 г., аргументированно доказывает потребность «в новой науке (социологии)» [8]. Анализ общественных отношений и наук, их изучающих, по его мнению, убеждает, что формула «знание как двигатель прогресса» не может объяснить всех сторон жизни общества. Оно «в самом лучшем смысле этого слова указывает только на более верные и ближайшие средства для достижения известных реформ, подвигающих человечество вперед» [9]. Но может, как это доказывает Наполеон I, быть орудием негативных процессов, происходящих в обществе, средством «для угнетения европейского ума» [10]. В современном их состоянии общественные науки – политико-экономические, юридические, исторические, статистика, – по мнению Серно-Соловьевича, каждая в своей области имеют немало успехов, однако не дают обобщающей картины общественного развития, «материалов для решения многих общественных вопросов, выдвигаемых на

первый план развивающейся цивилизацией» [11]. Все их развитие обозначило потребности новой науки – социологии. С необходимостью это должна быть наука опытная, выполняющая следующие задачи:

«Она должна обнимать очерк положения и размеров внешнего вида страны, ее социальный характер, то есть все, могущее дать понятие о важнейших моментах общества: развитие городской и сельской, местной или центральной жизни, – значит характер городов и сел, удобства сообщений, торговые и промышленные центры; деление народа на сословия и касты (политическое и юридическое деление); экономическое деление по занятиям; численные отношения классов; внутренние числовые отношения по полу и возрасту, равновесие половых отношений и политическая равноправность мужчин и женщин; внутренний общественный быт: нравы, обычаи, предрассудки, одежда и т. д.; размеры, характер производств и рабочая плата; валовой доход и падающие на него налоги; способы взимания и употребления их (не с финансовой, а с социальной точки зрения); правительственная организация, образование и средства распространения его в массе, характер преступлений и наказаний; степень образования и экономическое состояние преступников» [12].

Выполнение этих задач новой наукой может быть обеспечено соответствующей методологией, использующей накопленный в естествознании опыт преодоления в науке абстрактных «метафизических пошлостей». Серно-Соловьевич считает, что «между общественной наукой и естествознанием должен произойти – и чем скорее, тем лучше – обмен главных сил их, то есть одна может позаимствоваться у другого превосходным методом и дать ему, в свою очередь, превосходные стремления» [13]. Хорошо понимая, сколь трудны шаги «новой науки», он заканчивает свою статью следующим обращением: «К несчастью, хорошие мысли слишком часто приходят людям, не имеющим никакой возможности осуществить их. А кто имеет эту возможность, тому я могу предсказать и успех, и наслаждение свежего и благотворного труда. Вот почему я обращаюсь к молодому поколению и указываю ему превосходный исход его умственного nepотизма и шатания от одной идеи к другой... Облегчить людям их будущие страдания должно быть большим наслаждением, но облегчить их силой ума и науки есть вместе с тем величайший подвиг» [14].

Спустя год Н. А. Серно-Соловьевич передает коменданту Петропавловской крепости А. Ф. Сорокину еще один труд – «О мерах к умножению народного богатства и улучшению материальных условий народного труда в России», в котором показывает, «как трудна, сложна, громадна задача – улучшить материальные условия народного труда, каких постоянных, непрерывных, колоссальных усилий она требует от правительства и народа» [15]. Его мысль о тех шагах, которые предстоит сделать, прошла проверку временем, сохраняя свою актуальность. По мысли Н. Серно-Соловьевича, «надо уметь среди общей перестройки выбрать и сохранить истинные основания народного быта и на них создать величественное, широкое, как Русь, здание; надо освободить труд и управляющую им мысль от опеки и вместе с тем употребить всю силу правительственных средств для доставления народной деятельности выгод и пособий, превосходящих все, какими она пользуется в каком-либо другом государстве; надо пропустить электрический ток сквозь всю народную жизнь, надо заставить жить и мыслить этот могучий, несокрушимый, но задремавший, обленевшийся мыслью народ; надо, чтоб мертвенная тишина степей и канцелярий сменилась несмолкающим стуком колес и машин и живою, кипучею, плодотворною деятельностью» [16]. Становится понятным, почему жандармы оставили эту статью в своих архивах, не разрешив ее публиковать.

В архиве остался план не реализованного труда Н. Серно-Соловьевича «О законах исторического развития». Заявив, что «при непрочности своего положения, я не имею возможности приступить к такому колоссальному труду» [17], он, однако, сделал первые шаги, не только признав наличие законов исторического развития человечества: «Законы существуют и последствия их неизбежны, но те или другие условия жизни создадут себе люди, [это] зависит в значительной степени от их знаний. Имея ум, они могут их приобретать» [18], но и попытался, осмыслив их, предложить научную конструкцию «основных начал» исследования «Законов исторического развития». Заклячая предисловие к нему, он пишет: «Я имею мало причин быть благодарным своему отечеству. Не такова в других странах участь людей, жизнь которых, подобно моей, была стремлением к общему благу и гласною борьбою против злоупотреблений. Но я не ропщу и не жалею. Я многого лишен, но много и приобрел прибавкой к своим способностям и познанием» [19]. Написать это исследование Н. А. Серно-Соловьевич не смог.

Находясь в заточении Н. Серно-Соловьевич, продолжал оставаться стойким революционером и бойцом. Отстаивая свое человеческое достоинство и идеалы, за которые он боролся, в прошении о своем освобождении или ссылке в один из небольших городов, где бы он мог трудиться на благо России (к этому времени стало известно определение Сената: лишить Н. А. Серно-Со-

ловьевича «всех прав состояния и сослать каторжную работу в крепостях на 12 лет, а затем поселить в Сибири навсегда», смягченное Государственным Советом, отменившим каторжные работы), он писал: «Не говорю этим, что стал отступником или изменил убеждениям, чтоб стал хвалить, что порицал и порицать, что хвалил. Нет. Пересмотрев заветнейшие чувства и мысли, я нашел их верными в основаниях» [20].

2 июня 1865 г. на Мытной площади в Петербурге был осуществлен позорный акт гражданской казни революционера, а 27 июня его отправили с этапом в Сибирь «на вечное поселение». Так началась короткая сибирская страница его жизни. По дороге в Сибирь Серно-Соловьевич «имел возможность вступить в сношения с местными жителями и, по-видимому, вынес впечатление, что восстание найдет поддержку и может повести к освобождению не только ссыльных, но и вызовет революционное движение сначала в Сибири, а затем и в России» [21]. Исходя из так понимаемой ситуации, Н. Серно-Соловьевич по прибытии в Красноярск стал искать и быстро установил контакты с руководителями польских ссыльных. Вскоре был создан русско-польский центр по подготовке вооруженного восстания в Сибири, которое привело бы к образованию республики «Свободославии» во главе с Временным правительством в составе Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. И. Михайлова, Ю. Огрызко (совещательный голос). В течение двух месяцев были написаны и утверждены программные и организационные документы восстания, выработаны функциональные обязанности его руководителей. Серно-Соловьевичу поручалось руководить партиями русских ссыльных и обеспечивать идеологическое руководство восстанием. В это время он написал прокламацию-обращение к народу, солдатам, полякам [22].

Предательство завербованного жандармами Ю. Сульмского, пробравшегося в руководящий центр восстания, послужило причиной срочного перевода Н. Серно-Соловьевича в Иркутск. Перед отъездом он оставил товарищам инструкции и явки, попавшие, как и прокламации, в руки жандармов. Они же приложили руку к его смерти. На этапе между Красноярском и Иркутском он пострадал, заступившись за одного из ссыльных. Не доезжая Иркутска, во время быстрой езды Серно-Соловьевич выпал из саней, зацепившись шубой за них, и его долго тащило по мерзлой дороге. Он был тяжело ранен. В тюремном лазарете он сумел передать соратникам важные документы, находящиеся при нем, чтобы они не попали в руки жандармам. Скончался Н. А. Серно-Соловьевич в лазарете Иркутской пересыльной тюрьмы 10 или 11 февраля 1866 г. Похоронен он был на католическом кладбище. Могила его неизвестна.

Смерть революционера больно отозвалась в сердцах всех, кто его знал. В далеком Лондоне прозвучали гневные слова А. И. Герцена: «Благороднейший, честнейший Серно-Соловьевич – и его убили... Это был один из лучших, *весенних* провозвестников нового времени в России» [23]. А спустя полгода его призыв: «Народ! Встань честно, смело и дружно за правду и волю!» поднял восставших ссыльных на Кругобайкальской дороге!

Примечания

1. Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963. С. 53.
2. Баренбаум Н. Е. Неизвестная работа Н. Серно-Соловьевича // История СССР. 1963. № 3. С. 21.
3. Серно-Соловьевич Н. А. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861.
4. Там же. С. 84.
5. Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика... С. 238.
6. Там же. С. 265.
7. Там же. С. 269.
8. Емельянов Б. В. Поиски Н. А. Серно-Соловьевичем «новой науки» // Философские науки. 1984. № 6.
9. Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика... С. 189.
10. Там же. С. 190.
11. Там же. С. 195.
12. Там же. С. 196.
13. Там же. С. 191.
14. Там же. С. 198–199.
15. Там же. С. 215.
16. Там же.
17. Там же. С. 229.
18. Там же. С. 228.
19. Там же. С. 230.
20. Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С. 100.
21. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 567.
22. Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика... С. 232–233.
23. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. М., 1960. С. 59.

Notes

1. Serno-Solovyevich N. A. Publicistika. Pis'ma [Journalism. Letters]. M. 1963. P. 53.
2. Barenbaum N. E. Neizvestnaya rabota N. Serno-Solov'evicha [Unknown work of N. Serno-Solovyevich] // History of the USSR. 1963, No. 3, p. 21.
3. Serno-Solovyevich N. A. Okonchatel'noe reshenie krest'yanskogo voprosa [Final solution of the peasant question]. Berlin. 1861.
4. Ibid. P. 84.
5. Serno-Solovyevich N. A. Publicistika... [Journalism...] P. 238.
6. Ibid. P. 265.
7. Ibid. P. 269.
8. Emelyanov B. V. N. A. Serno-Solov'evichem «novoј nauki» [N. A. Serno-Solovyevich's search of "new science"] // Filosofskie nauki – Philosophical Sciences. 1984, No. 6.
9. Serno-Solovyevich N. A. Publicistika... [Journalism...] P. 189.
10. Ibid. P. 190.
11. Ibid. S. 195.
12. Ibid. P. 196.
13. Ibid. P. 191.
14. Ibid. Pp. 198–199.
15. Ibid. P. 215.
16. Ibid.
17. Ibid. P. 229.
18. Ibid. P. 228.
19. Ibid. P. 230.
20. Revolyucionnoe dvizhenie 1860-h godov - The revolutionary movement of 1860-ies. M. 1932. P. 100.
21. L. F. Panteleev Vospominaniya [Memories]. M. 1958. P. 567.
22. Serno-Solovyevich N. A. Publicistika... [Journalism...] Pp. 232–233.
23. A. I. Herzen Sobranie sochinenij: v 30 t. [Collected works in 30 vol.] Vol. 19. M. 1960. P. 59.

УДК 130.2

О. Б. Ионайтис

Н. С. Трубецкой: «Великие культуры всегда религиозны»

В статье рассматриваются положения Н. С. Трубецкого относительно взаимосвязи культуры и религиозного мировоззрения. Н. С. Трубецкой исходит из тезиса, что мировая культура есть полифония культур, при этом ни одна культура не может быть доминирующей, подавляющей другие. Залог развития человечества – развитие многообразия культурных традиций. В основе любой культурной парадигмы образующим базисом является религиозное мировоззрение. Н. С. Трубецкой указывает, что когда действенное отношение к вере станет правилом для христианского мира, важной частью которого является Россия, то возможно будет построить истинно национальные культуры. При этом важно помнить, что эволюция в религиозной жизни страны начинается и измеряется возрастанием личной веры. Развитие национальной религиозной культуры всегда есть результат религиозного перевоспитания каждого отдельного индивида.

The article discusses the provisions of the N. S. Trubetskoy about the relationship of culture and religious worldview. N. S. Trubetskoy in his argument proceeds from the thesis that the world culture is the polyphony of cultures, no culture can be dominant, overwhelming others. The key to the development of mankind – development of the diversity of cultural traditions. At the heart of any cultural paradigm forming the basis of a religious worldview. N. S. Trubetskoy indicates that when effective walk of faith will become the rule for the Christian world, an important part of which is Russia, then it will be possible to build a truly national culture. It is important, according to the philosopher, to remember that evolution in the religious life of the country begins and is measured by the increase in personal faith. The development of a national religious culture is always the result of religious re-education of every individual.

Ключевые слова: философия культуры, религиозное мировоззрение, вера, индивид, национальное.

Keywords: philosophy of culture, religious ideology, faith, individual, national.

Николай Сергеевич Трубецкой принадлежал к семье, давшей России целую плеяду блестящих философов, историков, языковедов, писателей. Это Евгений Николаевич, Сергей Николаевич,

Николай Евгеньевич, Владимир Сергеевич Трубецкие, чьи имена составляют золотой фонд отечественной интеллектуальной истории. Его дед, Николай Петрович Трубецкой, был одним из создателей Императорского Русского Музыкального общества, отец, Сергей Николаевич, – первым выборным ректором Московского университета. Сам Н. С. Трубецкой был известным мыслителем, литературоведом, лингвистом, культурологом, одним из вдохновителей такого идейного течения русской мысли, как евразийство, о чем достаточно много в последнее время написано. В своей статье мы остановимся на менее известной странице его творчества – на преподавательской деятельности в Венском университете и конкретно – на курсе по древнерусской литературе, в котором отразились основные положения его философии культуры.

Научные и философские интересы Н. С. Трубецкого сформировались еще в студенческие годы: лингвистика, философия культуры, историософия. После окончания историко-филологического факультета Московского университета он служил в должности приват-доцента и вел активные исследования по сравнительному языкознанию. Одним из первых в своей научной практике он применил тройственный подход в сравнительном изучении языков и культур, который опирался на историко-генетический, реально-исторический, типологический методы. На основании этого подхода Трубецкой пришел к выводу о существовании закона многообразия национальных культур. Материал, который он получал в своих исследованиях как языковед, он использовал при построении теории истории культур и цивилизаций, при разработке методологии сравнения различных типов культур. Основопологающим тезисом его концепции было утверждение, что неправомерно делить культуры на «низшие» и «высшие», определяя за теми или иными цивилизациями лидерство в мировой истории. Полифония мировых цивилизаций – залог развития человечества.

В 1919 г. Н. С. Трубецкой эмигрировал из России и преподавал в Софийском университете, где принимал активное участие в деятельности Пражского лингвистического кружка. Идеи, разрабатываемые Трубецким еще до эмиграции, получили дальнейшее развитие и были изложены в работе 1920 г. «Европа и человечество», в которой четко сформулированы основные положения его философии культуры, которые в свою очередь стали методологическим и идейным базисом евразийства. Трубецкой не умаляет значение европейской (романо-германской) культуры, но указывает, что нет никаких оснований считать ее самой развитой из когда-либо существовавших культур. Он считает, что полная европеизация другой культуры, как и вообще полное слияние одной цивилизации с другой, невозможны в принципе. Европеизация, которая провозглашается некоторыми мыслителями великим благом для любой другой культуры, – миф. Анализируя развитие истории человечества, Трубецкой утверждал, что взамен принципа классификации народов и культур по принципу абстрактного совершенства следует применять иной принцип – принцип равноценности и качественной несоразмерности всех народов и цивилизаций.

В 1922 г. в сборнике «На путях», вышедшем в Праге, русский мыслитель, уже тогда один из идеологов евразийства, Н. С. Трубецкой публикует работу «Религии Индии и христианство», в которой ставит вопрос об этических аспектах религиозного мировоззрения вообще, о роли этической проблематики в христианстве и религиях Индии – в частности. Заявленную тему Н. С. Трубецкой считает значимой для самосознания как европейца, так и для русского человека.

В 10–20-х гг. XX в. в Европе явно наблюдается не просто интерес к Востоку, а «исход к Востоку», «поворот к Востоку». Этот процесс оказывает влияние на эволюцию европейской и русской культуры. Поэтому разобраться в вопросах религиозного мировоззрения Индии столь значимо. К тому же, так как «...самое бросающееся в глаза отличие всякой “восточной” культуры от “западной” лежит в сфере религиозной, то часто призыв к повороту на Восток понимается в смысле влечения к одной из “восточных” религий» [Трубецкой Н. С. Религии Индии и христианство // Литературная учеба. 1991. № 6. С. 131. *Далее в тексте даны ссылки на этот источник с указанием страниц в круглых скобках*].

В центре любой культуры, как считает Н. С. Трубецкой, лежит религиозный вопрос. В центре европейской – христианство. Поэтому рассмотрение религиозных воззрений Индии Трубецкой и осуществляет через сравнение с христианством. У этой позиции есть и еще один аспект. Н. С. Трубецкой указывает, что в то переходное время, в котором он живет, время разочарований в казавшихся ранее бесспорных истинах европейской культуры, люди ощущают потребность что-то изменить. Но часто не знают, как и что. Поэтому предлагается обратить взор свой на Восток. Подобные идеи возникли уже достаточно давно в англосаксонских странах, в которых христианство перестало играть мировоззренческую роль. Аналогичные тенденции мы можем наблюдать и в России. Религиозные верования Дальнего Востока (Китаю, например) для европейца чужды, «...зато громадную притягательную силу имеет для каждого европеизированного русского интеллигента так называемая “мистика Востока”, религиоз-

ные, философские и мистические системы Индии и суфизма» (С. 131). Именно из мистики исходит теософия, которая стремится синтезировать мистику Востока с христианством и кабалистикой. При этом часто в современных изложениях и восточных учений и христианских многое напутано и носит ненаучный характер. Отсюда Н. С. Трубецкой и определяет свои задачи: «...при рассмотрении “мистики Востока” необходимо, с одной стороны, поставить эту мистику в план научно установленной исторической перспективы, а с другой – подойти к ее оценке с точки зрения подлинно христианской догматики, раскрытой в творениях Святых Отцов и Апостолов» (С. 131). И, конечно же, всегда нужно задаваться вопросом – а возможен ли вообще искомый синтез христианства и мистических учений Востока? Не кроется ли за видимой близостью ряда аспектов принципиальное противостояние?

Н. С. Трубецкой начинает рассмотрение религиозных воззрений Индии с древнейшего периода – ведического. Обычно этот период характеризуется процессами обожествления явлений природы. По мнению Трубецкого, эта позиция принципиально не верная. В текстах ведического периода гимны, посвященные обожествлению сил природы, малочисленны. Явления и феномены природы рассматриваются лишь в отношении к богослужебным обрядам. Европейцы неправильно трактуют верования ведического периода, исходя из спорного мнения, что происхождение религии связано с удивлением первобытного человека перед природой. По существу же, пишет Трубецкой, религия ведического периода основывалась на почитании великих богов, которые понимались как определенные сверхъестественные существа, не связанные с определенными явлениями природы. Пример тому – Варуна и Индра.

Особое внимание Н. С. Трубецкой уделяет рассмотрению образа Варуны. Он указывает, что Варуна обладает исключительными, по сравнению с другими представителями пантеона ведических богов, качествами: он всемогущий, всеведующий и всеблаготворец и промыслитель; все в мире определяется установленными им законами; он установил нравственные законы для человека, за нарушение которых насылает на последнего тяжелое душевное состояние, угрызения совести, болезненное сознание своей греховности. Варуна единственный бог, к которому обращаются с покаянными псалмами, которые отражают осознание человеческой немощности, греховности и надежды на прощение. Варуна прощает человеку его слабости, видя искреннее в них раскаяние. Поэтому у этого бога и человека устанавливаются личные отношения. Остальные боги ведического пантеона, по мнению Н. С. Трубецкого, лишены этического звучания. Большинство из них злобны, коварны, и расположение их можно заслужить лишь жертвоприношениями. С точки зрения христианства, как указывает Трубецкой, только по отношению к Варуне и его сателлитам можно применить предикат божественного.

Ведический пантеон менялся. Необходимо было разрешить дилемму, кто останется – Варуна или Индра? На этот процесс оказывали влияние исторические реалии: при продвижении на юг из Пенджаба индусам приходилось вести многочисленные войны, и царь-завоеватель становится национальным героем, а молитвы подателю победы – Индре – стали звучать все громче. В результате в эпоху так называемого «старого брахманизма» главным богом становится Индра. Победа Индры над Варуной имела далеко идущие последствия в эволюции религиозного мировоззрения Индии.

В период старого брахманизма культ усложняется, появляется достаточно объемная и многоликая литература, но главное – развивается каста профессиональных жрецов-брахманов. В результате главенства Индры мы видим, что «...мир оказался поприщем несогласованной деятельности многочисленных, эгоистически настроенных и друг с другом не связанных богов-силачей и чудодеев, из которых каждый постоянно может частично нарушить естественное течение жизни мира. Вместе с тем никаких нравственных качеств ни один из этих богов не представляет. Ни справедливости, ни разума в миропорядке нет, в нем царит лишь физическая сила и магическая сноровка чудодеев. Тщательно выполняя требования ритуала по всем тонкостям ритуального искусства, жрец может ублажить одного или нескольких из этих богов и заставить их в его интересах произвести то или иное чудо, вызывать то или иное желательное для него событие. Отсюда – первенствующее значение, которое в этот период придается жреческому искусству...» (С. 135). Такую характеристику дает этому периоду в истории религиозных движений Индии Н. С. Трубецкой.

Н. С. Трубецкой указывает, что магическая сила богов заключается в том, что они накопили в аскетическом опыте в большом количестве энергию. Поэтому перед человеком возникает новая цель: «...постараться накопить энергию подготовительной аскезы в таком количестве, чтобы творить чудеса непосредственно, без помощи богов, и таким образом сравняться с богами... Если в начале ведического периода человек ставил себе задачей “ходить в путях Варуны” и исполнять его законы, то после свержения Варуны задачей человека стало – срав-

няться с богами в отношении их магической силы. Оставшись без всеблаготворца-держателя, человек пожелал стать богом» (С. 136). Поэтому в текстах этого времени так много рассказов о великих аскетах.

В то же время в этом мире стихийной борьбы чудотворцев нужно было как-то объяснить правильность течения природной жизни. Для этой цели была введена идея Брахмы. В определенном смысле Брахма выступает неким суррогатом абсолютного божества. Нравственных идей Брахма не выражает.

Символично развитие концепции о переселении душ: «...уничтожив принципиальную грань между богом и человеком, брахманизм должен был естественно уничтожить и другую грань – между человеком и животным» (С. 136–137). Душа есть порождение Брахмы, пройдя все этапы пути, она должна вновь вернуться к своему источнику. Вводится понятие кармы – способности всякого живого существа своим поведением предопределять последующее воплощение своей души. Включает ли в себя учение о карме моральные аспекты? По мнению Трубецкого – нет, так как учение о карме лишь отражает кастовую систему и не более. За одни и те же грехи, но совершенные представителями разных каст, следует разное и наказание. Он пишет: «Для человека, убежденного в том, что современное сословное положение есть прямое механическое следствие поступков, совершенных им в предшествующей его рождению жизни, что от современных его поступков будет зависеть его социальное положение в будущей жизни и что все это никем не установлено, а просто – закон природы, для такого человека социальная несправедливость не существует, а следовательно, не существует и “социального вопроса”» (С. 137).

Далее в истории своей эволюции религиозная мысль Индии ставит следующую задачу: выйти из этого мрачного круговорота и, разумеется, без помощи божией. Религиозные системы предлагают различные варианты. Но общее у них одно – спасение заключено в познании тайны. Итогом этого процесса явился буддизм. Будда указывал, что душе присуще стремление к соединению с телом, что и необходимо прервать. Уничтожение влечения души к телу есть главный вопрос буддизма. В связи с уничтожением влечения, то есть жизни, бытие бы прекратилось. Для того чтобы пресечь круговорот переселения душ, человек должен устранить его причину – должен уничтожить в себе всякий интерес и волю к жизни. Достижение этого опыта есть вхождение в нирвану. Путь к идеалу лежит через два направления: психофизические упражнения самопогружения, самопожертвование и любовь ко всему существующему. При этом, подчеркивает Н. С. Трубецкой, «...любовь, милосердие, сострадание – все это для буддиста не чувства, ибо ведь чувств у него в душе остаться не должно, а лишь результат, следствие полной утраты чувства своей индивидуальности и своих личных желаний: при таком психическом состоянии человеку ничего не стоит жертвовать собою для ближнего, ибо, не имея собственного желания, он естественно, с легкостью исполняет желания других. Подавить свою волю настолько, чтобы поступать исключительно по воле другого, рекомендуется именно в виде упражнения» (С. 138–139).

Всепрощение в буддизме, по мнению Н. С. Трубецкого, есть не что иное как равнодушие. Нирвана, по сути своей, есть самоубийство духа. В буддизме завершается логика развития религиозных воззрений Индии: «...если в начале эпохи старого брахманизма люди стараются сравняться с богами, то теперь появляются люди, которые считаются уже превзошедшими богов. И таких людей, в общем, немало: северные буддисты полных будд считают десятками, а бодхасатв – тысячами» (С. 139). Буддизм есть итог победы Индры над Варуной, полное исключение этических проблем как таковых.

Буддизм был мировоззрением не для среднего человека, исповедовать его могли лишь сильные, гордые и смелые люди, как считает Н. С. Трубецкой. Большинство выбрало путь не логический и сложный, а путь психологического преодоления проблем существования. В результате получил развитие так называемый «новый брахманизм», или индуизм. Несмотря на то что буддизм подверг критике кастовый строй, все же для широких народных масс его учение было слишком сложным. Индуизм отличается тем, что стремится дать верующему единого, абсолютного и личного бога. Он предлагает двух – Шиву и Вишну, что определяет два основных направления индуизма.

Вишну характеризуется достаточно антропоморфными чертами, но в целом народные массы к нему привлекает яркая и впечатляющая мифология, связанная с его воплощениями. Для Шивы наиболее характерны два свойства: жизнь в диких пустынях и щепетильность в вопросах ритуала. На философскую мысль Индии более всего оказал воздействие образ Шивы как великого подвижника-анакорета. Шива предстал как воплощение чудодейственной силы, принципом и источником бытия. В вишнуизме и шиваизме мы можем наблюдать развитие пантеизма. Культы Шивы и его супруги Парвати (Вали) достаточно кроваважны и часто сопровождаются даже человеческими жертвоприношениями. Но в целом можно сказать, что «...в индуизме все поражает, все

бьет по воображению. Архитектура храмов величественна и причудлива, богослужение поражает пышностью, статуи богов и богинь – чудовищной фантастикой. Так же ярко фантастичны и причудливо-запутаны мифы индуизма, напоминающие непроходимый тропический лес, весь заросший сетью переплетающихся ползучих растений» (С. 142). И если говорить о том, почему индуизм победил буддизм, то, по мнению Н. С. Трубецкого, причина кроется в следующем: «...народному сознанию яркие краски и подавляюще-чудовищные образы говорили больше, чем философствование буддийских монахов...» (С. 132).

Возвращаясь к изначально определенному вопросу – о возможном синтезе христианства и религиозных верований Индии, – следует сказать, что Н. С. Трубецкой придерживается определенного мнения: нет. Он пишет: «Христианство, всегда подчеркивающее существование метафизического зла, противоположного и противного Богу, и религиозная мысль Индии, никогда не знавшая проблему добра и зла, – это два совершенно несоединимые друг с другом мировоззрения» (С. 143). Сходство может лишь быть видимым, но не концептуальным. Никакого синтеза в принципе даже быть не может. Христианство и религиозные верования Индии – взаимоисключающие мировоззренческие установки, самый яркий пример тому – развитие этической проблематики.

И все же в заключительной части своей работы он указывает, что если даже и невозможен синтез христианства и религиозных воззрений Индии, то христианам следует обратить внимание на некоторые аспекты религиозной жизни Индии. В первую очередь стоит обратить внимание на тот факт, что вера для индуса – центр, смысл жизни. Н. С. Трубецкой подчеркивает: «...убеждение, что спасение души есть единственно действительно важное, неизмеримо более ценное, чем все земные блага и даже сама жизнь – это убеждение, которое у нас либо остается простой, механически повторяемой формулой, либо жизненным правилом лишь отдельных единиц, в Индии является всеобщим и потому становится двигателем социальной жизни» (С. 143). И в этом смысле религиозный опыт Индии может быть примером для рассмотрения в христианском мире.

Н. С. Трубецкой указывает, что когда действенное отношение к вере станет правилом и для христианского мира, важной частью которого является Россия, то возможно будет построить истинно национальные культуры, «...ибо великие культуры всегда религиозны, безрелигиозные культуры – упадочны» (С. 143–144). При этом важно помнить, что эволюция в религиозной жизни страны начинается и измеряется возрастанием личной веры. Развитие национальной религиозной культуры всегда есть результат религиозного перевоспитания каждого отдельного индивида.

УДК 113

А. Ю. Долгих

Дарвинизм, псевдодарвинизм и англосаксонская жизненная философия

В статье представлена точка зрения, согласно которой дарвиновская теория борьбы за существование и естественного отбора лишь отчасти выведена из наблюдений животного мира, а в значительной степени являет собой отражение повседневности британского постсредневекового общества, в котором быстрее, чем в других странах, произошло разрушение общинного образа жизни, распространение крайнего индивидуализма и эгоизма, что в сочетании со стремлением к обогащению привело, если использовать выражение британского философа Томаса Гоббса, к войне всех против всех.

The article presents the point of view that the Darwinian theory of struggle for existence and of natural selection is only partly derived from observation of the animal world, and is largely a reflection of the everyday life of the British post-medieval society in which faster than in other countries, there was a destruction of communal lifestyle, the spread of extreme individualism and selfishness, which, combined with the desire for enrichment, led, using the expression of British philosopher Thomas Hobbes, to the war of all against all.

Ключевые слова: виды, естественный отбор, борьба за существование, эволюция, дарвинизм.

Keywords: species, natural selection, struggle for life, evolution, Darwinism.

...Ибо такой человекам закон заповедал Кронион:
Рыбам морским, и лесному зверью, и летающим птицам
Можно друг друга съедать – никогда у них не было правды.
Людам же правда дана, совершенная между вещами.

(Перевод наш по изданию Mousaios [1])

Эти строки древнегреческий поэт Гесиод написал около 2700 лет назад. Данное место из поэмы «Дела и дни» показывает, что стремление возвести некую непроходимую границу между человеком, с одной стороны, и всеми остальными животными – с другой, а также представить существование последних не ограниченным никакой нравственностью непрерывным взаимным пожиранием имеет глубокие корни – оно появилось не вчера.

Через 400 лет после Гесиода другой грек, Эпикур (ок. 340–265 гг. до н. э.), сделал примечательное уточнение: между кем нет договора, между теми нет и не может быть никакой справедливости или несправедливости (правды или неправды), а значит, в сущности, все позволено; но между людьми и зверями, а также между отдельными народами никакого договора нет, следовательно, мы, люди (~ эллины), можем поступать по отношению к зверям и некоторым другим народам как нам заблагорассудится [2].

Знал ли британец Томас Гоббс (1588–1679) об этих соображениях Эпикура или не знал, но он развил целую теорию общественного договора как необходимой ступени перехода от животной жизни к гражданской. Идея общественного договора стала потом одним из символов эпохи Просвещения, у истоков которой Гоббс как раз и стоял.

Британский мыслитель представил естественный образ жизни, некогда, по его мнению, свойственный всему человечеству, как состояние без общей власти, а значит без закона. А где нет закона, там нет несправедливости, поэтому каждый, в сущности, имеет право на все, в том числе на имущество, здоровье и саму жизнь другого. Естественное равенство людей в сочетании с их желанием обладать одним и тем же приводит к взаимному недоверию, а взаимное недоверие – к войне. В итоге животное состояние – это война всех против всех. Его ближайшим подобием в современном для себя обществе Гоббс считал гражданские смуты, свидетелем которых он сам и был... [3]

Итак, люди жили когда-то как звери, не зная законов и истребляя друг друга ради пользования теми или иными благами. А звери, надо полагать, ведут подобный образ жизни и по сей день. Такого вывода Гоббс как будто не делает, но между строк это хорошо прочитывается, ведь недвусмысленно сказано – «животная жизнь»...

Точку зрения о существенном различии человека и зверей в последние полторы-две тысячи лет в Европе твердо проводило христианство. Только человек согласно наиболее распространенному католическому христианскому вероучению имеет разум и свободную волю, только человек имеет душу, подлежащую посмертному сохранению и последующему вторичному воплощению. Что касается животных, то их действия непосредственно направляются богом и вообще они созданы ради человека. Такой взгляд на вещи развязывал людям руки: по отношению к животным они могли делать что угодно.

Но примерно с XVI в. твердыня христианства дала многочисленные трещины, христианство стало утрачивать позиции господствующего мировоззрения (сохраняя силу только в качестве «старого доброго» обычая и набора нравственных предписаний), а распространяющиеся теории геологической и зоологической эволюции (Нильс Стенсен, Бенуа де Майе, Денни Дидро, Жорж-Луи Леклерк, Джеймс Хаттон, Эразм Дарвин, Жан-Батист Ламарк, Жорж Кювье, Вильям Смит, Чарльз Лайель, Роберт Чамберс и др.) с явной тенденцией к увязыванию всех явлений минерального, растительного и животного мира в единое целое постепенно готовили почву для стирания символической границы между человеком и зверем. Таким образом, стал возможным, если так можно выразиться, обмен признаками: в случае необходимости (например, при отсутствии соответствующих эмпирических данных) можно было представлять жизнь человека по аналогии с жизнью животных, а жизнь животных – по аналогии с жизнью человека. Конечно, такое бывало и раньше – взять хотя бы антропоморфическое описание животных у Гая Юлия Солина (III в.) [4] или распространенный средневековый обычай изображать зверей в человеческой одежде. Но сейчас все это выходило на некий новый уровень, который многим казался и продолжает казаться вполне научным. Свое законченное выражение, как мы полагаем, это явление нашло в дарвинизме, и особенно в его «народной» разновидности, возникшей с легкой руки еще одного британца – Герберта Спенсера.

Современная синтетическая теория эволюции покоится на двух основаниях – естественный отбор и наследственная изменчивость. Первооткрывателями первой составляющей были Чарльз Дарвин (1809–1882) и Альфред Уоллес (1823–1913). Главная сила их теории, как полага-

ют сейчас, была во введении в науку о развитии животных понятия случайности, а главная слабость – в отсутствии хоть сколько-нибудь ясных представлений о природе внутривидовой изменчивости и об особенностях ее передачи от предков к потомкам [5]. Последнее не умаляет заслуг Дарвина и Уоллеса: все существенные открытия, касающиеся изменчивости и ее сохранения, были сделаны другими и в основном начиная с конца XIX в., т. е., во всяком случае, уже после Дарвина (Грегор Мендель, Август Вейсман, Гуго де Фриз, Томас Морган, Герман Мёллер, Николай Кольцов, Джеймс Уотсон, Френсис Крик и др.).

Согласно теории естественного отбора особи никогда не бывают совершенно одинаковыми – даже если они произошли от одних и тех же родителей. Они обладают разными признаками, которые по отношению к условиям существования особей могут быть полезными, вредными и нейтральными. Полезные признаки, очевидно, увеличивают вероятность того, что особь выживет, достигнет детородного возраста и оставит потомство, у которого эти признаки тоже могут проявиться. Вредные признаки снижают эту вероятность. Таким образом, любые хорошие качества дают животному, как выражаются зоологи, некоторое селективное преимущество в борьбе за существование, но отнюдь не гарантируют, и это надо подчеркнуть особо, безоговорочной победы. Ум, сила, ловкость, выносливость еще не делают животное неуязвимым богом; даже самая лучшая особь может легко погибнуть вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств и унести с собой в могилу все свои замечательные свойства. Поэтому в общем и целом выживание вот именно этих особей, а не тех других, есть случайность. Это происходит всего лишь с некоторой вероятностью.

Предоставим слово самому Чарльзу Дарвину: «Так как рождается гораздо больше особей каждого вида, чем может выжить, и так как между ними поэтому часто возникает борьба за существование, то из этого следует, что любое существо, если оно хотя бы незначительно изменится в направлении, выгодном для него в сложных и нередко меняющихся условиях его жизни, будет иметь больше шансов (выделено нами. – А. Д.) выжить и, таким образом, будет сохраняться естественным отбором. В силу действия закона наследственности всякая сохраненная отбором разновидность будет размножаться в своей новой, видоизмененной форме» [6].

В сходном контексте понятие «шанс» встречается в «Происхождении видов» примерно полтора десятка раз, что недвусмысленно свидетельствует в пользу вероятностного толкования действия отбора.

Но не все так гладко. Отцы-основатели дарвинизма своими же не всегда осторожными высказываниями дали повод к последующему искажению собственного учения. Вот, например, как Альфред Уоллес описывал озарение, посетившее его во время пребывания в Малайзии: «Я внезапно задал себе вопрос: почему некоторые особи продолжают жить, а другие нет? И сам же на него ответил: выживает сильнейший...» [7] Или Дарвин: «Выражаясь метафорически, можно сказать, что естественный отбор ежедневно и ежечасно расследует по всему свету мельчайшие вариации, отбрасывая дурные, сохраняя и слагая хорошие, работая неслышно и незаметно, где бы и когда бы ни представился к тому случай, над усовершенствованием каждого органического существа по отношению к условиям его жизни, органическим и неорганическим» [8]. Здесь, как видим, отбор представлен в качестве силы, действующей прямо-таки с какой-то механической необходимостью, да к тому же еще и чуть ли не осознанно заботящийся об улучшении животного мира! Оговорка Дарвина «выражаясь метафорически» как будто все ставит на свои места – но ведь это только в том случае, если на ней сосредоточить самое пристальное внимание. Между тем подобные вводные слова зачастую быстро забываются не только читателем, но даже и самим писателем. Одно из доказательств – данный отрывок из «Происхождения видов» цитируют и без них (например, в книге В. Бердникова «Эволюция и прогресс») [9].

Так что, в строгом смысле, отдельные высказывания Дарвина и Уоллеса свидетельствуют о том, что они, возможно, колебались, говоря современным языком, между статистической и динамической концепцией отбора: они все еще находились под сильным давлением целеполагающего эволюционизма своих непосредственных предшественников.

Поэтому когда вскоре Герберт Спенсер (1820–1903) заявил, что в борьбе за существование якобы имеет место «выживание наиболее приспособленных» и «устранение наименее приспособленных», то по большому счету тут не было чего-то очень нового. Но только в таком упрощенном, огрубленном виде теория оказалась близка и понятна большинству. Британские печатные издания того времени подхватили вышеупомянутые речевые обороты и сделали их чем-то вроде краткого выражения дарвиновского учения [10]. С тех пор это стало истиной «простонародного эволюционизма»: «В чем суть теории естественного отбора?» – «Выживает сильнейший!...»

В свое время и Дарвин, и Уоллес попали под влияние «Трактата о народонаселении» Томаса Мальтуса (1766–1834), который если даже и не навел их на идею борьбы за выживание, то по крайней мере сильно укрепил в ней. Британский священник в общих чертах обрисовал в книге, к

чему должен привести несдерживаемый, экспоненциальный рост численности людей. Дарвин: «В октябре 1838 года... я взялся читать просто для развлечения работу Мальтуса о народонаселении, и поскольку длительные наблюдения над жизнью животных и растений вполне подготовили меня к тому, чтобы оценить происходящую повсеместно борьбу за существование, я вдруг понял, что в таких условиях благоприятные изменения должны сохраняться, а неблагоприятные – отмирать» [11].

В общем и целом вырисовывалась довольно мрачная картина, которая выше уже отчасти была обозначена. Способность к воспроизводству у большинства видов весьма завидная, новорожденных должно быть очень много, а численность местных сообществ (популяций) примерно постоянна. Чрезмерный рост численности неизбежно привел бы к нехватке пищи, из-за которой как раз и должна была бы развернуться настоящая борьба. Вероятно, так и происходит, решил Дарвин. Ограниченность источников пищи сдерживает распространение вида путем «выбраковывания» слабых особей, не способных вырвать кусок из пасти соперника.

Однако подтвердить наличие таких отношений в животном мире не просто. Какую бы область обитания мы ни взяли, мы почти всегда найдем на ней установившееся еще в незапамятные времена равновесие пищевых запасов и потребителей пищи. Растения, растительоядные, плотоядные, грибы, простейшие образуют замкнутый пищевой круг, который сам определяет численность всех своих составляющих. А еще мы увидим, что все «земли кормления» распределены между потребителями и новые члены сообществ отнюдь не создают каких-то «перманентных революционных ситуаций», которые легко представить, услышав словосочетание «борьба за жизнь». Нарушение вышеописанного равновесия – явление довольно редкое. Словом, пронаблюдать какую-то ожесточенную внутривидовую (именно внутривидовую!) междоусобицу за кусок пищи трудно.

А в человеческом обществе?

На исходе Средневековья Британия предложила миру философию свободного торга (как это назвал известный русский мыслитель Николай Федоров), когда у всего, в том числе у человека, есть своя цена, определяемая этим самым торгом, а также выдвинула идею некоего нового мирового порядка, подразумевающую превращение человечества в международный организм, внутри которого все народы будут занимать место низших сословий, производящих сырье, тогда как сами британцы займутся его обработкой и доведением до формы конечного товара. При этом, прежде всего, Британия оказалась очень жестокой по отношению к самой себе: она значительно опередила другие страны в разрушении земледельческих общин и общинного уклада жизни в целом и в насаждении – скрыто или явно – новой невиданной прежде морали. На абстрактном философском языке это звучит вполне благопристойно: «свободная и активная индивидуальная деятельность каждой отдельной личности в достижении собственного счастья» [12]. В жизни это обернулось своеволием, неудержимым себялюбием и откровенным хищничеством в столь же неумной жажде наживы: «Все против всех, и каждый сам за себя». Если даже такой человек, как Френсис Бэкон, признавал любовь к себе прообразом любви к ближнему, которая, получается, выступает лишь слепком с первой, причем видел в подобном соотношении ни много ни мало божественную заповедь [13], то можно представить повседневную жизнь современников Бэкона, основная масса которых не отличалась ни высоким образованием, ни душевной утонченностью. И еще за восемьдесят лет до этого Томас Мор сокрушался по поводу того, что ценностью в его стране признаются лишь деньги [14]. А через полвека эту войну всех против всех описал Томас Гоббс...

Замысел всеобщего подчинения себе Британия, прикрываясь рассуждениями о европейском интересе и даже об общечеловеческом благе (!), начала целеустремленно проводить в жизнь, видя в нем, по замечанию того же Федорова, свое призвание и чуть ли не новую христианскую миссию [15]. Идея международного организма была прямо воплощена в колониальной системе, которая особенно быстро росла как раз в XIX в.

Таким образом, говоря зоологическим языком, Британия поставила себя на вершину пищевой пирамиды, решила возвести себя в ранг хищника самого высокого уровня и одновременно единственного мыслящего центра на Земле. В XX в. на эту роль стали претендовать Соединенные Штаты Америки, созданные в основном все теми же англосаксами – выходцами из Британии.

Наша мысль заключается в том, что борьба за существование в животном мире есть своего рода свободная торговля. Только товаром здесь выступает вся совокупность признаков – наследственных и приобретенных. Особь как бы выставляет себя на эволюционный «рынок», отдается на откуп естественному отбору – возьмет он ее или нет? Если купит – хорошо, не купит – значит цена «товара» была явно завышена по отношению к его качеству. Особь, не соответствующая требованиям «рынка», проигрывает.

Так британская постсредневековая модель хозяйства и вообще человеческих отношений легла в основу теории естественного отбора. По сути, социальный дарвинизм, как это ни пара-

доксально, предшествовал дарвинизму зоологическому, а не наоборот. Человеческая политика и экономика были спроецированы на животный мир. Но до какой степени верна такая проекция?

Представители семейства кошачьих, за которыми закрепилась слава как бы образцовых хищников, большую часть своей жизни проводят во сне. Львы в среднем спят вообще по двадцать часов в сутки! Может быть, оставшиеся четыре часа они напряженно трудятся? – Ничуть... Северные медведи, нагуляв жир в течение лета, могут впадать в зимнюю спячку на несколько месяцев. Примерно так же ведут себя и другие хищники: удовлетворив текущие потребности, они предаются самой откровенной праздности, которую только можно представить. Разве это похоже на борьбу за существование? Несколько иначе складывается жизнь растительноядных. В силу особенностей пищеварения и обмена веществ они во время бодрствования почти непрерывно едят. Но, во всяком случае, при наличии пищи это тоже весьма далеко от пресловутой дарвиновской *struggle for life*.

Именно человек с его постоянной заботой о будущем превратил свою жизнь в борьбу за эту самую жизнь и по привычке переносить свое состояние вовне приписал данную особенность, ни много ни мало, целому животному миру. Даже осознавая, что из-за вечных забот о грядущем он перестал жить настоящим, то есть тем, что на самом деле только и существует, он продолжает упорно наделять зверей своими чертами. Однако наблюдения показывают, что животные в очень малой степени пытаются заглянуть в завтрашний день: они не делают долговременных запасов; их жизнь проходит не в предусмотрительном мышлении о том, что будет, а в ощущении того, что есть, – они присматриваются, прислушиваются и принимают (благодаря чему, кстати, гораздо лучше человека замечают изменения в окружающей среде, что нередко помогает им ощутить надвигающуюся опасность и избежать ее, в то время как человек, совершенствуя анализ, иной раз ни на что не обращает внимания, не наполняет анализ эмпирическим содержанием и в итоге погибает!).

И, может быть, самое неприятное для нашего самолюбия: человек принадлежит к группе видов, у которых нет внутреннего природного запрета на убийство себе подобных! Между тем многие животные на такое не способны. Соперничество между особями одного вида у них не доходит до кровавой развязки; особи показывают друг другу зубы, рога, копыта, поднявшуюся дыбом шерсть, принимают угрожающий облик, издают враждебные звуки, но дальше этого дело не идет: когда одна из особей не выдерживает накала такого соперничества, она показывает все тем же обликом, что сдаётся, а победитель, довольный собой, уходит – он не добывает побежденного! Но у человека не так. Итог: ужасающая внутривидовая борьба, которая раньше выливалась в местные войны, а в последние столетия – едва ли не в общемировые. Аналога этому явлению в животном мире не найти... И едва ли такое поведение человека можно объяснить перенаселением и недостатком средств к существованию: кровавые войны были неотъемлемой частью всей известной событийной истории человечества, т. е. последних 5–5,5 тысячи лет...

Основные причины ухода животного в небытие, очевидно, такие:

- а) тяжелая болезнь (в любом возрасте);
- б) старость;
- в) неблагоприятное стечение обстоятельств неживой природы (в основном это, конечно, непогода; но может быть что угодно – вплоть до падения астероида);
- г) кровавое столкновение с представителем другого вида;
- д) кровавое столкновение с представителем своего вида.

Смерть от старости, от болезней, от воздействия разрушительного природного явления (буря, наводнение, удар молнии и т. п.), детская смертность, которая случается еще до того как животное вступает в какие бы то ни было войны, как мы полагаем, прямо под понятие борьбы за существование не подпадают. Ведь говоря «борьба», имеют в виду сражение с особями хоть сколько-нибудь сопоставимого размера и силы. Вирусы или бактерии, даже если их триллионы, не воспринимаются как соперники, как враги; тем более не воспринимаются в таком качестве воздушные массы, литосферные плиты, конвективные течения в мантии или термоядерные реакции в недрах Солнца, – от всего этого жизнь на Земле, в том числе человеческая, насколько удалось установить, зависит на сто процентов. А животные, похоже, вообще не оперируют такими понятиями. Даже сражение с представителем другого вида здесь не очень подходит. Все дело как раз в том, что виды – словно далекие народы: они не связаны друг с другом никаким договором, никакими общими правилами поведения, в то время как между особями одного вида такого рода «нравственность» почти всегда присутствует. Таким образом, только внутривидовое соперничество в полноте отвечает термину «борьба за существование», но оно, как было показано, имеет очень и очень ограниченный характер. В ходе по-настоящему опасной стычки (и здесь уже неважно, с кем – со своими или с чужими) животное с высокой вероятностью получает телесное повреждение, которое заканчивается смертью или сразу, или в скором будущем. Это значит, что каждое животное встречается в своей жизни не более чем с одним случаем той самой войны всех против всех, которая нарисована воображением дарвинистов.

Расширительное же толкование «борьбы за жизнь» ведет к явному абсурду: получится, что нашим главным противником является... небесное тело под названием Земля! Именно у него, грубо говоря, все пытаются что-то урвать, чтобы хоть немного продлить свои дни...

Убегая от гепарда, антилопа ступила где-то на нетвердую почву, потеряла скорость и оказалась в зубах хищника. Прыгнув на антилопу, гепард сорвался с жертвы, упал и повредил ногу; в условиях отсутствия медицины и запасов на «черный день» повреждение стало роковым. И так далее. Подобные события непредсказуемы и почти не зависят от способностей животных. Таким образом, выживает вовсе не сильнейшая и не самая смышленная особь, а особь, которой просто повезло, которой благоприятствовал случай. Большие количества таких случайностей обнаруживают некоторые закономерности, которые и описываются математически в современной эволюционной теории. Возможно, стоит подчеркнуть: в этих «законах природы», как, впрочем, и в любых других, нет никаких слабых или сильных особей, а есть лишь отвлеченные величины, выделенные из всей совокупности известных на сегодня явлений.

В любом случае, выживание наиболее приспособленных (сильнейших, умнейших, красивейших и т. п.) было бы неким направляющим эволюционным фактором, двигателем, предписывающим эволюции идти в строго определенную сторону. Однако палеонтологическая летопись, этот главный свидетель развития жизни на Земле, говорит, что отбор лишь иногда отсеивает виды – причем обычно те, которых явная недоразвитость или переразвитость тех или иных органов поставила совсем уж в невыгодное положение. Часто наблюдается картина, когда изменения живых существ идут вообще как бы вопреки изменениям окружающей среды. Довольно многочисленны примеры так называемых персистентных форм, то есть видов и родов, которые почти не менялись десятки и даже сотни миллионов лет! Особенно много таких форм среди моллюсков, ракообразных, иглокожих и плеченогих [16].

Далее, допустим, что человек есть, образно выражаясь, венец эволюции; тогда получается, что этот один-единственный «бриллиант» приходится на целые горы «пустой породы», а именно на полтора-два миллиона известных видов животных. И это только, повторяем, известных видов; общее же их количество сейчас приблизительно оценивается в десять миллионов, причем животные эти в высшей степени разнообразны (а ведь есть еще растения и простейшие), и нет никаких признаков того, что эволюция сворачивает в сторону какого-то всеобщего человекоподобия, как это предполагал в свое время Лоренц Окен (1779–1851) – будто «...различные организмы стремятся достичь стадии человека, при этом возникает множество форм, соответствующих разным стадиям развития человеческого зародыша» [17].

Но, очевидно, что так можно сказать и о любом другом виде, представив уже его в качестве венца видообразования. Таким образом, миллионы видов оказываются равнозначными по уровню эволюционного совершенства: все они наши современники, они закончили эволюционное движение одновременно с нами, и их существование показывает, что так называемый разум не дает преимуществ в развитии. По крайней мере, не давал до сих пор. Если судить по видовому разнообразию, главным итогом эволюции выступает группа членистоногих (в основном насекомых): их четыре из каждых пяти известных видов [18]. Млекопитающие, которые считаются высшими животными, по числу видов уступают любой другой группе позвоночных – земноводным, пресмыкающимся, птицам и рыбам (IUCN Red List, version 2011.2).

Если судить по численности особей, побеждают круглые черви (нематоды). Они буквально везде, и, по оценкам, их порядка 10 секстиллионов (10^{22}). От них немного отстают веслоногие (морской планктон) и те же насекомые [19]. Для сравнения: вид человека насчитывает всего семь миллиардов особей ($7 \cdot 10^9$). Можно, конечно, заметить, что нематоды в большинстве своем очень маленькие, поэтому они и смогли так размножиться, а вот 10 секстиллионов особей размером с человека биосфера, пожалуй, уже не выдержала бы. Поэтому чисто количественное сравнение не лишено недостатков. Но точно так же, повторим, вызывает очевидное возражение сравнение по уровню развития нервной системы: большинство видов и особей отлично обходится своим крошечным (рядом с человеческим) мозгом или даже живут вообще без него.

Итак, существование человека (как и любого другого отдельно взятого вида) случайно. Естественный отбор в общем и целом не ведет к возникновению человека или чего-то подобного; скорее, как мы видим, он ведет к возникновению весьма простых живых организмов с высокой способностью к воспроизводству, а человек в этих обстоятельствах оказывается, так сказать, побочной эволюционной ветвью.

Случайно, скорее всего, и то, что мы появились именно в это время. Действительно, не слишком понятно, почему человек возник только спустя 650 миллионов лет эволюции сложных многоклеточных. Кажется, что это могло произойти и раньше. Так, путь от мелких млекопитающих, выживших в позднемеловой катастрофе, до человека занял 65 миллионов лет. Но примерно

такие же млекопитающие существовали уже 220 миллионов лет назад. Соответственно, и человек мог появиться 150 миллионов лет назад и даже раньше, потому что нет никакой необходимости в том, что путь от крысы до человека непременно должен длиться не менее 65 миллионов лет. Во всяком случае, о такой необходимости зоологам ровным счетом ничего не известно, поскольку они имеют дело с одним-единственным примером эволюции, возводить особенности которой в «закон природы» оснований нет...

Непрерывная кровавая борьба за существование, в которой неизменно отсеиваются слабые и выживает сильнейший, стала навязчивой идеей многочисленных фильмов о доисторических и современных животных, снятых британской телекомпанией BBC. Эти фильмы сделаны на высочайшем для конца XX – начала XXI в. кинематографическом уровне и потому привлекают к себе внимание большого числа зрителей. Так незаметно происходит внедрение в умы извращенного образа не только животного, но и человеческого мира, грань между которыми все больше стирается по причине ухода в небытие мировоззренческой части христианства, главного защитника противоположной точки зрения.

«Это рассказ... о героической битве за наш мир, о войне между чудовищами...», «Хищники ухватили свой первый кусок...», «Способность видеть врага и реагировать на него положила начало гонке вооружений между охотником и добычей. Эта борьба продолжается до сих пор и является главной причиной разнообразия жизни...», «В этих густонаселенных водах (кембрийского периода. – А. Д.) идет жестокая борьба за существование...», «Жизнь этого первого поселенца (гиперпетона. – А. Д.) совсем нелегкая...», «Гинерия – ненасытный хищник...», «Самка диметродона устранил слабых детенышей, что поможет выжить сильнейшим...», «Это безжалостный мир (конца пермского периода. – А. Д.), где животным приходится особенно тяжело...», «Спустя 270 миллионов лет эволюции война, которую так долго вели наши далекие предки, была уже не просто битвой между хищником и жертвой...», «Горгонопс – сильный и быстрый охотник со смертельным оружием...», «Ослабевший из-за раны скутозавр может только ждать последнего удара убийцы...», «Слишком много яростных претендентов на скудную растительность...», «Жертва падает, а стадо спокойно продолжает идти, не замечая потери...» («Жизнь до динозавров», BBC / Discovery Channel / ProSieben, Impossible Pictures, 2005; режиссер и продюсер Хлоэ Леланд); «Хотя динозавров давно уже нет, они оставили миру жестокое наследие...», «В процессе эволюции млекопитающие превратились в мощных убийц, как, например, саблезубые кошки...»; «Забудьте о наших нынешних мирных пожирателях планктона, – здесь каждый кит – убийца...», «Больших птиц-убийц больше не видно...», «Сейчас рассвет, и лептиктидии уже удалось выиграть первую схватку со смертью...», «Детенышам дорудонов еще несколько дней от роду, но им уже грозит смертельная опасность...», «Из убежища лагуна (где прячутся киты дорудоны. – А. Д.) превращается в кровавую баню...», «Детенышу индрикотерия очень повезет, если он увидит свой первый восход...», «Сезонный климат олигоцена сформировал не только окружающую среду, но и животных. Здесь выживает самый агрессивный...», «Во время сезона спаривания энтелодонты становятся очень агрессивными по отношению друг к другу...», «Сегодня мы отправимся на затерянный континент, где все экзотические гиганты жили в страхе перед легендарным убийцей – саблезубым тигром...», «Во время своего правления вожак часто сталкивался с вызовами, которые бросали ему соперники...», «Жизнь одинокого самца – это беспощадная борьба за выживание...», «Если братья-смилодоны хотят получить власть над кланом, им придется убить чужих детенышей...», «Клыки смилодона – это необычайно точное и аккуратное орудие убийства...» («Прогулки с чудовищами», BBC / Discovery Channel, TV Asahi & BS Asahi, ProSieben Co-production, 2001; режиссеры и продюсеры Джаспер Джеймс, Найджел Паттерсон и Кейт Бартлетт).

Такого рода фразами насыщено научно-популярное кино производства BBC. Хищник, жертва, смертельное оружие, смертельная опасность, убийца, убийца, убийца... Эти слова звучат, словно какое-то болезненное заклинание.

«Нежный охотник, его хвост бьет по земле, пока он раскалывает череп... Красивая смерть, облачившаяся в пятнистую шкуру, направляется к своей жертве... Игривый убийца, чьи любящие объятия разрывают сердце антилопы...» – так начинается и так заканчивается еще один фильм этой телекомпании – «Леопард» (BBC и WGBH / BOSTON, 1997; режиссеры и продюсеры Оуэн Ньюман и Аманда Баррет). Иначе как поэтикой кровавой животной жизни это трудно назвать. При этом авторы фильма здесь явно довели образность до абсурда: объятия вообще-то сжимают, а не разрывают...

Повторяясь периодически, причем весьма часто, эти и другие похожие высказывания неизбежно откладываются в уме зрителя и незаметно делают свое дело – через представление о стиле жизни зверей навязывают определенный стиль поведения и самому человеку, ведь мы и они – одно! Мы – тоже животные!..

Звери в фильмах *BBC* пожирают и размножаются, размножаются и пожирают, – больше ничего не происходит. Это однообразие можно было бы счесть утомительным и даже смешным, если бы оно не было настораживающим...

Вывод, который мы делаем из всего вышеизложенного, заключается в том, что теория естественного отбора, претендующая на научную объективность, обнаруживает известную зависимость от повседневных условий жизни общества, в котором она создавалась, и является в немалой степени отражением и преломлением в умах этих условий. Ее истина, возможно, уйдет в прошлое вместе с обществом, ее породившим.

Примечания

1. *Hesiodus. Opera et dies* // *Musaios*. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1. 0d–32. 1992–1995.
2. *Эпикур*. Главные мысли // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 410.
3. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 93–98.
4. *Гай Юлий Солин*. Собрание достопамятных сведений // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков. М.: Республика, 1996. С. 198–225.
5. *Бердников В. А.* Эволюция и прогресс. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 22. Грин Н., Стаут У., Тейлор Д. Биология: в 3 т. М.: Мир, 1990. Т. 3. С. 262.
6. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. Л.: Наука, 1991. С. 23.
7. *Скот Р.* Теория эволюции // Наука в фокусе. 2014. № 3. С. 37.
8. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. Л.: Наука, 1991. С. 81.
9. *Бердников В. А.* Эволюция и прогресс. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 24.
10. *Грин Н., Стаут У., Тейлор Д.* Биология: в 3 т. М.: Мир, 1990. Т. 3. С. 263.
11. Там же. С. 264.
12. История средних веков: в 2 т. М.: Высш. шк., 1991. Т. 2. С. 220.
13. *Бэкон Ф.* Опыты, или Наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 378.
14. *Мор Т.* Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда, 1989. С. 54.
15. *Федоров Н. А.* Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. С. 341–342, 384.
16. *Бердников В. А.* Эволюция и прогресс. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 17, 27.
17. Там же. С. 30. См. также: *Окен Л.* Учебник натурфилософии (избранное) // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX веков. М.: Канон+, 1999. С. 589, 611.
18. *Бердников В. А.* Эволюция и прогресс. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 12.
19. *Уолкер Х.* Сколько у животного в среднем ног // Наука в фокусе. 2014–15. № 12–01. С. 72.

Notes

1. *Hesiodus. Opera et dies* // *Musaios*. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1. 0d–32. 1992–1995.
2. *Epicurus. Glavnye mysli* [The main ideas] // *Diogenes Laertius. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov* - About the life, teachings and sayings of famous philosophers. M. Mysl. 1986. P. 410.
3. *Hobbes T. Leviathan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, form and power of the Church and civil state] / T. Hobbes Works: in 2 vol. M. Mysl. 1991. Vol. 2. Pp. 93–98.
4. *Gay Julius Solin Sbranie dostopamyatnyh svedenij* [A collection of memorable information] // *Znanie za predelami nauki. Misticizm, germetizm, astrologiya, alhimiya, magiya v intellektual'nyh tradiciyah I–XIV vekov* – Knowledge outside of science. Mysticism, Hermeticism, astrology, alchemy, magic in the intellectual traditions of the I–XIV centuries. M. Respublika. 1996. Pp. 198–225.
5. *Berdnikov V. A. EHvolyuciya i progress* [Evolution and progress]. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep., 1991. P. 22. Green N., W. Stout, Taylor D. *Biologiya* [Biology]: in 3 vol. M. Mir. 1990. Vol. 3. P. 262.
6. *Charles Darwin Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora* [The origin of species by means of natural selection]. L. Nauka, 1991. P. 23.
7. *Scott R. Teoriya ehvolyucii* [Theory of evolution] // *Nauka v fokuse - Science in focus*. 2014, No. 3, p. 37.
8. *Charles Darwin Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora* [The origin of species by means of natural selection]. L. Nauka, 1991. P. 81.
9. *Berdnikov V. A. EHvolyuciya i progress* [Evolution and progress]. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1991. P. 24.
10. *Green N., W. Stout, Taylor D. Biologiya* [Biology]: in 3 vol. M. Mir. 1990. Vol. 3. P. 263.
11. *Ibid*. P. 264.
12. *Istoriya srednih vekov: v 2 t.* - The history of the middle ages: in 2 vol. M. Vyssh. Shk. 1991. Vol. 2. P. 220.
13. *Bacon F. Opyty, ili Nastavleniya нравственные i politicheskie* [Experiments, or moral Instruction and policy] // *Bacon F. Works: in 2 vol. M. Mysl'*. 1978. Vol. 2. P. 378.
14. *Moore T. Zolotaya kniga, stol' zhe poleznaya, kak zabavnaya, o nailuchshem ustrojstve gosudarstva i o novom ostrove Utopiya* [The Golden book, as useful, as amusing, about the best device of the state and about new island of Utopia] // *Zarubezhnaya fantasticheskaya proza proshlyh vekov* - Foreign fantastic prose of past centuries. M. Pravda. 1989. P. 54.

15. Fedorov N. A. *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of common cause]. M. Eksmo. 2008. Pp. 341–342, 384.
16. Berdnikov V. A. *EHvolyuciya i progress* [Evolution and progress]. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1991. Pp. 17, 27.
17. Ibid. P. 30. See also: Aucun L. *Uchebnik naturfilosofii (izbrannoe)* [Textbook of natural philosophy (favorites)] // *Germetizm, magiya, naturfilosofiya v evropejskoj kul'ture XIII–XIX vekov* – Hermeticism, magic, natural philosophy in European culture of XIII–XIX centuries. M. Kanon+. 1999. Pp. 589, 611.
18. Berdnikov V. A. *EHvolyuciya i progress* [Evolution and progress]. Novosibirsk. Nauka. Sib. Dep. 1991. P. 12.
19. Walker H. *Skol'ko u zhivotnogo v srednem nog* [How many feet do animals have on average] // *Nauka v fokuse* – Science in focus. 2014–15, No. 12–01, p. 72.

УДК 130.2

С. Ф. Якупов

Менталитет и социальные институты как факторы прогресса: на примере индийской цивилизации

Статья посвящена вопросам философии истории. В первой части рассмотрены идеи, лежащие в основе мировоззрения индийской цивилизации. Автор выявил в мировоззрении индусов идеи, способствующие прогрессу, а также идеи, тормозящие прогресс. Автор приходит к выводу, что формирование глобального культурно-информационного пространства повышает возможности для «избавления» от идей, препятствующих социальному прогрессу.

Сформулирован вывод, что главным препятствием развития индийского общества является институт каст и что реальное (неформальное) «упразднение» каст может привести к быстрому социально-экономическому развитию Индии.

The article is devoted to problems of philosophy of history. In the first part the author considers ideas of Hinduism, i.e. ideas which are cornerstone of mentality of the Indian civilization. Author revealed in the Hindu worldview eight ideas promoting the progress and ten ideas hindering it. The author concludes that formation of a global cultural and information space increases the opportunities for “getting rid” of ideas that hinder social progress.

The opinion of the author is that the main obstacle to the development of Indian society is the institution of caste. Real (informal) “abolition” castes can lead to rapid socio-economic development of India.

Ключевые слова: цивилизация, социальный прогресс, индуизм, менталитет, мировоззрение, дхарма, каста, рационализм, критичность, толерантность, индивидуализм, коллективизм, социальный институт, частная собственность, демократия.

Keywords: civilization, social progress, Hinduism, mentality, worldview, dharma, caste, rationalism, criticism, tolerance, individualism, collectivism, social institution, private property, democracy.

Преодоление отсталости и связанной с ней бедности является одной из главных проблем, стоящих перед человечеством. В середине прошлого века среди ученых и политиков преобладало мнение, что если в отсталой стране к власти придут реформаторы и начнут строить рыночные отношения и правовое государство, то это обязательно приведет к процветанию. Но за последние полвека лишь немногим государствам, вставшим на путь реформ, удалось приблизиться к уровню развития ведущих стран.

Стало очевидно, что культура и, прежде всего, формировавшиеся веками менталитет и социальные институты могут как способствовать, так и препятствовать реализации возможностей, заложенных в рыночных отношениях и политической демократии. Ниже мы рассмотрим особенности менталитета и социальные институты индийской цивилизации и попытаемся показать их влияние на развитие общества.

Мировоззренческой основой индийской цивилизации является индуизм. Дадим общую характеристику этой религии, а затем рассмотрим ее основные идеи. Индуизм является результатом развития ведической религии арийцев, заселивших полуостров Индостан между 2000 и 1500 гг. до н. э. [1] Индуизм – закрытая религия, т. е. индусом нельзя стать, им можно только родиться. Несмотря на это по числу приверженцев индуизм сравним с мировыми религиями. В Индии проживают более миллиарда человек, и 80% из них – индусы. Большие диаспоры индусов

проживают в Непале, Индонезии, ЮАР, Кении и других странах. Всего индусов около одного миллиарда человек [2].

В отличие от мировых религий индуизм не имеет своего основоположника, он возникает и развивается стихийно. Важной чертой индуизма является ее многоликость. В индуизме мирно сосуществуют течения, которые друг от друга сильно отличаются и, в то же время, дополняют друг друга. В 1995 г. Верховный суд Индии сформулировал главные характеристики индуизма, среди которых безоговорочное принятие вед как наивысшего духовного авторитета и признание, что к духовному освобождению ведут различные пути [3]. Индуизм принято считать национальной религией. Это верно лишь отчасти, поскольку нет нации индийцев. Правильно было бы говорить, что индуизм – религия народов Индии. Сам термин индуизм появился только в XIX в. [4] Его «изобрели» англичане для обозначения религии индусов, т. е. жителей Индии [5].

В основе индуистского мировоззрения лежит учение о *дхарме*. О значимости этого учения говорит тот факт, что на государственном флаге современной Индии изображено *колесо дхармы*. Главная идея учения состоит в том, что мир есть единое и упорядоченное целое. Слово «дхарма» можно перевести как социокосмический порядок [6]. Мы считаем, что идею, что мир есть упорядоченное целое, следует считать фактором прогресса.

Индийцы первыми начали оперировать абстрактными числами, т. е. без их привязки к конкретным предметам [7]. Сегодня все человечество использует систему написания цифр, созданную почти две тысячи лет назад неизвестным индийским математиком. Индийский математик Арьябхата (476 г. – ок. 550 г.) вычислил приблизительное значение числа π («пи»), значительно более точное, чем вычисленное греками. Живший в VII в. математик Брахмагупта в изучении неопределенных уравнений дошел до уровня, который Европа достигла только в XVIII в. [8] Самая интеллектуальная спортивная игра – шахматы – возникла в Древней Индии. Представители школы *ньяя* достигли больших успехов в изучении законов логики.

Сказанное не означает, что в менталитете индусов нет иррационализма. Так, индуизм никогда полностью не отрицал магию. Были даже попытки провести границу между хорошей (ведической) и плохой (мирской) магией [9]. Индуизм не отрицает астрологию, и такие важные решения, как выбор жены или мужа, определяются на основе астрологических представлений [10].

Согласно учению о дхарме каждый человек может или «сохранять» социокосмический порядок или разрушать его. Нарушение порядка ведет к хаосу и гибели. Для поддержания порядка необходимо, чтобы каждый человек выполнял свой долг.

Эта идея четко сформулирована в Махабхарате – великой поэме, священной для всех индусов. В поэме изложен диалог между богом и воином. Последний не хочет идти в бой, поскольку противники являются его родственниками. Бог объясняет, что воин должен выполнять свой долг, т. е. должен убивать. Для воина жалость и сострадание являются проявлением слабости [11]. Бог объясняет, что лучше плохо выполнить свой долг, чем следовать долгу другого человека.

Итак, согласно учению о дхарме, человек должен заниматься только тем, чем должен, а не тем, чем хочет. А как узнать, кто и чем должен заниматься? Это зависит от того, к какой касте человек принадлежит. Каста – это не только религиозная, но и профессиональная общность. Люди, живущие в соответствии с дхармой, не имеют возможности сменить род деятельности.

Итак, в учении о дхарме есть идея, «приковывающая» человека к определенному роду деятельности. Данная идея, как представляется, является фактором, препятствующим прогрессу.

Согласно учению о дхарме любое привнесение в мир чего-то нового ведет к нарушению социокосмического порядка, т. е. к разрушению мира. Для обозначения этого качества менталитета можно использовать термин «неофобия», т. е. страх новизны. Неофобию следует считать фактором, также препятствующим прогрессу.

Индус всегда стоит перед дилеммой: выполнять свой долг или не выполнять его. Если он будет делать то, что должен, то, в лучшем случае, он сохранит гармонию внешнего мира. Если он не будет выполнять свой долг, то будет способствовать разрушению этой гармонии. Третьего не дано, т. е. человек не может совершенствовать, развивать внешний мир. Это означает, что в индуизме есть идея, что человек в принципе не может совершенствовать социокосмический порядок, т. е. внешний мир. Эту идею следует считать фактором, препятствующим прогрессу.

Возможно, это положение, что каждый должен заниматься только тем, чем должен, делала индусов легкой жертвой для иноземных завоевателей. Политическая власть, как правило, принадлежала касте кшатриев. Их основной долг состоял в том, чтобы воевать. Цари и князья постоянно воевали между собой не с целью решения геополитических и экономических проблем, а с целью выполнить свой долг и прославиться. Бесконечные междоусобные войны неизбежно вели к падению обороноспособности. Неудивительно, что Индия в течение столетий находилась под властью иноземцев.

Важное место в мировоззрении индусов принадлежит учению о *сансаре*, т. е. о реинкарнации. Казалось бы, вера в многократное рождение делает жизнь более комфортной, избавляет человека от страха смерти. Но индус не воспринимает новое рождение как благо. Учение о сансаре тесно связано с сотерологией индуизма, т. е. с учением о спасении. Спасти – значит вырваться из сансары. Освобождение от череды рождений и смертей, т. е. достижение *мокши*, – есть высшая цель человека.

С сотерологией связано и учение о карме, или законе воздаяния. Согласно этому учению будущее человека определяется поступками, совершенными в предшествующей жизни. От самого человека зависит, кем он родится в будущем. Тот, кто усердно делал то, что должен, может рассчитывать стать в будущей жизни представителем высшей касты. Если же человек не выполнял свой долг, то в последующей жизни мог родиться представителем низшей касты, а может даже животным или растением. Здесь присутствует идея, что человек сам своими поступками определяет свое будущее. Эту идею следует считать фактором прогресса, поскольку она делает мировоззрение человека более индивидуалистичным, а без индивидуализма невозможно формирование внутренне свободной, нацеленной на прогресс личности.

Высшая цель человека – спасение, достижение *мокши*. Радости земной жизни и даже райские радости по значимости не могут сравниться с высшей целью. Но как достичь спасения? Для индусов этот вопрос был главным на протяжении всей истории цивилизации. В процессе поиска ответа сформировались различные течения внутри индуизма. Одним из путей является соблюдение ритуала, чтение молитв, посещение святых мест. Есть различные аскетические практики, ведущие к спасению. Сторонники йоги путь к спасению видят в медитации и дыхательных упражнениях [12]. А в тантризме есть положение, что для спасения необходимо дать полную свободу сексуальным страстям, чтобы после сексуальных действий человек осознал тщетность телесных наслаждений и стал свободным [13]. А согласно философской школе *ньяя*, ясная мысль и логические доводы являются средством спасения [14].

Итак, в индуизме есть разные ответы относительно того, как спастись. Эти ответы формировались в различные исторические эпохи. Удивительно, что с появлением новых ответов предшествующие не исчезали. Сторонники самых разных ответов мирно сосуществовали. Отсюда можно сделать вывод о высоком уровне толерантности менталитета индийской цивилизации. Это качество менталитета следует считать фактором прогресса.

Различные религиозные и философские школы в индуизме не только мирно сосуществовали, но и активно взаимодействовали. Систематически происходили публичные дебаты между приверженцами разных направлений. Эта традиция существует и сегодня [15]. Дебаты не могли не способствовать развитию критического мышления. Критичность, т. е. способность не принимать идеи на веру, искать и преодолевать заблуждения, является фактором прогресса.

В индуизме важное место занимает учение о четырех этапах жизни. В действительности люди не всегда следовали по предписанному пути, но существовал и существует план, к реализации которого надо стремиться. В общих чертах план таков: на первом этапе необходимо учиться; на втором – создавать семью, работать, растить детей; на третьем – передать дела старшему сыну, жить скромно, изучать Веда, совершать религиозные ритуалы; на четвертом – ходить по святым местам, стать бродягой, живущим за счет подаяний.

Первый этап начинался после ритуала «второго рождения» или прощания с детством. В зависимости от кастовой принадлежности, это событие происходило в возрасте от восьми до двенадцати лет. Длился первый этап до женитьбы – приблизительно до 20-летнего возраста. Главная обязанность человека на первом этапе жизни – учеба. Как правило, подросток уходил жить в дом учителя, иногда функции учителя выполнял отец. Занятия проводились ежедневно по несколько часов. Учение состояло, главным образом, в заучивании Вед. Для этого были разработаны различные средства мнемотехники. По отношению к учителю ученику предписывалось быть покорным и услужливым.

Итак, в индуизме есть идея, что молодой человек, прежде чем создать семью, обязан много лет учиться. Другими словами, в индуизме есть призыв учиться, уважительное отношение к образованию. Многолетнее изучение Вед неизбежно вело к тому, что индус сильно привязывался к своей культуре, всю жизнь был предан ей. Глубокая привязанность к своей культуре, наряду с толерантностью, вела к формированию такого качества менталитета, как пластичность. Под пластичностью мы понимаем способность усваивать достижения иной культуры, не теряя своей самобытности. Отсутствие пластичности грозит ассимиляцией с другой культурой, поэтому ее следует считать фактором прогресса. Индусы столетиями находились под чужеземным игом, но сохранили самобытность.

В процессе учебы ученик обязан беспрекословно подчиняться учителю. В молодом человеке вырабатывается привычка быть покорным. Это делает людей не свободными, мешает им са-

мостоятельно принимать решения, мешает им быть творческими личностями. Второй этап был самым длительным. Молодой человек женился, становился главой семьи, работал, воспитывал детей, совершал религиозные ритуалы. Третий этап начинался, когда появлялась седина и рождались внуки [16].

Четвертый этап (бродяжничество) следует считать периодом старости. Два последних этапа похожи. На этих этапах жизни человек должен отойти от мирской жизни. В Индии, как правило, женились рано. Внуки рождались, когда человеку не было и пятидесяти. Таким образом, в индуизме есть идея, «предписание», что глава семьи с появлением внуков должен полностью отойти от мирской жизни. Эту идею следует считать фактором, препятствующим прогрессу. Во-первых, эта идея создает трудности для трансляции знаний и опыта новому поколению, поскольку препятствует общению между дедами и внуками. Во-вторых, рождение внуков и появление седины не означает потерю трудоспособности. Однако человек, будучи трудоспособным, становится отшельником и больше не «соучаствует» в социальном прогрессе. В-третьих, эта идея приводит к тому, что в обществе всегда много иждивенцев. Большие материальные ресурсы идут на содержание бывших глав семей.

Еще раз отметим, что далеко не все индусы в конце жизни становятся аскетами и бродягами. Первоначально четыре этапа предназначались представителям высшей касты – брахманам. На протяжении всей истории индийской цивилизации это учение вдохновляло посвятивших себя богу людей. И сегодня немало индусов заканчивают свою жизнь отшельниками и бродягами.

В индуизме есть идея неравенства между полами. Женщина считается менее «чистым» в сравнении с мужчиной существом. Понятие «чистое» – одно из ключевых в индуизме. Оно может быть сравнимо с более привычным для европейцев понятием «благородное». Рождение в облике женщины рассматривается как этап развития индивидуальной души, которая прежде находилась на низшей ступени иерархии воплощений (в облике собаки или кошки) [17]. Неравенство проявлялось в самых разных формах, иногда комичных. Так, в Древней Индии существовали законы, запрещающие женщинам и попугаям находиться в зале, где правитель и его советники обсуждали государственные проблемы. Это делалось в целях информационной безопасности. Опасались, что женщины и говорящие птицы могут сообщить секретные сведения врагам.

В Индии сложилась традиция раннего замужества. Жениху следовало быть в три раза старше своей невесты. Брак считался идеальным, если ему было двадцать четыре года, а ей – восемь. Девочек отдавали замуж с наступлением половой зрелости (первая менструация). Отец, не выдавший дочь замуж с наступлением половой зрелости, нередко должен был платить штраф [18]. Девочки вступали в брак, будучи детьми. В основе такой практики лежит идея, что женщина состоит из чувств. С наступлением половой зрелости она стремится к физической близости. Потеряв невинность до брака, она не сможет выйти замуж и будет вынуждена жить с родителями, что для отца и унижительно, и накладно.

В знаменитом литературном памятнике начала нашей эры «Законы Ману», являющемся сводом религиозно-моральных правил, о женщине говорится, что ребенком она подчиняется отцу, позже – своему мужу, после смерти мужа – своим сыновьям [19]. Итак, в течение всей жизни женщина была в подчинении мужчины. Особенно тяжелым было положение вдов. Они должны были вести аскетическую жизнь: спать на голой земле, не носить украшений и цветную одежду, есть отдельно и только один раз в день. В Средние века вдовам брили голову. В Индии даже сформировалась идея, что вдове следует быть сожженной вместе с умершим мужем. Этот поступок был добровольным, поэтому можно утверждать, что в индийской цивилизации приветствовалось самоубийство вдов. Неизвестно, когда начали сжигать вдов. К началу VI в. относится мемориальная стела с упоминанием такого события [20]. И только в XIX в. был принят закон, запрещающий сжигать вдов. Таким образом, почти полторы тысячи лет в Индии регулярно происходило ритуальное сожжение вдов.

Угнетенное, подчиненное положение женщин означает, что социальная активность половины населения ограничена. Они лишены возможности реализовать свои способности. Поэтому идея неравноправия женщин – фактор, препятствующий социальному прогрессу.

Теперь рассмотрим вопрос о том, как в индусы понимают время. Согласно индуистской космологии мир проходит ряд циклов. Есть большой цикл, равный 311 040 миллиардам лет. Внутри большого цикла есть малые циклы. С каждым малым циклом мир становится менее совершенным. После прохождения большого цикла мир растворяется в мировом разуме до появления нового Бога-творца [21]. Итак, мир совершенен в момент создания, и он постепенно деградирует в течение миллиардов лет. Это учение можно назвать циклично-энтропическим.

Такое понимание времени привело к тому, что индусы мало интересовались собственной историей. Этот факт отмечали многие авторы. Так, мусульманский ученый Бируни, путе-

шествовавший по Индии в X в., отмечал, что, когда разговор касался прошлого, у индусов всегда наготове какая-нибудь басня [22]. У индусов никогда не было общепринятой точки отсчета, сравнимой с христианским Рождеством Христовым. Многие факты индийской истории известны только благодаря записям зарубежных авторов. Зачем изучать историю, если все повторяется, все уже когда-то было и ничего нового произойти не может. Итак, можно сделать вывод, что у индусов не сформировалось развитое историческое сознание. Эту особенность следует считать фактором, препятствующим прогрессу, поскольку отсутствие знаний о прошлом препятствует накоплению исторического опыта. Незнание собственной истории ведет к повторению ошибок прошлого.

Если люди верят, что будущее лучше, чем прошлое и настоящее, то они становятся более оптимистичными, более уверенными, более активными. Другими словами, вера в прогресс сама является фактором прогресса. Согласно индуистскому мировоззрению мир движется в сторону деградации. Идею, что будущее хуже прошлого и настоящего, следует считать фактором, препятствующим прогрессу.

Самым примечательным социальным институтом индийского общества является институт каст. Каждый индус принадлежит к определенной касте. Первоначально каст было четыре, сегодня насчитывается несколько тысяч. Каста – это замкнутая общность. Нельзя вступить в касту или выйти из нее. Принадлежность к касте определяется рождением.

Каста является одновременно религиозной и экономической общностью. Религиозной потому, что одни касты считаются более «чистыми», другие – менее. Экономической потому, что между кастами есть разделение труда, т. е. выбор профессии определяется рождением.

Вероятно, что первоначально кастовый строй был «изобретен» для решения проблемы нехватки рабочей силы, т. е. для того, чтобы прикрепить человека к определенному месту и к определенному хозяину [23]. Кастовый строй лишает возможности бежать от хозяина. Скажем, русские крестьяне могли бежать на неосвоенные земли и жить там «вольной» жизнью. Так возникло казачество. Казак мог быть и земледельцем, и ремесленником, и воином в одном лице. Индусу же религия запрещает заниматься разными делами. Чтобы выжить, ему необходимо, чтобы рядом были люди других профессий, т. е. других каст. Поэтому бежать нужно было одновременно многим кастам, а это почти невозможно. Дефицит рабочей силы впоследствии исчез, но институт каст существует и сегодня.

Институт каст следует считать фактором, препятствующим социальному прогрессу, потому что индус осознает себя не как автономную уникальную личность, а как члена касты. И в другом человеке он видит, прежде всего, представителя определенной касты. Институт каст делает индийское общество расколотым. Поскольку касты делятся на более «чистые» и на менее «чистые», то такие эмоции, как презрение, зависть и ненависть являются постоянными спутниками в отношениях между людьми разных каст. Расколотому обществу трудно противостоять внешней угрозе. Возможно, институт каст способствовал падению обороноспособности Индии.

Институт каст, далее, значительно ограничивает круг общения каждого индуса. Существуют строгие правила, препятствующие общению между представителями разных каст. Ограничивая общение, институт каст ограничивает возможности сотрудничества, обмена информацией, что препятствует социальному прогрессу. Итак, институт каст – фактор, который в значительной степени тормозит развитие индийской цивилизации.

Важной особенностью индийской цивилизации является высокий уровень развития института частной собственности. Уже во второй половине первого тысячелетия до нашей эры была развита частная собственность на землю [24]. В Кушано-Гуптский период (I–VI в. н. э.) появляются специальные грамоты, регистрирующие покупку и продажу земли. Институт частной собственности является фактором прогресса, так как способствует формированию людей с индивидуалистическим мировоззрением и формирует конкурентную среду. Возможно, высокий уровень развития института частной собственности стал тем барьером, который не позволил коммунистическим идеям воплотиться в Индии в XX в.

Следующая институциональная особенность индийской цивилизации состоит в слабом уровне демократии. Индийские города, особенно портовые, до XIV в. пользовались автономией. В них было развито городское самоуправление. Власть принадлежала городскому собранию, состоящему из ремесленников и купцов. Постепенно города перешли под власть феодалов, и ростки демократии пришли в упадок [25].

Возможно, кастовый строй помешал городам сохранить и развить институт демократии. Ведь демократия предполагает равенство перед законом, что означало бы упразднение каст. Как бы там ни было, институт демократии не получил развития в истории индийской цивилизации, что следует рассматривать в качестве фактора, тормозящего социальный прогресс.

Следующей институциональной особенностью индийской цивилизации является прочная семья. Эта особенность способствует прогрессу, так как прочная семья делает общество устойчивым и обеспечивает преемственность поколений.

Таким образом, в мировоззрении индусов мы обнаружили идеи, способствующие прогрессу, и идеи, тормозящие прогресс (табл. 1). Мы обнаружили два социальных института, способствующих прогрессу, и три, тормозящих прогресс (табл. 2).

Таблица 1

Способствующие и препятствующие прогрессу идеи

Идеи, способствующие прогрессу	Идеи, препятствующие прогрессу
Рационализм	Иррационализм
Критичность	Каждый должен делать только то, что должен
Толерантность	Неофобия
Необходимость самосовершенствоваться	Человек не может изменить мир к лучшему
Необходимость учиться	Отсутствие интереса к собственной истории
Необходимость создать семью и вырастить детей	Неравенство полов
Человек сам определяет свое будущее. Индивидуализм	Коллективизм
Пластичность	Необходимо уйти из мирской жизни после рождения внука
	Покорность учителю
	Будущее всегда хуже прошлого

Таблица 2

Способствующие и препятствующие прогрессу институты

Институты, способствующие прогрессу	Институты, препятствующие прогрессу
Высокий уровень развития частной собственности	Слабый уровень развития демократии
Прочная семья	Институт каст
	Институт неравенства полов

В настоящее время, когда формируется глобальное информационное пространство, возникают возможности для избавления от идей и институтов, препятствующих прогрессу. Сегодня все в мире хорошо информированы друг о друге. Все знают, кто впереди и кто отстает, кто богат и кто беден. Если не для всех, то для большинства людей очевидна польза научного знания. Понимание этого способствует избавлению от иррационализма и неофобии. Индусы видят, как некоторые народы за относительно короткий срок добились значительных успехов в социально-экономическом развитии. Это может помочь избавиться от идеи, что человек не может изменить мир к лучшему.

Сегодня миллиардам людей известны личности, сумевшие достичь больших успехов в спорте, искусстве, бизнесе, политике. Это знание формирует мысль, что можно самому, используя волю, трудолюбие, талант, стать успешным. Другими словами, такое знание делает мировоззрение более индивидуалистичным.

Примечания

1. Рену Л. Индуизм. М., 2006. С. 5.
2. Альбедиль М. Ф. Индуизм. Главная религия Индии. СПб., 2006. С. 5.
3. Там же. С. 14.
4. Анго М. Классическая Индия. М., 2007. С. 137.
5. Там же. С. 207.
6. Там же. С. 57.
7. Бэшем А. Цивилизация Древней Индии. Екатеринбург, 2007. С. 313.
8. Там же. С. 315.
9. Анго М. Указ. соч. С. 364.
10. Там же. С. 365.
11. Там же. С. 61.
12. Рену Л. Указ. соч. С. 72–74.
13. Там же. С. 76.
14. Бэшем А. Указ. соч. С. 284.
15. Анго М. Указ. соч. С. 265.
16. Бэшем А. Указ. соч. С. 159.
17. Там же. С. 163.
18. Там же. С. 173.
19. Анго М. Указ. соч. С. 359.
20. Бэшем А. Указ. соч. С. 98.

21. Там же. С. 164.
22. Там же. С. 165.
23. Там же. С. 177.
24. Там же. С. 182.
25. Анго М. Указ. соч. С. 360.

Notes

1. Renu L. Hinduism. Moscow, 2006. P. 5.
2. Albedil M.F. Hinduism. The main religion of India. St. Petersburg, 2006. P. 5.
3. Ibid. P.14.
4. Ango M. Classical India. Moscow, 2007. P. 137.
5. Ibid. P. 207.
6. Ibid. P. 57.
7. Basham A. Civilization of Ancient India. Ekaterinburg, 2007. P. 313.
8. Ibid. P. 315.
9. Ango M. Classical India. Moscow, 2007. P. 364.
10. Ibid. P. 365.
11. Ibid. P. 61.
12. Renu L. Hinduism. Moscow, 2006. P. 72-74.
13. Ibid. P. 76.
14. Basham A. Civilization of Ancient India. Ekaterinburg, 2007. P.284.
15. Ango M. Classical India. Moscow, 2007. P. 265.
16. Basham A. Civilization of Ancient India. Ekaterinburg, 2007. P. 159, 163, 173.
17. Ango M. Classical India. Moscow, 2007. P. 359.
18. Ibid. P. 164.
19. Ibid. P. 177.
20. Ibid. P. 360.
21. Basham A. Civilization of Ancient India. Ekaterinburg, 2007. P. 280.
22. Ango M. Classical India. Moscow, 2007. P. 27.
23. Lal D. Unintended Consequences. The impact of Factor Endowments, Culture and Politics in Long Run Economic Performance. Moscow, 2007. P. 48.
24. Bongard-Levin G.M. Ancient India. History and culture. St. Petersburg, 2001. P. 141.
25. Antonov K.A., Bongard-Levin G.M., Kotovskij G.G. History of India (short survey). Moscow, 1973. P.167–168.

УДК 316.33

Н. Н. Равочкин

Влияние немецкой классической философии на формирование идеологии марксизма

Немецкая классическая философия – отправная точка обоснования осознания противоположности организации общества, основанного на традиционной законности и политической организации, базирующегося на единстве права и нравственности. Этот период в социальной философии очень значим в силу его масштабности и объема проблематики, который он затрагивает. Мы остановимся лишь на факторе влияния отдельных представителей этого временного отрезка – на идеологии марксизма. Таким образом, в представленной статье происходит социально-философский анализ влияния представителей «философского чуда», а именно – немецкой классической философии, на морфогенез марксистских идеологических взглядов.

German classical philosophy is the starting point of social organization opposition justification awareness which is based on the traditional laws and political organization, located on the unity of law and morality. This social philosophy period is very significant, because of its scale and scope of issues that it touches on. We will focus on the individual influence factors of representatives of this time period – on the Marxist ideology. Thus, in this article socio-philosophical analysis of the influence of the representatives of “philosophical miracle” – exactly, the German classical philosophy, morphogenesis Marxist ideological views, is undertaken.

Ключевые слова: идеология, немецкая классическая философия, Марксизм, Маркс, Энгельс, Кант, Гегель, Фейербах, общество.

Keywords: ideology, German classical philosophy, Marxism, Marx, Engels, Kant, Hegel, Feuerbach, society.

Впервые термин «идеология» был введен в употребление французским мыслителем XVIII в. Антуаном Дестютом де Траси. Так он называл новую науку об идеях. Позже это понятие не только закрепилось, но и стало массово использоваться, причём, как известно, его значение всё более уточнялось. Полностью развернутую рабочую концепцию идеологии дали младогегельянцы Карл Маркс и Фридрих Энгельс в работе «Немецкая идеология». При этом следует помнить о том, что здесь идёт речь о классической марксистской политической идеологии, рассматриваемой как часть классического марксизма, наряду с другими его составляющими – экономическими или правовыми.

Понятие «идеология», и в этом легко убедиться, неоднозначное и многосложное. В данной работе под идеологией мы будем понимать систему утопических и научных взглядов и идей, в которых осознаётся и оценивается отношение различных социальных групп, классов, общностей и индивидов к окружающей действительности во всех её проявлениях.

Но марксизм представляет собой политическую идеологию, которой соответствует такая формулировка: «система утопических и научных взглядов и идей, которая отражает и обслуживает политические (и, прежде всего, властные) интересы определенных социальных групп, классов, общностей, и в соответствии с этим оценивает, предлагает и реализует те или иные способы решения общественно-политических проблем» [1].

Если говорить о политических идеологиях, то можно отметить присутствие двух аспектов. Первый – мировоззренческий, второй, в свою очередь, состоящий из утопической и научной точек зрения, ориентирован на предметно-практическую деятельность. Именно второй аспект имеет место в идеологии классического марксизма. Постоянное уточнение «классический» необходимо, потому что уже в 1870-х гг. Маркс перестал соотносить себя с марксизмом как таковым. Он так прямо и утверждал: «Не вызывает сомнений то, что я не марксист» [2].

Основная мысль, которую Маркс развивает, – это историческая миссия пролетариата. В своём стремлении создать бесклассовое общество Маркс видел в пролетариате ту силу, которая должна возглавить освободительное движение. Это приведёт к социалистической революции, установлению диктатуры пролетариата, т. е. создаст необходимые условия для построения социализма. В идеале в качестве бесклассового общества рассматривался Марксом коммунистический путь развития, причём в рамках мировой революции. Эксплуатации и угнетения не будет, равно как и частной собственности, а социалистический лозунг «от каждого по способностям – каждому по труду» перейдёт в коммунистический: «от каждого по способностям – каждому по потребностям». Так произойдёт социальное освобождение. Продолженное и развитое марксистское учение, как писали в советские времена, «научно отразило историческую необходимость социалистического преобразования общественных отношений, предпосылки которого лишь начинали складываться в эпоху Маркса и Энгельса» [3].

Рассматривая возможные пересечения и влияния немецкой классической философии и марксизма, следует упомянуть о том, что «докритический» Кант, будучи крупным учёным: астрономом, физиком, географом, – разрабатывал естественнонаучные идеи. Ему принадлежит первенство в объяснении зависимости приливов и отливов от положения Луны, кроме того, именно он обосновал научную гипотезу о происхождении солнечной системы из гигантской газовой туманности как один из возможных вариантов происхождения Вселенной. Конечно, его естественнонаучные изыскания очень высоко были оценены Карлом Марксом и его соратником и соавтором Энгельсом. Но и философские идеи Канта не прошли мимо Маркса, скажем больше, имя Иммануила Канта в сочинениях упоминается более восьмидесяти раз [4].

Для того чтобы критиковать текст, нужно, как минимум, его прочитать. У Маркса много «претензий» к Канту, который, по мнению первого, «не деятелен», его нельзя «применить» к практике. Но при внимательном прочтении Канта и Маркса можно заметить, что сущность человеческой деятельности у одного называется «родовой сущностью человека» [5], а у другого – «трансцендентальным субъектом» [6]. Понятно, что это не тождества, но они очень близки по категориальным установкам и связаны с понятием «социальность».

На социально-политические взгляды Маркса Кант оказал некоторое влияние. Но начинать рассмотрение социальной проблематики надо с этических позиций. Для Канта понимание основополагающих нравственных правил, которые являются регуляторами отношения человека с человеком, было весьма значимо. Философ-идеалист образно аккумулировал собственные философские взгляды, концентрируясь на небезызвестных «двух вещах», о которых он говорил в одной из своих «Критик»: «Две вещи наполняют душу новым и всё более сильным благоговением, – чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [7].

По мнению Маркса, Кант не был практиком, однако это не мешало ему развивать и политико-социальную сферу, он считал, что правовая база – это основная часть жизни хорошего гражда-

нина, после внутреннего нравственного закона, называемого кантовским «категорическим императивом».

Нельзя сказать, чтобы И. Кант придерживался исключительно республиканских позиций, для него ограниченная власть монарха была предпочтительней, но руководствоваться глава государства должен общей волей граждан, а её, наиболее адекватно, выражают философы. Исходя из этого можно сказать, что социально-философские идеи Канта не так далеки от практики, как казалось Марксу. Только, в отличие от последнего, Кант не считал невозможным прогнозировать будущее.

Но этика Канта не совпадает с этикой марксизма как такового уже потому, что для Канта неприемлема сама мысль о бесклассовом обществе, тогда как марксизм последовательно обосновывает эту тему. Что тогда связывает этику марксизма и этику Канта? Единственным возможным этическим обоснованием общности является кантовская идея самоцельности человеческой личности как сущностной стороны проблемы. Это – центральная идея. Тем более что она связана с практическим применением к общественной жизни, а значит лежит в сфере этики, т. е. поведенческой нормативности. Об этом писал ещё Карл Форлендер в начале XX в. в работе «Кант и Маркс» [8].

Если связь марксизма с Кантом достаточно условна, то Маркс, учась в Берлинском университете 1840-х гг., не мог не попасть под обаяние гегелевской философии, ибо тот давно уже был «властителем дум» не одного поколения студентов. О том, что влияние было оказано непосредственное, сразу говорит факт стилизации. Некоторые из своих произведений ранний Карл Маркс писал «под Гегеля», подражая особенностям его письма [9]. Отметим, что сам Маркс называл себя «учеником Гегеля», однако вряд ли имеет смысл воспринимать данное утверждение буквально, но то, что и Маркс и Энгельс были младогегельянцами – факт, только они пошли дальше в своих философских изысканиях.

Во-первых, диалектика Маркса вторична по отношению к диалектике Гегеля, более того, можно сказать, что у Маркса «преображённая» гегелевская диалектика. Ещё более явно влияние Гегеля прослеживается в идее эволюционизма, которую Маркс не только воспринял и усвоил, но и применил в отношении к общественному развитию [10].

Любопытным расхождением Гегеля и Маркса было отношение к сознанию, отсюда и особенности марксистской идеологии. Не сознание определяет бытие, как по Гегелю [11], но бытие определяет сознание, по Марксу, если понимать под бытием социальные условия жизни человека.

Если о Канте и Гегеле Маркс упоминал достаточно часто, то об Иоанне Готлибе Фихте он «вспомнил» единожды, хотя у них было немало общих моментов. И сразу следует остановиться на категории «деятельность». Если для Фихте деятельность представляла собой основу человеческого бытия, то, согласно Марксу, деятельность является существенной и базовой особенностью человека. Фихте полагает деятельность исходным пунктом, равно как и действия, так и философов, что плавно перетекает в действительное «я».

Маркс в работе «Экономическо-философские рукописи» определяет человека как «самоустремлённое существо». В отличие от животных человек отделяет себя от собственной деятельности, например, при помощи орудий труда или в реализации произведенных предметов. Происходит процедура «деятельность деятельности». У Фихте также раскрыта подобная схема, но в ином контексте: «Я» мыслящее, которое мыслит о «Я» мыслящем.

В начале и Фихте, и Маркс исходили из самоустремлённости человеческого существа. По Фихте «Я» полагает «Я», т. е. индивид самоопределяется. Это являлось общей исходной точкой, затем их видение расходится. Фихте уверен, что «Я» полагает себя только единожды, «Я» не меняется, что говорит об отсутствии у него саморазвития. Марксово видение иное. Человек не только часть природы, он – часть истории, в ней он развивается, тем самым себя меняет в соответствии с формированием новых и разнообразных потребностей.

Особенно следует отметить, что столь широко используемый Марксом термин «отчуждение» он заимствовал и у Фихте, и у Гегеля, и у Фейербаха, придав ему несколько иное значение. Если у Гегеля отчуждением является свойство Абсолютного Духа, то у Фейербаха – это свойство духа человеческого. У Фихте «противостоящая природа в качестве «не-Я» эмпирически определяет конечное «я», следовательно, самосознание-свобода вступает в противоречие с природной необходимостью, дух – с телом, возникает внутренний конфликт личности» [12]. Наличие в философии Фихте «я» и «Я» определяет задачу отождествления человека с Богом.

Марксистская теория отчуждения экстраполируется в экономико-политическую и социальную сферы. Отчуждение рассматривается как потеря смысла в процессе труда, продукте труда, кризис личности и отчуждение людей друг от друга [13].

Несмотря на существенную критику Марксом и Энгельсом Л. Фейербаха [14], Маркс отдавал должное антропологической составляющей его учения. Маркс был согласен с Фейербахом в том, что человек должен являться основным предметом философии, всё остальное – вторично. Идеи

являются продуктом сознания человека, поэтому и Бог в их интерпретации являлся плодом человеческого воображения.

В качестве резюме скажем, что немецкая классическая философия серьезно повлияла на Маркса и на классический марксизм. Из всех вышеуказанных представителей наибольшим уровнем влияния обладали Гегель и Фейербах. Что касается Канта, то его реальное воздействие на Маркса сомнительно, поскольку Маркс не решал вопросы, предложенные им, а обошел их. От Фихте же Маркс получил видение социального аспекта своих философствований.

Примечания

1. Евдокимов Н. А. Классическая марксистская идеология: Либеральные аспекты: дис. ... канд. полит. наук. Уфа: БашГУ, 2001.
2. Бузгалин А. В., Линке П. СССР. Незавершенный проект. М.: Ленанд, 2013.
3. Иовчук М. Т., Ойзерман Т. И., Щипанов И. Я. Краткий очерк истории философии. М.: Мысль, 1971.
4. Луговой С. В. Влияние кантовской философии на становление марксистской концепции практики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 100–108.
5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. М.: Изд-во полит. лит., 1989.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2014.
7. Кант И. Критика практического разума. М.: Libroком, 2014.
8. Vorländer K. Kant Und Marx. Ein Beitrag Zur Philosophie des Sozialismus. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1926.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академ. проект, 2010.
10. Вейль Э. Гегель и государство. М.: Владимир Даль, 2009.
11. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля. М.: Владимир Даль, 2006.
12. Тузов М. Л., Левинсон М. Ф. Фихте: присвоение отчуждённого. URL: <http://libweb.kpfu.ru/z3950/hil/684807/005-008.pdf>
13. Маркс К. Указ. соч.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М.: КомКнига, 2010.

Notes

1. Evdokimov N. A. Klassicheskaya marksistskaya ideologiya: Liberal'nye aspekty: dis. ... kand. polit. nauk [Classical Marxist ideology: Liberal issues: dis. ... Cand. Political Sciences]. Ufa: Bashkir State University. 2001.
2. Buzgalin A.V., Linke P. SSSR. Nezavershennyj proekt [USSR. Unfinished project]. Moscow. Lenand. 2013.
3. Iovchuk M. T., Oizermann T. I., Shipunov I. Kratkij ocherk istorii filosofii [Brief sketch of the history of philosophy]. M. Mysl'. 1971.
4. Lugovoj S. V. Vliyanie kantovskoj filosofii na stanovlenie marksistskoj koncepcii praktiki [Influence of Kantian philosophy on the development of the Marxist concept of practice] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta - Herald of Baltic Federal University n.a. I. Kant]. 2011, Vol. 12, pp. 100-108.
5. Engels F. Lyudvig Fejerbah i konec nemeckoj klassicheskoy filosofii [Ludwig Feuerbach and the end of German classical philosophy]. M. Publ. of polit. lit. 1989.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]. M. Eksmo. 2014.
7. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of practical reason]. M. Librokom. 2014.
8. Vorländer K. Kant Und Marx. Ein Beitrag Zur Philosophie des Sozialismus. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1926.
9. Marx K. EHkonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannije filosofskie raboty [Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical work]. M. Acad. Project. 2010.
10. E. Weil Gegel' i gosudarstvo [Hegel and the state]. M. Vladimir Dahl. 2009.
11. Val J. eschastnoe soznanie v filosofii Gegelya [Unhappy consciousness in Hegel's philosophy]. M. Vladimir Dahl. 2006.
12. Tuzov M. L., Levison M. F. Fihte: prisvoenie otchuzhdyonnogo [Fichte: assignment of alienated]. Available at: <http://libweb.kpfu.ru/z3950/phil/0684807/005-008.pdf>
13. Marx K. Op. Cit.
14. K. Marx, F. Engels Fejerbah. Protivopozlozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzrenij [Feuerbach. The opposite of materialistic and idealistic views]. M. Komkniga. 2010.

Богословие византийского иконоборческого кризиса: периодизация и богословские споры при императоре Льве III

В статье установлена периодизация богословия иконоборческой эпохи в Византии (ок. 726–843), а затем, впервые в историографии, с опорой на первоисточники и с учетом современных исследований, представлена вся основная аргументация иконоборцев и иконопочитателей, выдвигавшаяся в первый период иконоборческого кризиса (время правления императора Льва III). Особое внимание уделено спорам вокруг понятия аутентичного образа и его связи с прототипом, а также доказательству святости икон преподобным Иоанном Дамаскиным. Путем рассмотрения теологии иконопочитателей показан начальный этап формирования византийской теории священных образов. Эта теория завершила складывание иконописной традиции халкидонского православия, плодом которой стал уникальный вид религиозного искусства – православная икона как «умозрение в красках».

The article establishes the periodization of the theology of the iconoclastic era in Byzantium (ca. 726–843). Then, on the basis of primary sources and contemporary research, for the first time in historiography the author presents all the main argumentation of the iconoclasts and the iconodules put forth during the earliest period of the iconoclastic crisis, i.e. during the reign of the Emperor Leo III. Particular attention is devoted to the controversy around the notion of the authentic image and its connection to the prototype, as well as to the proof of the holiness of icons by St. John of Damascus. The examination of the iconodule theology shows the first stage of the formation of the Byzantine theory of sacred images. This theory completed the development of the iconographic tradition of Chalcedonian Orthodoxy, which bore as its fruit a unique kind of religious art: the Orthodox icon as “theology in color”.

Ключевые слова: богословие, икона, Христос, образ, иконоборчество, иконопочитание, иконоборческий спор, поклонение.

Keywords: theology, icon, Christ, image, iconoclasm, icon-veneration, iconoclastic controversy, worship, veneration.

Период византийской истории с 726 по 843 г. был отмечен борьбой вокруг икон – живописных, мозаичных или резных изображений Христа, Богоматери и святых. Эта борьба была весьма кровопролитной: за эти годы сотни людей были убиты, и еще больше – покалечены. Учитывая такой ее характер, а также то обстоятельство, что тогдашние нападки на иконы явились кульминацией предшествующих, более мирных разногласий, в исследованиях второй половины XX в. этот период был назван временем иконоборческого кризиса [1]. О его причинах и о целях императоров-иконоборцев ученые спорили еще с конца XIX в. [2] Ввиду того что количество монахов и монастырей являлось проблемой для экономики и обороны Византии того времени, И. Д. Андреев [3], а вслед за ним К. Н. Успенский [4] и М. Я. Сюзюмов [5] и воспринимали эту эпоху как прежде всего монахоборческую, а уже потом как иконоборческую. Однако непреходящее значение этой эпохи для судеб православия, да и для христианского мира в целом, состоит в сложившемся тогда богословии священного образа. Оно позволило завершить многовековые христологические споры, а также сформировать канон, правило православной иконы, до сего дня делающий иконопись церковным искусством, адекватным богослужению Православной церкви. А богословие это было результатом споров между иконоборцами и иконопочитателями. Отсюда важность данной темы.

Предыдущие работы [6], посвященные этой теме, либо излагали ее в более или менее общем виде, останавливаясь лишь на главных аргументах сторон [7], либо рассматривали тот или иной этап, а часто и просто момент, споров, но не всю теологическую аргументацию иконоборческой эпохи [8], либо, наконец, выделяли для изучения определенный вид аргументов, не упоминая остальные аргументы [9].

Особое место в библиографии вопроса занимает книга кардинала К. Шенборна «Икона Христа. Богословские основы», впервые опубликованная в 1976 г. [10] Это обобщающая на тот момент монография по богословию иконы. Вместе с тем, как справедливо отмечает современный исследователь [11], в научном отношении она имеет существенный изъян: в ней византийским иконопочитателям IX в. приписывается антипротестантское учение об иконах католического Тридентского собора XVI в., а богословие иконопочитания Иоанна Дамаскина (VIII в.) объявляется уклонившимся от истины.

Ниже будет рассмотрен вопрос о периодизации богословия иконоборческого кризиса, а затем будут систематически представлены все существенные аргументы [12] иконоборцев и иконопочитателей, фигурировавшие во время правления императора Льва III. В отдельной статье будет показано развитие богословского учения иконопочитателей и иконоборцев об иконах, произошедшее на остальных этапах иконоборческого кризиса.

Задача периодизации богословия данной эпохи затруднена двумя обстоятельствами: а) невозможностью точной датировки подавляющего большинства богословских трудов того времени, особенно иконоборческих, которые в своем исходном виде не сохранились [13], и б) кажущимся отсутствием последнего слова Церкви о святых иконах. Церковного собора, который подвел бы черту под иконоборческими спорами, не было. Восстановление иконопочитания 11 марта 843 г., празднуемое впоследствии как Торжество Православия, явилось символом окончательной победы иконопочитателей, но не сопровождалось новым изложением учения Церкви об иконах. Между тем, после VII Вселенского Собора (787 г.), посвященного святым изображениям, иконоборцы выдвинули против последних новые изощренные аргументы.

Исходя из вышесказанного, в качестве критерия периодизации представляется возможным избрать лишь характер и метод обсуждения вопросов, поднимавшихся в ходе дискуссий между иконопочитателями и иконоборцами.

Используя этот критерий, богословие священных образов этого периода можно разделить на три этапа. Первый, этап ранних иконоборческих споров, начинается с послания константинопольского патриарха Германа I епископу-иконоборцу Фоме Клавдиопольскому, которое датируется сер. 20-х гг. VIII в., т. е. еще до 730 г., когда император Лев III издал первый иконоборческий эдикт. Заканчивается он с кончиной, между 740 и 749 гг., выдающегося апологета иконопочитателей, св. Иоанна Дамаскина. На этом этапе главными были вопросы о том, является ли написание икон и их использование за богослужением актами идолопоклонства, а также имеют ли иконы основание в предшествующей церковной традиции. Второй этап, христологический, охватывает период примерно с 741 г. (года коронации императора-иконоборца Константина V, который выдвинул хитроумный христологический аргумент против икон) до VII Вселенского Собора 787 г. включительно. Это этап богословия императора Константина V, иконоборческого собора в Иерии (754 г.) и VII Вселенского Собора. Наконец, третий этап иконоборческих споров простирается от диспута об иконопочитании между императором-иконоборцем Львом V Армянином и его единомышленниками, с одной стороны, и св. патриархом Никифором I, прп. Феодором Студитом и другими иконопочитателями, с другой – прошедшего, по всей вероятности, в конце 814 г. [14], до 828 г., когда патриарх Никифор, блестящий богослов-иконопочитатель, скончался. Этот этап может быть назван схоластическим, т. к. для него характерно использование обеими сторонами философии Аристотеля в том виде, в каком ее знали в византийских школах.

Такая периодизация иконоборческих споров считается на сегодняшний день общепринятой [15].

Необходимо отметить, что, несмотря на развитие и совершенствование богословского учения как иконопочитателей, так и иконоборцев в иконоборческую эпоху, основные аргументы сторон были новыми по форме, но не по содержанию [16]. С самого появления икон во II–III вв. против них выдвигались обвинения в идолопоклонстве, отсутствии прецедентов в церковной традиции и искажении понимания Христа как Слова Божьего. Все эти обвинения встречали опровержения задолго до иконоборческого кризиса. Неудивительно поэтому, что и защитники, и критики икон этого периода ссылались на мысли и учения своих предшественников.

Самый ранний сохранившийся документ по теологии иконоборческого кризиса – послание св. патриарха Германа I епископу Фоме Клавдиопольскому. Боровшемуся с иконопочитанием в своей епархии Фоме патриарх пишет, что иконы Христа необходимы для подтверждения реальности Боговоплощения, а также нужны христианам, находящимся на низших ступенях духовного развития [17]. По всей вероятности, Фома боялся впадения своей паствы в идолопоклонство через почитание икон. Об иконах как идолах прямо говорил его современник, епископ Наколийский Константин [18]. В начале иконоборческого кризиса основным аргументом иконоборцев против своих оппонентов было обвинение их в идолопоклонстве [19]. Определение (брос) иконоборческого Собора

754 г. отражало позицию тогдашних иконоборцев и их предшественников. Согласно бросу, идолопоклонство – проклятье древних язычников – вновь проникло в христианское богослужение, перечеркивая спасительное дело Христа, который научил людей поклоняться Богу «в духе и истине» (Ин. 4. 24) [20]. Иконоборцы призвали прекратить поклонение иконам и даже само их изготовление. Это, на их взгляд, вернуло бы Церковь к соблюдению второй заповеди: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу» (Исх. 20. 4). Согласно иконоборцам эта заповедь получила подтверждение и развитие в евангелии от Иоанна, например, в 4. 24 и 20. 29. Надо отметить, что острый аргумента иконоборцев было направлено не против образов как таковых; например, сам император Лев III признавал законность образов, создавать которые Бог даже велел в Ветхом Завете [21]. Речь шла об образах, считавшихся идолами, служивших объектами поклонения. Единственным исключением для иконоборцев был крест, которому они поклонялись сами и учили поклоняться других [22]. Для них символ честного Креста отличался от всех остальных «так называемых образов» тем, что, во-первых, это был исторический инструмент животворящей смерти Христовой, а во-вторых, потому, что поклонение символу креста было освящено непрерывной апостольской и святоотеческой традицией [23]. (Иконоборческий аргумент «от предания» будет подробнее рассмотрен ниже.)

Один из лучших православных аргументов против этого обвинения принадлежит св. Иоанну Дамаскину, который написал первое из своих трех «Защитительных слов против порицающих святые иконы» сразу после провозглашения эдикта Льва III в 730 г. Прежде всего он подчеркивал, что само воплощение Христа решающим и необратимым образом изменило отношения между Богом и Его творением. «Бестелесный и не имеющий формы Бог некогда не был изображаем никак. Теперь же, когда Бог явился во плоти и “с человеки поживе” [24], я изображаю видимую сторону Бога» [25]. Таким образом, Боговоплощение не только позволяет создавать образ Христа как «Бога истинна от Бога истинна» (как сказано в Никейско-Константинопольском Символе веры), но и делает идолопоклонство в его буквальном смысле невозможным для христиан. По словам патриарха Германа I, которому в 730 г. пришлось уйти в отставку за отказ поддержать иконоборческую политику императора, настоящий христианин не может быть идолопоклонником потому, что знает истинного Бога и не может поклоняться никому и ничему, кроме Него [26]. Считать, как это делали иконоборцы, что после пришествия Христа Его Церковь должна молиться без образов из боязни идолослужения – значит не понимать самого Боговоплощения.

Такова была первая часть православного ответа. Но иконопочитатели с самого начала обратились к ключевому вопросу, на котором зиждилось обвинение в идолопоклонстве, – понятию аутентичного образа [27]. Позиция крайних иконоборцев по этому вопросу была ясно сформулирована императором Константином V (годы правления 741–775). Его богословие относится ко второму этапу иконоборческих споров, но в данном случае он только формулировал более ранний довод иконоборцев [28]. Подлинный образ, писал он, «единосущен (ὁμοούσιος) [29] изображаемому» [30]. Константин, по-видимому, исходил из т. н. «субстанционального» понимания образа, по которому образ означает сущность являемой им вещи [31]. Употребление слова «образ» в таком значении встречается в Новом Завете [32]. Хотя такое понимание образа не стало частью официального иконоборческого учения, выраженного собором в Иерии 754 г., оно было популярно в иконоборческих кругах [33]. Не удивительно, что такое понимание приводило к обвинению в идолопоклонстве. Для иконоборца никакой рукотворный образ Христа или святого не мог быть подлинным. Поэтому, когда иконопочитатели поклоняются иконам, они не почитают изображенных на них, а служат самим иконам. Следовательно, иконы являются идолами. Забегая вперед, добавим, что, согласно Иерийскому собору, единственный подлинный образ – это хлеб и вино Евхаристии, которые после освящения становятся Телом и Кровью Христа [34]. Хотя крест, согласно этому определению, и не являлся подлинным образом, поклонение ему со стороны иконоборцев, как уже отмечалось, было по преимуществу связано с традицией.

Иконопочитатели, начиная с Иоанна Дамаскина, осуждали утверждение иконоборцев, что подлинный образ должен иметь ту же сущность, что и его прототип [35]. Опираясь на труды Псевдо-Дионисия Ареопагита (кон. V – нач. VI вв.), Иоанн Дамаскин выявил следующую иерархию образов, нисходящую от менее постижимых к более постижимым образам: 1) Христос Сын Божий, «от Отца рожденный прежде всех век» [36], является «естественным и во всем сходным» образом Бога; 2) представления, идеи сотворенных вещей, находящиеся в уме Бога, суть образы этих вещей; 3) человек, образ Божий, «происшедший от Бога чрез подражание» [37]; 4) представленные в Святом Писании чувственно воспринимаемые «образы, виды и очертания невидимых и бестелесных предметов»; 5) ветхозаветные прообразы лиц и событий Нового Завета; 6) живописные или словесные, записанные в книгах образы, созданные в память о славных деяниях, и тем самым обращенные в прошлое [38]. Хотя все эти образы связаны со своими прототипами, только первый

из них имеет со своим прототипом одну сущность [39]. Следовательно, икона, относящаяся к шестому виду образов, есть не более чем «подобие и образец, и оттиск чего-либо, показывающий собою то, что изображается» [40], но ни в коей мере не идол, который есть объект поклонения сам по себе. Верные христиане, подчеркивал Иоанн Дамаскин, поклоняются не иконам, а через иконы – изображенным на них лицам [41].

Вместе с тем он понимал, что поклонение иконам должно отличаться от поклонения, приличествующего одному Господу. Это различие между видами поклонения имеет библейское основание: в Септуагинте – древнейшем греческом переводе Ветхого Завета – слово *λατρεία* (*латрѳа*) используется для описания абсолютного поклонения Богу, тогда как термином *προσκύνησις* (*проскѳнезис*) описывается относительное почитание людей, наделенных авторитетом свыше (см. Быт 23. 7, 33. 3 и др.), а также святых мест или предметов, таких как *σκѳнія* (священный шатер израильтян – см. Лев 19. 30), в которых Бог явил Свое присутствие. Иоанн Дамаскин определял как *проскѳнезис* должное отношение к святым и ангелам, почитаемым за то, что Бог принял их в качестве Своих друзей [42], а также к иконам, которые почитают ввиду изображенных на них Христа и святых [43].

Определение икон как коренным образом отличающихся от своих прототипов и служащих объектами лишь ограниченного поклонения было подтверждено Седьмым Вселенским Собором в 787 г. [44]

Почитание икон в силу изображенных на них лиц имеет и более широкое основание, нежели аналогия с ветхозаветным почитанием священных объектов. «Я часто видел, – говорил Иоанн Дамаскин, – что те, которые сильно любили [кого-либо], смотрели на одежду любимого человека, и как глазами, так и устами приветствовали эту одежду, как если бы то был сам любимый ими человек» [45]. Он описывал свойственную человеческой психологии способность проявлять любовь и уважение к тому, что нельзя увидеть воочию [46]. Такие авторы-неоплатоники, как Цельс (2-я пол. II в.), Порфирий (ок. 224–305 гг.) и другие также касались этой психологической особенности, когда развивали представление о религиозных образах как о средствах приближения человека к божественному прототипу, которого он не может видеть в силу своей телесности [47]. Иоанн Дамаскин воспринял это представление, считая, что ввиду этого несовершенства человеческой природы поклонение при помощи икон является вполне приемлемым, поскольку через материю ведет нас к Богу, который выше материи [48].

Однако иконопочитатели подчеркивали, что правомерность использования икон в молитве основывается не на неоплатонических идеях, а на приоритете зрения среди органов чувств, а в конечном счете – на самом плане (*οἰκονομία*, домостроительстве) человеческого спасения. Главенство зрения было подтверждено спасительным деянием Бога, который освятил зрение своим пришествием во Христе; самим Христом, творившим чудеса на глазах у всех и, по толкованию прп. Иоанна Дамаскина, благословившим поиск блаженства через зрение (см. от Мф 13. 16–17) [49], и, наконец, – библейскими святыми [50]. Слух, разумеется, тоже важен и освящен Богом через Его слово. Но если во времена Христа и апостолов зрение и слух шли рука об руку – люди *видели* божественные чудеса и другие евангельские события, и одновременно *слышали* слово Божье, то позднее деяния новозаветных времен уже нельзя было видеть, но слово Божье читали в храмах, и оно освящало слух. Иконы, по мысли иконопочитателей, заменяют видение евангельских событий и потому являются средством освящения зрения [51].

Повышенное внимание иконопочитателей к роли органов чувств в богослужении было частью их общего понимания роли тела в Божественном плане (*οἰκονομία*) спасения. Иконоборцы отвергали иконы во многом потому, что считали материю чем-то низменным и даже оскверняющим, полагая, что богослужение «в Духе» должно быть нематериальным [52]. Иконы они считали «вещами обыкновенными» [53], такими же, как другие материальные предметы, и не помогающими, а мешающими богослужению и молитве. Однако рассуждать так – значит забыть значение для человечества Иисуса Христа, Его тела в спасении, а также то, что тело человека должно быть спасено вместе с его душой [54]. Православное учение, выраженное Иоанном Дамаскиным, утверждает, что физическое тело Христа было средством спасения человечества и что человеческое тело, как и душа, участвует в процессе спасения. Поэтому крещение, например, совершается в воде, а не только Св. Духом [55]. Реальность же человечества во Христе, через которое и осуществилось спасение, не может быть как следует подтверждена без Его иконы. Тело человека не может должным образом участвовать в процессе спасения, если оно не лицезрит божественное, представленное в образах, и не поклоняется этим образам, славя через них Господа и Его святых. Такое поклонение, подчеркивал Иоанн Дамаскин, является поклонением «в духе и истине». Оно осуществляется через материальные предметы, такие как иконы, благодаря последствиям Боговоплощения. «Бог-Слово стал плотью... и обожествил плоть», – писал он [56]. Приняв материаль-

ное тело и живя среди людей, Бог «обожил» материю, сделав ее духоносной. «Плоть стала проводником Духа, а значит – хотя и по-другому – им могут быть также дерево и краска» [57].

Иконопочитатели доказывали святость икон и более детально. Доказательство естественно подразделялось на два этапа. Сначала нужно было показать, что прототипы икон исполнены божества, а затем – что изображения этих прототипов имеют такое происхождение, что сами оказываются носителями божества [58]. А святость икон означала, что они являются носителями божества (энергий Бога), и потому их почитание не только возможно и желательно, но и необходимо.

В отношении Христа первый этап был прост. Св. Иоанн Дамаскин прямо говорит об обожении плоти Христа, изображаемой на иконе: «...поклоняюсь Создателю, подобно мне сделавшемуся сотворенным и, не уничивив Своего достоинства и не испытав какого-либо разделения, снизошедшему в тварь, чтобы прославить мое естество и сделать участником в божественном естестве. Вместе с Царем и Богом поклоняюсь и багрянице тела, не как одеянию и не как четвертому Лицу, – нет! – но как ставшей причастной тому же Божеству и, не испытав изменения, сделавшейся тем, что есть и освятившее (ее). Ибо не природа плоти сделалась Божеством, но как Слово, оставшись тем, чем оно было, не испытав изменения, сделалось плотью, так и плоть сделалась Словом, не потерявши того, что она есть, лучше же сказать: будучи единой со Словом по ипостаси... Не невидимое Божество изображаю, но посредством образа выражаю плоть Божию, которая была видима» [59].

Плоть святых также обожена: «А что и святые суть боги, говорит [Писание]: Бог стал в сонме богов [60], и – что Бог стоит среди богов, распределяя [каждому] по заслугам, как говорит божественный Григорий [61], толкуя [это место]. Ибо святые и при жизни были исполнены Святого Духа, так же и по смерти их благодать Святого Духа неистощимо пребывает и в душах, и в телах, лежащих во гробах, и в их характерах, и в святых их изображениях, не по причине их сущности, а вследствие благодати и [божественной] энергии» [62].

Итак, прототипы икон Христа и святых исполнены божества. Кроме того, в конце предыдущей цитаты встречается понятие «характер», происходящее от греч. χαράττω (чертить, процарапывать). Характер – это совокупность внешних черт личности, или ипостасных идиом [63]. Для Иоанна Дамаскина очевидно, что характер Христа и святых обожен так же, как и их плоть [64]. Но характер изображается на иконе и является тем общим, что присутствует и в образе, и в прототипе [65]. Поэтому иконы Христа и святых исполнены божества, и их почитание необходимо.

Однако существуют иконы, к которым данная аргументация неприменима. Это иконы, не имеющие характера, главным образом иконы ангелов. Ангелы бесплотны, а потому не могут иметь определенной видимой формы. Значит в их изображениях не может быть характера.

Но есть нечто помимо характера, что является общим и для иконы, и для ее прототипа. Это имя. Пишет св. Иоанн Дамаскин: «Божественная благодать сообщается состоящим из вещества предметам, так как они носят имена тех, кто на них изображается... Повинуясь церковному преданию, допусти поклонение иконам, освящаемым именем Бога и друзей Божиих и по причине этого освящаемым благодатию Божественного Духа» [66].

Однако освящающее действие имен святых основано на их причастности имени Божьему в силу того, что сами святые обожены [67].

Забегая вперед, следует сказать, что VII Вселенский Собор подробно разъяснил, что икона освящается именем Божиим. Это было связано с необходимостью ответить иконоборцам, которые заявляли, что икона не может быть священной, ибо над ней не читается никакая молитва [68]. Отвечают отцы VII Собора: «Над многими из таких предметов, которые мы признаем святыми, не читается священной молитвы, потому что они по самому имени своему полны святости и благодати... Таким образом и самый образ животворящего креста, хотя на освящение его и не полагается особой молитвы, считается нами достойным почитания и служит достаточным для нас средством освящения... То же самое и относительно иконы; обозначая ее известным именем, мы относим честь ее к первообразу; целуя ее и с почтением поклоняясь ей, мы получаем освящение» [69].

После Собора, наверное, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, чем освящается икона, было введено правило писать на каждой иконе имя изображенного на ней [70].

В Деяниях Собора также сказано, что «икона только по имени имеет общение с первообразом, а не по сущности» [71]. Однако связь образа с первообразом через имя является не условной, а онтологической. Согласно автору «Ареопагитик», авторитет которого признавался как иконопочитателями, так и иконоборцами, имена Божии реально причастны Богу потому, что Сам Бог открывает их в качестве своих имен своими божественными энергиями или действиями. Обычно они обозначаются понятиями, взятыми из тварного мира (например, «свет», «красота», «любовь»), но через эти понятия Бог дает познание о Самом Себе [72]. Таким образом, иконы Христа освящаются именем Божиим, реально причастным Богу. Св. Иоанн Дамаскин, как мы видели в

последней цитате из его «Защитительных слов», утверждает, что и иконы «друзей Божиих» освещаются их именами благодаря тому, что святые обожены, исполнены божественной благодати. То же следует сказать и об иконах ангелов, ибо как не исполниться благодати святым бесплотным духам, непрестанно служащим Богу и прославляющим Его [73]? А имена святых и ангелов связаны с ними самими онтологически, ибо даны им по Промыслу Бога, давшего им бытие. Следовательно, иконы Христа, святых и ангелов святы, и их почитание необходимо.

Таковы были основные аргументы сторонников икон против обвинения в идолопоклонстве. Хотя через поколение после св. Иоанна Дамаскина некоторые из них получают свое дальнейшее развитие, вопрос идолопоклонства после трудов этого выдающегося мыслителя был, по сути, исчерпан. Его аргумент о Боговоплощении как основании для икон Христа, выявление им фундаментальных различий между образом и прототипом, а также между относительным поклонением иконам и абсолютным поклонением Богу, его мысли о важности икон и, наконец, его доказательство их святости – все это вместе взятое лишило иконоборцев их главного обвинения [74].

Также необходимо отметить, что к обвинению в идолопоклонстве вело еще одно убеждение иконоборцев: душу на иконе изобразить невозможно. Отсюда следует, что икона – бездушный кусок дерева, и те, кто обращается к ней с молитвами, ничем не отличаются от язычников, также поклоняющихся бездушным идолам [75]. А следствием для икон Христа было то, что любое изображение Христа есть изображение лишь Его мертвого тела, ибо душа неизобразима, а тело без души мертво. Согласно же главному христологическому тезису иконоборцев, мертвое тело Христа непричастно божеству [76]. Отсюда становится понятным пафос самого раннего сохранившегося иконоборческого текста рассматриваемой эпохи – стихотворной надписи над воротами в Халки, которой, вместе с изображением Креста, император Лев III заменил чтимый образ Спасителя:

«В безгласном виде и лишенным дыхания
Не выносит Владыка, чтобы Христос был написан
Земной материей, попранной Писаниями.
Лев с сыном, юным Константином,
Креста начертывает образ триславный –
Похвалы верных, – вознеся его на ворота» [77].

Материя изображает лишь мертвое, а живого Христа, совершенного Бога и совершенного человека, описывает только Св. Писание.

Но почему иконоборцы полагали, что мертвое тело Христа не обожено? Согласно современному исследователю иконоборчества В. А. Баранову, ответ заключается в учении иконоборцев о душе Христа как посреднице между божественной природой Логоса и «дебелостью плоти». Учение о посреднической функции души берет начало с Платона и развивается христианскими платониками Оригеном, Дидимом Слепцом и Евагрием Понтийским [78]. Встречается оно и у свт. Григория Богослова, чем не преминул воспользоваться Иерийский собор, записавший в своих постановлениях: «Когда божество Сына восприяло в собственную ипостась природу плоти, “душа посредствовала между божеством и дебелством плоти (σάρκὸς παχύτητι)”» [79]. Как отмечает В. М. Лурье, из этих слов еще не следует, что лишенное души мертвое тело Христа лишается причастия божеству [80]. Напротив, многие православные богословы VI в. категорически отвергали такое мнение. Придерживались его низложенный за ересь патриарх Константинопольский Евтихий (годы патриаршества 552–565, 577–582) и осужденный VI Вселенским Собором (680–681 гг.) Константин, неизвестный дотоле сириец из Апаimei, а вслед за ними и иконоборцы. Последние не подпадали под анафемы прежних соборов, так как при осуждении Евтихия и Константина осуждались другие их учения, но не мнение о плоти Спасителя во гробе [81].

Из вышецитированных фрагментов прп. Иоанна Дамаскина видно, что он опроверг это мнение, не приводя его дословно. Божество остается с телом Христовым даже в Его смерти, когда Его человеческая душа была отделена от тела, ибо Бог воплотился не только в душу человека, но и в его материальность. «Бог-Слово стал плотью и обожил плоть». Это учение прп. Иоанна было одобрено VII Вселенским Собором [82]. По точному выражению В. А. Баранова, иконопочитатели, основываясь на учении свт. Кирилла Александрийского и отцов V Вселенского Собора о взаимопроникновении тварной (сотворенной) и нетварной природ Христа и «общении свойств» (*communicatio idiomatum*) этих природ, «разработали учение о возможности обожения материи без всякого посредничающего принципа» [83]. Человеческий образ Спасителя, который, по общему мнению иконоборцев и иконопочитателей, единственно и можно изобразить на иконе, есть образ, обожженный соединением с Богом-Словом, и потому он есть изображение Бога во плоти [84].

Иконоборцам был дан ответ и на уровне церковного искусства, ибо начиная с VIII в. в Византии распространяются изображения Спасителя на Кресте мертвым [85]. И эти изображения почитались и почитаются как иконы Бога во плоти.

Что же касается иконоборческого тезиса о неизобразимости души и выводов из него, то он был опровергнут на VII Вселенском Соборе, т. е. во время второго этапа иконоборческих споров.

Другим доводом иконоборцев против икон был аргумент «от предания». Он был сжато сформулирован в определении иконоборческого Собора 754 г.: «Образы... не имеют основания в предании Христа, апостолов и святых отцов» [86]. Иконоборцы также цитировали высказывания против образов св. Климента Александрийского (ок. 150 – ок. 215), Оригена (184–254), Евсевия Кесарийского (265–340) и свт. Епифания Кипрского (ок. 315–413) [87].

Принимая во внимание огромную важность Предания, традиции для Православной церкви, где Предание было названо «жизнью Святого Духа в Церкви» [88], легко понять, насколько серьезно иконопочитатели относились к вопросу соответствия икон ранней церковной традиции. Ответ на это был дан все тем же Иоанном Дамаскиным, аргументы которого впоследствии развивались богословами на третьем этапе споров между иконоборцами и иконопочитателями, прежде всего – свт. Никифором I (патриарх Константинопольский в 806–815 гг.) и прп. Феодором Студитом (759–826). Иоанн Дамаскин сумел найти поддержку икон в трудах раннехристианских авторов, особенно – свт. Василия Великого (329–379) [89]. Он также поставил под вопрос подлинность писаний свт. Епифания, к которым апеллировали иконоборцы [90], и даже обнаружил доводы в пользу икон у того же Климента Александрийского, на которого ссылались иконоборцы [91]. Очевидно, однако, что в письменной традиции Церкви не было согласия по вопросу о религиозных изображениях. Не менее очевидно и то, что многие из авторов, на которых ссылались обе стороны, хотя и не обсуждали напрямую вопрос о месте икон в церковной традиции, тем не менее свидетельствовали об их существовании в Церкви [92]. Таким образом, представляется, что иконы являются частью неписаной церковной традиции. Не случайно именно к этому и сводился главный довод иконопочитателей. Св. Иоанн Дамаскин, а позднее и патриарх Никифор I утверждали, что иконы опирались на авторитет «неписаного предания кафолической церкви», апостольского по своему происхождению [93]. По словам Иоанна Дамаскина, «как без писаний было возведено во всем мире Евангелие, так без писаний передано во всем мире и то, чтобы были изображаемы Христос – воплотившийся Бог и святые, как и то, чтобы мы поклонялись кресту и молились, стоя [лицами] к востоку» [94].

Более того, Иоанн Дамаскин и другие иконопочитатели ссылались на сведения о том, что одна из первых икон была создана самим Христом. «Рассказывается же и некоторая история, – писал Дамаскин, – что когда царствовавший в Эдесском городе Авгарь послал живописца, чтобы он нарисовал похожий образ Господа, и когда живописец был не в состоянии по причине сиявшего блеска Его лица, то Господь Сам, приложив кусок материи к Своему Божественному и животворящему Лицу, напечатлел на куске материи Свой образ, и при таких обстоятельствах послал это сильно желавшему Авгарю» [95].

Ответ иконопочитателей своим оппонентам по вопросу о месте икон в Предании был отражен в вероопределении Вселенского Собора 787 г. [96]

Таковы были основные аргументы иконоборцев и иконопочитателей в первый период иконоборческого кризиса.

Примечания

1. *Meyendorff J.* Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes. Crestwood, N. Y., 1973. P. 42.
2. Проф. В. В. Болотов (1854–1900) в своих классических «Лекциях по истории древней Церкви» уже полемизирует по этому поводу с немецким историком: см. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. 4. Киев, 2007. С. 506–514 и особенно 508–510.
3. *Андреев И. Д.* Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские: их жизнь и деятельность в связи с историей иконоборческой смуты. Сергиев Посад, 1907. С. 78.
4. *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. Ч. 1. М., 1917.
5. *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии // Ученые записки Свердловского гос. пед. ин-та. 1948. Вып. 4. С. 48–110.
6. Солидную библиографию иконоборческого кризиса (до 2009 г.) см. в: Иконоборчество // Православная Энциклопедия. Т. 22. М., 2009.
7. Два ярких примера: *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Коломна, 2008. С. 129–170, и *Pelican J.* Imago Dei: The Byzantine Apologia for Icons. Princeton, New Jersey, 1990. Это работы выдающихся мыслителей прошлого века, обстоятельно рассматривающие определенные темы полемики иконоборцев и иконопочитателей.
8. Напр., *Baranov V. A.* Theology of Early Iconoclasm as Found in St John of Damascus' "The Apologies" // Христианский Восток. Новая серия. 2006. Т. 4 (10). С. 23–55; *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V, with Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1977; *Он же.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1973; *Острогорский Г. А.* Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой православных апологетов раннего периода

иконоборчества // Сборник статей по археологии и византиноведению. Praha, 1927. Т. 1. Р. 35–48; Featherstone J. M. Opening Scenes of the Second Iconoclasm: Nicephorus' Critique of the Citations from Macarius Magnes // *Revue des études byzantines*. Paris, 2002. Vol. 60. Р. 65–112 и др.

9. Лурье В. М., Баранов В. А. Иконоборчество и иконопочитание. Византийское богословие в VIII–IX веках // Лурье В. М. (при участии В. А. Баранова). История византийской философии: формативный период. СПб., 2006. С. 407–486; Auzépy M.-F. Le Christ, l'empereur et l'image (VIIe–IXe siècle) // *EYCYXIA: Mélanges offerts à H. Ahrweiler*. Paris, 1998. Vol. 1. Р. 35–47.

10. Рус. пер.: Милан; М., 1999.

11. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 411.

12. «Ученые», а не «народные», такие как утверждение возможности иконописного образа Христа как воплощенного Бога на основании того, что уже есть один образ Божий – человек (см. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 479–480).

13. Учитывая 9-е правило VII Вселенского Собора, предписывающее не скрывать иконоборческие тексты, а сдавать их в специальное хранилище Константинопольского патриархата, В. А. Баранов полагает, что произведения иконоборцев не сохранились потому, что после окончательной победы иконопочитания их просто постепенно перестали переписывать (Иконоборчество // Православная Энциклопедия. Т. 22. С. 36).

14. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ τοῦ Θεοδώρου τοῦ τῶν [sic] Στουδίου ἡγουμένου, Α' – Β' // PG 99. Col. 280C, 281A, 176–177, 180–181; см. также Соколов И. И. Лекции по истории Греко-Восточной церкви: в 2 т. Т. II. СПб., 2005. С. 260–263.

15. Баранов В. А. Иконоборчество // Православная Энциклопедия. Т. 22. С. 38.

16. Mango C. The Art of Byzantine Empire, 312–1453. New Jersey, 1972. Р. 150.

17. Деяния Вселенских Соборов, изданные в русском переводе при Казанской Духовной Академии. Т. 7. Казань, 1909. С. 163.

18. См. PG 98. Col. 156–164.

19. Barnard L. "Theology of Images" / Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies (March 1975). Birmingham, 1975. Р. 10.

20. Mango C. Там же. С. 165; Pelikan J. The Christian Tradition. Vol. 2: The Spirit of Eastern Christendom (600–1700). Chicago; L., 1974. Р. 113.

21. "Anthology of Texts in Translation" / Iconoclasm. Р. 182.

22. Pelikan J. Указ. соч. С. 110.

23. Там же.

24. Ср. *человѣкъмъ споживѣ* из анафоры литургии св. Василия Великого.

25. Преп. Иоанн Дамаскин. Первое слово, XVI // Преп. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. Преп. Феодор Студит. Послание Платону о почитании икон. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 11–12.

26. Barnard L. Указ. соч. С. 10.

27. Там же; Pelikan J. Указ. соч. С. 116.

28. Вероятно, он содержался в не дошедшем до нас раннем иконоборческом источнике, который преп. Иоанн Дамаскин опровергал в своих «Защитительных словах» и который был использован на иконоборческом соборе в Иерии; см. Baranov V. A. Theology of Early Iconoclasm as Found in St John of Damascus' "The Apologies" // Христианский Восток. Новая серия. 2006. Т. 4 (10). С. 23–55.

29. Т. е. имеет одну и ту же сущность.

30. Цит. по: Pelikan J. Указ. соч. С. 109.

31. Alexander P. J. Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. Р. 39, 49.

32. «Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей...» (Евр 10. 1). См. и Рим 8. 29.

33. Лурье В. М., Баранов В. А. Указ. соч. С. 465–466.

34. Pelikan J. Указ. соч. С. 109.

35. Meyendorff J. Указ. соч. С. 46.

36. Никео-Константинопольский Символ веры.

37. А не по природе происшедший от Бога.

38. Преп. Иоанн Дамаскин. Третье слово, XVIII–XXIII // Преп. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. Преп. Феодор Студит. Послание Платону о почитании икон. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 101–105.

39. Pelikan J. Указ. соч. С. 120.

40. Преп. Иоанн Дамаскин. Третье слово, XVI // Там же. С. 100.

41. Преп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, IV, 16. М., 2003. С. 244.

42. См. Пс. 138. 17–18.

43. Преп. Иоанн Дамаскин. Первое слово, XIV–XIX; Третье слово, XXVIII–XL // Там же. С. 10–16, 109–115.

44. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 229, 285.

45. Преп. Иоанн Дамаскин. Третье слово, X // Там же. С. 96–97.

46. Pelikan J. Указ. соч. С. 121.

47. Candea V. Icons // The Encyclopedia of Religion. Eliade M., ed. Vol. 7. N. Y., 1987. Р. 68.

48. См. Преп. Иоанн Дамаскин. Второе слово, XX, XXIII. С. 59–60, 61–62.

49. Преп. Иоанн Дамаскин. Третье слово, XII. С. 97–98.

50. См., например, т. н. «молитву Симеона Богоприимца», иерусалимского старца, присутствовавшего при внесении младенца Христа в храм (Лк 2. 29–30).
51. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Первое слово, XVII. С. 14; Третье слово, XII. С. 97–98.
52. *Каллист (Уэр), митроп.* Православная Церковь. М., 2001. С. 39. Характерно, например, следующее заявление иконоборческого Собора 754 г.: «Недостойно христианам... оскорблять бессловесным и мертвым веществом святых, имеющих возблестать такой славой» (цит. в: *Карташев А. В.* Вселенские соборы. СПб., 2002. С. 488).
53. Выражение Иерийского иконоборческого собора, приведенное в Деяниях VII Вселенского собора. См. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 235.
54. *Каллист (Уэр), митроп.* Указ. соч. Там же.
55. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Третье слово, XII. С. 98.
56. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Первое слово, XXI. С. 18.
57. *Каллист (Уэр), митроп.* Указ. соч. С. 40.
58. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 432.
59. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Первое слово, IV. С. 4.
60. Пс 81.1.
61. Богослов (Беседа 40).
62. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Первое слово, XIX. С. 16.
63. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 434–435.
64. См. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Третье слово, VIII. С. 93 и только что цитированное Первое слово, XIX.
65. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 436.
66. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Первое слово, Свидетельства V, в Толковании. С. 26; Первое слово, XVI. С. 12.
67. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 438.
68. См. фрагмент определения иконоборческого собора в Иерии в Деяниях Седьмого Вселенского Собора: Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 235.
69. Там же.
70. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 440–441.
71. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 227. Здесь очевидно предостережение против «субстанционального» понимания образа, о котором говорилось в первой части данной статьи.
72. См. трактат Дионисиева корпуса «О Божественных именах», особенно главы 1 и 4: *Дионисий Ареопагит*. Сочинения. *Максим Исповедник*. Толкования / Сер. «Византийская библиотека (источники)». СПб., 2003.
73. Об ангелах см. *Помазанский М., протопресв.* Догматическое богословие. Клин, 2001. С. 91–102, особенно 95–96.
74. Впрочем, иконоборцы, не осознавая или не признавая себя опровергнутыми, вновь выдвинули его на соборе в Иерии, а также вывели его из своего надуманного тезиса о неизобразимости души, как мы вскоре увидим.
75. «Иконоборчество» // Православная Энциклопедия. Т. 22. С. 39.
76. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 446.
77. Об этой надписи см. *Баранов В. А.* Богословская интерпретация иконоборческой надписи в Халки // История и теория культуры в вузовском образовании: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 181–186.
78. «Иконоборчество» // Православная Энциклопедия. Т. 22. С. 39.
79. См. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 229; внутри цитата св. Григория из Слова 38, На Богоявление.
80. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 447.
81. Там же. С. 447–448.
82. См. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. Там же.
83. «Иконоборчество» // Православная Энциклопедия. Т. 22. С. 39.
84. *Лурье В. М., Баранов В. А.* Указ. соч. С. 448.
85. Там же. С. 449.
86. *Mango C.* Указ. соч. С. 166–167.
87. *Pelikan J.* Указ. соч. С. 100–102.
88. Владимир Лосский, цит. в: *Каллист (Уэр), митроп.* Указ. соч. С. 203.
89. *Pelikan J.* Указ. соч. С. 103.
90. Там же. С. 102.
91. Иконоборцы могли апеллировать к его работе «Педагог» (4.51.6), в которой, в частности, говорилось: «...образ – это всего лишь мертвая материя, созданная рукой ремесленника. У нас (христиан) нет осязаемых образов, созданных из осязаемых материалов, а есть только мыслимый образ Бога, который и есть Бог» (цит. по: *Pelikan J.* Указ. соч. С. 100). Иконопочитатели, в свою очередь, могли ссылаться на работу Климентя «Строматы» (VII, 11). В ней говорилось: «Для достижения вершины знания... он представляет себе прекрасные образы, думая о тех патриархах, которые достигали совершенства задолго до его дней, и о бесчисленных пророках и посланниках и их Господине» (“Anthology” // *Iconoclasm*. P. 181).
92. См. там же. С. 180–181.
93. *Patriarch Nicephorus*. “Third Refutation” 7–8, цит. по: *Pelikan J.* Указ. соч. С. 99.
94. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Второе слово, XVI. С. 58; см. и Первое слово. XXIII. С. 20.
95. *Преп. Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры, IV, 16. С. 244.
96. См. Деяния Вселенских соборов. Т. 7. С. 284.

Notes

1. Meyendorff J. Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes. Crestwood, N.Y., 1973. P. 42.
2. Prof. V. V. Bolotov (1854–1900) in his classic "Lectures on the history of the ancient Church" already argues about this with the German historian: see Bolotov V. V. [Lectures on the history of the ancient Church] Vol. 4. Kyiv. 2007. Pp. 506–514 and especially 508–510.
3. Andreev I. D. German i Tarasij, patriarhi Konstantinopol'skie: ih zhizn' i deyatel'nost' v svyazi s istoriej ikonoborcheskoj smuty [Germanos and Tarasios, patriarchs of Constantinople: their life and work in connection with the history of the Iconoclast troubles]. Sergiev Posad. 1907. P. 78.
4. Uspenskiy K. N. Ocherki po istorii Vizantii [Essays on the history of Byzantium]. Part 1. M. 1917.
5. Susumov M. Y. Problemy ikonoborchestva v Vizantii [Problems of iconoclasm in Byzantium] // Uchenye zapiski Sverdlovskogo gos. ped. in-ta – Scientific notes of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute. 1948. Iss. 4. Pp. 48–110.
6. A solid bibliography of the Iconoclast crisis (until 2009) see in: Ikonoborchestvo – Iconoclasm // Pravoslavnaya EHnciklopediya – Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. M. 2009.
7. Two striking examples: Uspenskiy L.A. Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi [Theology of the icon of the Orthodox Church]. Kolomna. 2008. Pp. 129–170, and J. Pelican Imago Dei: The Byzantine Apologia for Icons. Princeton, New Jersey, 1990. These are the works of outstanding thinkers of the last century, carefully considering the specific topic of the controversy of the iconoclasts and the iconodules.
8. Eg., Baranov V. A. Theology of Early Iconoclasm as Found in St. John of Damascus' "The Apologies" // Hristianskij Vostok. Novaya seriya – Christian East. New series. 2006. Vol. 4 (10). Pp. 23–55; Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V, with Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1977. Also him. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1973; A. G. Ostrogorsky G.A. Soedinenie voprosa o svyatykh ikonah s hristologicheskoy dogmatikoj pravoslavnykh apologetov rannego perioda ikonoborchestva [Connection the question of the Holy icons with the Christological dogma of the Orthodox apologists of the early period of iconoclasm] // Sbornik statej po arheologii i vizantinovedeniyu – Collection of articles on archeology and byzantinizing. Praha. 1927. Vol. 1. Pp. 35–48; J. M. Featherstone Opening Scenes of the Second Iconoclasm: Nicephorus' Critique of the Citations from Macarius Magnes // Revue des études byzantines. Paris, 2002. Vol. 60. Pp. 65–112 and others.
9. Lurie M. V., Baranov A. V. Ikonoborchestvo i ikonopochitanie. Vizantijskoe bogoslovie v VIII–IX vekah [Iconoclasm and the veneration of icon. Byzantine theology in the VIII–IX centuries] // M. V. Lurie (in collaboration with V. A. Baranov). Istoriya vizantijskoj filosofii: formativnyj period - The history of Byzantine philosophy: the formative period. St. Petersburg. 2006. Pp. 407–486; Auzépy, M.-F. Le Christ, l'empereur et l'image (VIIe–IXe siècle) // EYΨΥΧΙΑ: Mélanges offerts à H. Ahrweiler. Paris, 1998. Vol. 1. Pp. 35–47.
10. Rus. Transl.: Milan, M. 1999.
11. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 411.
12. "Scientific" and not "people's", such as the approval of possible iconographic image of Christ as the incarnate God on the basis of what is already there is one image of God – man (see Lurie V. M., Baranov V. A. Op. Cit. Pp. 479–480).
13. Given the 9th rule of the seventh Ecumenical Council, prescribing not to hide iconoclastic texts, and to take them to a special storage of the Patriarchate of Constantinople, V. A. Baranov believes that the works of the iconoclasts were not preserved because after the final victory of icon-veneration, they simply gradually ceased to rewrite (Ikonoborchestvo – Iconoclasm // Pravoslavnaya EHnciklopediya – Orthodox encyclopedia. Vol. 22. P. 36).
14. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁσίου ὁμολογητοῦ Θεοδώρου τοῦ τοῦ τῶν [sic] Στουδίου ἡγουμένου, A' – B' // PG 99. Col. 280C, 281A, 176–177, 180–181; see also Sokolov I. I. Lekcii po istorii Greko-Vostochnoj cerkvi: v 2 t. [Lectures on the history of the Greek Eastern Church: in 2 vol.] Vol. II. St. Petersburg. 2005. Pp. 260–263.
15. Baranov V. A. Ikonoborchestvo [Iconoclasm] // Pravoslavnaya EHnciklopediya – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. P. 38.
16. Mango C. Art of The Byzantine Empire, 312–1453. New Jersey, 1972. P. 150.
17. Deyaniya Vselenskih Soborov, izdannye v russkom perevode pri Kazanskoj Duhovnoj Akademii – The acts of the Ecumenical Councils, published in Russian translation at the Kazan Spiritual Academy. Vol. 7. Kazan. 1909. P. 163.
18. See P. 98. Col. 156–164.
19. Barnard L. "Theology of Images" / Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies (March 1975). Birmingham, 1975. P. 10.
20. Mango C. ibid. P. 165; J. Pelikan The Christian Tradition. Vol. 2: The Spirit of Eastern Christendom (600–1700). Chicago; L. 1974. P. 113.
21. "Anthology of Texts in Translation" / Iconoclasm. P. 182.
22. Pelikan, J. Op. cit. P. 110.
23. Ibid.
24. Compare: **ЧЕЛОВѢКЪМЪ СПОЖИВѢ** from the anaphora of the Liturgy of St. Basil the Great.
25. Rev. John Damascene. Pervoe slovo, XVI [The first word, XVI] // Rev. John Damascene. Tri zashchitel'nyh slova protiv poricayushchih svyatyh ikony ili izobrazheniya – Three defensive words against the revilers of Holy icons or images. Rev. Theodore Studite. Poslanie Platonu o pochitanii ikon [The message of Plato about the veneration of icons]. Sergiev Posad. Holy Trinity St. Sergius Lavra. 1993. Pp. 11–12.
26. Barnard L. Op. cit. P. 10.
27. Ibid; J. Pelikan Op. cit. P. 116.

28. Probably it was contained not in extant early iconoclastic source, which Rev. John Damascene refuted in his "Defensive words" and which was used by the iconoclastic Council of Eerie; see V. A. Baranov *Theology of Early Iconoclasm as Found in St. John of Damascus' "The Apologies"* // *Hristianskij Vostok. Novaya seriya – Christian East. New series.* 2006, Vol. 4 (10), Pp. 23–55.
29. It has the same essence.
30. Op. in: Pelikan J. Op. cit. P. 109.
31. Alexander P. J. the Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. Pp. 39, 49.
32. "The law having a shadow of future goods, and not the very image of the things..." (Heb 10. 1). See and Rome 8. 29.
33. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. Pp. 465–466.
34. Pelikan, J. Op. cit. P. 109.
35. Meyendorff J. Op. cit. P. 46.
36. Nicaea-Constantinople Symbol of faith.
37. And not on the nature of the incident from God.
38. Rev. John Damascene. *Tret'e slovo, XVIII–XXIII* [The third word, XVIII–XXIII] // Rev. John Damascene. *Tri zashchititel'nyh slova protiv poricayushchih svyatyie ikony ili izobrazheniya - Three defensive words against the revilers of Holy icons or images.* Rev. Theodore Studite. *Poslanie Platonu o pochitanii ikon* [The message to Plato about the veneration of icons]. Sergiev Posad. Holy Trinity St. Sergius Lavra. 1993. Pp. 101–105.
39. Pelikan, J. Op. cit. P. 120.
40. Rev. John Damascene. *Tret'e slovo, XVI* [The third word, XVI]. P. 100.
41. Rev. John Damascene. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very, IV, 16* [Exact exposition of the Orthodox faith, IV, 16]. M. 2003. P. 244.
42. See Ps. 138. 17–18.
43. Rev. John Damascene. *Pervoe slovo, XIV–XIX; Tret'e slovo, XXVIII–XL* [The first word, XIV–XIX]; [The Third word, XXVIII–XL] // *ibid.* Pp. 10–16, 109–115.
44. *Deyaniya Vselenskih soborov – The acts of the Ecumenical councils.* Vol. 7. Pp. 229, 285.
45. Rev. John Damascene. [Th *Tret'e slovo, X e third word, X*] // *ibid.* Pp. 96–97.
46. Pelikan, J. Op. cit. P.121.
47. Candea V. *Icons* // *The Encyclopedia of Religion.* Eliade M., ed. Vol. 7. N. Y., 1987. P. 68.
48. See Rev. John Damascene. *Vtoroe slovo, XX, XXIII* [The second word, XX, XXIII]. Pp. 59–60, 61–62.
49. Rev. John Damascene. *Tret'e slovo, XII* [The third word, XII]. Pp. 97–98.
50. See, for example, the so-called "prayer of Simeon the God-receiver", the Jerusalem elder who were present when making the infant Christ in the temple (Luke 2. 29–30).
51. Rev. John Damascene. *Pervoe slovo, XVII* [The first word, XVII]. P. 14; *Tret'e slovo, XII* [The third word, XII]. Pp. 97–98.
52. Kallistos (Ware), microp. *Pravoslavnaya Cerkov'* [Orthodox Church]. M. 2001. P. 39. For example, the following statement of iconoclastic Cathedral 754 year is typical: "Unworthy to insult Christians... dumb and dead matter of the saints having to sparkle with such glory" (op. cit.: Kartashev V. A. *Vselenskie sobory* [Ecumenical councils]. St. Petersburg. 2002. P. 488).
53. The expression of Yerist iconoclastic Cathedral, given in the Acts of the seventh Ecumenical Council. See *The acts of the Ecumenical councils.* Vol. 7. P. 235.
54. Kallistos (Ware), microp. Op. cit. *ibid.*
55. Rev. John Damascene. *Tret'e slovo, XII* [The third word, XII]. P. 98.
56. Rev. John Damascene. *Pervoe slovo, XXI* [The first word, XXI]. P. 18.
57. Kallistos (Ware), microp. Op. cit. P. 40.
58. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 432.
59. Rev. John Damascene. *Pervoe slovo, IV* [The first word, IV]. P.4.
60. PS 81.1.
61. Theologian (Interview 40).
62. Rev. John Damascene. *Pervoe slovo, XIXIX* [The first word, XIX]. P. 16.
63. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. Pp. 434–435.
64. See Rev. John Damascene. *Tret'e slovo, VIII* [The third word, VIII]. P. 93 and just quoted the First word, XIX.
65. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 436.
66. Rev. John Damascene. *Pervoe slovo, Svidetel'stva V, v Tolkovanii* [The first word, Testimonies, V, Interpretation]. P. 26; [The first word, XVI]. P.12.
67. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 438.
68. See a snippet of the definition of the iconoclastic Council of Eerie in the Acts of the Seventh Ecumenical Council: *Acts of the Ecumenical councils.* Vol. 7. P. 235.
69. *Ibid.*
70. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 440–441.
71. *The acts of the Ecumenical councils.* Vol. 7. P. 227. There's obviously a warning against the "substantial" understanding of the image, as discussed in the first part of this article.
72. See Dionisius corp treatise "On Divine names", especially chapters 1 and 4: Dionysius Areopagite. *Works.* Maximos The Confessor. Interpretation / Ser. "Byzantine library (sources)". St. Petersburg. 2003.

73. On angels see Pomazansky M., protopresbyter. [Dogmatic theology]. Klin. 2001. Pp. 91–102, especially 95–96.
74. However, iconoclasts, not realizing or not recognizing themselves refuted again pushed his at the Council of Eerie and took him out of their contrived thesis of non-depicted soul, as we will soon see.
75. "Ikonoborchestvo" – "Iconoclasm" // Pravoslavnaya Ehnciklopediya – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. P. 39.
76. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 446.
77. On this inscription see V. A. Baranov Bogoslovskaya interpretaciya ikonoborcheskoj nadpisi v Halki [The theological interpretation of the Iconoclast labels in Halki] // Istoriya i teoriya kul'tury v vuzovskom obrazovanii: mezhvuz. sb. nauch. tr. – History and theory of culture in higher education: Intercollege. Coll. of scient. Works. Novosibirsk. 2004. Vol. 2. Pp. 181–186.
78. "Ikonoborchestvo" – "Iconoclasm" // Pravoslavnaya Ehnciklopediya – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. P. 39.
79. See Deyaniya Vselenskih soborov. [The acts of the Ecumenical councils]. Vol. 7. P. 229; inside there is a quote of St. Gregory of Words 38, On the Theophany.
80. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 447.
81. Ibid. Pp. 447–448.
82. See Deyaniya Vselenskih soborov. [The acts of the Ecumenical councils]. Vol. 7. Ibid.
83. "Ikonoborchestvo" – "Iconoclasm" // Pravoslavnaya Ehnciklopediya – The Orthodox Encyclopedia. Vol. 22. P. 39.
84. Lurie M. V., Baranov V. A. Op. cit. P. 448.
85. Ibid. P. 449.
86. Mango S. Op. cit. Pp. 166–167.
87. Pelikan, J. Op. cit. Pp. 100–102.
88. Vladimir Lossky, Op. cit. in: Kallistos (Ware), microp. Op. cit. P. 203.
89. Pelikan, J. Op. cit. P. 103.
90. Ibid. P. 102.
91. Iconoclasts could appeal to his work "Teacher" (4.51.6), in which, in particular, I is stated: "...the image is only dead matter, created by the hand of a craftsman. We (Christians) don't have tangible images created from tangible materials, but only a thought image of God, which is God" (cit. by: Pelikan J. Op. Cit. P. 100). The iconodules, in turn, could refer to the work of Clement "Stromata" (VII, 11). It said: "reaching the pinnacle of knowledge... is a beautiful image, thinking of those patriarchs who had reached perfection long before his days, and of the countless prophets and messengers and their Master" ("Anthology"// Iconoclasm. P. 181).
92. See ibid. Pp. 180–181.
93. Patriarch Nicephorus. "Third Refutation" 7–8. Cit. by: Pelikan J. Op. cit. P. 99.
94. Rev. John Damascene. Vtoroe slovo, XVI [The second word, XVI]. P. 58; and see Pervoe slovo. XXIII [The first word. XXIII]. P. 20.
95. Rev. John Damascene. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very, IV, 16 [Exact exposition of the Orthodox faith, IV, 16]. P. 244.
96. See Deyaniya Vselenskih soborov [The acts of the Ecumenical councils]. Vol. 7. P. 284.

УДК 271;94

Е. В. Кустова

Особенности создания женских общин и монастырей в Сарапульском уезде Вятской епархии в начале XX в.*

В статье в контексте общероссийских процессов рассматривается история создания женских общин в Сарапульском уезде Вятской губернии в начале XX в. В основе исследования лежат документы Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Анализируются социально-экономические процессы, оказавшие влияние на бурный рост женских общин и монастырей в России. Показана двойственная роль государства, которое в зависимости от политической ситуации в стране корректировало свою политику в отношении женского монашества. Рассматривается порядок создания общин в Сарапульском уезде. В центре внимания автора стоит круг проблем, с которым столкнулись члены общин при их создании, включая юридические, экономические, бюрократические и субъективные. Показано, как насельницы преодолевали сложившиеся трудности и добивались открытия общин.

In an article in the context of nationwide processes the history of creation of women's communities in Sarapul county Vyatka province in the early twentieth century. The study is based on documents of the Central State Archive of the Republic of Udmurtia. Analyze the socio-economic processes that have influenced the rapid growth of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области в рамках проекта проведения научных исследований № 15-11-43002.

women's communities and monasteries in Russia. It is shown that the dual role of the state, which, depending on the political situation in the country to adjust its policy in relation to women's monasticism. The article explains how to create a community in Sarapul county. The author focuses on is the range of problems faced by members of the community when they are created, including legal, economic, bureaucratic and subjective. The article shows how the nuns overcome existing difficulties and sought the opening of Commons.

Ключевые слова: Вятская епархия, женские общины, феминизация монашества, крестьянство, благотворительный, благотворители.

Keywords: Vyatka diocese, women's community, the feminization of monasticism, the peasantry, the rural dean, philanthropists.

В пореформенной России наблюдалось бурное развитие общественной инициативы. Она проявила себя не только в сфере самоуправления, социального служения, образования, но и в церковной жизни. Начинается возрождение монашества после затяжного кризиса, вызванного церковными реформами XVIII в. В частности, с середины XIX столетия наблюдался невиданный всплеск женского монашества в России. Так, в период с 1850 по 1914 г. число мужских монастырей в России выросло в 1,2 раза, женских – в 3,8 раза, число монахов увеличилось в 2,4 раза, монахинь – в 7,5 раза, послушников – в 1,9 раза, послушниц – в 9 раз. Несмотря на то что к 1914 г. количество мужских и женских монастырей практически сравнялось (550 и 475 против 464 и 123 в 1850 г.), при этом на 21 330 монахов и послушников (22,6% от общего числа братии в монастырях) приходилось 73 229 монахинь и послушниц (77,4%) [1]. Таким образом, если до 1860-х гг. численность монахов и послушников была больше, чем монахинь и послушниц, то затем это соотношение изменилось в обратную сторону.

Подъем женского монашества в пореформенной России исследователи связывают с отменой крепостного права и вызванными ею социально-экономическими изменениями в стране [2]. Как отмечает Е. Б. Емченко, отмена крепостного права в 1861 г. изменила положение женщины в крестьянской семье – она могла чаще принимать самостоятельные решения, порой даже вопреки мнению старших членов семьи [3].

Е. В. Белякова связывает процесс «феминизации монашества» с разрушением традиционной семьи и распространением европейского типа брака, когда в жизни и в общественном сознании формируется новый социальный статус незамужней женщины. Это было тесно взаимосвязано с появлением и развитием женского образования, и, как следствие этого, появлением женщин, работавших учителями и врачами. Монастырь также мог стать средством реализации женского стремления к самостоятельности и образованию, в частности через активную просветительскую и миссионерскую деятельность, которую развернули именно женские обители. Поэтому образование многочисленных женских общин стало решением как духовных, так и социальных вопросов [4].

Кроме того, во второй половине XIX в. наблюдался общий религиозный подъем, который во многом был обусловлен возрождением традиций старчества. Религиозные вопросы занимали значительное место в духовной жизни русской женщины, которые они стремились решать не отвлеченно, а «индивидуально и лично» [5].

Свою роль, безусловно, сыграли и изменения в политике правительства. В результате петровских преобразований в России в 1720-е гг. женские общины были ликвидированы как форма монашеской жизни. Вновь отдельные женские общины стали признаваться Синодом после реформы 1764 г. В первой четверти XIX в. получили юридический статус «женские общежития», организованные на собственные средства женщинами из аристократических дворянских семей. В 1841 г. была «высочайше» утверждена Зосимова Одигитриевская община в Московской губернии. В 1842 г. были «приняты под покровительство духовного и гражданского начальств» три общины в Нижегородской епархии [6].

Во второй половине XIX в. Синод стал проявлять более активный интерес к женским общинам и в определенной степени способствовать их организации. Это было обусловлено не только желанием лучше контролировать жизнь стихийно организованных общин, но и стремлением направить их деятельность в русло социального служения.

Таким образом, причинами стремительного роста числа монашествующих женщин были социально-экономические изменения в стране, стремление женщин к образованию и самостоятельности, религиозные устремления, изменения церковного законодательства и т. д.

Обычно общины возникали стихийно как результат религиозных потребностей женщин и ответная реакция на ограничительное законодательство правительства в отношении женского монашества. Инициаторами выступали отдельные подвижницы, которые имели поддержку богатых благотворителей. Большинство новых обителей открывалось в небольших уездных городах или селах,

поскольку в более крупных городах в основном поддерживались уже существующие монастыри. Первоначально общины существовали самостоятельно, не имея официального статуса, а потому вне юрисдикции светских и духовных властей. При поддержке состоятельных купцов и других благотворителей община обустроивалась, приобретала по указу Синода официальный статус, и через несколько лет могла быть преобразована в монастырь. Так, из 156 женских общин, существовавших в России в 1896 г., две трети (96) впоследствии были преобразованы в монастыри [7].

Если в соответствии с реформой 1764 г. на содержание «штатных» монастырей выделялись суммы из казны, то для новых обителей выделение средств не предусматривалось, тем более не предполагалась их постоянная финансовая поддержка. Поэтому чтобы добиться разрешения на открытие общины, и тем более монастыря, требовалось иметь постоянные источники доходов, которые могли бы обеспечивать существование насельниц без субсидий со стороны государства. Подобными источниками являлись пожертвованные благотворителями земельные угодья, недвижимость в городах, проценты с капиталов в банках.

По своей организации женские общины во многом напоминали монастыри, с той разницей, что их члены не принимали монашеских обетов и при этом следовали правилам монастырского устава. Особенностью многих женских общин, как и монастырей, стала строгая подвижническая жизнь, сочетавшаяся с широкой социальной, благотворительной и миссионерской деятельностью, организацией школ, приютов, больниц, богаделен, рукодельных и иконописных мастерских. Насельницы призревали сирот, обучали детей грамоте, ухаживали за больными и престарелыми, а зачастую являлись духовными руководительницами.

Важно отметить, что все вновь создаваемые женские общины основывались на принципах общежительства. В этом проявилась важная тенденция развития монашества в России во второй половине XIX – начале XX в. Еще в 1869 г. Синод попытался провести монастырскую реформу с целью повсеместного введения общежительного устава, причем предполагалось распространить его правила не только на рядовую братию, но и на настоятелей. Исключение делалось лишь для архимандритов крупных монастырей и архиереев. Однако разосланная по епархиям записка о реформе не получила отклика. Вероятно, проект натолкнулся на сильное сопротивление монашества. Тем не менее некоторые монастыри были переведены на общежительный устав. Его вводили и в новых обителях, преимущественно в центральных губерниях. Процесс двигался медленно, и к 1896 г. насчитывалось всего 46 мужских общежительных монастырей (из них 11 на Кавказе) и 101 женский. Это был каждый десятый мужской монастырь и каждый пятый женский [8].

Указанные выше процессы наблюдались и в Вятской епархии. Если в середине XIX в. в епархии насчитывалось только пять монастырей (два в г. Вятке, два в г. Слободском и один в г. Орлове), то с 1856 по 1918 г. появилось вновь три мужских монастыря и 11 женских общин, пять из которых впоследствии были преобразованы в монастыри – Елабужский, Сарапульский, Яранский, Арбажский и Куженерский [9]. По своему уставу все вновь созданные монастыри, как мужские, так и женские, были общежительными.

Правительство, чтобы несколько ограничить бесконтрольный рост женских общин и монастырей, создало более сложные условия для их открытия, чем для мужских обителей. Если для последних требовалось только обосновать их необходимость и пользу, указать средства содержания, то для женских монастырей и общин необходимо было еще представить сведения о личном составе желающих поступить в обитель, документы на жертвуемое или завещанное имущество, отзыв МВД об отсутствии препятствий к открытию общины. Чтобы закрепить за женской общиной имущество, требовалось высочайшее соизволение. Условиями для преобразования общины в монастырь были следующие: она должна была быть «внутренне благоустроена», материально обеспечена и иметь в своем ведении благотворительное или учебное заведение. Кроме того, как показывал опыт, если мужские монастыри могли появиться без предварительной общины, то женские монастыри создавались исключительно на базе общин [10].

В Сарапульском уезде еще в середине XIX в. возникла община в г. Сарапуле, в начале XX в. Каракулинская (1916) и Шарканская (1918) общины, а также шел процесс оформления общины в с. Тойкинском. При этом две последние создавались с миссионерскими целями. Также в Сарапульском уезде возникло одно из первых сестричеств в Вятской епархии в с. Нижний Лып [11].

Первой в Сарапульском уезде стала Благовещенская женская община в г. Сарапуле. «Община сестер трудолюбия» образовалась еще в 1853 г. В 1873 г. на пожертвования она приобрела участок земли, на котором в 1877 г. иждивением купца 1-й гильдии Никандра Дедюхина была построена Благовещенская церковь. На содержание причта было пожертвовано елабужским купцом Иваном Ивановичем Стахеевым 8 150 руб. [12]

В 1881 г. по указу Синода был основан Сарапульский Благовещенский общежительный монастырь «из переименованной в оный монастырь женской общины сестер трудолюбия по пред-

ставлению настоятельницы вследствие желания сестер общины с граждан города Сарапула». Под монастырь были отведены земли в северо-западной части города. Позднее, в 1899 г., на пожертвования купца Николая Ивановича Дедюхина была построена в ограде монастыря домовая церковь, освященная в честь мчц. Александры.

Настоятельницей общины в 1876 г. стала Ангелина (Назарова), более 40 лет прожившая до того в Вятском Преображенском монастыре. В 1882 г. в связи с преобразованием общины в монастырь она получила сан игумении [13].

В 1882 г. для послушниц была открыта женская школа грамоты. Они также обучались пению, рукоделию, иконописи. Их рукоделие славилось не только в Вятской губернии, но и за ее пределами. В 1897 г. за представленные работы на Всемирной колумбийской выставке в г. Чикаго 1893 г. монастырь получил почетный диплом и бронзовую медаль. В 1904 г. по результатам Первой всероссийской выставки монастырских работ монастырь «за отличное исполнение рукоделий (за шитье гладью)» был награжден дипломом и малой серебряной медалью [14]. При монастыре действовали также иконописная мастерская, молочная ферма. К 1918 г. число насельниц монастыря достигло 110.

В Сарапульском уезде также была создана миссионерская Шарканская женская община. В 1909 г. жительница с. Шаркан Любовь Родыгина предложила открыть общину в своем имении и перенести туда икону Божией Матери Скоропослушницы из Шарканской приходской церкви. Икона была прислана ее покойному мужу с Афона за жертвования и почиталась местными жителями чудотворной. Для обеспечения будущей общины сын просительницы, владелец чугуно-литейного завода Алексей Родыгин, приобрел у крестьян 40 дес. земли. Двоюродный брат А. Родыгина из Тюмени обещал еще 50 тыс. руб. Были построены четыре корпуса и необходимые хозяйственные постройки. В 1911 г. в общине на деньги Родыгиных воздвигли церковь во имя Архангела Михаила, а в 1916 г. из переданного жителями с. Люк храма построили Покровскую церковь. Женская обитель выполняла главным образом миссионерские функции, обучая, в частности, удмуртов в специально созданной для них школе. Община содержалась трудами насельниц – обработкой земли, которой имелось 60 десятин, заработком своих мастерских, доходами от садоводства, скотоводства, пчеловодства.

В 1911 г. Любовь Родыгина вновь направила прошение о создании «Шарканской вотяцкой миссионерской трудовой женской Михайло-Архангельской общины». Однако благочинный выступал против этой инициативы, безосновательно обвиняя Родыгину в корыстных целях, а также в отсутствии в общине правильного монастырского устройства и духовно-опытных монахинь. Переписка затянулась на несколько лет. Синод в 1913 г. передал дело на решение вятского епископа. 10 октября 1915 г. резолюцией Сарапульского епископа община была приписана к Сарапульскому женскому монастырю. В ноябре того же года Любовь Родыгина постриглась в монахини с именем София, официально став заведующей общежитием.

Если в 1912 г. в общине было около 60 насельниц, то к 1917 г. их уже насчитывалось 83. Также община имела 48 дес. земли. В сентябре 1917 г. общину посетил епископ Сарапульский и Елабужский Алексей сообщил в Синод: «Хозяйство поставлено у них образцово. Средств имеется достаточно, около 20 тыс. рублей. Приток доходов большой от наплыва богомольцев, в основном вотяков. Имеются мельница, кирпичный завод, кузница, столярная, чеботарная, слесарная, ткацкая, чулочная, малярная мастерские, веревочный завод. Причем работы исполняют сами насельницы общежития – сами пашут, работают в кузнице, выделывают кирпич». На основании этих фактов Синод указал 12 апреля 1918 г. открыть женскую общину и перенести туда икону [15].

История создания Каракулинской общины была более сложной и длительной. Каракулино являлось крупным торговым селом, где в начале XX в. проживало около 1,5 тыс. человек [16]. Село имело богатую церковную историю. Никольская церковь была построена здесь еще в XVII в. [17] С XVIII в. был известен Казанско-Богородицкий храм, в 1801 г. была построена Троицкая церковь [18]. В 1849 г. была освящена Воскресенская кладбищенская церковь, которая являлась приписной к Троицкому храму. В 1907 г. в селе в память императора Александра II была построена каменная часовня [19].

Еще в 1870-х гг. как в самом с. Каракулино, так и в окрестных деревнях и селах стали жить женщины, склонные к уединенной монашеской жизни. В начале XX в. таковых насчитывалось уже 26 человек. 17 февраля 1900 г. они обратились к епископу Сарапульскому с просьбой о создании монашеской женской общины. Местные крестьяне выразили свое согласие на передачу им кладбищенской Воскресенской церкви, которая не имела своего прихода, и на создание женского монастыря. Также крестьяне согласились отвести для постройки корпусов и устройство огорода землю [20].

Собравшиеся женщины были настроены на монашеский образ жизни, имели хозяйство, налаженный быт. Духовенство давало им самую лучшую характеристику. При обследовании жилья

келейниц оказалось, что с. Каракулине у них было семь домов, причем дома были ими построены на личные средства. Только у Мосуновой и Кибардиной дома им перешли от прежних келейниц. Все избы обычно разделялись на три комнаты: кухню, швейную и молитвенную комнату, где читались молитвы, а порядок жизни напоминал монастырский.

В целом, духовное начальство поддерживало инициативу по созданию организованной монашеской общины. Подчеркивалось, что «имеющиеся в селах Каракулине и Колесникове мелкие женские общины существуют уже давно и без всякого надзора и руководства со стороны духовного начальства, поэтому необходимо объединение в одну общину под руководством и покровительством духовного начальства, чтобы упорядочить монашескую жизнь там, а также, чтобы сохранить от влияния разных сектантских учений. Что того не желают и сами келейницы» [21]. Однако открытие общины растянулось на многие годы.

Первым серьезным препятствием для ходатайства в Синод стало отсутствие у общины постоянных источников дохода, помимо пожертвованных 16,5 дес. земли. Члены будущей общины настаивали на том, что хотя средств для устройства корпусов и ограды пока нет, но многие частные лица готовы сделать пожертвования. Помимо земель и храма у общины имелась лошадь, пожертвованная неизвестным, которая находилась под присмотром Серебряковой [22].

Осенью 1901 г. еп. Владимир, чтобы лучше познакомиться с делом, лично прибыл в Каракулино. Церковный староста И. Ведерников пообещал пожертвовать от себя сруб для 2-этажного здания общины. Для постановки дома сельское общество своим приговором решило перечислить капитал в 1000 руб., собранный на построение храма в честь Александра II, на устройство общины. Также Ведерников передал общине для проживания девиц вплоть до постройки дома свой флигель, расположенный вблизи кладбищенской церкви, и обещал на свои деньги устроить колодец. Отмечалось, что «будущие насельницы сей общины происходят из крестьянского сословия, привыкшего к черным работам, имея в своем распоряжении 16 ½ дес. земли могут заниматься хлебопашеством и огородничеством. Разные рукодельные работы свои они могут легко и удобно продавать в самом Каракулине – торговом селе. От всего этого сестры общины могут получать достаточные средства для своего существования». Епископ признал, что находит открытие общины «весьма желательным, как противовес строгой нравственно-религиозной жизни – нравственной распущенности окрестного молодого поколения обоих полов». Викарий подал ходатайство об открытии общины. Требовались только бумаги на жертвуемые земли и приговор общества о пожертвовании сумм на общину [23].

Пока собирались бумаги, в 1902 г. в Сарапуле вновь сменился викарий. Поэтому уполномоченные лица обратились уже к новому еп. Сарапульскому Михею с просьбой об организации общины [24]. Однако практически решенное дело в 1903 г. было приостановлено Сарапульским духовным правлением. Признавая, что открытие общины – дело «полезное и желательное», оно настойчиво отмечало «полную недостаточность средств на устройство и содержание общины». Поэтому указало прошение «отклонить впредь до более благоприятных обстоятельств, когда Каракулинское общество изыщет достаточные средства для безбедного существования общины». Пожертвования до этого времени оставались в пользовании и владении жертвователей [25]. В 1905–1906 гг. жители с. Каракулино и насельницы подавали новые ходатайства о разрешении открыть общину и назначении настоятельницей Екатерины Быковой, искренне удивляясь причинам остановки дела [26].

Печальный итог семилетнему ведению этого дела подвел в августе 1907 г. благочинный 1-го округа Сарапульского уезда свящ. Петр Напольский. Он сообщил, что 1000 руб., переданные на общину от сельского общества, были истрачены на постройку часовни в селе в память царя Александра II, поскольку община в течение нескольких лет не была открыта. Ведерников и другие крестьяне с. Каракулина по той же причине отказались передавать свою землю под общину. Священник Алексей Ардашев, обещавший пожертвовать земли, скончался. Поскольку бумаги на передачу земель общине оформлены не были, его земля оказалась в ведении наследниц [27]. Парадоксальность ситуации состояла в том, что женщины уже много лет себя обеспечивали, а их упрекали в том, что для создания общины нет экономических условий. Жители села утратили веру в возможность реализации этой инициативы. История с созданием Каракулинской общины подошла к своему логическому завершению.

Но субъективный фактор оказался сильнее сложившихся обстоятельств. Мария Серебрякова, давшая обет Богу о создании общины, не оставила свою идею. Спустя семь лет после последнего рассмотрения дела она вновь обратилась со своей инициативой к духовным властям. Из-за длительной переписки и затянутого решения дела к 1907 г. ни денег, ни земель фактически не осталось. В то же время в пользовании общины имелось имущество стоимостью не менее 10 тыс. руб., которое приносило доход до 500 руб. в год [28].

Новой претензией стало то, что община располагается на кладбище, поэтому появились сомнения в соблюдении санитарно-гигиенических норм. Однако врачебная управа в 1916 г. дала свое согласие на расположение общины у кладбища. Как писали насельницы епископу, общину «...не разрешают только потому, что учреждению общины кто-то препятствует – вероятно, духовные наши отцы, опасаящиеся потерять несуществующий доход». По словам Серебряковой, доходы с созданием общины у духовенства не уменьшатся, а увеличатся, поскольку половина доходов от церкви кладбищенской будет поступать служащему там духовенству [29]. Подозрения Серебряковой в отношении местного духовенства, по-видимому, имели под собой основание. Сохранился фрагмент выписки, сделанный, вероятно, в Вятской духовной консистории, в конце которой была сделана следующая приписка: «В отзывах о. благочинного и причта Каракулинской церкви по всему делу проводится мысль, что это не более не менее как пустая затея, вытекающая из корыстных и властолюбивых целей и других греховных побуждений. Если это действительно так, то все начатое ходатаями дело по открытию общины само собой рушится, если в устройстве общины есть искреннее желание любви Христовой, труда и молитвы, то это дело также само собой разовьется, укрепитя и возрастет и принесет много плода» [30].

Точку в этом затянувшемся деле поставила Вятская духовная консистория. 19 сентября 1916 г. она направила Сарапульскому духовному правлению свое постановление. В нем отмечалось, что имеющийся земельный участок (2 дес. от общества и 8 дес. от покойного священника Ардашева, остальные отказались от пожертвований) не способен прокормить общину: «К открытию община является совершенно материально необеспеченною». Но ввиду «настойчиваго и неоднократнаго ходатайства Серебряковой об учреждении означенной общины», которое поддерживается и преосв. Амвросием, «епархиальное начальство находит возможным разрешить здесь женское общежитие труда и молитвы». Также было решено командировать из Вятского Преображенского монастыря монахиню Иувеналию в с. Каракулино «для устройства и руководства жизнью в общежитии», доходы делить пополам от кладбищенской церкви между причтом и общежитием, «за участие насельниц в чтении, пении и наблюдении за чистотой и сохранностью в храме». Кроме того, было решено ходатайствовать перед Синодом об организации общины. 16 октября 1916 г. община торжественно была открыта [31].

В январе 1917 г. был избран приходским советом строительный комитет из семи человек для постройки зданий для общежития. 11 октября 1917 г. монахиня Ювеналия обратилась к еп. Сарапульскому и Елабужскому Алексею с просьбой войти в сношение с Синодом для официального открытия женской общины во имя Воскресения Христова. Она сообщала, что «с Божией помощью и благодаря усердию жителей села Каракулино и их горячо отзывчивому сердцу к устройству общины на отведенной земле, уже построен дом для сестер стоимостью 12 000 рублей, и некоторые службы, и все место обнесено забором». После построек осталось еще 3 тыс. руб. Что же касается численности общины, к тому времени она насчитывала 33 насельниц [32]. Таким образом, для создания общины в с. Каракулино, даже до официального одобрения со стороны Синода, потребовалось 16 лет. Во многом она открылась не благодаря, а вопреки сложившимся обстоятельствам.

Подводя итог, можно выделить ряд негативных факторов, которые затягивали создание женских общин в Сарапульском уезде. Для духовных властей главным доводом для отказа к открытию общин служило отсутствие постоянных источников доходов, наличие которых требовалось законодательством. Государство, стремясь сдерживать рост женских общин и не допустить излишних расходов казны, заняло в этом вопросе двойственную позицию: с одной стороны, разрешая общины, а другой – создавая трудности для их создания. Однако парадоксальность ситуации состояла в том, что женщинам удавалось без помощи благотворителей и государства наладить хозяйство для нормального функционирования общины, несмотря на отсутствие больших земельных участков и недвижимости. Они с успехом занимались продажей рукоделий, получая постоянный доход, что, однако, не являлось доводом для духовных властей. В результате затягивания дела община лишалась тех средств и земель, которые могла получить, если бы открылась на несколько лет раньше: за сроком давности многие благотворители и сельские общества, первоначально обещавшие помочь начинанию, отказывались от своих пожертвований, утратив надежду в возможность положительного решения вопроса.

К негативным факторам можно отнести и относительно частую смену епископов в Сарапульском викариатстве. Несмотря на то что они поддерживали саму идею создания общины, каждому новому викарию нужно было время, чтобы разобраться в этом вопросе.

В некоторых случаях значимым оказывался субъективный фактор в лице благочинных и Сарапульского духовного правления, которые могли оказать противодействие проекту, исходя из своих меркантильных интересов. Однако тот же субъективный фактор в лице насельниц об-

щины мог стать главной движущей силой – их настойчивость, ведение многолетней переписки приводили, в конечном счете, к желаемому результату. Ускоряло создание общин наличие крупных благотворителей, которые могли в сжатые сроки создать материальную базу общины.

Открытие общин стало возможным также во многом благодаря напряженной социально-политической обстановке в стране, когда возросла религиозная индифферентность в российском обществе: как Шарканская, так и Каракулинская общины открылись в годы Первой мировой войны. Духовные власти, обеспокоенные «шатанием умов» накануне революции, стали отходить от формальных требований и более охотно давали разрешение на открытие общин и монастырей, даже если они не были вполне материально обеспечены.

Примечания

1. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века // Монашество и монастыри в России: XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 305.
2. Зырянов П. Н. Там же. М., 1999. С. 21; Нечаева М. Ю. Саров и женское монашество на Урале в конце XVII–XIX вв. Екатеринбург, 2000; Смолич И. К. Русское монашество. 988–1917. М., 1997. С. 292–298; Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 31–32.
3. Емченко Е. Б. Женские монастыри в России // Монастыри и монашество в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 264–265.
4. Белякова Е. В. Вопрос о диакониссах на Поместном соборе 1916–1917 гг. // Церковно-исторический вестник. М., 2001. С. 139–161.
5. Смолич И. К. Указ. соч. С. 291–292.
6. Там же. С. 291–305; Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 21.
7. Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в Православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 209.
8. Елдашев А. М. Мензелинский Пророко-Ильинский женский монастырь и его настоятельница игумения Маргарита. URL: http://kds.eparhia.ru/www/script/2_20_2010_-_eldashev.htm (дата обращения: 23.08.2015).
9. Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 305, 309.
10. Мохова Г. А. Святая обитель. История Вятского Преображенского девичьего монастыря. Киров, 2014. С. 261.
11. Мохова Г. А. Указ. соч. С. 261.
12. Центральный государственный архив Республики Удмуртия (ЦГАУР). Ф. 245. Оп. 1. Д. 4913; Оп. 2. Д. 1909; Д. 1852; Оп. 4. Д. 131. Л. 149–150.
13. ЦГАУР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
14. ЦГАУР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об. – 4.
15. ЦГАУР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об. – 3; Д. 14. Л. 2.
16. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 4913. Л. 1–76.
17. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 75.
18. Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской епархии. Вятка, 1914. С. 41–43.
19. Там же. С. 378, 506–508.
20. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 4. Д. 98, 128.
21. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 46–49 об., 66–67, 122 об. – 123.
22. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 50 об., 75, 123.
23. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 119 об. – 120 об.
24. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 121–121 об., 128, 128 об.
25. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 3 об., 119, 123 об., 124.
26. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 103, 131, 132, 135 об., 138–139 об., 142–144.
27. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 145 об., 147, 148.
28. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 3, 4.
29. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 24–25 об., 28.
30. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 34, 34 об.
31. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 27–28, 31.
32. ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 2. Д. 1909. Л. 32, 151, 153–154 об.

Notes

1. Zyryanov P. N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX – nachale HH veka // Monashestvo i monastyri v Rossii: XI–XX veka: Istoricheskie ocherki // Monks and monasteries in Russia: XI–XX century: Historical Essays – Russian monasteries and monks in the XIX – early XX century. M. 2002. P. 305.
2. Zyryanov P. N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka. [Russian monasteries and monastic life in the XIX century and early twentieth century]. M. 1999. P. 21; Nechayeva M. Yu. Sarov i zhenskoe monashestvo na Urale v konce XVII–XIX vv. [Sarov and female monk in the Urals at the end of XVII–XIX centuries.] Ekaterinburg. 2000; Smolich I. K. Russian monasticism. 988–1917. [Russkoe monashestvo. 988–1917] M. 1997. Pp. 292–298; Firsov S. L. Russkaja cerkov' nakanune peremen (konec 1890-h – 1918 gg.). [Russian church on the eve of change (end of 1890 – 1918)]. M. 2002. Pp. 31–32.

3. Yemchenko E. B. Zhenskie monastyri v Rossii [Nunnery in Russia] // Monastyri i monashestvo v Rossii XI–XX veka: Istoricheskie ocherki – Monasteries and monks in Russia XI–XX century: Historical Essays. M. 2002. Pp. 264–265.
4. Belyakova E. V. Vopros o diakonissah na Pomestnom sobore 1916–1917 gg. [Question of deaconesses in the Local Council 1916–1917 years] // Cerkovno-istoricheskij vestnik – Church-Historical Journal. M. 2001. Pp. 139–161.
5. Smolich I. K. Russian monasticism. 988–1917. [Russkoe monashestvo. 988–1917]. M. 1997. Pp. 291–292.
6. Ibid. Pp. 291–305; Zyryanov P. N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka. [Russian monasteries and monastic life in the XIX century and early twentieth century]. M. 1999. P. 21.
7. Belyakov E. V. Belyakov N. A., Yemchenko E. B. Zhenshhina v Pravoslavii : cerkovnoe pravo i rossijskaja praktika. [Woman in Orthodoxy: canon law and the Russian practice] M. 2011. P. 209.
8. Yeldash A. M. Menzelinskij Proroko-Ill'inskij zhenskij monastyr' i ego nastojatel'nica igumenija Margarita [Menzelinsky prophet Ilyinsky the convent abbess Abbess and Margarita]. URL: http://kds.eparhia.ru/www/script/2_20_2010_-_eldashev..htm (the date of circulation: 08.23.2015).
9. Zyryanov P. N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX – nachale XX veka [Russian monasteries and monks in the XIX – early XX century] // Monashestvo i monastyri v Rossii: XI–XX veka: Istoricheskie ocherki. – Monks and monasteries in Russia: XI–XX century: Historical Essays. M. 2002. Pp. 305, 309.
10. Mokhova G. A. Svjataja obitel'. Istorija Vjatskogo Preobrazhenskogo devich'ego monastyrya. [Holy abode. History Vyatsk Transfiguration nunnery]. Kirov. 2014. P. 261.
11. Ibid. P. 261.
12. Central State Archive of the Republic of Udmurtia (CSARU). F. 245. Sh. 1. File 4913; Sh. 2. File 1909; Sh. 2. File 1852; Sh. 4. File 131.
13. CSARU. F. 208. Sh. 1. File 1. Sh. 1.
14. CSARU. F. 208. Sh. 1. File 5. Sh. 3 turn – 4.
15. CSARU. F. 208. Sh. 1. File 2. Sh. 2 turn. – 3; File 14. Sh. 2.
16. CSARU. F. 245. Sh. 1. File 4913. Sh. 1–76.
17. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 75.
18. Sbornik hramozdannyyh gramot na postroenie cerkvej v Vjatskoj eparhii [Collection hramozdannyyh letters to build churches in the Diocese of Vyatka]. Vyatka, 1914. P. 41–43.
19. Ibid. Pp. 378, 506–508.
20. CSARU. F. 245. Sh. 4. File 98, 128.
21. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 46–49, 66–67, 122 turn – 123.
22. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 50 turn, 75, 123.
23. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 119 turn – 120 turn.
24. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 121–121, 128, 128 turn.
25. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 3 turn, 119, 123 turn, 124.
26. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 103, 131, 132, 135 turn, 138–139, 142–144.
27. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 145 turn, 147, 148.
28. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 3, 4.
29. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 24–25 turn, 28.
30. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 34, 34 turn.
31. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 27–28, 31.
32. CSARU. F. 245. Sh. 2. File 1909. Sh. 32, 151, 153–154.

УДК 94(47).083"1905/1907"

Н. С. Ватник

Протестные акции учащихся средних школ России в 1906–1907 гг.: динамика, содержание, формы

В статье рассмотрены выступления учащихся средних учебных заведений в период спада Первой российской революции. На основе опубликованных и, главным образом, архивных источников выявлены формы протестных действий учащихся, соотношение академических и политических требований протестующих. Установлены периоды подъема и снижения школьных волнений и их связь со степенью активности общественного движения в стране. Определена специфика движения учащихся православных духовных семинарий и стремление Центрального комитета Общесеминарского союза придать выступлениям семинаристов организованность и единство выдвигаемых требований. Сделан вывод, что, несмотря на присутствие в средних школах небольших групп учащихся-радикалов, в 1906–1907 гг. происходил постепенный отход основной массы учеников от активной борьбы, даже академического характера, и угасание интереса к вопросам общественной жизни.

The article examines the performance of students in secondary schools during the recession of the First Russian revolution. On the basis of published and mainly archival sources identified forms of protest actions of stu-

dents, the ratio of academic and political demands of the protesters. There are periods of rise and decline of school unrest and their relationship with the degree of activity of a social movement in the country. The specificity of the movement of students of the Orthodox theological seminaries and the desire of the Central Committee Obsceneness Union to give speeches seminarians organization and unity of requirements. It is concluded that, despite the presence in secondary schools, small groups of radicals in 1906–1907 there was a gradual withdrawal of the majority of students from active combat, even an academic one, and the fading interest in the issues of public life.

Ключевые слова: Первая российская революция, учащиеся средних школ, протестные акции, требования учащихся.

Keywords: The first Russian revolution, secondary school students, the protests, the demands of the students.

Первая российская революция открыла череду острых социальных конфликтов и гражданских противостояний, происходивших на территории Российской империи/СССР в течение XX в. Порожденная глубинными политико-экономическими, социальными и национально-конфессиональными противоречиями, эта революция вовлекла в общественную жизнь не только массу взрослого населения, связанного с производством, государственной службой, предпринимательством, творческой деятельностью или образованием, но и учащееся юношество – воспитанников средних учебных заведений. Именно в 1905–1907 гг. о своих требованиях – академических (школьных) и общегражданских – открыто заявила молодежь 16–19 лет, обучавшаяся в мужских и женских гимназиях, реальных и специальных (промышленных, земледельческих, коммерческих и др.) училищах, духовных семинариях. Ученические волнения, вызвавшие в обществе шок (типичная реакция – «революционерами стали даже дети») и получившие название «школьная смута», свидетельствовали о кризисных явлениях в российском среднем образовании и необходимости его глубокого реформирования (что в 1915–1916 гг. намеревался предпринять министр народного просвещения П. Н. Игнатьев).

Выступления 1905–1907 гг. в школах привлекли внимание современников, в первую очередь педагогов, пытавшихся осмыслить феномен ученического движения. Авторитетные педагогические журналы «Вестник воспитания» и «Русская школа» постоянно помещали на своих страницах как текущую информацию о положении в средних учебных заведениях (отделы «Хроника», «Педагогическая хроника»), так и аналитические статьи (наиболее известны публикации Г. А. Рокова) [1]. В последующее десятилетие появился ряд обзорных трудов на эту тему [2]. В советское [3] и постсоветское [4] время общественные позиции учащихся указанного времени рассматривались в историко-партийных, историко-педагогических и общеисторических работах. Однако общим для всех исследовательских трудов, в хронологическом плане, является интерес преимущественно к событиям 1905 г., т. е. ко времени пика волнений [5]. Это неудивительно и вследствие необычности ситуации в «храме науки» (для современников), и по причинам массовости и многообразия форм ученических волнений, специфики реагирования властей, родителей и педагогов на происходящее, влияния на нравственную атмосферу в школах в целом. Как следствие, нарушения порядка в средних учебных заведениях, отмеченные в 1906–1907 гг., оказались на периферии научного интереса или упоминаются как дополнительное, второстепенное по отношению к основной волне протестов 1905 г. Между тем именно использование сравнительно-исторического метода позволит определить динамику и характер процесса в целом, соотношение стихийности и организованности протестных акций, особенности социального поведения воспитанников учебных заведений разного профиля, эволюцию их требований (корпоративных и политических).

Тема данного исследования локализована регионом Центральной России. Это обусловлено, во-первых, его расположением в Московском учебном округе – наиболее крупном (по количеству школ и числу учащихся) из 12 округов и трех учебных управлений Министерства народного просвещения. Располагаясь на территории 11 губерний (Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской), округ включал 15,4% мужских гимназий и прогимназий, 16,3% реальных училищ, почти треть технических училищ; в совокупности в них обучалось более 27% всех учащихся ведомства просвещения. Здесь было сосредоточено 20% православных духовных семинарий империи с 30% общего числа воспитанников и действовал ряд средних земледельческих, коммерческих, педагогических и других училищ, подчинявшихся различным ведомствам [6]. А во-вторых – происходившими на этой территории ожесточенными социальными конфликтами и активной деятельностью нелегальных политических партий, что оказывало серьезное влияние на общественное поведение учащихся – свидетелей или участников происходивших событий.

Источниками данной статьи послужили опубликованные справочные книги Министерства народного просвещения, сборники распоряжений и циркуляров, отчеты министра народного

просвещения и обер-прокурора Св. Синода [7]. Многочисленные материалы о движении учащейся молодежи региона приводятся в сборниках документов и хрониках революции 1905–1907 гг. [8] Информация о выступлениях учащихся была почерпнута из статей в журнале по вопросам просвещения «Вестник воспитания», где не только приведены факты школьных «беспорядков», но и анализируются их причины и последствия для среднего образования. Отдельной группой источников являются воспоминания современников-учащихся, ставших позднее видными литераторами, педагогами [9].

Наряду с опубликованными источниками использовались документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (ф. 733, 796, 797, 802 РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ф. 102, 1741 ГАРФ), Центрального государственного архива Москвы (ф. 459 ЦГА Москвы). Это доклады администрации Московского учебного округа, отчеты директоров учебных заведений, материалы полицейского надзора, нелегальные ученические листовки.

12–16 января 1906 г. в средних школах России возобновилось «нормальное течение занятий», нарушенное бурными событиями октября – декабря 1905 г. Накануне в гимназиях, реальных и технических училищах состоялись заседания педагогических советов. Содержание их протоколов иллюстрирует состояние учебных заведений. Так, постановлением от 12 января педагогический совет Московской 10-й гимназии запретил любые собрания учеников и пригрозил строгими мерами за нарушение этого запрета. Педагоги Московского промышленного училища обратились к родителям с просьбой принять меры, чтобы «дети их ни в коем случае не имели при себе оружия... равно как и нелегальных изданий» [10]. Решения о недопустимости политической деятельности в стенах учебных заведений и о запрещении органов ученического самоуправления приняли педагогические советы всех школ региона.

Последующие события показали, что, несмотря на запреты, такие формы борьбы, как обструкции, игнорирование требований администрации, забастовки, участие в политических демонстрациях продолжали использоваться учащейся молодежью в 1906–1907 гг. Противодействие репрессивному курсу учебного начальства началось уже в первые недели занятий. 13 января ученики старших классов Московской 10-й гимназии потребовали отмены постановления об исключении трех их товарищей, обвиняемых в противоправительственных действиях. В январе – феврале о продолжении борьбы за «освобождение школы» заявили московские «Боевая организация средней школы», «Местный комитет 2-й гимназии», «Центральный комитет организации средне-учебных заведений», «Фракция учащихся в средне-учебных заведениях партии социалистов-революционеров. Московский комитет» [11]. Проэсеровская «Боевая организация средней школы» распространила шесть листовок с призывом к учащимся бороться за «свободную школу» и провела серию химических обструкций в здании 2-й гимназии [12]. В свою очередь, «Фракция учащихся в средне-учебных заведениях партии социалистов-революционеров», агитируя молодежь в эсеровские кружки, издала листовку и подготовила Устав, где перечисляла свои цели (в их числе – «коллективная борьба со школьным режимом») [13].

Но, несмотря на призывы к борьбе со «школьным режимом», массовые волнения в январе – феврале 1906 г. не состоялись ни в московских, ни в других школах региона. И это вполне объяснимо: в 1905 г. ученические «беспорядки» стимулировались массовым студенческим и рабочим движением. В начале же 1906 г., после всплеска забастовок и демонстраций в годовщину событий 9-го января, который пришелся на намеренно продленные «рождественские каникулы», наступил спад стачечной борьбы пролетариата, продолжавшийся до марта [14]. Бездействовало большинство университетов и институтов, прервавших занятия до 1 сентября 1906 г., что вызвало отъезд иногородних студентов и затруднило коллективные выступления студентов. Указанные обстоятельства в сочетании с репрессиями учебной администрации, изгонявшей активистов «беспорядков», объясняют, почему ни призывы нелегальных ученических союзов к борьбе за «свободную школу», ни серия взрывов и обструкций, предпринятые близкими к эсерам учащимися, не смогли раскачать массу школьной молодежи.

Относительно спокойное состояние школ подтверждают мемуаристы. По свидетельству писателя И. Г. Эренбурга, учившегося в Московской 1-й гимназии, к тому времени «гимназисты уgomонились, вернулись к учебникам: больше не было ни митингов в университете, ни баррикад». Ему вторит известный педагог А. Ф. Родин (в 1900-х гг. – учащийся Набилковского коммерческого училища в Москве): если в ноябре 1905 г. ученики получили разрешение на устройство собраний, добились отмены наказаний, обязательного посещения церкви и включения в Училищный совет представителей родителей и своих делегатов, то в январе 1906 г. эти «вольности» были администрацией отменены без каких-либо серьезных протестов воспитанников [15].

Но «успокоение» продолжалось относительно недолго: в марте 1906 г. протестные акции охватили учебные заведения Москвы, Владимира и Смоленска. Поводом послужило сообщение о

казни 6 марта по приговору военно-морского суда лейтенанта П. П. Шмидта – руководителя восстания на крейсере «Очаков» в ноябре 1905 г. В знак протеста против расстрела Шмидта ученики ряда московских гимназий и Промышленного училища с пением похоронного марша прошли по своим школам, а затем объявили забастовку. Как и в 1905 г., делались попытки «снятия» учащихся с занятий представителями забастовавших гимназий. 6 марта демонстрации провели владимирские семинаристы. Политический подтекст имели действия учащихся в конце апреля – начале мая: костромские гимназисты 18 апреля (1 мая по н. ст.) прекратили занятия и провели маевку за Волгой, 1 мая реалисты Муромы и ученики Киржачской учительской семинарии приняли участие в общегородских рабочих демонстрациях, отметили праздник пролетарской солидарности учащиеся Калуги и Рыбинска [16].

К лету 1906 г. школы покинули выпускники – участники и свидетели бурных событий 1905 г., а также исключенные или отсеянные переводными экзаменами активисты ученического движения. 1906–1907 уч. г. начался в условиях наступления правительства, последовавшего после поражения Свеаборгского и Кронштадтского восстаний и неудачи июльских протестов по поводу разгона Первой Государственной думы. Сочетание указанных факторов и обусловило сравнительно невысокую активность учащихся средних учебных заведений в сентябре – декабре 1906 г.

Но потенциальные возможности школьной молодежи как участника освободительного движения были к этому времени далеко не утрачены. Сведения, поступающие в департамент полиции и окружную канцелярию, говорили о живейшем интересе, проявляемом гимназистами, реалистами, «техниками», особенно в крупных городах, к политической жизни страны. Так, в одном из перлюстрированных писем нижегородские учащиеся характеризовались как «народ более или менее сознательный», интересующийся партийной жизнью и следящий «за всеми событиями, к которым относится слишком сочувственно». О сочувствии нижегородских реалистов «противоправительственному движению» МВД известило письмом министра просвещения П. М. фон Кауфмана [17]. В подтверждение точности оценок департамента полиции приведем фрагменты из мемуаров Эренбурга. В жизнь мемуариста «пятый год» принес многое – знакомство со старшеклассниками-радикалами (среди прочих – Николай Бухарин), посещение народных митингов в университете и защита этой «крепости» от нападения казаков, участие в похоронах Н. Баумана и строительстве баррикады возле Кудринской площади. Но судьбу его «определил» 1906 г., когда школьные уроки и отметки утратили для пылкого юноши былое значение. Теперь он штудировал программы эсдеков и эсеров, искал связи с подпольем и, склоняясь к большевикам, спорил с отцом, которому нравились кадеты. «В тот год, – пишет автор, – я вошел в большевистскую организацию и вскоре распрощался с гимназией... Выбор был сделан» [18].

Наибольшее число выступлений второй половины 1906 г. приходится на октябрь, когда ученики школ Москвы, Костромы, Нижнего Новгорода, Тулы отметили годовщину погромов после издания «Манифеста 17 октября». В Лазаревском институте «беспорядки» произошли в память похорон Н. Э. Баумана (20 октября 1905 г.). В Нижегородской гимназии директору удалось сорвать готовящуюся по аналогичному поводу забастовку, но 19 и 20 октября в учебном здании анархистски настроенными учащимися были взорваны петарды, что привело к прекращению занятий [19]. Поводом для волнений могли служить получение известий о расправах с участниками революционных выступлений. 23 октября в Ярославской гимназии состоялась сходка в связи с казнью 19-летней А. Мамаевой – бывшей воспитанницы женской гимназии, готовящей в составе группы эсеров-боевиков взрыв Военного суда в Кронштадте. В принятой резолюции гимназисты объявили «однодневную демонстративную забастовку» и «свое глубокое сочувствие тем идеалам, тому делу, за которое ежедневно царское правительство приговаривает к смертной казни десятки революционеров». 27 ноября ученики старших классов Тульской гимназии в память о рабочем Александрове, убитом полицейскими, пели «Марсельезу» и похоронный марш, не подчинялись директору и вынудили его прекратить занятия [20]. Настроения протеста проникли в учебные заведения и небольших городов (например, Зарайска, Егорьевска, Шуи), где произошли беспорядки, вызванные грубым обращением педагогов [21].

Последний всплеск школьных волнений 1906 г. приходится на декабрь, когда учащиеся Коломны, Ржева, Ярославля прекратили занятия в связи с годовщиной расстрелов полицией рабочих демонстраций. 11 декабря старшеклассники Коломенской гимназии не явились на занятия, почтив память своего товарища И. Маркова, погибшего при разгоне казаками рабочей демонстрации. Через несколько дней, 16 декабря, они провели сходку в здании гимназии, где обсуждался призыв коломенских большевиков к рабочим – прекратить работу и у братской могилы жертв карателей Семеновского полка «напомнить правительству, что они не забыли его кровавой расправы в Голутвине». Этот призыв был поддержан группой гимназистов и гимназисток, присутствовавших на митинге рабочих 18 декабря. Траурную однодневную забастовку «в память жертв,

павших в декабрьские дни 1905 года», объявили воспитанники ярославских гимназий. В резолюции, принятой накануне забастовки, 8 декабря, указывалось, что «годовщина кровавых декабрьских дней... лишний раз напоминает нам о борьбе народа с царским правительством, для которой в нужную минуту мы не замедлили сделать все, что в наших силах». Очевидно, что декабрьские события носили характер политического протеста, но ограниченные территориально (учебные заведения трех городов), не затронув основной массы учащихся, они указывали, с одной стороны, на продолжавшийся спад движения, а с другой – на наличие радикально настроенных групп молодежи, способных организовать политические акции. В тех же школах, где выступления были достаточно подготовлены, в них участвовали большинство старшеклассников (в Коломенской гимназии – 64 из 82 (почти 78%), в Ярославской – 208 из 232 (74,5%) [22].

В 1907 г. выступления учащихся средних школ региона происходили значительно реже, чем в предыдущие годы. Волнения отмечены в Рыбинском техническом училище. Здесь администрация в ответ на забастовку уволила 23 воспитанника и закрыла училище на две недели, до 5 марта. Не явились на занятия воспитанники 8-го класса Московской 2-й гимназии, желая почтить память трех студентов, казненных 1 марта за убийство городского. Спад движения проявился и в крайне ограниченных масштабах празднования ученической молодежью 1 Мая. Его отметили только в учебных заведениях Костромы; причем, несмотря на агитацию местной социал-демократической группы учащихся, большинство гимназистов отказались поддержать забастовавших товарищей и продолжали учиться в этот день [23].

Исследуя коллективные акции в средних школах, нельзя оставить без внимания факт индивидуальных протестов (обычно академических), которые весьма показательны в контексте общественных настроений в молодежной среде в целом. Для примера приведем воспоминания Анастасии Цветаевой (младшей сестры Марины Цветаевой), посвященные учебе поэтессы в московской гимназии фон Дервиз. Напомним, что осенью 1906 г., после смерти матери, четырнадцатилетняя Марина оказалась в «мрачной» жизни интерната, «от строгостей которого... протестом билось её бунтарское сердце». Но Марина – «мятежница с вихрем в крови», звала «к мятежу, к бурному выражению чувств, к подъему». И благодаря «выдающейся», по общему признанию, ученице, задавленный дисциплинарными строгостями интерес гимназисток к «животрепещущим вопросам» России получает развитие. В гимназии появляются принесенные «новенькой» книги – сборники «Знания», рассказы Куприна и нелегальная литература, а революционер Андрей Кожухов – главный персонаж романа С. М. Степняка-Кравчинского – становится героем для пансионеров. Теперь серые будни воспитанниц насыщаются спорами «о новых людях Чернышевского, Тургенева, Горького, о жизни в будущем...», они знакомятся с революционным движением. Как следует из воспоминаний, гимназистки почувствовали себя вовлеченными в бурю новых ощущений, переживаний. К тому же «неблагонадежная» пансионерка, «очень живая, экспансивная девочка с пытливым взглядом и насмешливой улыбкой тонких губ» держала себя независимо по отношению к учителям, классным дамам и начальствующим лицам. Педагоги пытались её уговорить, заставить подчиниться установленным порядкам. Но все было тщетно. Мемуарист дословно воспроизводит монолог Марины, прозвучавший во время острого разговора в кабинете начальницы: «Горбатого могила исправит! Не пытайтесь меня уговорить. Не боюсь ваших предостережений, угроз. Вы хотите меня исключить – исключайте! Перейду в другую гимназию – ничего не потеряю. Уже привыкла кочевать. Это даже интересно, новые лица...» И развязка наступила быстро – весной 1907 г. отец, известный историк И. В. Цветаев, перевел дочь в частную гимназию Алферовой. О том, что брожение в школах продолжалось уже в скрытой форме, говорит показательно упоминание мемуаристки о «духе» революционных событий («они... шли по России, их дух витал в моей гимназии»), присутствовавшем даже в её либеральной, гуманной и бесконфликтной гимназии Потоцкой [24].

Весьма активными в 1907 г. были воспитанники духовных семинарий; в их выступлениях преобладали корпоративные мотивы. Крупнейшей акцией, организованной находившимся в Вятке Центральным комитетом Общесеминарского Союза, явился бойкот переводных экзаменов 1907 г. Формы протеста в семинариях против экзаменов и преследований духовного начальства варьировались от пассивного неподчинения администрации до использования оружия с целью запугивания учебного персонала. Активность семинаристов зависела от целого ряда причин, но, в первую очередь, от степени их организованности. Так, в Ярославской семинарии, где воспитанники не образовали местного комитета, «беспорядки» по поводу экзаменов не происходили. Зато в Смоленской, Тверской, Вифанской, Калужской, Московской семинариях под руководством местных комитетов были предприняты подачи заявлений с отказами от экзаменов, взрывы петард и револьверная стрельба, забастовки [25]. Здесь волнения имели подчас такие масштабы, что учебное начальство для восстановления порядка прибегало к помощи местной полиции и воин-

ских подразделений, как сделали в Смоленской и Нижегородской семинариях. Иногда академические выступления учащихся духовных учебных заведений принимали характер политических акций. Так, 11 апреля на здании Смоленской семинарии был вывешен красный флаг, а 10 мая семинаристы Калуги, объявив о бойкоте экзаменов, с пением революционных песен прошли по учебному зданию [26]. Неудача кампании бойкота экзаменов, арест Центрального комитета Всероссийского общесеминарского союза, разгон III Государственной Думы привели к спаду выступлений семинаристов, к отходу массы учащихся от активной борьбы, даже академического характера, и угасанию у них интереса к вопросам общественной жизни.

Итак, в 1906–1907 гг. происходил спад движения учащейся молодежи средних учебных заведений. Репрессии правительства и школьного начальства, снижение накала забастовочной борьбы студентов и рабочих, разочарование средних городских слоев, из среды которых формировался в большинстве контингент учащихся средних школ, – все это способствовало постепенной утрате массой молодежи наступательности и в борьбе со школьными порядками, и в поддержке общественно-политических акций. Но указанный процесс был не прямолинеен: в марте – мае и октябре – декабре 1906 г. наблюдаются периоды активизации ученического движения. Преобладание в школьных выступлениях политических мотивов, особенно в 1906 г., указывает на наличие в учебных заведениях влиятельных групп учащихся-радикалов. Изучение используемых молодежью форм борьбы показывает, что сходки и забастовки оставались основными способами как противодействия школьной администрации, так и выражения солидарности антиправительственному движению. Зато редко использовались бунты, демонстрации и митинги. Отмеченные изменения вполне объяснимы: в условиях карательных мер Министерства просвещения и Синода учащиеся прибегали к открытому протесту, прежде всего, в связи с крупными событиями общественной или академической жизни. Что касается демонстраций и митингов за пределами учебных заведений, то в обстановке действия Положения «О чрезвычайной охране» они были невозможны без массовых выступлений студентов, фабрично-заводских рабочих и других общественных сил.

Примечания

1. См.: *Роков Г.* Параллели // Вестник воспитания. 1905. № 7–8; *Он же.* Воспитательные плоды освободительного движения // Вестник воспитания. 1906. № 5; *Он же.* Учение и поведение современной школьной молодежи // Вестник воспитания. 1907. № 3; и др.

2. *Саонов С.* Судьба нашей средней школы. М., 1907; *Динзе В.* Очерки по истории среднешкольного движения. СПб., 1909; *Знаменский С.* Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение. СПб., 1909; и др.

3. Напр.: *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905. Л., 1925; *Киров А.* Молодежь в 1905 году. М.; Л., 1926; *Константинов Н. А.* Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX века до февральской революции 1917 года). М., 1947; *Ерман Л. К.* Работа большевиков с учащейся молодежью средней школы в период подъема первой русской революции // Советская педагогика. 1965. № 12. № 3; *Рогозин И. И.* Политическая борьба за молодежь России (1903–1917 гг.). М., 1989; и др.

4. См.: *Соколов В. И.* История молодежного движения России – СССР с середины XIX века по XXI век. Рязань, 2004; *Павленко Т. А.* Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 77. СПб., 2008; *Беленцов С. И.* Ученическое движение в России. Вторая половина XIX – начало XX века. СПб., 2013; и др.

5. Исключением являются работы, посвященные волнениям в духовных семинариях (см. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984; *Кружинов В. М.* Учащиеся духовных школ Тобольской епархии в 1905–1907 гг. // Религия и Церковь в Сибири: сб. науч. ст. и документ. материалов. Вып. 6. Тюмень, 1993; *Павленко Т. А.* Указ. соч.).

6. Подсчитано по: Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения: справ. кн. (далее – Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения). СПб., 1907. С. 674–681; Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 года (далее – Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1905–1907 годы). СПб., 1910. Приложение. С. 153–163.

7. Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения; Всеподданнейшие отчеты министра народного просвещения за 1900–1907 гг. СПб., 1902–1909; Всеподданнейший отчет обер-прокурора... 1905–1907 годы; и др.

8. 1905 год в Костроме. Кострома, 1926; Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 гг. Ч. 1. Январь – апрель 1906 года. Кн. 1. М., 1957; Генеральная репетиция: Хроника революционных событий 1905–1907 годов в Москве и Подмосковье. М., 1980.

9. См. *Цветаева А. И.* Воспоминания. М., 1971; *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т. 1. М., 1990; *Родин А. Ф.* Из минувшего. М., 1965.

10. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4475. Л. 103; оп. 11. Д. 775. Л. 12.

11. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4475. Л. 103; ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 26547, 26549, 26552, 26553, 17893.
12. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 26647–26552; ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4480. Л. 22–2513.
13. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 20636, 21184.
14. См.: Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции. 1905–1907 гг. М., 1976. С. 290–292.
15. Эренбург И. Г. Указ. соч. С. 66–68; Родин А. Ф. Указ. соч. С. 23–24, 27–28.
16. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 775. Л. 73–73об, 76–76 об; Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 гг. Ч. 1. Январь – апрель 1906 года. Кн. 1. С. 304, 395; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 13. Л. 28 об.
17. ГАРФ. Ф. 102 00, 1906, II отд. Оп. 236. Д. 3. Ч. 28. Л. 10–12 об.
18. Эренбург И. Г. Указ. соч. С. 64, 66–68, 568.
19. ГАРФ. Ф. 102 00, 1906, II отд. Д. 3. Ч. 28. Л. 11; РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 799. Л. 83, 100, 102–103; ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4487. Л. 5 об, 56, 57, 58; д. 4523. Л. 111; д. 4503. Л. 65, 69–70 об; Генеральная репетиция. С. 292.
20. См.: Дружинин П. Н. Революционное движение учащейся молодежи в Ярославле (1900–1905) // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 106; РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 799. Л. 127, 196–196 об; ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4523. Л. 125.
21. РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 799. Л. 66, 107–108, 148, 250.
22. ГАРФ. Ф. 102 00, 1906. Д. 3. Ч. 18. Л. 9–9 об; Ефремцев Г. П., Кузнецов Д. Д. Коломна. М., 1977. С. 95–96; РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 799. Л. 270–270 об; ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4500. Л. 54–55 об.
23. ГАРФ. Ф. 102 00, 1907. Оп. 237. Д. 89. Т. 1. Л. 178–179; 1905 год в Костроме. С. 72–80; Владимирская окружная организация Р.С.-Д.Р.П. Вып. III. Владимир, 1927. С. 377, 393; Михайлов Л. А. Рыбинск в революции 1905–1907 гг.: к шестидесятилетию Первой русской революции. Ярославль, 1965. С. 72.
24. Цветаева А. И. Указ. соч. С. 257, 264–265, 274, 303–304.
25. ГАРФ. Ф. 102 00, 1907. Д. 69. Т. 1. Л. 38, 178; Т. 2. Л. 23, 126; РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 295. Л. 2–2 об, 3, 5об; ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 36–37.
26. РГИА. Ф. 797. Оп. 77. I отд. 2 ст. Д. 44. Л. 6–6об; ГАРФ. Ф. 102 00, 1907. Д. 89. Т. 2. Л. 74, 126.

Notes

1. See: Rokov G. Paralleli [Parallels] // Vestnik vospitaniya - Herald of education. 1905, No. 7–8. Also him. Vospitatel'nye plody osvoboditel'nogo dvizheniya – [The educational fruits of the liberation movement] // Vestnik vospitaniya – Herald of education. 1906, No. 5. Also him. Uchenie i povedenie sovremennoj shkol'noj molodezhi [The teachings and behavior of modern youth] // Vestnik vospitaniya – Herald of education. 1907, No. 3; etc.
2. Sazonov S. Sud'ba nashej srednej shkoly [Fate of our middle school]. M. 1907; V. Dinze Ocherki po istorii sredneshkol'nogo dvizheniya [Essays on the history of middle school movement]. St. Petersburg. 1909; S. Znamensky Srednyaya shkola za poslednie gody. Uchenicheskie volneniya 1905–1906 gg. i ih znachenie [Secondary school in recent years. Student unrest of 1905–1906 and their meaning]. St. Petersburg. 1909; and others.
3. Eg.: Titlinov B.V. Molodezh' i revolyuciya. Iz istorii revolyucionnogo dvizheniya uchashchiesya molodezhi duhovnyh i srednih uchebnyh zavedenij. 1860–1905 [Young people and revolution. From the history of the revolutionary movement of students of spiritual and secondary schools. 1860–1905]. L. 1925; A. Kirov Molodezh' v 1905 godu [Youth in 1905]. M.; L. 1926; Konstantinov N. A. Ocherki po istorii srednej shkoly (gimnazii i real'nye uchilishcha s konca XIX veka do fevral'skoj revolyucii 1917 goda) [Essays on the history of secondary schools (gymnasia and real schools since the late nineteenth century until the February revolution of 1917)]. M. 1947; Erman L. K. Rabota bol'shevikov s uchashchiesya molodezh'yu srednej shkoly v period pod'ema pervoj russkoj revolyucii [Work of the Bolsheviks with students of secondary school during the rise of the first Russian revolution] // Sovetskaya pedagogika - Soviet pedagogy. 1965, No. 12, No. 3; Rogozin I. I. Politicheskaya bor'ba za molodezh' Rossii (1903–1917 gg.) [Political struggle for the youth of Russia (1903–1917.)]. M. 1989; and others.
4. See: V. I. Sokolov Istoriya molodezhnogo dvizheniya Rossii – SSSR s serediny XIX veka po XXI vek. [History of youth movement in Russia – USSR from the middle of XIX century to XXI century. Ryazan. 2004; Pavlenko T. A. unty seminaristov v 1905–1907 gg.: tradicionnyj protest v usloviyah revolyucii [Riots of seminarians in 1905–1907: traditional protests in revolutionary conditions] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena - News of Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. Is. 77. St. Petersburg, 2008; S. I. Belentsov Uchenicheskoe dvizhenie v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Student movement in Russia. The second half of XIX – beginning of XX century]. St. Petersburg. 2013; etc.
5. The exceptions are the works devoted to the disturbances in the seminaries (see Zyryanov P. N. Pravoslavnaya cerkov' v bor'be s revolyuciej 1905–1907 gg [The Orthodox Church in the suppression of the revolution of 1905–1907] M. 1984; M. V. Kruzhinov Uchashchiesya duhovnyh shkol Tobol'skoj eparhii v 1905–1907 gg. [Students of theological schools of the Tobolsk diocese in 1905–1907] // Religiya i Cerkov' v Sibiri: sb. nauch. st. i dokument. materialov – Religion and the Church in Siberia: collected scient. article and document. materials. Is. 6. Tyumen. 1993; Pavlenko T. A. Op. Cit.).
6. Calculated by: The institution of the Department of the Ministry of public education: ref. books. (further – Educational institutions of the Department of the Ministry of national education). St. Petersburg. 1907. Pp. 674–681; Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora svyatejšego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedaniya za 1905–1907 goda (dalee – Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora... za 1905–1907 gody.) – Humbly report of the chief Procurator of the Holy Synod on Department of Orthodox confession for years 1905–1907 (further Humbly report of the Procurator... in 1905–1907.). St. Petersburg. 1910. App. Pp. 153–163.

7. Educational institutions of the Department of the Ministry of national education; Vsepoddannejshe otchety ministra narodnogo prosveshcheniya za 1900–1907 gg. – Humbly report of the Minister of education for 1900–1907 St. Petersburg. 1902–1909; Vsepoddannejshe otchet ober-prokurora... 1905–1907 gody- Humbly report of the Procurator... 1905–1907; etc.

8. 1905 god v Kostrome – 1905 in Kostroma. Kostroma. 1926; Revolyuciya 1905–1907 gg. v Rossii: dokumenty i materialy. Vtoroj period revolyucii. 1906–1907 gg – Revolution of 1905–1907 in Russia: documents and materials. The second period of the revolution. 1906–1907. Pt. 1. January – April 1906. Book 1. M. 1957; General'naya repeticiya: Hronika revolyucionnyh sobytij 1905–1907 godov v Moskve i Podmoskov'e – Dress rehearsal: a Chronicle of the revolutionary events of 1905–1907 in Moscow and the Moscow region. M. 1980.

9. See A. I. Tsvetaeva Vospominaniya [Memories]. M. 1971; I. G. Ehrenburg Lyudi, gody, zhizn': Vospominaniya [People, years, life: Memoirs]. Vol. 1. M. 1990; Rodin A. F. Iz minuvshogo [From the past]. M. 1965.

10. CSA of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 4475. Sh. 103; Sh. 11. File 775. Sh. 12.

11. CSA of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 4475. Sh. 103; SARF. F. 1741. Sh. 1. File 26547, 26549, 26552, 26553, 17893.

12. SARF. F. 1741. Sh. 1. File 26647–26552; CSA of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 4480. Sh. 22–2513.

13. SARF. F. 1741. Sh. 1. File 20636, 21184.

14. See: Kirillov C. B. Bol'sheviki vo glave massovyh politicheskikh stachek v pervoj russkoj revolyucii. 1905–1907 gg [Bolsheviks in the head of a mass political strikes in the first Russian revolution. 1905–1907] M. 1976. Pp. 290–292.

15. Ehrenburg I. G. Op. cit. Pp. 66–68; Rodin A. F. Op. cit. Pp. 23–24, 27–28.

16. CSA of Moscow. F. 459. Sh. 11. File 775. Sh. 73–turn, 76–76 turn; Revolyuciya 1905–1907 gg. v Rossii: dokumenty i materialy. Vtoroj period revolyucii. 1906–1907 gg – Revolution of 1905–1907 in Russia: documents and materials. The second period of the revolution. 1906–1907, pt. 1. January – April 1906. Book. 1. Pp. 304, 395; RGIA. F. 1328. Sh. 2. 13. turn Sh. 28.

17. SARF. F. 102 PA, 1906, II DEP. Sh. 236. File 3. Pt. 28. Sh. 10–12 turn.

18. Ehrenburg I. G. Op. cit. Pp. 64, 66–68, 568.

19. SARF. F. 102 PA, 1906, II DEP. File 3. Pt. 28. Sh. 11; RGIA. F. 733. Sh. 166. File 799. Sh. 83, 100, 102–103; CSA of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 4487. Sh. 5 turn, 56, 57, 58; File 4523. Sh. 111; File 4503. Sh. 65, 69–70 turn; Dress rehearsal. P. 292.

20. See: Druzhinin P. H. Revolyucionnoe dvizhenie uchashchejsya molodezhi v YAroslavle (1900–1905) [Revolutionary movement of students in Yaroslavl (1900–1905)] // Kraevedcheskie zapiski – Kraevedcheskie Zapiski. Is. 4. Yaroslavl. 1960. P. 106; RGIA. F. 733. Sh. 166. D. 799. Sh. 127, 196–196 turn; CSA of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 4523. Sh. 125.

21. RGIA. F. 733. Sh. 166. File 799. Sh. 66, 107–108, 148, 250.

22. SARF. F. 102 PA, 1906. File 3. Pt. 18. Sh. 9–9 turn; Efremchev G. P., Kuznetsov D. D. Kolomna [Kolomna]. M. 1977. Pp. 95–96; RGIA. F. 733. Sh. 166. File 799. Sh. 270–270 turn; CSA of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 4500. Sh. 54–55 turn.

23. SARF. F. 102 PA, 1907. Sh. 237. File 89. Vol. 1. Sh. 178–179; 1905 god v Kostrome – 1905 in Kostroma. Pp. 72–80; Vladimirskaia okruzhnaya organizaciya R.S.–D.R.P. – Vladimir regional organization of the R. S.–D. R. P. Is. III. Vladimir. 1927. Pp. 377, 393; Mikhailov L. A. Rybinsk v revolyucii 1905–1907 gg.: k shestidesyatiletiju Pervoj russkoj revolyucii [Rybinsk in the revolution of 1905–1907: to the sixtieth anniversary of the First Russian revolution]. Yaroslavl. 1965. P. 72.

24. A. I. Tsvetaeva Op. cit. Pp. 257, 264–265, 274, 303–304.

25. SARF. F. 102 PA, 1907. File 69. Vol. 1. Sh. 38, 178; Vol. 2. Sh. 23, 126; RGIA. F. 796. Sh. 188. File 295. Sh. 2–2 turn, 3, 5 turn; F. 802. Sh. 10. File 40. Sh. 36–37.

26. RGIA. F. 797. Sh. 77. I DEP. 2 File 44. Sh. 6–6 turn; SARF. F. 102 PA, 1907. File 89. Vol. 2. Sh. 74, 126.

УДК 94(47)

Л. Н. Соза

Стоимость и доходность городских строений уездного города Центральной России в пореформенное время (по материалам Коломны)

В статье рассмотрено состояние и доходность городской недвижимости на примере Коломны – уездного города Московской губернии. На основе анализа статистических источников было установлено, что темпы строительства в Коломне во много раз опережали соответствующие показатели аграрных и торговых городов. Значительно возросли объемы каменного строительства, и уплотнилась застройка за счет сокращения свободных земельных ресурсов, что было вызвано увеличившимся спросом на жилье со стороны коренного и пришлого населения. Проведенное исследование показало, что города Московской губер-

нии отличались не только градостроительными показателями, но и другими характеристиками, в том числе частотой сдачи жилых помещений в наем, стоимостью оплаты найма, зависящей от местонахождения дома в черте города.

The article is discussing the status and profitability of urban real estate as an example of Kolomna county town of Moscow Province. It is based on the analysis of statistical sources which has found that the pace of construction in Kolomna is many times higher than it was in agricultural and commercial cities. The amount of stone construction has increased significantly and sealed construction by reducing the available land which was caused by the increased demand for housing on the part of native people and newcomers. The study has showed that cities of Moscow province differed not only in urban development indicators but also in other characteristics, including the rent frequency of residential buildings, cost of the rent, depending on the location of the house in the city.

Ключевые слова: Московская губерния, городская застройка, стоимость и доходность строений, жилые постройки, аренда.

Keywords: Moscow Province, urban development, the cost and profitability of buildings, residential buildings, rent.

В изучении истории города как территориально-административной единицы одним из важнейших сюжетов является процесс градообразования. Он включает в себя, во-первых, движение городских границ (обычно за счет ближних сел) и, во-вторых, внутреннюю трансформацию городской территории. Последнее происходило благодаря многим факторам: изменению первичной уличной сети, активному городскому строительству, появлению новых и исчезновению старых площадей и улиц.

Несомненно, что состояние и доходность недвижимости являются, наряду с демографическими и технико-экономическими характеристиками, одним из важнейших показателей развития городского поселения. По мнению видного историка Б. Н. Миронова, любая качественная трансформация торгового города сопровождалась существенным изменением городской застройки, которая утрачивала одноэтажность, обретала регулярность, становилась более плотной.

Укажем, что в современной исторической науке вопросам состояния городской недвижимости, ее стоимости и доходности уделено недостаточно внимания. Отметим статью С. В. Придвижкина «Исторический опыт управления городской недвижимостью в России», где на примере столичных и губернских городов показано, какую роль играли доходы с недвижимого имущества в формировании бюджетов крупных городских поселений в пореформенное время. В исследовании С. С. Рябовой «Исторический опыт оценки недвижимости» проанализирована оценочная статистика России в конце XIX – начале XX в., а также приведена практика оценки недвижимости в странах Западной Европы. Вопросам стоимости и оценки недвижимого имущества в губерниях Центральной России уделено внимание в статье С. И. Комарова «Оценка недвижимости в Российской империи в конце XIX – начале XX века». Вместе с тем, при несомненной важности перечисленных работ, их авторы изучали столицы и губернские центры, уездные же города не рассматривались в качестве объектов исследования, и, естественно, анализ состояния местной недвижимости, её стоимости и доходности не проводился [1].

В данной статье предполагается, во-первых, на материалах пореформенной Коломны подробно рассмотреть изменения, происходившие в уездном городе в сфере недвижимости по ряду параметров (количество построек, группировка зданий по видам строительного материала и этажности, их стоимость и доходность), а, во-вторых, сравнить процессы на рынке коломенской недвижимости с аналогичными процессами в других подмосковных городах.

Обследование фондов Центрального государственного архива г. Москвы (ф. 199 – Московский губернский статистический комитет) позволило выявить и впервые ввести в научный оборот материалы о числе строений в городах Московской губернии, выделить группы строений (жилые, нежилые, каменные, деревянные) и определить соотношение между ними. Документы о деятельности городского самоуправления по формированию городского бюджета содержится в делопроизводственной документации Московского губернского по земским и городским делам присутствия (ф. 65). Для исследования темы привлекались также опубликованные источники. Это, во-первых, «Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 года», особая ценность которых состоит в наличии сведений о стоимости и доходности строений в городах Московской губернии. А, во-вторых, статистические издания, в частности «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» (СПб., 1897–1905), «Статистический временник Российской империи» (1872, 1879, 1883 гг.) и др., поскольку они содержат данные о численности населения городских поселений.

Рассмотрение темы целесообразно начать со сведений о размерах территорий, которые занимали города Московской губернии изучаемого времени. Статистика начала XX столетия при-

водит подробные сведения о территории городских поселений империи, что, в частности, дает возможность провести сравнительный анализ размеров площадей Коломны и других городов губернии [2]. По данным сборника «Города России в 1910 г.», Коломна на год учета представляла собой третий по величине территории город столичной губернии (площадь 416,4 дес., что соответствует 454,933 га) после Рузы (629 дес. – 687,2075 га) и Серпухова (595,8 дес. – 650,9355 га). Другие же города занимали территорию менее 400 десятин: Дмитров – 364,6, Клин – 300, Можайск – 219,7, Верей – 212, Бронницы – 138,7.

В пореформенное время Коломна как промышленно-торговый город интенсивно застраивалась, что было обусловлено рядом причин. Во-первых, производственной, т. е. возведением новых и расширением прежних предприятий. Во-вторых, повышенным спросом на жильё со стороны инженеров, мастеров и рабочих заводов и фабрик как сугубо городских (шелкокрутильное, канатное и другие производства), так и находящихся в пригородных селах (в частности, в с. Боброво действовал с 1863 г. Коломенский машиностроительный завод /КМЗ/, основанный в А. и Е. Струве). В-третьих, быстрым ростом численности населения.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. вызвали стремительное развитие экономики, процессов индустриализации и урбанизации. Прокладывание железной дороги Москва – Саратов, появление новых производств оказали большое влияние на численность населения Коломны. В 1861 г. в городе проживало 14 088 чел. [3] Однако к 1870 г. численность городского населения возросла до 18 808 чел., увеличившись, по сравнению с 1861 г., на 33,4% (годовой прирост – 3,7%) [4]. Спустя 27 лет Коломна насчитывала, по результатам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., 20 277 чел. (прирост в сравнении с 1870 г. составил 13,6%) [5]. Быстрыми темпами численность населения Коломны возрастала и в начале XX в.: к 1905 г. горожан насчитывалось 22,2 тыс., к 1910 г. – 26,8 тыс., а к 1916 г. – 29,9 тыс. чел. [6] Всего с 1897 по 1916 г. население Коломны увеличилось на 47,5%. Одновременно с Коломной статус промышленного города утверждается и за Серпуховым, где к 1914 г. горожан насчитывалось 37 600 чел., а прирост городского населения составил 80% к 1897 г., что объясняется, в частности, строительством здесь крупных ткацких фабрик [7].

В конце XIX в. прослеживается четкая тенденция усиления роли недвижимости в качестве объекта взимания городских налогов и источника пополнения доходов местных бюджетов. Согласно «Городовому положению» 1870 г., на Городскую управу возлагалась обязанность составления смет (росписей), «взимание и расход городских сборов на установленных Думою основаниях» [8]. Показательны изменения значимости доходов по статье «Сбор с недвижимых имуществ и оценочный сбор». В сметах, действовавших до конца XIX в., сборы такого рода считались второстепенными и прописывались в виде подпункта параграфа «Сборы с промышленников» основной статьи «Доходы обыкновенные». Но с середины 1890-х гг. их статус претерпел изменения – они были вынесены в отдельную статью, что было связано с увеличением доходов по указанной статье. Отметим, что в «Городовом положении» указывалось, что размер сбора с недвижимых имуществ определяется Городской думою в процентах: с чистого дохода от недвижимых имуществ, определенного городским общественным управлением посредством оценки, или же, при невозможности определить доход, – со стоимости недвижимых имуществ. Размер сбора не мог превышать 10% чистого дохода с имуществ или 1% их стоимости. Оценочный сбор взимался на основании следующих правил: Городская дума, устанавливая оценочный сбор, назначала срок, к которому он должен быть внесен. После распределения установленного сбора Дума доводила информацию о таком распределении до общего сведения не позднее чем за месяц до назначенного срока уплаты сбора. Если сбор не был внесен в срок, он считался недоимкой и взыскивался с наложением пени. Если недоимка с указанной пеней не была внесена в течение шести месяцев, тогда взыскание производилось при содействии полиции посредством ареста доходов с обложенного сбором недвижимого имущества, а при недостаточности этой меры – движимое имущество недоимщика продавалось. Переоценка недвижимых имуществ в Коломне производилась ежегодно вследствие изменения самих имуществ и возведения новых, и, в результате, на каждый год определялась общая доходность таких имуществ, подлежащих оценочному сбору.

В первые пореформенные десятилетия сборы по описываемой статье были мизерны и составляли не более 0,8% общей суммы городских доходов (500 руб.). Но с конца 1890-х гг. ситуация стала кардинально иной: поступления постоянно возрастали и к 1916 г. достигли 54 000 руб., что означало превышение уровня конца XIX в. в 108 (!) раз [9]. Соответственно увеличилась и их доля (до 17,6%), и занимаемое место (устойчиво – третья позиция) в приходной части бюджета Коломны. Столь серьезные перемены можно объяснить расширением налогооблагаемой базы за счет нескольких факторов – возрастания в городе числа жилых домов и, главное, доходности помещений под промышленными и торговыми заведениями, увеличения оценочной стоимости недвижимого имущества, в том числе домов за счет цен на стройматериалы, а также общего роста индекса цен.

Статистические материалы позволяют рассмотреть изменения количества городских строений в Коломне более чем за тридцать лет (с 1887 по 1915 г.), выделить их группы (жилые, нежилые, каменные, деревянные) и определить соотношение между ними.

К сожалению, системная информация о числе зданий в Коломне более раннего (дореформенного) периода отсутствует, но на 1861 г. статистикой приводится общее количество жилых и нежилых построек – 1358 [10]. К 1887 г. количество разного рода зданий увеличивается до 2830, т. е. в 2,2 раза. Устойчивый рост числа строений прослеживается вплоть до начала XX в.: 1898 г. – 3014, 1907 г. – 3691, 1911 г. – 3704, 1915 г. – 3836 [11]. Для сравнения приведем (табл. 1) статистические данные по другим городам Московской губернии к концу XIX в.: в промышленных Серпухове и Богородске – соответственно 2140 и 1461, в аграрных Рузе и Волоколамске – 491 и 398 строений.

Таблица 1

Число строений в Коломне в конце XIX – начале XX в.

Виды строений	1887	1898	1902	1907	1911	1915
Церкви	20	20	20	21	21	21
Дома и дворы:						
каменные	356	415(?)	324	350	359	360
деревянные	1224	1258	1791	1829	1787	1826
Нежилые здания:						
каменные	397	401	423	430	433	430
деревянные	833	920	1126	1061	1102	1199
Всего зданий:	2830	3014	3684	3691	3704	3836
каменных	773	816	767	801	813	811
деревянных	2057	2178	2917	2890	2891	3025

Составлено по: ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 97. Л. 2–17.

Важным показателем состояния городской недвижимости является соотношение деревянных и каменных построек, а также наличие двух- и трехэтажных зданий (по мнению академика В. П. Семенова-Тян-Шанского, многоэтажность жилых строений является признаком скученности населения вследствие дороговизны земли под постройками) [12]. Применительно к Коломне мнение известного статистика дополняется наблюдениями писателя Б. Пильняка (проживал здесь с 1912 г.), который в одном из писем отметил, что город «скорее был похож на губернский, чем на уездный, отличавшийся архитектурой домов, причем дома все были старые, каменные и большие, в духе пятидесятых годов. Встретишь колонны и бельведеры» [13].

Согласно статистическим отчетам, в городских поселениях Московской губернии абсолютно преобладали одноэтажные деревянные дома. И только в Коломне, Серпухове, Подольске и Клину заметной была доля «домов каменных и двухэтажных из разного материала» [14]. При возросшем каменном строительстве в Коломне соотношение между деревянными и каменными зданиями оставалось на протяжении трех пореформенных десятилетий постоянным – 73% на 27%. К тому же именно в Коломне, при преобладании деревянных *жилых* построек, к исходу XIX в. чаще встречались каменные – 371 (для сравнения: в Серпухове их было – 260, Подольске – 68, Можайске – 50).

Подчеркнем, что в конце века жилые строения более одного этажа (в основном двухэтажные) наблюдались во всех городах губернии, однако Коломна отличалась не только большим числом построек данного типа – всего 551, но и преобладанием каменных двухэтажных домов. Из них каменных было 284 (51,5%), смешанных – 191 (34,7%), деревянных – 76 (13,8%). Для полноты картины приведем показатели других уездных городов. В Серпухове насчитывалось 513 зданий, в том числе каменных – 201 (39,2%), смешанных – 263 (51,3%); в Богородске – 231 (25 каменных – 10,8% и 151 смешанных – 65,4%); в Можайске – 105 (32 каменных – 30,5% и 47 смешанных – 44,7%). Таким образом, в Коломне велось интенсивное строительство жилого сектора, что было следствием быстрого развития города как промышленного центра, отличающегося от торгово-аграрных – Клина, Можайска и др.

Обратимся к стоимости строений в Коломне и соотнесем её с показателями других городов губернии. По материалу стен и этажности городские строения Московской губернии подразделялись на шесть классов: 1) строения одноэтажные деревянные, 2) одноэтажные каменные, 3) двухэтажные деревянные, 4) двухэтажные, низ каменный, верх деревянный, или смешанные, 5) двухэтажные каменные, 6) трехэтажные каменные. Каждый из этих классов строений подразделялись, в свою очередь, на категории по стоимости материала, употребляемого на их возведение, по фундаментальности в построении и по внутреннему устройству. Одноэтажные деревян-

ные дома различались по высоте, длине, ширине (7–12 аршин) в зависимости от строительного материала (крупный или мелкий лес); по количеству капитальных стен, перегородок, печей и т. п.; по устройству окон, дверей, полов, фундамента. Каменные дома различались по длине, ширине и высоте (не менее 10 аршин в длину и ширину, пяти аршин в высоту); по стоимости одной кубической сажени или квадратной сажени основания. Двухэтажные деревянные, смешанные и каменные дома отличались теми же показателями (но с площадью основания дома не менее восьми аршин) (аршин = 71,12 см, 1 кв. сажень = 4,552 кв. м).

Статистические данные конца XIX в. позволяют рассмотреть стоимость строений в Коломне (в сопоставлении с другими городами Московской губернии) и определить цену за 1 кв. сажень основания дома. Стоимость наименьшего (размер 7х7х4 арш.) и наибольшего (21х12х6 арш.) одноэтажных *деревянных* домов (*только прочных*) в Коломне была 285 и 2360 руб. соответственно, что близко к уровню аграрных городов Вереи, Можайска и Волоколамска (284 и 2360 руб., 293 и 2360 руб., 292 и 2280 руб. соответственно). Среди промышленных же городов губернии цены на дома в Коломне были несравнимо низкими: так, в Серпухове и Богородске – 320 и 2460 руб., 315 и 2395 руб. соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Стоимость деревянных домов в уездных городах Московской губернии в конце XIX в. (руб.)

Город	Стоимость деревянных одноэтажных домов размером				
	7х7х4 арш.	8х8х4,5 арш.	10х10х5 арш.	12х12х6 арш.	21х12х6 арш.
Богородск	315	469	775	1115	2395
Бронницы	320	486	862	1165	2483
Верея	284	460	817	1105	2360
Волоколамск	292	485	775	1050	2280
Дмитров	285	450	746	1055	2255
Звенигород	285	460	807	1100	2400
Клин	284	450	805	1100	2320
Коломна	285	468	854	1155	2360
Можайск	293	455	792	1105	2360
Подольск	308	487	830	1165	2450
Руза	300	440	748	1060	2230
Серпухов	320	485	836	1185	2460

Источник: Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 г. М., 1898. С. 48.

Стоимость жилья, естественно, полностью зависела от стоимости 1 кв. саж. основания дома. Как показывает статистика, цена за 1 кв. саж. любого деревянного дома в Коломне была ниже (от 53 до 84 руб.), чем Богородске и Серпухове (от 59 до 88 руб.) и приближалась к ценам Вереи, Можайска, Клина. Это явление вполне может быть объяснено, во-первых, наибольшим количеством именно деревянных домов в Коломне по сравнению с другими промышленными городами губернии – Серпуховым и Богородском (где стоимость домов при меньшем числе зданий была значительно выше, чем в Коломне). Во-вторых, повышенным спросом на недорогое жилье в указанных городах со стороны фабрично-заводских рабочих, численность которых была значительно больше, чем в Коломне.

Обратимся к стоимости домов *каменных* одноэтажных. Сводные данные о стоимости каменных домов в уездных городах Московской губернии в конце XIX в. представлены в табл. 3.

Таблица 3

Стоимость каменных домов в уездных городах Московской губернии в конце XIX в. (руб.)

Город	Стоимость каменных одноэтажных домов размером			
	10х10х5 арш.	12х12х6 арш.	18х15х6 арш.	21х15х6 арш.
Богородск	1108	1690	2860	3205
Бронницы	1170	1780	3045	3350
Верея	1106	1700	2880	3225
Волоколамск	1028	1580	2735	3065
Дмитров	1043	1600	2745	3070
Звенигород	1045	1595	2740	3085
Клин	1054	1630	2815	3160
Коломна	1150	1760	2985	3340
Можайск	1075	1640	2810	3150
Подольск	1078	1660	2845	3190
Руза	1037	1570	2715	3035
Серпухов	1159	1785	3040	3420

Источник: Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 г. М., 1898. С. 48.

Статистика указывает на близость цен на каменные одноэтажные дома различных размеров (от минимального – 10х10х5 до максимального – 21х15х6 аршин) в Коломне и других промышленных городов. Столь незначительные различия в ценах на указанные типы домов объясняются одинаковой стоимостью 1 кв. саж. одноэтажных каменных домов в промышленных Коломне, Серпухове и Богородске – от 95 до 104 руб. [15] Но при сравнении уровня цен на такие дома в Коломне и Серпухове с соответствующими ценами в Верее и Можайске следует, что в промышленных городах стоимостные показатели были много выше.

Что касается *двухэтажных* зданий, то стоимость второго деревянного этажа смешанных построек была на 25% ниже первого, второго этажа каменного здания – на 20% ниже первого, а третьего этажа любого типа постройки – равнялась стоимости второго.

Расценки на старые и ветхие дома определялись следующим образом: стоимость старых деревянных домов была ниже стоимости прочных на 15%, а ветхих – на 50%; стоимость же домов старых каменных была ниже стоимости прочных на 15%, а ветхих – на 33%.

Рассмотрим городские строения по доходности и характеру устройства зданий. Они делились на три типа: 1) строения с жилыми квартирами, 2) строения с жилыми квартирами и торговыми помещениями и 3) строения, служащие только для торговли.

Жилые квартиры (дома) сдавались в наем, и стоимость оплаты зависела от размера дома, материала стен, расположения жилья на том или ином этаже, степени прочности строения, местонахождения квартиры (дома) в черте города. Сдача в наем жилых помещений широко практиковалась в промышленных городах: Коломне – 43,7% общего числа построек, Серпухове – 41,2%, Богородске – 56,4% [16]. В свою очередь, в Волоколамске, Дмитрове, Рузе, Верее (удаленных от железных дорог) сдача в наем жилых помещений была меньше распространена.

Высокие арендные ставки за жилье действовали в промышленных и торговых городах, находящихся при железных дорогах (в Коломне – свыше 6 руб. за 1 кв. саж.). К тому же плата за *культурные* деревянные дома площадью более 16 кв. саж. (где кухня отделена от остальной части дома капитальными стенами) была выше платы за дома сельского типа (*изба*) площадью до 16 кв. саж. В Коломне культурные дома пользовались повышенным спросом вследствие проживания здесь служащих КМЗ, местной интеллигенции, а также расквартирования воинских частей, офицерский состав которых нуждался в комфортных жилищных условиях. Однако нетрудно заметить, что существовавшая плата за наем в Коломне была ниже, чем в Богородске, – 10 руб. за 1 кв. саж. (здесь при немногочисленности жилых построек и стремительном росте населения спрос на квартиры со стороны многих фабричных рабочих и служащих определял повышенную стоимость аренды), Серпухове – 6,5 руб. (при значительном числе горожан и фабричных рабочих) и Бронницах – 6,5 руб. (было расквартировано большое количество войск).

Выяснение средней платы за наем домов каменных одноэтажных показывает, что при повышенной стоимости этой категории строений аренда была ниже, чем в деревянных. Более того, такая картина характерна для всех городов губернии, в том числе и Коломны: в среднем 5,9 и 6,6 руб. за 1 кв. саж. соответственно (ниже на 10,6%). Причина указанного несоответствия состояла в том, что каменные дома были примитивны по устройству и нередко отличались сыростью. К тому же за счет толщины каменных стен, в два-три раза превышавших толщину стен деревянных домов, полезная жилая площадь зданий с одинаковыми наружными размерами неизбежно сокращалась [17]. Стоимость аренды 1 кв. саж. домов в городах Московской губернии приведена в табл. 4.

Таблица 4

Средняя арендная плата за дома в городах Московской губернии
в конце XIX в. (в руб. за 1 кв. саж.)

Название городов	Дома деревянные более 16 кв. саж.	Дома каменные одноэтажные не менее 11 кв. саж.	Соотношение арендной платы за каменные и деревянные дома (в %)
Бронницы	7,3	6,2	15,1
Верея	3,5	3	14,3
Клин	6,7	5,7	14,9
Коломна	6,6	5,9	10,6
Можайск	5,4	4,4	18,5
Подольск	7,5	6,2	17,3
Серпухов	7,4	6,1	17,5

Источник: Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 года. М., 1898. С. 26.

Полутора- и двухэтажные дома сдавались в аренду только в промышленных городах, в том числе и Коломне. В остальных городах дома брались в наем в единичных случаях. Имея достаточно высокую стоимость, постройки более одного этажа облагались невысокой арендной платой, поскольку спрос на них был невелик. Строения 1½ этажные всегда приносили низкий доход, что обусловлено меньшей доходностью подвальных этажей. Средняя наемная плата за 1 кв. саж. домов более одного этажа в Коломне была различной: за дома 1½ этажные – 5,3 руб.; двухэтажные деревянные – 5,1 руб.; смешанные – 5,7 руб.; каменные – 5,8 руб. При этом наемная плата за смешанные строения до 16 кв. саж. и свыше 32 кв. саж. практически равнялась плате за каменные двухэтажные свыше 64 кв. саж. (5,8 руб.).

При одинаковых параметрах (размер, материал стен, этажность) важным для определения уровня арендной платы было местонахождение здания внутри города. Для Московской губернии характерно было следующее: дома большие (каменные и двухэтажные) находились в центре и на главных улицах городов, а с удалением от центра чаще встречались строения, меньшие по размерам. В Коломне центральные улицы – Астраханская, Владимирская, Спасская – выделялись большими жилыми зданиями, улицы же Троицкая, Коломенская, и Репинский овраг почти сплошь состояли из небольших домов. Так, на Астраханской улице располагались двухэтажные дома купцов А. С. Нестерова, А. Б. Тембурского, А. П. Фомина, провизора И. Э. Эйнера, потомственных почетных граждан А. Н. Шанина, Э. Ф. Рингеля, мещанина А. К. Рытова, крестьян Коломенского уезда Г. С. Семенова, П. Ф. и Е. С. Мурашовых и др.

Как крупный город Коломна подразделялась на районы по доходности домов. В городе выделялись: 1) центральная часть; 2) поселки вблизи с. Боброва, Митяевская слобода, другие слободы, отделенные от города выгонною землею и находящиеся возле железной дороги и машиностроительного завода братьев Струве; 3) все остальные окраины города. Учитывая, что большинство городских строений составляли деревянные здания, приведем среднюю арендную плату за эту категорию зданий по районам города.

Таблица 5

Средняя порайонная арендная плата за деревянные одноэтажные дома
в Коломне в конце XIX в. (в руб. за 1 кв. саж.)

Название района	Средняя плата за дома размером до 16 кв. саж.	Средняя плата дома размером более 16 кв. саж.
Центральный	7,3	8,7
Пристанционный	7,2	8,0
Окраины	5,0	4,8

Источник: Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 года. М., 1898. С. 35.

Анализ таблицы показывает, что самая высокая наемная плата за дома была в центре города, но она мало отличалась от уровня аренды в районе при железной дороге и заводе Струве (сказывалось влияние спроса на жилье рабочих и служащих КМЗ). Наемная плата на окраинах была ниже, чем в центре, в среднем на 37%. Высокая доходность домов в центральной части обуславливалась их расположением вблизи рынков и размещением на первых этажах различных торговых заведений. Собственно жилье в домах, расположенных в центре, было не дороже подобных квартир в других частях города. Это легко объясняется небольшой территорией подмосковных городов, где «окраины были мало удалены от центра, зато имели тихие просторные дворы и садики, которые более всего ценил обыватель» [18].

Таким образом, проведенный анализ показал, что города отличались не только градостроительными показателями, но и другими характеристиками, в том числе частотой сдачи жилых помещений в наем, стоимостью оплаты найма, зависящей от местонахождения дома в черте города. Сдача в наем жилых помещений широко практиковалась в Серпухове, Богородске и Коломне. Здесь, равно как и в городах, находящихся при железных дорогах, действовали высокие арендные ставки за жилье. В свою очередь, в городах, удаленных от железных дорог, сдача в наем жилых помещений была распространена много меньше. Аналогичная картина наблюдалась на рынке городской земли, где высокие цены (аренды и продажи) существовали в районах расположения промышленных и торговых заведений.

Примечания

1. Придвижкин С. В. Исторический опыт управления городской недвижимостью в России // Чиновник. 2005. № 5. С. 72–76; Рябова С. С. Исторический опыт оценки недвижимости // Земля Беларуси. 2008. № 3. С. 49–52; Комаров С. И. Оценка недвижимости в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Научные про-

блемы землепользования и кадастров различных отраслей хозяйственного комплекса / Гос. ун-т по землеустройству. М., 2011. С. 61–70.

2. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 168.

3. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. С. 30–35.

4. Обзор Московской губернии за 1870 г. М., 1871. Ведомость № 4.

5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Московская губерния. Вып. XXIV. СПб., 1905. С. 1–2.

6. Статистический ежегодник России за 1916 г. (год тринадцатый). Издание Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1917. С. 31.

7. Статистический ежегодник России. 1914 г. (год одиннадцатый). СПб., 1915. С. 39.

8. ПСЗ. Собрание 2-е. Т. 45. Отд. 1. № 48498. СПб., 1874. С. 836.

9. Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 65. Оп. 43. Д. 464. Л. 2.

10. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. С. 24.

11. ЦГА Москвы. Ф. 199. Оп. 2. Д. 97. Л. 2–7.

12. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами // Записки имп. русского геогр. общества. Т. X. Вып. 2. СПб., 1910. С. 53.

13. Соколова Н. Б. В Коломне // Коломенский альманах. Вып. 8. Коломна, 2004. С. 384.

14. Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 года. М., 1898. С. 13–14.

15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Московская губерния. Вып. XXIV. СПб., 1905. С. 48, 49.

16. Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 года. М., 1898. С. 7.

17. Там же. С. 24–27.

18. Там же. С. 33.

Notes

1. Pridvzhkin C. B. Istoricheskij opyt upravleniya gorodskoj nedvizhimost'yu v Rossii [Historical experience of the management of urban real estate in Russia] // CHinovnik – The Official. 2005, No. 5, pp. 72–76; S. S. Ryabova Istoricheskij opyt ocenki nedvizhimosti [Historical experience of real estate valuation] // Zemlya Belarusi – Land of Belarus. 2008, No. 3, pp. 49–52; Komarov S. I. Ocenka nedvizhimosti v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka [Valuation of real estate in the Russian Empire in the late XIX – early XX century] // Nauchnye problemy zemlepol'zovaniya i kadaстров различных отраслей hozyajstvennogo kompleksa – Scientific problems of land use and inventories of various branches of the economic complex / State University of land use planning. M. 2011. Pp. 61–70.

2. Goroda Rossii v 1910 godu – Russian cities in 1910. St. Petersburg. 1914. P. 168.

3. EHkonomicheskoe sostoyanie gorodskih poselenij Evropejskoj Rossii v 1861–1862 gg – The economic status of urban settlements in European Russia in 1861–1862. St. Petersburg. 1863. Pp. 30–35.

4. bzor Moskovskoj gubernii za 1870 g. – Review of the Moscow province for 1870. M. 1871. Statement No. 4.

5. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. Moskovskaya guberniya – The first General census of the Russian Empire, 1897. Moscow province. Is. XXIV. St. Petersburg. 1905. Pp. 1–2.

6. Statisticheskij ezhegodnik Rossii za 1916 g. (god trinadcatyj). – Statistical Yearbook of Russia in 1916 (the thirteenth year). The publication of the Central statistical Committee of the Ministry of interior. St. Petersburg. 1917. P. 31.

7. Statisticheskij ezhegodnik Rossii. 1914 g. (god odinnadcatyj) – Statistical Yearbook of Russia. 1914 (the eleventh year). St. Petersburg. 1915. P. 39.

8. CCL. Meeting 2nd. Vol. 45. Dep. 1. No. 48498. St. Petersburg. 1874. P. 836.

9. Central state archive of Moscow (hereinafter – the CSA of Moscow). F. 65. Sh. 43. File 464. Sh. 2.

10. EHkonomicheskoe sostoyanie gorodskih poselenij Evropejskoj Rossii v 1861–1862 gg. – The economic status of urban settlements in European Russia in 1861–1862. St. Petersburg. 1863. P. 24.

11. CSA of Moscow. F. 199. Sh. 2. File 97. Sh. 2–7.

12. Semenov–Tyan–Shanskiy V. P. Gorod i derevnya Evropejskoj Rossii. Oчерk ehkonomicheskoy geografii s 16 kartami i kartogrammami [City and village in European Russia. Essay on economic geography with 16 maps and cartograms] // Zapiski imp. russkogo geogr. obshchestva – Notes of the imp. Russian geogr. society. Vol. X. Is. 2. St. Petersburg. 1910. P. 53.

13. Sokolova N. B. V Kolomne [In Kolomna] // Kolomenskij al'manah – Kolomna almanac. Is. 8. Kolomna. 2004. P. 384.

14. Normy dlya ocenok gorodskih nedvizhimyh imushchestv po zakonu 8 iyunya 1893 goda – Standards for evaluations of urban immovable property by the law of 8 June 1893. M. 1898. Pp. 13–14.

15. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. Moskovskaya guberniya – The first General census of the Russian Empire in 1897. Moscow province. Is. XXIV. St. Petersburg. 1905. Pp. 48, 49.

16. Normy dlya ocenok gorodskih nedvizhimyh imushchestv po zakonu 8 iyunya 1893 goda – Standards for evaluations of urban immovable property by the law of 8 June 1893. M. 1898. P. 7.

17. Ibid. Pp. 24–27.

18. Ibid. P. 33.

Миграция в процессе урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-е – начало 1990-х гг.)*

В статье исследуется миграция как фактор урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960 – начале 1990-х гг. В начале статьи дается характеристика источников и форм трудовых ресурсов региона, которые обеспечивали стихийный характер миграции. Выявляется, что основным мотивом переселения в нефтегазодобывающий регион для мигрантов было стремление улучшить свое материальное положение, разнообразить жизнь и улучшить жилищные условия. В статье показываются абсолютные и относительные цифры миграционного прироста населения и объем валового оборота миграции в городах Ханты-Мансийского округа. Выявляются основные регионы, откуда осуществлялась миграция. Показано, что урбанизация нефтегазодобывающего региона осуществлялась главным образом посредством переселенцев из городской местности, а не сельской.

This article examines migration as a factor of urbanization of the Khanty-Mansi Autonomous okrug – Ugra in the period of oil and gas development in Western Siberia in the 1960s – early 1990s. At the beginning of the article provides a description of the sources and forms of labour resources in the region, which provided a natural migration patterns. Revealed that the main motive of resettlement in oil and gas producing region for migrants was to improve their financial situation, to diversify life and to improve their living conditions. The article shows absolute and relative numbers of migratory population increase and gross migration turnover in the cities of Khanty-Mansi Autonomous okrug. Identifies the main regions where migration was carried out. It is shown that urbanization in an oil and gas region was carried out mainly by immigrants from urban areas, not rural.

Ключевые слова: город, механический прирост населения, миграция, нефтегазовое освоение, урбанизация.

Keywords: city, positive migration balance, migration, oil and gas development, urbanization.

В социально-гуманитарных исследованиях урбанизации особую роль занимают измерения миграционных процессов в городской среде. Социокультурная антропология города усматривает в миграции не только демографический фактор городского развития, но и область трансформации и адаптации различных культур и общностей в процессе урбанизации. Историко-антропологический подход дает возможность понять человеческие мотивы миграции в условиях реализации гигантских государственных проектов советской индустриализации, которые обуславливали урбанизационное развитие страны.

В российском руководстве всегда существовало ярко выраженное стремление формировать урбанизацию и миграцию для осуществления государственной политики. Потоки миграции, направленные на север и восток, где располагались основные ресурсные базы страны, определялись и стимулировались государством [1]. Советская власть использовала миграцию для решения производственных задач, пополнения трудовых ресурсов при организации производственно-территориальных комплексов. Такая политика велась в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, в первую очередь в Ханты-Мансийском автономном округе (далее – ХМАО), где миграция играла ключевую роль при формировании кадров для нефтегазодобывающих отраслей.

Источники пополнения трудовых ресурсов были разнообразны. Кадры пополнялись за счет 1) перевода с предприятий различных министерств, 2) организованного набора работающих, который проводился в трудоизбыточных районах страны, 3) вызова или приглашения кадров, 4) приема выпускников вузов и демобилизованных военнослужащих, 5) спецконтингента из условно-осужденных и условно-освобожденных, 6) комсомольских путевок на всесоюзные ударные стройки. Самой массовой формой комплектования кадров выступал вольный найм или прием на месте. Во второй половине 1960-х гг. на работу в организации главного нефтедобывающего предприятия региона Главтюменнефтегаза по вольному найму принималось 83,7% работающих, а в Главтюменнефтегазстрое – 75,8%. Также ведущими формами были организационный набор, приглашение-вызов (в добывающих отраслях), привлечение спецконтингента и общественный призыв (в строительстве) [2].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-11-86001, тип проекта: “а(р)”).

Концентрация мест труда и его интенсификация в городах ХМАО обуславливали урбанизацию. Широкое распространение вольного найма способствовало стихийному притоку населения в округ из разных регионов страны. Перемещение людей в населенные пункты ХМАО, связанные с промышленным освоением, где сосредотачивались основные рабочие места, вело к разрастанию этих поселений, трансформации их в города.

Главным мотивом переезда в ХМАО на протяжении 1960–1980-х гг. было стремление заработать больше денег и поднять свое материальное положение за счет более высокой заработной платы, которая формировалась посредством надбавок, предусмотренных в регионах Крайнего Севера и приравненной к ним местности. Так, нефтяники и строители получали 70%-ю надбавку к зарплате, геологи – 100%-ю, а строители нефтепроводов – 120%-ю [3]. Социологические исследования, проведенные в городах ХМАО во второй половине 1960-х гг., показали, что при переезде в округ более 49,6% мигрантов руководствовались желанием заработать. Около 23,2%, главным образом женщины, отвечали, что они приехали по семейным причинам. Социологи отмечали, что почти в половине случаев мотив «семейные обстоятельства» приобретал значение мотива «добиться высокой материальной обеспеченности» [4].

Население приезжало в нефтедобывающий округ не только из-за концентрации в этом регионе высокооплачиваемых мест труда, но и с целью реализации планов и поиска лучших условий жизни. Мотив стремления к разнообразной жизни и смене обстановки указывали 14,6% опрошенных, улучшения жилищных условий – 12,9%, стремления к романтике – 6,9%, устройства личного семейного счастья – 3,3%. Идеологическими мотивами – желанием принести как можно больше пользы обществу и чувством долга – объясняли свой приезд 3,8% мигрантов. Некоторые (6,3%) хотели получить творческую и интересную работу. Другие, не указанные в анкетах, мотивы называли 19,6% опрошенных [5].

Исследование в начале 1970-х гг. показало, что мотивация мигрантов практически не изменилась: стремление добиться высокого материального обеспечения и заработать денег называли главной причиной приезда в регион 48,5% опрошенных, семейные обстоятельства – 22,3%, разнообразие жизни и смена обстановки – 14,6%, улучшение жилищных условий – 12,0%, стремление к романтике – 7,7%, получение творческой и интересной работы – 5,4% [6]. По данным переписи населения 1970 г., 43,0% мигрантов приехало в ХМАО по личной причине, 37,9% – по причине переезда семьи, 9,1% – по причине перевода по службе, 3,0% – по направлению на работу после окончания учебного заведения, 2,1% – из-за приезда на учебу, 1,3% – приезд на работу по общественному призыву [7]. Личная причина и мотив переезда с членами семьи связывался преимущественно с желанием заработать. Данные исследований 1978, 1980, 1984 и 1987 гг. также показывали, что мотивация переезда в ХМАО главным образом основывалась на желании получения высокого заработка. Популярными, но менее значимыми были потребность в смене в жизненной ситуации, престижность «участия в освоении Севера» и улучшение жилищных условий [8].

Мотивы высокого заработка и распространение таких форм комплектования трудовых кадров, как вольный найм, порождали стихийную миграцию, в силу чего города и производства не всегда получали те кадры, в которых нуждались. Это также вело к формированию среди горожан округа психологии временщика. Люди планировали жить в округе лишь временно: лишь тот период, пока не будут накоплены денежные средства для какой-либо цели (например, приобретения автомобиля или квартиры посредством жилищно-строительного кооператива), после чего они зачастую уезжали из региона.

До периода нефтегазового освоения Западной Сибири, которое последовало в начале 1960-х гг., миграция населения в ХМАО имела положительное сальдо, поскольку округу требовались работники для геологоразведки и лесной промышленности. Нефтегазовое освоение привело к тому, что основной прирост населения в ХМАО осуществлялся в результате миграционных потоков. Удельный вес механического прироста в ХМАО был значительно выше, чем в Тюменской области в целом и на юге области. В 1959–1969 гг. в ХМАО удельный вес механического прироста населения составлял 75,8% (в Тюменской области в целом – 40,5%, на юге области – 7,2%, в Ямало-Ненецком автономном округе (далее – ЯНАО) – 27,7%). В 1970–1978 гг. эта доля увеличилась до 81,2% (в Тюменской области – 68,4%, на юге – 20,7%, в ЯНАО – 84,3%). В 1979–1989 гг. механический прирост в ХМАО снизился до 75,6% (в области – 71,4%, на юге – 27,8%, в ЯНАО – 84,3%) [9].

В 1961–1965 гг. прирост населения в округе составил 114,8 тыс. чел., из которых 99,0 тыс. чел. (86%) пришелся на миграцию. В 1966–1970 гг. прирост населения сократился до 62,0 тыс. чел., в том числе посредством механического прироста – 44,9 тыс. чел. (78%). Во второй половине 1960-х гг. механический прирост ежегодно колебался от 1,0 (22% от всего прироста) в 1969 г. до 17,4 тыс. чел. (85%) в 1966 г. [10] Таким образом, рост численности населения округа в 1960-х гг. происходил в основном за счет механического прироста, кроме 1969 г. В 1964–1970-х гг. в миграци-

ях в округа Тюменской области участвовало около 900 тыс. чел. Количество прибывших за это время колебалась в пределах 40–80 тыс. чел., а выбывших – 25–55 тыс. чел. в год [11].

Результаты переписи населения 1970 г. показали, насколько значимыми были миграционные процессы при формировании населения ХМАО. В округе насчитывалось 270,8 тыс. населения, из них 80,5% проживало в ХМАО не более 9 лет. При этом 18,9% проживали менее года, 12,0% – один год, 13,1% – 2 года, 24,2% – 3–5 лет, 12,3% – 6–9 лет. Лишь 19,2% жили в округе более 10 лет, а более 15 лет – 11,8%. Если брать только городское население – 170,0 тыс. чел. – то уже 85,3% проживало в округе не более 9 лет, а 14,5% – более 10 лет, при этом более 15 лет жило 8,9%. В сельских поселениях 72,7% жило в ХМАО менее 9 лет [12]. Таким образом, перепись населения 1970 г. свидетельствовала, что более 85% городского населения были мигрантами.

В середине 1970-х гг. миграционный прирост в ХМАО держался около 30 тыс. чел. в год, а ежегодный валовый оборот миграции достигал более 130 тыс. чел. Пик миграционного прироста в ХМАО пришелся на конец 1970-х – середину 1980-х гг. – более 50 тыс. чел. ежегодно. В 1981–1984 гг. механический прирост в ХМАО составил 257 486 чел.: среди городского населения – 203 538 чел., сельского – 53 948 чел. В это же время наблюдался самый высокий миграционный оборот в округе – более 250 тыс. чел. ежегодно [13].

Системный кризис в стране привел к быстрому упадку нефтегазового комплекса Западной Сибири, что способствовало эмиграции населения из региона. Резкое сокращение механического прироста среди населения ХМАО произошло в 1990 г. Если в 1988 г. прирост был 26 487 чел., а в 1989 г. – 19 429, то в 1990 г. он значительно снизился – 2 278 чел. Среди городского населения прирост был чуть выше: в 1988 г. – 26 457 чел., в 1989 г. – 21 277 чел., а в 1990 г. – 4442 чел. Среди сельского населения ХМАО отрицательный прирост населения начался на пару лет раньше (в 1989 г. – минус 1848), чем среди городского (в 1991 г. – минус 19 565). В 1990-х гг. отрицательный прирост среди городского населения ХМАО наблюдался в 1991 и 1992 гг.: минус 19 565 и минус 8 972. С 1993 г. фиксировался положительный прирост – 5163 чел., а в 1994 г. – 2770 чел. [14]

В 1990-х гг. валовый оборот миграции в ХМАО постоянно снижался. В 1990 г. он был около 170 тыс. чел., то в 1999 г. стал составлять 88 тыс. чел. Резко снизился и механический прирост. В 1990-х гг. наименьший положительный прирост был в 1995 г. – 1 901 чел., а наибольший – в 1997 г. – 14 858. Отрицательный прирост был в 1991 г., 1992 г. и в 1999 г. В 2000-х гг. валовый оборот держался в пределах 80 тыс. чел. Наименьший механический положительный прирост был в 2004 г. – 595 чел., а наибольший в 2001 г. – 14 595 чел. В 2005–2006 гг. фиксировался отрицательный прирост [15].

В 1970–1989 гг. миграционный прирост во всей Западной Сибири происходил почти исключительно за счет Тюменской области. В 1970–1978 гг. коэффициент миграционного прироста, который вычисляется как отношение миграционного прироста к среднегодовой численности наличного населения по текущей оценке, в городах Тюменской области составлял 39,4, а в 1979–1988 гг. – 44,3. В России этот коэффициент составлял 9,8 и 5,7, а в Западной Сибири 8,4 и 10,8. В 1979–1988 гг. в ХМАО этот коэффициент был намного выше – 576. В России он был выше только в ЯНАО – 870. В 1979 – 1988 гг. по городскому населению ХМАО коэффициент составлял 590 (в ЯНАО – 887), по сельскому населению – 496 (ЯНАО – 818). Это были самые высокие коэффициенты в стране. В 1989–1993 гг. в Тюменской области стал наблюдаться устойчивый отток населения. В это время коэффициент в Тюменской области был минус 3,5, в ХМАО – минус 27, в России – 1,2, а в Западной Сибири – минус 0,7. По городскому населению ХМАО он упал до минус 20, а по сельскому населению до минус 106. Если в 1985 г. в ХМАО механический прирост на 1000 чел. составлял 48,9 чел., то в 1990 г. – минус 2,7 чел., а в 1995 г. – минус 0,5 [16].

Таким образом, механический прирост был основным источником пополнения населения городских поселений ХМАО. Особенно значительным он был в районах нефтегазодобычи. Исследователи отмечают, что в конце 1960 – начале 1970-х гг. в города и рабочие поселки, связанные с добычей нефти и газа, вселилось 55% общего объема мигрантов городских поселений ХМАО и ЯНАО, в то время как лесопромышленные центры занимали в общем миграционном объеме городского населения округов 17%, а остальная часть миграций приходилась на административные центры – Ханты-Мансийск и Салехард. Архивные данные свидетельствуют о том, что доля нефтяных городов и рабочих поселков в миграции городского населения ХМАО была выше 55%. В 1971–1973 гг. только на долю четырех базовых городов нефтяников приходилось 69% миграционного прироста в ХМАО, а в 1976–1980 гг. эта доля увеличилась до 72%. В 1960-х – начале 1970-х гг. в городах и рабочих поселках нефтяников и газовиков прирост населения почти полностью осуществлялся за счет миграции – на 90–97% (по данным Е. Д. Малинина и А. К. Ушакова) и 85–95% (по данным К. Н. Мисевича и В. И. Чудновой) [17].

В абсолютных числах прирост был небольшим: в 1961 г. Сургуте – 0,5 тыс. чел., а в Ханты-Мансийске – 0,4 тыс. чел. В 1964 г., когда началась непосредственная эксплуатация нефтяных

месторождений, прирост вырос в несколько раз, но в абсолютных показателях держался в пределах 1–2 тыс. чел.: 2,4 тыс. чел. – в Сургуте, 1,8 – в Урае, 1,2 – в Нижневартовске, 1,2 – в Мегионе, 1,2 – в Комсомольском, только в Ханты-Мансийске он снизился до 0,1 тыс. чел [18].

В разрезе городов механический прирост наблюдался вплоть до второй половины 1980-х гг. Во второй половине 1960-х гг. ежегодный механический прирост населения не превышал 3 тыс. на одно поселение. В 1969–1971 гг. в ХМАО прибыло 177370 чел., а выбыло – 130525 чел., а положительный прирост от миграции составил 46845 чел., из которых 14093 чел. (30%) пришлось на три города нефтяников: Сургут – 9230 чел. (прибыло – 27432, выбыло – 18202), Урай – 1351 чел. (прибыло – 11124, выбыло – 9773), Нефтеюганск – 3512 чел. (прибыло – 14708, выбыло – 11196). Отрицательный прирост фиксировался в Ханты-Мансийске – минус 840 чел. (прибыло – 9866, выбыло – 10706). Во второй половине 1970-х гг. миграционный прирост в Нижневартовске стал более 10 тыс. чел в год, а в Сургуте – более 6 тыс. чел. В 1976–1977 гг. миграционный прирост по округу составил 41465 чел. Во всех городах фиксировался положительный прирост: в Сургуте – 12679 чел., Нижневартовске – 21265 чел., Урае – 917 чел., Нефтеюганске – 6172 чел., Ханты-Мансийске – 432 чел., Мегионе – 2205 чел. [19]. В 1976–1980 гг. механический прирост в Нижневартовске составил 57102 чел., в Сургуте – 46528 чел., в Нефтеюганске – 25689, в Мегионе – 8632 чел., в Урае – 3872 чел., Ханты-Мансийске – 942 чел. В первой половине 1980-х гг. существенно вырос среднегодовой миграционный прирост по городам: в Сургуте – 14 тыс. чел., Нижневартовске – более 11 тыс. чел., в Нягане и Нефтеюганске – более 4 тыс. чел. В 1981–1984 гг. городам механический прирост был в Сургуте 55648 чел., в Нижневартовске – 44475 чел., Нягане – 16773 чел., Нефтеюганске – 15270 чел., Лангепасе – 9981 чел., Радужном – 7350 чел. Комсомольском – 6105 чел [20]. Во второй половине 1980-х гг. механический прирост в городах стал постепенно снижаться.

В начале 1990-х гг. в городах ХМАО миграционный прирост практически прекратился. За 6 лет в 1990 – 1995 гг. лишь в немногих городах был положительный прирост, да и то ничтожный: в Ханты-Мансийске прирост составил 450 чел., в Лангепасе – 5724 чел., в Когалыме – 1857 чел., в Сургуте – 491 чел. В 1992–1995 гг. миграционный прирост был в городах Лянторе – 2811 чел., Пыть-Яхе – 2471 чел., Покачи – 397 чел., Югорске – 1594 чел. Отрицательный прирост был в Нижневартовске (17578 чел.), в Белоярском (3648 чел.), в Нефтеюганске (2548 чел.), в Урае (2299 чел.), в Радужном (2179 чел.), в Мегионе (654 чел.), в Нягане (202 чел.). При этом в Нижневартовске и Белоярском отрицательный прирост наблюдался ежегодно на протяжении шести лет в 1990–1995 гг. [21].

В 1960–1980-х гг. в городах непрерывно рос ежегодный валовый оборот миграции. В 1968–1970 гг. интенсивность среднегодовой миграции в нефтяных городах в 5–6 раз превышала интенсивность объемов миграции в РСФСР и центральных районах страны и более чем в 3 раза превышали показатели Западной и Восточной Сибири [22]. В 1969–1971 гг. в Сургуте он стал достигать более 15 тыс. чел. В 1971–1975 гг. ежегодный оборот миграции вырос до 16 тыс. чел. в Нефтеюганске, 19 – в Сургуте, 20 – Нижневартовске. В 1976–1980 гг. он увеличился до 29 тыс. в Сургуте, 33 тыс. в Нижневартовске, 23 тыс. в Нефтеюганске, 8 тыс. в Мегионе. В Урае на протяжении 1970-х ежегодный оборот держался в пределах 4 тыс. чел. В 1980-х гг. миграционный оборот продолжал увеличиваться. В 1981–1984 гг. валовый оборот миграции в ХМАО вырос – от 241 тыс. в 1981 г. до 266 тыс. в 1984 г. Значительная часть этого оборота приходилась на городское население – от 180 тыс. в 1981 г. до 205 тыс. чел. в 1984 г. Самые крупные ежегодные объемы миграции были в Сургуте (27–29 тыс. чел. прибывших и 12–17 тыс. чел. выбывших), Нижневартовске (21–29 и 13–14 тыс. чел.), Нефтеюганске (10–14 и 7–9 тыс.), Нягане (5–10 и 2–4 тыс.), Мегионе (3–6 и 3–4 тыс.), Лангепасе (5–4 и 1–2 тыс.), Урае (3 и 1,5–2 тыс.) [23]. К концу 1980-х гг. миграционный оборот в городах уменьшился. В 1991 г. в Сургуте и Нижневартовске он составлял 25 тыс., а в 1992 г. 21 тыс., в 1993 г. – 19–20 тыс. чел.

Историк Д. Н. Шкаревский выделил несколько этапов в процессе механического движения населения Сургута: 1) 1960-е гг.; 2) 1970–1981 гг.; 3) 1982–1993 гг. В 1960-х гг. ежегодный миграционный прирост в городе составлял 3–5 тыс. чел. Период 1970–1981 гг. характеризовался устойчивым ростом ежегодной численности мигрантов в Сургуте – с 2 690 чел. в 1970 г. до 17 130 чел. в 1981 г. Особенно выделялись 1979, 1980 и 1981 гг., когда был пик миграционного прироста: 10 844, 15 142 и 17 130 чел. соответственно. В 1982–1993 гг. фиксировалось постепенное снижение численности мигрантов. Если в 1983 г. миграционный рост составлял 9 941 чел., то в 1986 г. – 8 555 чел., в 1989 г. – 5 229 чел., в 1991 г. – минус 3 893 чел., а в 1992 г. – минус 2 596 чел. В середине 1990-х гг. в городе отмечался небольшой рост количества мигрантов [24]. В целом эти три этапа миграционного развития характерны для всех базовых городов нефтяников. В 1960-х гг. в городах нефтяников был незначительный миграционный рост. В 1970-х гг. во всех городах, за исключением Урая, в котором закончил-

ся процесс интенсивной нефтедобычи, наблюдался устойчивый механический рост населения. В 1980-х гг. миграционный прирост сокращался в старых базовых городах (Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске), но увеличивался в новых небольших городах нефтяников, активно строящихся в то время (Нягань, Лангепас, Когалым, Радужный).

В конце 1980-х гг. лабораторией трудовых ресурсов и социальных проблем НИПИ нефти было проведено социологическое исследование миграционного поведения в Нижневартовске. Согласно исследованию генетическая структура населения характеризовалась следующими цифрами: новоселов (людей, проживающих на Севере не более 3 лет) – 17,73%, живущих от 3 до 6 лет (переходная категория) – 20,21%, постоянных жителей (живущих более 6 лет) – 62,1%, причем 17,5% из них проживали более 15 лет. По данным Г. Ф. Куцева, в Сургуте четвертая часть населения проживала в городе более 15 лет [25]. Большой удельный вес постоянных жителей указывал на то, что население становилось более стабильным, а демографическая ситуация в базовых городах ХМАО – более устойчивой. Тем не менее значительная часть горожан относилась к потенциальным или колеблющимся мигрантам. Только 26,5% респондентов были намерены жить на Севере постоянно, 6,7% – не более 3 лет, 12,5% – не более 6 лет, 10,9% планировали остаться на 10 лет, а 39% вообще не определились в этом вопросе [26].

Миграционный обмен в ХМАО осуществлялся практически со всеми регионами СССР. Внешняя миграция играла ведущую роль при формировании населения районов нефтегазового освоения. Социологи отмечали, что удельный вес внешних мигрантов составлял около 70% среди прибывших, 60% – среди выбывших и более 80% общего притока населения городских поселений. Удельный вес внутриобластной миграции в общем объеме миграции городских поселений ХМАО и ЯНАО составлял 27% среди прибывших и 40% – среди выбывших. Тюменская область выделялась самым высоким в Западной Сибири удельным весом внутриобластного миграционного движения населения. При формировании населения старых городов (Ханты-Мансийск) значительная часть (40–60%) мигрантов прибывала из Тюменской области. Наибольший миграционный приток в города округа установился с соседними областями Урала (Свердловская, Пермская, Челябинская – 23,4% в общем притоке населения в 1965 г.) и Западной Сибири (Омская, Новосибирская, Тюменская область – 29,2% в 1965 г.), а также с Поволжьем (16,4% в 1965 г.), главным образом с нефтяными районами Татарии и Башкирии. В 1965 г. приток мигрантов из Тюменской области составил 14,2%. Существенным был удельный вес мигрантов из Казахстана (особенно близлежащих Кустанайской, Павлодарской и Карагандинской областей – 6,2%), Волго-Вятского района (в первую очередь из лесопромышленных Кировской и Горьковской областей – 3,5%) и Северного Кавказа (здесь выделялся Краснодарский край – 3,3%). Эти шесть районов давали около 90% всех переселенцев, прибывающих в городские поселения ХМАО [27]. Согласно исследованиям Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, во второй половине 1960-х гг. наибольшее число приезжих были выходцами из городов и сел Западной Сибири, вторым по значимости регионом-донором выступало Поволжье, а потом – Урал [28].

Согласно переписи населения 1970 г. из всего мигрирующего населения ХМАО (74 427 чел.) 22 512 чел. приехали из Тюменской области (30%), из Западно-Сибирского экономического района приехали 15 314 чел. (21%), из других регионов РСФСР – 27 509 чел. (37%). Из РСФСР значительная часть приехала из Поволжского района – 7 621 чел. и Уральского 15 560 чел. (в том числе из Свердловской области – 8 365 чел.). Из других союзных республик – 9 092 чел. (12%), в том числе 3 873 чел. из Казахстана и 3 417 чел. с Украины [29]. По мнению Н. Ю. Гавриловой и В. П. Карпова, в 1970–1980-х гг. Западная Сибирь, Урал, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ и Украина (которая стала играть ведущую роль в миграционном потоке) по-прежнему давали основной приток механического прироста населения нефтегазодобывающих районов [30]. В 1990-х гг. эти же регионы продолжали оставаться главными донорами миграционного прироста ХМАО.

Одним из важнейших показателей урбанизации является приток мигрантов из сельской местности в города и главным образом за счет близлежащих к городам деревень. Это связано с тем, что в процессе урбанизации на региональном уровне центрами концентрации населения являются города, которые притягивают людей из сел, небольших городов и поселков. Эти тенденции были характерны для урбанизации ХМАО в самом начале нефтегазового освоения Западной Сибири в середине 1960-х гг. Города округа привлекали население в первую очередь близлежащих регионов Урала и Западной Сибири, значительная часть которых были деревенскими жителями.

Согласно социологическим исследованиям, в 1965 г. 14,2% мигрантов, прибывавших в городские поселения ХМАО из Тюменской области, большинство (65%) были выходцами из села. Больше половины из них – 38,2% – переселялись из сельской местности округов, а 26,8% из деревень юга Тюменской области. Города особенно сильно притягивали сельское население из районов, где они сами же располагались и были центрами миграционного притяжения – на них приходилось 39% выходцев из сел. Городские поселения юга Тюменской области давали 35,0% при-

бывших из всей Тюменской области (в том числе из Тюмени – 19,8%, из Тобольска – 6,7%, из других городов – 5,4%, из рабочих поселков – 3,1%). С юга области, особенно из городской местности, преобладали мигранты в Сургуте, Урае и Нефтеюганске. В Мегионе и Игриме поддерживались более тесные миграционные связи с сельским населением прилегающих районов [31].

Вместе с тем была очень высокой внутриокружная миграция городского населения, которая равнялась объему миграции между городскими поселениями севера и юга области. Внутриокружные потоки миграции городского населения направлялись, прежде всего, из старых населенных пунктов (Ханты-Мансийска и лесопромышленных поселков) в новообразованные поселения, а также между поселениями, сходными по специализации. Население перемещалось из одних городских поселений округа в другие в поисках высокооплачиваемой работы, приемлемых жилищных условий и социокультурного обслуживания. Если эти запросы мигрантов не удовлетворялись, они уезжали из округа. В 1970–1980-х гг. внутриобластная миграция в районах нефтегазодобычи только увеличилась, что указывало на частичную самодостаточность региона при комплектовании трудовых ресурсов.

Статистические данные Тюменского статуправления свидетельствуют, что в 1965–1971 гг. доля прибывших из сельской местности в городских поселениях Тюменской области постоянно сокращалась – с 51 до 36%. В 1977 г. эта доля стала составлять 30%. В абсолютных показателях мигрантов из села также стало меньше – с 41,4 тыс. до 38,2 тыс. чел., а в 1970–1977 гг. ежегодное число прибывающих из села не превышало 38–44 тыс. чел. [32] Такой характер миграционного процесса был связан с тем, что людские ресурсы из села Тюменской области и близлежащих областей были исчерпаны. Численность сельского населения, готового поехать в северный регион за заработком, значительно снизилась. Сельское население ХМАО перестало массово иммигрировать в города округа, а, наоборот, село – преимущественно за счет возведения новых вахтовых поселков – стало местом притяжения населения.

Итак, согласно исследованиям социологов, среди мигрантов в городские поселения ХМАО в 1960-х гг. незначительно преобладали выходцы из села. Однако в городах нефтяников соотношение выходцев из города и села среди переселенцев было либо почти одинаковым, либо выходцы из городов немного преобладали. Однако материалы переписи населения 1970 г. свидетельствуют, что в миграционном приросте в ХМАО переселенцев из городов было существенно больше, чем из сел. Согласно результатам переписи, в ХМАО насчитывалось 74 427 мигрантов, из которых 49 225 чел. (66,1%) жили до переезда в округ в городских поселениях [33]. К сожалению, отсутствие специальных социологических исследований не дает возможности определить удельный вес горожан в миграционном потоке в ХМАО в 1970-х – начале 1990-х гг. Однако можно предположить, учитывая данные по Тюменской области, в которой численность мигрантов из села сокращалась, что и в ХМАО мигранты-горожане преобладали в механическом приросте населения округа.

Расширение городов посредством бывших горожан было не характерно для урбанизационных процессов, когда обычно рост городов осуществляется за счет жителей села, как, например, это происходило в период советской индустриализации в 1930-х гг. или при урбанизации Сибири. Превосходящий удельный вес горожан среди мигрантов в ХМАО объяснялся поздней урбанизацией региона, когда на большей территории России уже произошел урбанизационный переход – и деревня просто физически не могла дать большое количество переселенцев. Также численность сельского населения в ХМАО была недостаточной для формирования трудовых ресурсов. Другая причина связывалась с тем, что нефтегазовые отрасли Западной Сибири нуждались в квалифицированных кадрах, которые сосредотачивались только в городе.

Таким образом, миграционные процессы в ХМАО играли ключевую роль в урбанизации и формировании городского населения. Пик миграционного прироста пришелся на конец 1970-х – середину 1980-х гг., а в 1991-м г. он прекратился. Вместе с тем уменьшение количества мигрантов со второй половины 1980-х гг. в городах округа указывало на формирование постоянного населения в регионе. Интенсивность миграционного оборота среди городского населения была одной из самых высоких в стране. В структуре прибывающего в округ населения преобладали бывшие жители городов. Тем самым города изначально формировались за счет городского, а не сельского населения, что противостояло складывающейся в городах поселковой среде и способствовало преодолению среди населения элементов поселкового образа жизни.

Примечания

1. Ахиезер А. Динамика урбанизации и миграция: Россия, СССР, Россия // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 22.
2. Колева Г. Ю. Формирование кадрового потенциала предприятий ЗСНГК в период интенсивного нефтегазового освоения // Проблемы модернизации сибирского Севера: сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. С. 179–180.

3. Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера: монография. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. С. 38–39.
4. Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М.: «Статистика», 1976. С. 95–96.
5. Там же. С. 95–96.
6. Гапонова Т. Г. География миграционных связей и приживаемость новоселов Тюменского Севера // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. Новосибирск, 1977. С. 56.
7. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27. Л. 7–8.
8. Аверин А. Н., Силин А. Н., Субботин С. Я. Социально-экономические проблемы освоения Тюменского Севера в девяностые годы: метод. рек. Тюмень, 1989. С. 38.
9. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень: «Вектор Бук», 2010. С. 174.
10. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 307.
11. Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: «Наука». Сиб. отд-ние, 1973. С. 60.
12. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27. Л. 1–2.
13. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу: информ.-стат. сб. Сургут: «Северный дом», 1995. С. 129.
14. Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986–1990 годы: стат. сб. Тюмень, 1991. С. 102, 107; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1989–1994 годы: стат. сб. Тюмень, 1995. С. 104, 109, 114.
15. Статистический ежегодник (1990–2010): стат. сб.: в 4 ч. Ч. II (I) Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Тюмень, 2011. С. 116–119.
16. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 102–103; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 406–408; Тюменская область 1985–1995 гг. (информационно-аналитический материал). Тюмень, 1996. С. 12.
17. Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М.: «Статистика», 1976. С. 70; Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: «Наука». Сиб. отд-ние, 1973. С. 84, 86.
18. Судаков А. В. Проблема взаимосвязи миграций населения и хозяйственной специализации городов Ханты-Мансийского округа в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Динамика миграции населения и проблемы современного развития Западной Сибири. Сургут: Изд-во СурГУ, 2002. С. 77.
19. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 134–135, 328.
20. Культура, здравоохранение, население (статистический сборник). Естественное движение и миграция населения области. 1980–1984. Тюмень, 1985. С. 81–83; Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы десятой пятилетки (в цифрах). Тюмень. С. 13.
21. Города Тюменской области. Тюмень, 1996. С. 15.
22. Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М.: «Статистика», 1976. С. 70.
23. Культура, здравоохранение, население: стат. сб. Естественное движение и миграция населения области. 1980–1984. Тюмень, 1985. С. 72–78.
24. Шкаревский Д. Н. Миграционные процессы в Сургуте // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 2. С. 125–126.
25. Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1987. С. 52.
26. Чудинова Е. Ф. Миграционные процессы и формирование населения Тюменского Севера // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. II: Социально-демографическое развитие Советской Сибири. Новосибирск, 1989. С. 96–97.
27. Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: «Наука». Сиб. отд-ние, 1973. С. 64–65, 72.
28. Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М.: «Статистика», 1976. С. 75.
29. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27. Л. 5, 11.
30. Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Основные тенденции в формировании населения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 60–80-е годы // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 5. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 187–188.
31. Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: «Наука». Сиб. отд-ние, 1973. С. 72, 74.
32. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 133, 327.
33. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27. Л. 3–4.

Notes

1. Akhiezer A. Dinamika urbanizacii i migracii: Rossiya, SSSR, Rossiya [Dynamics of urbanisation and migration: Russia, USSR, Russia] // Migraciya i urbanizaciya v SNG i Baltii v 90-e gody – Migration and urbanization in the CIS and Baltic countries in the 90-ies. M. Center for the study of forced migration in the CIS. 1999. P. 22.
2. Koleva G. Y. Formirovanie kadrovogo potenciala predpriyatij ZSNGK v period intensivnogo neftegazovogo osvoeniya [Formation of personnel potential of the enterprises ZSNGK in the period of intensive oil and gas development] // Problemy modernizacii sibirskogo Severa: sb. nauch. tr. – Problems of modernization of the Siberian North: collection of scientific papers. Tyumen. TSSHU. 2011. Pp. 179–180.

3. Karpov V. P. *Anatomiya podviga. Chelovek v sovetskoj modeli industrializacii Tyumenskogo Severa: monografiya* [Anatomy of achievement. People in the Soviet model of industrialization of the Tyumen North: monograph]. Tyumen. TSSHU. 2014. Pp. 38–39.
4. Malinin E. D., Ushakov A. K. [Population of Siberia]. M. "Statistics". 1976. Pp. 95–96.
5. Ibid. Pp. 95–96.
6. Gaponova T. G. *Geografiya migracionnyh svyazej i prizhivaemost' novoselov Tyumenskogo Severa* / [The geography of migration relations and the survival of new settlers in the Tyumen North] // *Mediko-biologicheskie problemy vahtennogo truda v usloviyah Tyumenskogo Severa – Medico-biological problems of navigational watch under the conditions of the Tyumen North*. Novosibirsk. 1977. P. 56.
7. State archive of the Tyumen region (GATO). F. 1112. Sh. 6. File 27. Sh. 7–8.
8. Averin A. N., Silin A. N., Subbotin, S. J. *Social'no-ehkonomicheskie problemy osvoeniya Tyumenskogo Severa v devyanostye gody: metod. rek.* [Socio-economic problems of development of the Tyumen North in the nineties: method. rec. Tyumen. 1989. P. 38.
9. Koleva G. J. *Zapadno-Sibirskij neftegazodobyvayushchij rajon: ehkonomicheskoe i social'noe razvitie (1960–2000-e gg.)* [West Siberian oil and gas region: the economic and social development (1960–2000-ies)]. Tyumen. "Vector Book". 2010. P.174.
10. GATO. F. 1112. Sh. 4. File 109. Sh. 307.
11. Misevich K. N., Chudnov V. I. *Naselenie rajonov sovremennogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoj Sibiri* [Population of modern industrial development in the North of Western Siberia]. Novosibirsk. "Nauka". Sib. Dep. 1973. P. 60.
12. GATO. F. 1112. Sh. 6. File 27. Sh. 1–2.
13. 65 let Hanty-Mansijskomu avtonomnomu okrugu: inform.-stat. sb. – 65 anniversary of Khanty-Mansi Autonomous Okrug: inform.-stat. collection of works. Surgut. "Severnyy Dom". 1995. P. 129.
14. *Estestvennoe dvizhenie i migraciya naseleniya Tyumenskaya oblasti za 1986–1990 gody: stat. sb. – Natural movement and migration of the population of the Tyumen region for 1986–1990: stat. coll.* Tyumen. 1991. Pp. 102, 107; *Estestvennoe dvizhenie i migraciya naseleniya Tyumenskaya oblasti za 1989–1994 gody: stat. sb. – Natural movement and migration of the population of the Tyumen region for 1989–1994: stat. coll.* Tyumen. 1995. Pp. 104, 109, 114.
15. *Statisticheskij ezhegodnik (1990–2010): stat. sb.: v 4 ch. – Statistical Yearbook (1990–2010): stat. coll.: in 4 pt. Part II (I) Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra*. Tyumen. 2011. Pp. 116–119.
16. *Naselenie Zapadnoj Sibiri v XX veke – The population of Western Siberia in the XX century*. Novosibirsk. Publishing house of SB RAS. 1997. Pp. 102–103; *Demograficheskij ezhegodnik Rossijskoj Federacii. 1993 – Demographic Yearbook of the Russian Federation. 1993. M. 1994. Pp. 406–408; Tyumenskaya oblast' 1985–1995 gg. (informacionno-analiticheskij material) – Tyumen region, 1985–1995 (information and analytical material)*. Tyumen. 1996. P. 12.
17. Malinin E. D., Ushakov A. K. *Naselenie Sibiri* [Population Of Siberia]. M. "Statistics". 1976. P. 70; Misevich K. N., Chudnova V. I. *Naselenie rajonov sovremennogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoj Sibiri* [Population of modern industrial development in the North of Western Siberia]. Novosibirsk. "Nauka". Sib. Dep. 1973. Pp. 84, 86.
18. Sudakov A. V. *Problema vzaimosvyazi migracij naseleniya i hozyajstvennoj specializacii gorodov Hanty-Mansijskogo okruga v konce 1950-h – nachale 1960-h gg.* [Problem of correlation of the migrations of population and economic specialization of cities in Khanty-Mansi district in the late 1950s – early 1960s] // *Dinamika migracii naseleniya i problemy sovremennogo razvitiya Zapadnoj Sibiri – Dynamics of migration and the problems of modern development of Western Siberia*. Surgut. Publishing house of Surgut state University. 2002. P. 77. *Migracionnye processy v Surgute*
19. GATO. F. 1112. Sh. 4. File 109. Sh. 134–135, 328.
20. *Kul'tura, zdavoohranenie, naselenie (statisticheskij sbornik). Estestvennoe dvizhenie i migraciya naseleniya oblasti. 1980–1984 – Culture, health, population (statistical Yearbook). Natural movement and migration of the region's population. 1980–1984*. Tyumen. 1985. Pp. 81–83; *EHkonolstoricheskij opyt social'no-demograficheskogo razvitiya Sibirimika i kul'tura Hanty-Mansijskogo okruga za gody desyatoj pyatiletki (v cifrah)– Economy and culture of the Khanty-Mansi district over the years of the tenth five year plan (in numbers)*. Tyumen. P.13.
21. *Goroda Tyumenskoj oblasti – The cities of Tyumen region*. Tyumen. 1996. P. 15.
22. Malinin E. D., Ushakov A. K. *Naselenie Sibiri* [Population of Siberia]. M. "Statistika". 1976. P. 70.
23. *ul'tura, zdavoohranenie, naselenie: stat. sb. Estestvennoe dvizhenie i migraciya naseleniya oblasti. 1980–1984 – Culture, health, population: stat. collection of Natural movement and migration of the region's population. 1980–1984*. Tyumen. 1985. Pp. 72–78.
24. Karevski D. N. *Migracionnye processy v Surgute* [Migration processes in Surgut] // *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura – Northern region: science, education, culture*. 2005, No. 2, pp. 125–126.
25. Kutsev G. F. *Chelovek v severnom gorode* [Man in the Northern city]. Sverdlovsk. Middle-Ural publishing house. 1987. P. 52.
26. Chudinova E. F. *Migracionnye processy i formirovanie naseleniya Tyumenskogo Severa* [Migration processes and formation of the population of the Tyumen North] // *Istoricheskij opyt social'no-demograficheskogo razvitiya Sibiri– Historical experience of socio-demographic development of Siberia*. Is. II: Socio-demographic development of Soviet Siberia. Novosibirsk. 1989. Pp. 96–97.

27. Misevich K. N., Chudnova V. I. Naselenie rajonov sovremennogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoj Sibiri [Population of modern industrial development in the North of Western Siberia]. Novosibirsk. "Nauka". Sib. Dep. 1973. Pp. 64–65, 72.
28. Malinin E. D., Ushakov A. K. Naselenie Sibiri [Population of Siberia]. M. "Statistika". 1976. P. 75.
29. GATO. F. 1112. Sh. 6. File 27. Sh. 5, 11.
30. Gavrilova N. Yu., Karpov V. P. Osnovnye tendencii v formirovanii naseleniya neftegazodobyvayushchih rajonov Zapadnoj Sibiri v 60–80-e gody [The main trends in the formation of the population of oil and gas producing areas of Western Siberia in the 60–80-ies] // Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': Kraevedcheskie zapiski – Western Siberia: history and modernity: local Lore notes. Is. 5. Tyumen. Mandrika. 2003. Pp. 187–188.
31. Misevich K. N., Chudnova V. I. aselenie rajonov sovremennogo promyshlennogo osvoeniya Severa Zapadnoj Sibiri [Population of modern industrial development in the North of Western Siberia]. Novosibirsk. "Nauka". Sib. Dep. 1973. Pp. 72, 74.
32. GATO. F. 1112. Sh. 4. File 109. Sh. 133, 327.
33. GATO. F. 1112. Sh. 6. File 27. Sh. 3–4.

УДК 94(470.342)“1914”

Д. А. Калинина

Организационно-правовое обеспечение порядка и безопасности в Вятской губернии в условиях начала Первой мировой войны*

В статье проведен анализ основных изменений в организационно-правовом обеспечении одной из важнейших государственных функций – поддержание порядка и общественной безопасности, – произошедших в Вятской губернии в условиях вступления России в Первую мировую войну.

The article analyzes the main changes in the organizational and legal support of one of the most important public functions – the maintenance of order and public security – have occurred in the Vyatka province in the conditions of Russia's entry into the First World War.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, Первая мировая война, Вятская губерния, губернатор, полиция, исключительное положение.

Keywords: public order, public safety, the First World War, Vyatka province, the governor, the police, the exclusive position.

Обеспечение правопорядка и общественной безопасности является одной из важнейших функций государства. Небрежное отношение или игнорирование этой функции может привести к нарушению социальных связей, что грозит «войной всех против всех» и ликвидацией центрального политического института – государства.

Под правопорядком понимается «часть системы общественных отношений, урегулированных нормами права и находящихся под защитой закона и охраной государства» [1], общественная безопасность подразумевает под собой систему общественных отношений, которые складываются в процессе предупреждения и устранения угрозы жизни, здоровью граждан и их имуществу [2].

Забота об охране общественных отношений – постоянная и неотъемлемая часть деятельности государства, приобретающая в условиях военного времени еще большую значимость как фактор самосохранения этого политического института. Война, как и любая чрезвычайная ситуация, вносит новые аспекты в систему обеспечения правопорядка и общественной безопасности, такие как предупреждение и борьба со шпионажем, недопущение общественных беспорядков, отвлекающих государство от выполнения военных задач, и т. д.; следовательно, резко увеличивается нагрузка на правоохранительные органы и должностных лиц общероссийских и местных ведомств. Подобная ситуация требует больших усилий и согласованности действий разных государственных институтов, поэтому столь актуально исследование исторического опыта обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Первая мировая война в этом

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области в рамках проекта проведения научных исследований «Общественно-политическая жизнь Вятско-Камского региона в годы Первой мировой войны, проект № 14-11-43002

плане – один из показательных примеров, опыт, накопленный государственными ведомствами, заслуживает внимательного изучения.

Поддержание общественного порядка и безопасности в государстве было одним из направлений деятельности Министерства внутренних дел, занимавшего во второй половине XIX – начале XX в. ключевые позиции в государственном механизме. Центральной частью Министерства внутренних дел был департамент полиции, образованный в 1880 г. По мнению Н. П. Ерошкина, включение в состав МВД данного учреждения сделало министерство «важнейшим ведомством в России», а министров внутренних дел – «первыми министрами» при монархе [3]. В задачи департамента входили действия по предупреждению и пресечению преступлений общественного порядка и безопасности; рассмотрение государственных преступлений; создание, обустройство полицейских учреждений на местах и контроль за правильным исполнением ими законов и распоряжений; решения по всем кадровым вопросам среди полицейских чинов; охрана границы и предоставление видов на жительство иностранным гражданам, а также выдворение из страны лиц, признанных персоной нон-грата; контроль над заведениями, распространяющими алкогольную продукцию; обеспечение пожарной безопасности, надзор за распространением и транспортировкой взрывчатых веществ, выдача разрешений на открытие публичных обществ, чтение открытых лекций, выставок, съездов и контроль над ними в целях недопущения распространения опасной политической информации [4].

Департамент полиции, являясь центральной частью Министерства внутренних дел, осуществлял возложенные на него функции в тесной взаимосвязи с органами местного управления. В деле поддержания общественного порядка и спокойствия, предупреждения и пресечения преступлений департамент опирался на губернаторов и полицейские управления во главе с полицмейстерами и исправниками [5].

В условиях Первой мировой войны роль департамента полиции в поддержании порядка и безопасности заметно снизилась. Являясь лишь структурным подразделением МВД, департамент не имел никаких особых рычагов воздействия на правоохранительные органы на уровне губерний и уездов. Департамент полиции, как и все остальные государственные учреждения, должен был руководствоваться общими для всех правилами и положениями, которые были сосредоточены на вопросах внутриведомственного функционирования, как, например, организация делопроизводства, формирования кадрового состава и взаимоотношений с подчиненными структурами. В результате правоохранительную систему России в 1880–1917 гг. возглавляло «бюрократическое учреждение, далекое от непосредственной деятельности» [6]. Подобное положение дел привело к децентрализации в осуществлении одной из важнейших функций государства в чрезвычайных условиях военного времени.

Департамент полиции в период войны по-прежнему проводил огромную аналитическую работу по отслеживанию общественно-политических настроений и выявлению угрозы возможных революционных выступлений и иных форм массового народного недовольства. По результатам проделанной работы в губернии рассылались циркуляры, содержащие предписания о мерах предупреждения общественно-политической активности, противоречащей интересам государства, особо уязвимого в военный период, однако исполнение циркуляров департамента зависело от воли и желания руководителей губернии. Проведение централизованной политики по обеспечению общественного порядка и спокойствия так и не было достигнуто из-за отсутствия реальных средств влияния на систему местного управления в целом и губернаторов в частности.

Высшей инстанцией в системе местного управления был губернатор, который выступал «блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, Высочайших повелений, указов Правительствующего сената и предписаний начальства» [7]. Среди основных задач начальника губернии при осуществлении общего руководства было «охранение общественного спокойствия, безопасности всех и каждого и соблюдение установленных правил, порядка и благочиния... и высший надзор за исполнением всех законных постановлений и требований» [8]. Кроме серьезного влияния на полицейские управления губернатор имел право призывать войска в случае недостаточности правоохранительных сил для охранения порядка при многочисленных собраниях народа, для предупреждения или прекращения народных волнений [9].

Губернатор, являясь гарантом общественного спокойствия и безопасности, контролировал работу городских и уездных полицейских управлений. В целях надлежащего исполнения действующего законодательства начальник губернии имел право издавать циркуляры и распоряжения, обязательные для исполнения местными жителями. Распоряжения губернатора принимались в развитие действующего законодательства и не должны были противоречить нормам, имеющим большую юридическую силу [10]. Каждое постановление главы губернии в обязательном порядке рассматривалось министром внутренних дел на предмет законности и целесообразности.

Военное время требовало от разных уровней власти своевременных и решительных действий. Вступление Российской империи в Первую мировую войну и последующие военные действия являлись причиной распространения в отдельных частях государства исключительного положения. Такое положение, по мнению одного из наиболее авторитетных защитников идеи правового государства В. М. Гессена, требовало резкого увеличения должностных полномочий представителей власти, полицейских учреждений, командующих войсками и оправдывало его. Он называл понятной ситуацию, когда с возникновением войны «военные и гражданские власти могут оказаться вынужденными прибегнуть к целому ряду незаконных мероприятий, нарушающих и публичные, и частные права граждан. Сила должна быть подавляема силой. Для защиты страны от врага военачальник не остановится перед захватом или уничтожением частного имущества, перед произвольным арестом или высылкой, перед произвольным наказанием и даже казнью помогающих или содействующих неприятелю лиц» [11].

Исключительное положение включало в себя положение об усиленной охране, положение о чрезвычайной охране, фиктивное военное положение и военное положение [12]. Разные виды исключительного положения регламентировались Положением о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. и Правилами о местностях, объявляемых состоящими на военном положении. Все они вводились в отдельных местностях определенным порядком и только решением императора [13]. Перевод отдельных частей империи на исключительное положение был основанием для установления там административного или военного диктата. В результате функция обеспечения правопорядка и общественной безопасности становилась первоочередной, и ее реализация сопровождалась существенным ограничением гражданских прав и свобод. На губернии, находящиеся вдалеке от линии фронта, ни военное, ни чрезвычайное положение официально не распространялось, но фактически там происходило резкое усиление мер по охране правопорядка и общественного спокойствия. Показательным образцом таких изменений в управлении внутренними губерниями в условиях начала Первой мировой войны является Вятка.

Военное время давало возможность губернаторам выходить за рамки установленных законом полномочий, когда этого требовало поддержание порядка и безопасности в губернии. Примером реализации обозначенного процесса являются действия вятского губернатора Ивана Михайловича Страховского, который в августе 1914 г. отмечал, что «при настоящих условиях, переживаемых Россией, представители государственной власти на местах должны действовать решительно и быстро, забывая о формальных соображениях... Растерянность в опасные моменты, нерешительность и бездействие власти будут рассматриваться как тягчайшая вина перед долгом службы» [14]. Определяя задачи полиции губернии уже на следующий день после вступления России в войну, И. М. Страховский разрешил начальникам уездной полиции и полицмейстеру г. Вятки принимать меры, превышающие их власть, если это будет целесообразно «в чрезвычайных условиях... для быстрого восстановления порядка и предотвращения его нарушения» [15].

Начало военных действий буквально с первых дней внесло коррективы в деятельность начальника Вятской губернии и подчиненной ему полиции по обеспечению порядка и безопасности. Губернатор в своем руководящем циркуляре к начальникам полиции обозначил три основных направления этой деятельности: поддержание доверия населения к государственной власти в целом и местным властям в частности, борьба с народными волнениями и непосредственными поводами для их возникновения, предупреждение шпионажа и возможных диверсионных действий со стороны иностранцев [16].

Для более эффективного решения обозначенных задач в условиях военного времени уездным исправникам было предписано изменить размещение полицейских по уездам. Губернатор требовал «не распылять стражу по всей площади уезда» [17], а сосредоточить ее в местах наибольшего скопления местного населения: при станковых квартирах и уездных городах, усилить постоянную стражу в волостях, где наблюдается брожение и недовольство, а также периодически совершать объезд территории уезда отдельными командами полицейских. Новая система размещения полицейских позволила успешно отслеживать все изменения в настроениях жителей губернии, информация об общественных настроениях через каждые три дня поступала к губернатору, что позволяло оперативно реагировать и пресекать возможные народные волнения.

Усиление внимания к общественно-политической активности жителей российских губерний было вызвано смещением приоритетов среди государственных задач. Начальник Вятской губернии И. М. Страховский утверждал, что распространение вредных слухов, рост «нежелательных брожений» среди подданных Российской империи являются «чрезвычайно опасными для благополучия государства, так как спокойствие всего населения во время войны и уверенность каждого в личной и имущественной безопасности служит лучшим залогом успеха русского оружия» [18].

Для поддержания порядка и общественной безопасности, по мнению губернатора, необходимо было поддерживать «общее доверие» к представителям местной власти, в связи с чем последним предписывалось активнее взаимодействовать с жителями уездов и постоянно информировать их о происходящих военных и иных внутригосударственных событиях. В рамках обозначенной цели полиция оказывала посильную помощь семьям чинов запаса и ополчения, призванных на действительную военную помощь, и всем тем, кто оказался в тяжелых условиях из-за начавшейся войны. Предусматривались также денежные пособия семьям военнослужащих, временно оставшихся без кормильцев. Однако огромный поток ходатайств о назначении пособия вынудил главу губернии ограничиться выборочной помощью только многодетным и малообеспеченным семьям мобилизованных на военную службу [19].

Центральное значение в деятельности полиции отводилось мерам по предупреждению и пресечению народных волнений, так как, по справедливому размышлению начальника Вятской губернии, «всякое волнение и нарушение порядка хотя бы в отдаленных местностях неизбежно станут известными в армии и могут бросить в нее чувство смущения и тревоги» [20]. Любые серьезные нарушения общественного порядка предписывалось немедленно пресекать в самом начале и «всеми возможными средствами» [21], даже превышающими полномочия полиции.

В целях предупреждения народных волнений во вверенной ему губернии И. М. Страховский поручил усилить борьбу со злонамеренными слухами, преступной агитацией, с действиями отдельных неблагонадежных лиц, нарушающих общественный порядок, и даже с пьянством, которое часто становилось причиной противоправных действий.

С опасными, возбуждающими народное недовольство слухами представители местной власти вели борьбу путем постоянного отслеживания общественных настроений и пресечения слухов через повсеместное распространение правдивой информации о военных событиях. Вятский губернатор указывал полиции, что основной причиной действительности злонамеренных слухов во время войны была «особая возбудимость и нервозность населения, лишенного правдивого осведомления о текущих событиях» [22], а следовательно, решение проблемы «информационного голода» оградит местных жителей от нежелательного влияния.

Не забывали местные власти и о возможной агитационной деятельности представителей революционных партий, в отношении которых был усилен негласный надзор. Для предотвращения пагубного влияния на население со стороны отдельных нарушителей общественного порядка использовалась их временная изоляция. Губернатор официально разрешил полицейским использовать Положение о чрезвычайной охране с целью заключения нарушителей под стражу ради последующего выяснения их политической благонадежности [23].

Борьба с пьянством проявилась в запрете с началом военных действий употребления алкогольных напитков в общественных местах, появления на публике в состоянии явного алкогольного опьянения, а также хранения большого количества крепких напитков [24]. Это была общероссийская практика, и в Вятской губернии ее установил новый губернатор Андрей Гаврилович Чернявский, вступивший в должность 11 июля 1914 г. Нарушение запрета грозило весьма суровым наказанием – штрафом в размере 3 тыс. руб. или тюремным заключением сроком на три месяца. В продолжение подобной практики было введено воспреещение на продажу через аптеки киндер-бальзамов, денатурированного и древесного спирта [25], которые, видимо, начали активно употребляться местным населением в обход постановления начальника губернии.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну спровоцировало появление новых направлений в политике по обеспечению общественной безопасности. Военное время сделало актуальными меры по предупреждению шпионажа и опасного влияния на российских подданных военнопленных и иностранных пропагандистов.

В июле 1914 г. начальникам полиции в Вятской губернии было поручено немедленно докладывать губернатору обо всех случаях пролета летательных аппаратов над территорией уездов и задерживать всех летчиков, спустившихся на землю [26]. В августе 1914 г. Жандармское управление распространило сведения о применении германскими военными, переодевавшимися в крестьян, беспроводных телеграфов, с помощью которых передавалась информация о силах и сосредоточении противника [27]. На основании циркуляра губернатора в г. Вятке был проведен розыск упомянутой техники, который не выявил ни беспроводных телеграфов, ни лиц, занимавшихся шпионажем [28].

Война против Германской и Австро-Венгерской империй вынудила установить особый контроль над всеми германскими и австрийскими подданными, находящимися на территории России. По распоряжению Главного управления генерального штаба все военнообязанные немцы и австрийцы, проживающие в российских губерниях, признавались военнопленными, которым запрещалось покидать пределы своего места жительства [29]. Полиция путем личных опросов и

досмотра паспортов должна была выяснить количество военнопленных, проживающих в отдельных частях Российской империи, и установить за ними и их корреспонденцией постоянный надзор для предупреждения шпионажа в пользу враждебных государств.

Присоединение к блоку противников Антанты Турции наложило отпечаток на деятельность властей по обеспечению общественной безопасности. Департамент духовных дел распространил циркуляр, в котором были отмечены «серьезные опасения», что это событие может быть использовано панисламистами и пантюркистами для антигосударственной агитации среди мусульман Российской империи. В связи с этим А. Г. Чернявский потребовал от полиции пресечения возможных случаев незаконной пропаганды и сбора пожертвований среди мусульман, проживающих в Вятской губернии [30].

Новым направлением в деле по обеспечению общественной безопасности в военное время стала борьба с публичным разглашением сведений, касающихся «военной безопасности России, вооруженных сил и сооружений, предназначенных для военной обороны страны» [31]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было дополнено ст. 275/2, согласно которой устанавливалось наказание в виде тюремного заключения сроком от двух до восьми месяцев за публичное оглашение в речи или докладе, распространение в печати во время войны сведений, касающихся внешней безопасности России. В результате во всех российских губерниях было введено наблюдение для пресечения всех потенциальных случаев разглашения обозначенной информации.

В итоге вступление России в Первую мировую войну привело к серьезным изменениям в организационно-правовом обеспечении порядка и общественной безопасности. Развитие правовой основы реализации данной государственной функции проходило в основном на уровне местных губернских властей. Именно руководящие циркуляры губернаторов вводили новые направления в поддержании порядка и безопасности. На общегосударственном уровне рассматриваемая функция за редким исключением регулировалась довоенным законодательством. Организационное обеспечение порядка и общественной безопасности также было децентрализовано и оперативно осуществлялось главами отдельных российских губерний. С одной стороны, подобная практика, примером которой является деятельность вятских губернаторов, позволяла учитывать местную специфику и положение губернии по отношению к линии фронта, что давало возможность подобрать лучшее решение проблем безопасности. С другой стороны, отсутствие централизованной практики поддержания порядка и общественной безопасности, что частично объяснялось неэффективностью департамента полиции, давно нуждавшегося в реформировании, вынуждало императора в выполнении этой важной функции полагаться на совесть и ответственность глав губерний.

Примечания

1. Элементарные начала общей теории права. Право и закон. М.: КолосС, 2003. С. 53.
2. Административное право: словарь-справочник. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. Б. В. Россинский, 2000. С. 145.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений России. М.: Высш. шк., 1983. С. 214.
4. Учреждения министерств. 1892 г. Ст. 362 // Свод законов Российской империи. Изд-е неофициальное. Т. 1. С. 185.
5. Бальбердин Ю. А., Калинина Д. А., Смирнов М. А., Смирнова А. А. Взаимодействие системы центрального управления и органов местного управления и самоуправления и их влияние на общественно-политическую жизнь Вятско-Камского региона в конце XIX – начале XX вв. (1881–1917 г). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 35.
6. Романов К. С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 273.
7. Общее учреждение губернское. Ст. 270 // Свод законов Российской империи. Изд-е неофициальное. Т. 2. С. 24.
8. Там же.
9. Общее учреждение губернское. Приложение к ст. 316. // Свод законов Российской империи. Изд-е неофициальное. Т. 2. С. 177–180.
10. Бальбердин Ю. А., Калинина Д. А., Смирнов М. А., Смирнова А. А. Указ. соч. С. 39.
11. Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Юрид. кн. кл. «Право», 1908. С. 57.
12. Классиф. по: Гессен В. М. Исключительное положение. СПб.: Юрид. кн. кл. «Право», 1908.
13. Свод основных государственных законов. 1906 г. Ст. 15 // Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. СПб.: Рус. кн. тов-во «Деятель», 1912. С. 2.
14. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 721. Оп. 1. Д. 1183. Л. 16об.
15. Там же. Л. 17.
16. Там же. Л. 16.
17. Там же. Л. 17.

18. Там же. Л. 16.
19. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 464.
20. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1183. Л. 16.
21. Там же. Л. 16об.
22. Там же. Л. 16.
23. Там же. Л. 18.
24. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 433.
25. Там же. Л. 459.
26. Там же. Л. 406а.
27. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1183. Л. 20.
28. Там же. Л. 21, 23, 28.
29. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 396, 401.
30. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1183. Л. 28–29.
31. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 1180. Л. 394.

Notes

1. EHlementarnye nachala obshchej teorii prava. Pravo i zakon – Elementaries of general theory of law. Right and law. M. ColosS. 2003. P. 53.
2. Administrativnoe pravo: slovar'-spravochnik – Administrative law: a dictionary-guide. M. UNITY-DANA. Law and right. Rossinsky B. V. 2000. P. 145.
3. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossii [History of the state institutions of Russia]. M. Vyssh. Shk. 1983. P. 214.
4. Uchrezhdeniya ministerstv - Establishment of the ministries. 1892, Art. 362 // Code of laws of the Russian Empire. Informal edition. Vol. 1. P. 185.
5. Balyberdin Yu. A., Kalinina D. A., Smirnov M. A., Smirnova A. A. Vzaimodejstvie sistemy central'nogo upravleniya i organov mestnogo upravleniya i samoupravleniya i ih vliyanie na obshchestvenno-politicheskuyu zhizn' Vyatsko-Kamskogo regiona v konce XIX – nachale XX vv. (1881–1917 g) [The interaction of the system of central control and local administration and self-government and their influence on social and political life of Vyatka-Kama region in the late XIX – early XX centuries (1881–1917 g)]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2013. P. 35.
6. Romanov K. C. Departament policii MVD Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny (1913–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk [Police Department of the MIA of Russia before and during the First world war (1913–1917 gg.): dis. ... Cand. Hist. Sciences]. St. Petersburg. 2002. P. 273.
7. The total provincial institution. Art. 270 // Code of laws of the Russian Empire. Informal edition. Vol. 2. P. 24. (in Russ.)
8. Ibid.
9. The total provincial institution. Annex to article 316. // Code of laws of the Russian Empire. Informal edition. Vol. 2. Pp. 177–180. (in Russ.)
10. Balyberdin A., Kalinina D. A., Smirnov M. A., Smirnova A. A. Op. cit. P. 39.
11. Gessen V. M. Isklyuchitel'noe polozenie [Exceptional position]. SPb. Law book warehouse "Pravo". 1908. P. 57.
12. Classif. by: V. M. Hessen Isklyuchitel'noe polozenie [Exceptional position]. SPb. Law book warehouse "Pravo". 1908.
13. The code of the fundamental state laws. 1906 Art. 15 // Code of laws of the Russian Empire. Vol. I. P. 1. SPb. Rus. book comrade "Deyatel". 1912. P. 2. (in Russ.)
14. State archive of the Kirov region (GAKO). F. 721. Sh. 1. File 1183. Sh.16 turn.
15. Ibid. Sh. 17.
16. Ibid. Sh. 16.
17. Ibid. Sh. 17.
18. Ibid. Sh. 16.
19. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1180. Sh. 464.
20. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1183. Sh. 16.
21. Ibid. Sh. 16 turn.
22. Ibid. Sh. 16.
23. Ibid. Sh. 18.
24. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1180. Sh. 433.
25. Ibid. Sh. 459.
26. Ibid. Sh. 406a.
27. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1183. Sh. 20.
28. Ibid. Sh. 21, 23, 28.
29. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1180. Sh. 396, 401.
30. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1183. Sh. 28–29.
31. GAKO. F. 721. Sh. 1. File 1180. Sh. 394.

УДК 821.161.1

Т. А. Золотова

Сюжеты с участием анималистических персонажей в обрядовых практиках Поволжья (к вопросу об эволюции предметных этнических маркеров)*

В настоящей статье предложены результаты исследования путей трансформации важных в период становления обрядовых практик предметных анималистических символов (заяц). Выводы сделаны на основе сопоставительного изучения русских и финно-угорских зимних календарно-обрядовых (таусеневых) текстов, хранящихся в архивах образовательных и научно-исследовательских учреждений Поволжья.

The article represents the results of the research of transformation of the animalistic symbols (hare) important in during the fledging period of ritual practices. The results are given on the basis of the comparative analysis of Russian and Finno-Ugric winter calendar ceremonial (*tausenevie*) texts, kept in the archives of educational and research institutions of the Volga Region.

Ключевые слова: Поволжье, зимние календарные обряды, таусеневые песни, предметные этнические маркеры, заяц, трансформация.

Keywords: the Volga Region, winter calendar ceremonial, tausenevie songs, ethnic subject markers, hare, transformation.

Одним из популярных персонажей русской традиционной (фольклорной) культуры стал заяц: «<он> представлен в самых разнообразных формах: в поверьях и приметах, обрядовых действиях или предметах, игровой пантомиме с элементами драматического действия (ряжение), в танце и словесном фольклоре...» [1]. Заяц как персонаж и одновременно обрядовый символ фигурирует и в полиэтнических регионах России: Поволжье (сюжет «Старый русень...»), Башкортостане и некоторых других областях [2].

В календарных (таусеневых) текстах Поволжья заяц, как правило, прямо не называется, используются многочисленные метафорические его обозначения: «русень», «серый русень», «старый русень», бытуют наряду с «кривень», «лесной барашек» и др. [3] Подобное обозначение зайца может быть поставлено в зависимости от народно-этимологических «сближений» и «притяжений» (таусень – усень – русень). Однако, как правильно замечал В. Н. Топоров, «нельзя упускать из вида многочисленные “притяжения” к ключевому слову песни, не исчерпывающиеся исключительно фоническими целями» [4]. И действительно, в исследованиях последних лет выявлена двойственная природа данного персонажа: с одной стороны, образ зайца соотносится с эротической (фаллической) символикой, с другой – наделяется демоническими свойствами [5]. Интересно, что интерпретация таусеневых песен с «участием» зайца и подразумевает сложную семантику образа: их можно отнести как к типу песен-просьб об угощении, так и к типу величальных, исполняемых в адрес молодых людей (в частности, девушек).

О возможности отнесения данных текстов к группе песен-просьб свидетельствуют, во-первых, отношение к зайцу в святочно-рождественской обрядности славян как к ритуальному персонажу: «<...> в прежние времена среди рождественского мяса, запеченного на вертеле, была и зайчатина. На Рождество происходило разговение этой зайчатинной, при этом первым разговлялся хозяин, а затем и остальные домашние. Голову зайца берегли до Нового года, когда ее съедали

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон»

с головой запеченного поросенка» [6]; и, во-вторых, уже как следствие, появление заключительных, относительно развернутых формул-просьб об угощении в поволжских таусеневых песнях с упоминанием/участием данного персонажа (сам же *русень* упоминается/появляется в первых строках такого рода текстов):

*На горнушечке <...>
Кишки продает.
Почем кишки?
По копеечке, по сопелечке.
Подавай, не ломай:
Или сковороду кишок,
Или белый пирожок. [7]*

*Где кокурочки пекут,
Там и нам подадут.
Троим, двоим –
Давно стоим. [8]*

Подайте пирог с рукавицу. [9]

Архаично и упоминание вместо зайца образа кошки; в данном случае заяц становится принадлежностью мира духов (см.: в славянском и финно-угорском фольклоре заяц наделяется «рогами») [10]:

*Таусень – старый русень,
На печь лазил,
Кошку гладил. [11]*

И таких реалий, как «лапоть», «веревка»:

*Не плачь, кисонька,
Мы тебе лапоть сплетем
И веревку сошьем. [12]*

Названные образы и реалии близки мордовским кумулятивным песням, и соответственно заяц как представитель «иногo» мира мог участвовать в «передаче» обрядовой еды (жертвы).

С другой стороны, на интересующей нас территории (см. также Русский Север, Верхнее Поволжье) [13] в свадебном ритуале известен обряд «подношения» зайчика (матерчатого, свернутого из платка, сшитого из заячьей шкуры, игрушки, купленной в магазине) жениху с просьбой денег или угощения [14]. Преподнесение зайчика сопровождалось исполнением величальных песен [15]. Заяц как «брачный, точнее – эротический символ» [16] известен, кроме того, хороводным и игровым песням. Подобный контекст сделал возможным появление в таусеневых (с участием/упоминанием зайца/его заместителя) песнях мотивов брака:

*Кошка плачет –
Замуж хочет. [17]*

*Кошка плачется, ревет,
За татарина нейдет,
А татарин – басурман
Посадил кошку в карман. [18]*

Данные песни исполнялись под окнами девушек «на выданье» [19] и предполагали удачное замужество.

И, наконец, «заяц» в традиционной культуре известен еще и как персонаж, связанный с космосом [20]. В этом плане чрезвычайный интерес представляет устойчивая начальная формула ряда нижегородских вариантов «Таусень – старый Русень» [21]. Она может быть истолкована как своего рода антропоморфизация основного персонажа (Таусень: он же Старый Русень). Таусень в данном ряду находится в семантически сильной позиции как ритуально-мифологический образ, субъект обряда [22]. В свою очередь тесно связанный с ним эпитет «старый» содержит указание на «солнечно-годовой праздничный контекст» и вслед за В. Н. Топоровым позволяет предполагать, что Таусень в текстах данного типа «не только открывал новый цикл, но и закрывал старый, как бы подводя ему итог» [23].

Таким образом, исследование обрядовых текстов с участием анималистических персонажей (зайца) в календарно-обрядовых (таусеневых) песнях Поволжья позволяет, в известной мере, показать последовательную эволюцию важных в период становления зимнего календарно-обрядового цикла этнических символов-маркеров: 1) заяц как олицетворение старого/изнашивающе-

гося мира (*старый русень*); 2) заяц как обрядовая жертва, обеспечивающая изобилие/материальный достаток; 3) заяц как средство обеспечить давно ожидаемые в роде/семье женитьбу/замужество.

Примечания

1. Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Араика Традиции. М.: Наука, 1978. С. 159.
2. Там же. С. 161.
3. Гура А. В. Заяц // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 191.
4. Топоров В. Н. Три заметки о малых фольклорных формах // Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1993. С. 13.
5. Гура А. В. Заяц... С. 191: Золотова Т. А. Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи: дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1997. С. 272–276.
6. Кулиших Ш. Из старесрпскерелигије. Новоодишниобычаји. Белград, 1970. Цит. по: Гура А. В. Символика зайца... С. 184.
7. Здесь и далее: фольклорный архив Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского (НГУ) – на первом месте номер коллекции; далее номер единицы хранения и номер текста. НГУ: 43.
8. НГУ: 53, 9, 591 а.
9. НГУ: 53, 5, 43.
10. Гура А. В. Символика зайца... С. 177.
11. НГУ: 53, 6, 591 а; 54, 5, 43; 43.
12. НГУ: 53, 5, 43.
13. Гура А. В. Символика зайца... С. 163.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. С. 170.
17. НГУ: 53, 5, 43.
18. НГУ: 53, 6, 591 а.
19. Корепова К. Е. Календарные обряды. 1983–1996 / сост. К. Е. Корепова, Ю. М. Шеваренкова. Н. Новгород: Нижегород. ун-т, 1997. С. 16.
20. Гура А. В. Символика зайца... С. 181–184; Заяц... С. 192.
21. НГУ: 53, 6, 591 а; 53, 5, 43; 53, 9, 19–23; 53, 6, 59–62; 53, 2, 46, 47 и др.
22. Топоров В. Н. Три заметки... С. 13.
23. Там же. С. 14.

Notes

1. A. V. Gura, The symbolism of a hare in Slavic ritual and folk songs// Slavic and Balkan folklore . Genesis. AraikaTraditions. M.: Scienc. 1978. P. 159.
2. The same. P. 161.
3. A. V. Gura. The hare// Slavic mythology. Encyclopedic distionary. M.: Ellis Lak, 1995. P. 191.
4. V. N. Toporov. Three notes about small folklore forms // Slavic and Balkan linguistics. M.: Science, 1993. P. 13.
5. A. V. Gura. The hare ... P. 191: T. A. Zolotova, Tausenevie songs of the Russians of the Volga Region: regional peculiarities and interethnic connections / Thesis for the PhD. Yoshkar-Ola, 1997. Pp. 272–276.
6. Kulishih. Fromstaresrpskereligije. Novoodishniobychaji. Belgrade, 1970 //A. V. Gura, The symbolism of a hare... P. 184.
7. Hereinafter: folklore archive of the Nizhniy Novgorod University after N. I. Lobachevskiy (NSU) – number of the collection is on the first place, then go a storage unit number and a text number – NSU: 43.
8. NSU: 53, 9, 591 а.
9. NSU: 53, 5, 43.
10. A.V. Gura.The symbolism of a hare... P. 177.
11. NSU: 53, 6, 591 а; 54, 5, 43; 43.
12. NSU: 53, 5, 43.
13. A. V. Gura..The symbolism of a hare... P. 163.
14. The same.
15. The same.
16. The same. P. 170.
17. NSU: 53, 5, 43.
18. NSU: 53, 6, 591 а.
19. K. E. Korepova. Calendar rituals. 1983–1996 // authors K. E. Korepova, Y. M. Shevarenkova. Nizhniy Novgorod: the Nizhniy Novgorod University, 1997. P. 16.
20. A. V. Gura. The symbolism of a hare ... p.181–184; The Hare ... P. 192.
21. NSU: 53, 6, 591 а; 53, 5, 43; 53, 9, 19–23; 53, 6, 59–62; 53, 2, 46, 47 and others.
22. V. N. Toporov. Threenotes ... P. 13.
23. The same. P. 14.

Фольклорно-этнографические мотивы в литературном творчестве Г. Е. Верещагина*

В статье рассматривается литературное наследие Г. Е. Верещагина – известного ученого, собирателя, писателя, просветителя удмуртского народа. Г. Е. Верещагин изучал жизнь, быт и духовные истоки удмуртов и русских Вятской губернии конца XIX – начала XX в., собрал обширный фонд материалов, которые служат для исследования не только традиционных основ религиозных воззрений удмуртов и русских, но и позволяют говорить о его литературном мастерстве, а также выявить некоторые особенности удмуртского городского населения.

The article deals with the literary heritage N. E. Vereschagina famous scientist, collector, writer, educator Udmurt people. GE Vereshchagin studied the life, life and spiritual origins of Udmurt and Russian Vyatka province late nineteenth – early twentieth century, collected a vast pool of materials that are used to study not only the traditional foundations of religious beliefs Udmurt and Russian, but also allow us to speak about his literary skill, as well as to identify some of the features of the urban population of the Udmurt.

Ключевые слова: Г. Е. Верещагин, удмурты, фольклор, этнография, «третья культура», этнические маркеры.

Keywords: G. E. Vereschagin, Udmurt, folklore, ethnography, “third culture” ethnic markers.

Осмысление этнокультурных процессов Вятско-Камского региона на сегодня является довольно актуальным, так как накоплен большой объем материала этнических маркеров: языковых, фольклорно-этнографических, – который не исследовался комплексно. Также возникает проблема современного использования описаний этнографических особенностей разных народов, сделанных в XVIII – начале XX в. Эта проблема возникает в связи с тем, что описания, которые были сделаны разного уровня исследователями, с одной стороны, фиксировали разные сведения о народе, а с другой – все эти описания носили несколько субъективный характер.

Народы Среднего Поволжья, Прикамья оказались в центре внимания первых исследователей уже в XVIII в., а к началу XX в. появляются довольно развернутые исследования антропологических и этнографических материалов. Современные исследователи национальных культур большей частью занимаются мифологией, религией, фольклорно-этнографическими комплексами, дающими возможность говорить о древности этноса, о его корнях, о его фольклорной культуре. Однако нередко исследователи повторяют ошибки русских фольклористов и этнографов конца XIX – середины XX в., которые отметили такой важный пласт народной культуры, как «третья культура». Сегодня «третью культуру» рассматривают как культуру городских, слободских низов, но преимущественно русскую. Однако элементы «третьей культуры» были восприняты и другими этносами, проживавшими в России. Об этом говорят лингвистические, этнографические материалы, а также литературные тексты Г. Е. Верещагиным.

Г. Е. Верещагин (1851–1930) – известный ученый, собиратель, писатель, просветитель удмуртского народа. Его фольклорно-этнографическое наследие довольно обширно. Изучая жизнь, быт и духовные истоки удмуртов и русских Вятской губернии конца XIX – начала XX в., Г. Е. Верещагин собрал обширный фонд материалов, которые служат для исследования не только традиционных основ религиозных воззрений удмуртов и русских, но и позволяют говорить о его литературном мастерстве, а также выявить некоторые особенности удмуртского городского населения, то есть «третьей культуры».

Удмуртским институтом истории, языка и литературы подготовлено и выходит собрание сочинений Г. Е. Верещагина в шести томах под редакцией В. М. Ванюшева. В пятом томе представлены литературные произведения Г. Е. Верещагина – это составная часть его литературно-этнографического наследия (очерки, рассказы, повести, поэмы, стихотворения, пьесы), в котором довольно ярко описаны не только жизнь и быт удмуртов и русских, но и даны зарисовки народ-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон».

ных характеров. Составитель этого тома отмечает особенности размещения литературных текстов Верещагина в предыдущих томах и возможность публикации их в отдельном томе. «К их числу, – пишет В. М. Ванюшев, – относятся, например, такие тексты, как “Гуждор” (на удмуртском и русском языках), “Камай”, “О Тукташе-сказителе”, “Встреча Великого князя в селе Завьялове”, “Вуж мыж” (“Ранее обещанная жертва”), “Мамат Камай” (“Камай Маматович”), “Кураськись” (“Нищий”), “Кыен уд-муртэн” (“Змея и удмурт”), “Кык амежь” (“Два лемеха”), “Кисаль” (“Кисель”) и почти все стихотворения на удмуртском языке» [1].

Литературное наследие Верещагина невелико, но очень разнообразно. Помимо упомянутых этнографических очерков в его наследии есть повесть «Вуж мыж». Первый вариант опубликован в книге 2, выпуск 1; второй вариант – в пятом томе «Собрания сочинений». В повести автор изображает жизнь удмуртской деревни. Уже в самой природе чувствуется что-то суровое, невеселое: «Была весна сухая и холодная. Вторая половина мая приближалась к концу, а тепла все еще не бывало» [2]. Далее автор, который приехал в деревню учителем, видит безрадостную картину: озимь и яровые не росли, не росла трава, скот бродил голодный, птицы почти не видно. Причина такого положения, по мнению вотяков, была в том, что они не исполняли «старых религиозных отцовских обычаев», поэтому Инмар не давал дождя. В повести Камай и Атламыш рассуждают о причинах упадка вотяков и приходят к единодушному выводу, что причина кроется в том, что некогда старики пустили на вотские земли русских, которые научили вотяков ругаться матерными словами, научили всему худому (драке, буйству), а хорошего вотяки взяли мало от русских. Верещагин дает некоторые пояснения в тексте об исторических и экономических причинах прихода русских на вотские земли. Общение Камая, Атламыша со стариком Байметом подводит к сказанию «о собачьей доле». Возникает особая коллизия: Камай и Атламыш забыли сказание, а Баймет может рассказать предание.

К литературному наследию Верещагина можно отнести и чисто этнографические очерки. Так, во вступительной статье к фольклорному тому Т. Г. Владыкина делает интересные наблюдения о том, как авторская позиция Верещагина проявляется в стилистическом оформлении, как она проявляется в переводах удмуртских сказок, преданий, легенд, рассказов. «Несмотря на то что Г. Е. Верещагин, – пишет Т. Г. Владыкина, – был плоть от плоти своего народа, он, судя по стилю своих публикаций, несколько отстранен “от вотяков” – объекта своего исследования, которых он “описывает”. В манере его письма присутствует и учитель, и священник, и просто человек, наблюдатель, впущенный в святая святых удмуртского народа в силу родства с ним более близко, чем все остальные» [3]. В книгах Г. Е. Верещагина видится влияние литературного творчества, однако это не совсем литературная публицистика, а этнографические очерки.

Во втором томе опубликована работа Г. Е. Верещагина «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», в которой исследователь приводит историко-географические и этнографические сведения, а также фольклорные произведения удмуртов. Он пристально наблюдал за различными проявлениями быта удмуртов и русских, и в этих наблюдениях, безусловно, преобладает объективный взгляд на их нравы. С нравами и обычаями представителей городских слоев крестьяне-удмурты сталкивались, непосредственно приезжая в город. Источником информации служили и рассказы бывалых людей, особенно солдат. Солдаты – частые герои не только русских, но и удмуртских сказок, мифологических преданий, в которых сочетаются «реалистические» черты солдатского быта и сверхъестественные события: («Кузьпинёмурт (Рассказ Камая)») и др. Немногие исследователи обращали внимание на такую сторону жизни народа, как пьянство и все, что с ним связано. Верещагин неоднократно в своих записях останавливается на этом явлении, осуждает его и стремится уяснить природу этого пагубного для народа пристрастия. «Вот случай, характеризующий вотячко-русское общество, чему был очевидцем пишуший эти строки. В один из летних дней 1887 г. проходил я мимо кабаков, кишящих народом, собравшимся, как говорили, со всей волости. Впрочем, не только кабаки (лавочки) кипели народом, но и перед кабаками, и по улице толпились группы мужиков – русских и вотяков, и, как было слышно, везде раздавались вольные и даже нескромные речи, виной чему была водка, которая, кажется, тут же среди улицы разливалась и выпивалась...» [4]

С пьянством тесно связано было и явление, которое, по наблюдениям Верещагина, определялась формой и укладом именно городской жизни: это нищенство: «Алкоголизмом страдают во всех слоях общества; не только мужчины, но и женщины, даже девушки и дети. Алкоголика видно везде, особенно в городах; они шляются по улицам, по под окошкам, у церковных папертей; словом, ныне не встретить без них ни одного уголка. Под именем “нищих”, “сирот”, “погорельцев”, “несчастных” они протягивают свои руки ко всякому, иногда с дерзким нахальством, требуют подачи, как некую дань ради Христа. <...> Где есть пирушки, туда заходят и нищие; угощают и их. Особенно много бывает нищих на похоронах, куда идут они в чаянии хорошей подачи» [5].

«Среди нищих, как отмечает Верещагин, особенно обращают на себя внимание профессиональные попрошайки. Они, зайдя во двор или избу, молятся крестом на что и на кого угодно – на хозяйский дом, на крыльцо, на самого хозяина... Для них все – икона. Помолвившись, положим, на хозяина, обращаются к нему с молитвой: “Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас! Батюшка-матушка, подайте Христа ради!” Если же они остановились под окном, пропоют и стихи про двух Лазарей – богатого и бедного». И третьим, что также обусловлено было повсеместным распространением пьянства, являлась брань. Брань становилась для вятича делом обыденным: «Свою речь приправляет он бранными словами не только в пьяном, но и в трезвом виде. В таком состоянии иной всю злость вымещает ни в чем неповинной жене, даже на детях» [6].

Верещагин приводит стих, который поет мнимый «нищий», чтобы получить подаяние:

Мимо раю – мимо царствия
Летели два ангела да два архангела,
Вели душу грешную
За собою во адию во кромешную...

Записан этот стих от Григория Брюхова [7]. «Бродячее сословие» в своих песнях, рассказах, небылицах культивировало элементы «третьей культуры» не только в русской, но и в удмуртской среде.

Верещагин отмечает также, что нищета в Вятской губернии происходит от картежных игр и кутежей. Такое состояние используют предприимчивые люди и «скупают у пропойц и игроков земельные наделы и усадьбы...» [8].

В «Очерках русских Вятско-Камского края» Верещагин приводит множество фактов, которые раскрывают быт и духовную жизнь «низов» города и села. Так, в начальном очерке «Черты из характеристики русских Прикамского края» исследователь подмечает основные особенностей вятских – «полуваней», так он их называет. «Полувани – это те, которые получили уже некоторую полировку и умеют “читати” и “писати”, “маракуют” даже “чифира прославляти”; у него в комнате замечаются уже некоторая чистота, а в “горнице” его можно видеть и грошовые картины бов-королевичей» [9].

В заводской среде исследователь усматривает почву для активного воздействия «третьей культуры» и ее низменных сторон. Влияние заводской атмосферы сказывалось на русской и удмуртской молодежи. Зимой девушки ходят друг к другу, а парни в какой-нибудь откупленной избе играют в карты, пьют и поют «песенки нескромные, даже слишком вульгарные, и игроки “веселых” товарищей поощряют излишними рюмками. Если в игре с выпивками участвует какой-нибудь “развитой молодец”, поживший в прислугах в городе, показывает и порнографические карточки, добытые у кого-нибудь из городских лакеев» [10].

В очерке «Проводы новобранца» Верещагин описывает, как удмурты провожали в солдаты. Когда автора пытались посадить за стол для угощения кумышкой, он заметил нескромное поведение парней и девушек. «При этом все поступки девушек-воятчек показались мне сходственными с поступками и манерами девушек Ижевского оружейного завода, нравственная сторона которых известна была мне ранее, и я невольно задал себе вопрос: не заводские ли это девушки? Ответ на это я дал себе впоследствии почти положительный: завьяловцы, во время оно, были в Ижевском заводе под управлением заводского начальства и переняли некоторые обычаи и нравственные свойства заводских вотяков. Да и теперь заводские и завьяловские вотяки имеют постоянное сношение и, сталкиваясь с ними, заводскими низшего сословия, вотяки усваивают их привычки» [11].

Также в Завьялове Г. Е. Верещагин наблюдал, как встречают, поздравляют и угощают возвратившегося солдата. «Сначала, по вотскому обычаю, заходят к родне или соседу, а оттуда идут уже домой». Г. Е. Верещагин не присутствовал в избе во время прихода гостей к солдату, но, вероятнее всего, они приветствовали и расспрашивали его о службе. Исследователь трактует это как некое «развлечение», сравнивая со зрелищем с «медведем-плясуном или каким-нибудь феноменом». На наш взгляд, это сравнение вполне оправданно, так как у солдата было что рассказать о своей службе. В обряде встречи у удмуртов есть элемент «оповещения» односельчан: «...около обеда солдат с женой и своей родней поехал кататься по улицам села в телеге, чтобы возвестить односельчан о своем прибытии» [12].

Влияние христианизации на удмуртов также проявляется в бытовании христианских легенд и преданий, которые были восприняты из письменных текстов. В фольклоре русского и удмуртского населения Вятской губернии встречаются предания и легенды, которые распространялись и в рукописном виде. Верещагин записывал у русских легенды: «Царь Соломон», «О Ное», «О кошке», «Сказание о последних временах мира» и др., удмуртские варианты легенд он переводил на рус-

ский язык [13]. Рассказы о привидениях (былички) рассказывал Верещагину «некто Софронов, из солдат, служащий полицейским урядником». Бывалый солдат передавал то, что он воспринял и на долгой солдатской службе, и на службе урядником, так как встречался по долгу службы с различными людьми. В этом явлении мы видим, как проникала «третья культура» в вятскую глубинку, как эта культура влияла на традиционные жанры крестьянского фольклора. В рассказах о привидениях упоминается Афанасий Артамонов, который служил рассыльным при Шарканском волостном правлении. Он рассказывает быличку об Кулэм-Убир. Этот информант уже имел другой статус, нежели крестьяне-вотяки. В «мифологическом рассказе» «Мальчик-приказчик» описывается случай, когда нищий мальчик-бродяга нанялся к купцу приказчиком, совершил некое путешествие, в ходе которого состоялся ряд покупок. В конце показано, как мальчик в результате этих перипетий получил богатство. Однако нам важен не сам факт «волшебного» обогащения, а почти реалистичный рассказ о торговых сделках и детали купеческой жизни, судейская практика. В «мифологической сказке» «Ученый сын» тоже рассказывается о том, как сын-ворон улетел в город и открыл там хлебную лавку. Можно привести еще несколько сказок, легенд, где речь идет о городской жизни. Тем самым интерес к «чужому» (городскому) укладу жизни у удмуртов приводил к восприятию и некоторых этических и эстетических воззрений.

В большой подборке анекдотов много таких, которые раскрывают эстетику «третьей культуры». Например, в № 12 рассказывается о том, как человек низшего сословия был произведен в высшее и как он толково ответил на замечание гордого и знатного человека: «...ведь низшая порода, или сословие такого человека, не унижает, но возвышает блистание его качеств» [14]. Приводится известный анекдот «Находчивый русский солдат» («Отче наш»). Персонажами анекдотов являются мелкие чиновники, писари, составитель календарей, дьячки, вятские Вани и др. Есть в фольклорном собрании Верещагина и песни, которые можно отнести к «городским» или фабричными, такая, например, как «Не последний был трактирщик...» (записано от Петра Шулепова), «Сидит Ваня на диване...» (записано от Надежды Михеевой), «Два гудочка – гуды, гуды, гуды!..» (записано от Ивана Татаркина, в примечании отмечается, что «песенка относится к Ижевскому оружейному заводу»).

В «Предварительных замечаниях» к работе «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» Г. Е. Верещагин делает очень важное наблюдение: «Вообще, говоря о вотяках, мы должны заметить, что эти инородцы только в религиозном отношении стоят ниже русских, а в другом они превосходят русских; и если среди них падают нравы, то причиной этому – развращающее влияние на них русских, от которых они перенимают дурные обычаи» [15].

Таких очерков в творчестве Верещагина много. Можно сказать, что сам Верещагин, будучи учителем, священником, многое воспринял из «третьей культуры».

Стишки я сочинял
В часы свободных дум,
Когда не возмущал
Меня житейский шум.
Когда вокруг себя
Я лишних не видал,
И службы долг меня
На пост не призывал.
В такое время я –
Горячий стихоплет,
Тогда всегда меня
К «маранию» влечет,
Сижу себе – молчу...
Один в углу своем
Куплетики строчу
Этическим пером.
Довольно накропав
Ямбических стихов,
Их шлю, переписав,
На критику богов [16].

Таким образом, наследие Г. Е. Верещагина является одним из важнейших источников для изучения феномена «третьей культуры». Особенно значимо то, что материалы, собранные Верещагиным, позволяют нам судить об особенностях «третьей культуры», развивающейся в условиях взаимодействия и взаимовлияния двух этносов.

Примечания

1. Ванюшев В. М. Предисловие. Об особенностях творческого наследия Г. Е. Верещагина и о данном томе Собрания его сочинений // Собр. соч.: в 6 т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 5.
2. Верещагин Г. Е. Собр. соч.: в 6 т. Ижевск, 1996–2001. Т. 2. Вып. 1. С. 153.
3. Владыкина Т. Г. Предисловие // Верещагин Г. Е. Фольклор // Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Кн. 1. Удмуртский фольклор. Ижевск, 2001. С. 9.
4. Верещагин Г. Е. Указ. соч. Т. 2. С. 38–39.
5. Там же. Т. 2. С. 18.
6. Там же. Т. 3. Кн. 2. Вып. 2. С. 19.
7. Там же. Т. 3. Кн. 2. Вып. 2. С. 124–125.
8. Там же. Т. 3. Кн. 2. Вып. 2. С. 125.
9. Там же. Т. 3. Кн. 2. Вып. 2. С. 16–17.
10. Там же. Т. 3. Кн. 2. Вып. 2. С. 24–25.
11. Там же. Т. 2. С. 105.
12. Там же. Т. 2. С. 107.
13. Там же. Т. 2. С. 105.
14. Там же. Т. 2. С. 244–245.
15. Там же. Т. 2. С. 20.
16. Там же. Т. 5. С. 182.

Notes

1. Vanyushev V. M. Predislovie. Ob osobennostyah tvorcheskogo naslediya G. E. Vereshchagina i o dannom tome Sobraniya ego sochinenij [Preface. About the features of the creative heritage of G. E. Vereshchagin and this volume of his collected works] // Coll. works: in 6 vol. Izhevsk. UIHLL US RAS. 2004. P.5.
2. Vereshchagin G. E. [Co Sobr. soch.: v 6 t.ll. works: in 6 vol.] Izhevsk. 1996–2001. Vol. 2. Is. 1. P. 153.
3. Vladykina T. H. Predislovie [Foreword] // G. E. Vereshchagin Fol'klor [Folklore] // Coll. works in 6 vol. Vol. 4. Book 1. Udmurt folklore. Izhevsk. 2001. P.9.
4. Vereshchagin G. E. Op. cit. Vol. 2. Pp. 38–39.
5. Ibid. Vol. 2. P. 18.
6. Ibid. Vol. 3. Book 2. Is. 2. P. 19.
7. Ibid. Vol. 3. Book 2. Is. 2. Pp. 124–125.
8. Ibid. Vol. 3. Book 2. Is. 2. P. 125.
9. Ibid. Vol. 3. Book 2. Is. 2. Pp.16–17.
10. Ibid. Vol. 3. Book 2. Is. 2. Pp. 24–25.
11. Ibid. Vol. 2. P. 105.
12. Ibid. Vol. 2. P. 107.
13. Ibid. Vol. 2. P. 105.
14. Ibid. Vol. 2. Pp. 244–245.
15. Ibid. Vol. 2. P. 20.
16. Ibid. Vol. 5. P. 182.

УДК 395.2

Ю. А. Крашенинникова

**Записи русских свадебных приговоров в финно-угорских традициях
(о некоторых особенностях бытования жанра
русского свадебного обряда в иноэтничной среде)***

Работа посвящена проблеме межэтнического фольклорного взаимодействия. На материале жанра русского свадебного обряда – свадебных приговоров (записанных от вепсских и коми информантов) – автор обсуждает некоторые особенности бытования русского обрядового фольклора в иноэтничной среде, механизмы заимствования фольклорных текстов. Наблюдения позволяют говорить, что жанр является индикатором влияния русской фольклорной традиции, лучшей адаптацией его в иноэтничной среде свидетельствует о более сильном, интенсивном влиянии русской культуры на фольклорную культуру другого этноса.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон».

Article is devoted to a problem of interethnic folklore interaction. On a folklore material of the Russian wedding ceremony – the genre of wedding speeches – the author discusses some features of an existence of Russian ceremonial folklore in another ethnic folklore traditions (on the records made from Finno-Ugric (Veps and Komi) informants), adaptation mechanisms of folklore texts, etc. Supervision allow to say that the genre of wedding speeches is the indicator of influence of the Russian folklore tradition, the best adaptation of genre in another ethnic tradition testifies to stronger, intensive influence of the Russian tradition on folk culture of other nationalities.

Ключевые слова: обрядовый фольклор, свадебные приговоры, фольклорное взаимодействие, механизмы адаптации.

Keywords: ceremonial folklore, wedding speeches, folklore interaction, adaptation mechanisms.

Проблема этнических маркеров и взаимодействия фольклорных культур разных этносов на сегодняшний день актуальна, вызывает интерес в исследовательских кругах [1]. В числе аспектов межэтнического фольклорного взаимодействия – взаимоотношение фольклорных традиций в районах со смешанным населением, специфика бытования русского фольклора на территориях с доминирующим нерусским населением, способы взаимодействия разноэтнических фольклорных традиций и механизмы заимствования фольклорных текстов.

Механизмы адаптации и усвоения фольклорных текстов иноязычной средой изучаются исследователями на разных жанрах (обрядовый фольклор, лирические песни, песенно-игровой фольклор, сказочная проза, детский фольклор и др.). В настоящей работе мы обратимся к жанру обрядового фольклора – свадебным приговорам, который имеет распространение преимущественно в русской свадьбе, однако в публикациях и архивных коллекциях выделяется корпус записей, сделанных от коми, удмуртских, вепсских информантов.

Для наших наблюдений актуальны мнения Б. Н. Путилова о неравномерности процесса усвоения иноязычной фольклорной средой жанров другой культуры и Н. И. Толстого о проницаемости / непроницаемости явлений народной культуры в процессе заимствования. Говоря об адаптации фольклорных явлений и жанров одного этноса другим, Борис Николаевич отмечает: «...заимствование может быть интенсивнее в сфере тех жанров, которые хорошо развиты у данного этноса» [2]. Н. И. Толстой определяет «восприимчивые», «открытые» к чужому фольклорному и нефольклорному фонду жанры (в частности, анекдот, сказка, легенда, духовные стихи, малые фольклорные жанры) и «невосприимчивые», «закрытые» (обрядовая календарная и семейная поэзия, эпическая поэзия), заимствование которых «могло иметь место, но только с самим обрядом и языком» [3]. Еще одним тезисом, связанным с современным пониманием проблемы взаимодействия гетерогенных культур, является тот, что заимствованные культурные факты представляют собой «акт “творческой переработки”»: заимствованный артефакт встраивается в другую культурную традицию, тем самым способствуя ее перестройке и приводя в движение элементы традиции, которые, в свою очередь, образуют в системе новые соотношения» [4].

Эта заметка преследует несколько целей. Во-первых, рассмотреть тексты свадебных приговоров, которые записаны в локальных традициях, формировавшихся в ситуации фольклорного двуязычия [5]. Во-вторых, если принять во внимание факт, что жанр свадебных приговоров – жанр русского свадебного обряда, то актуальным становится вопрос о специфике его бытования в иноэтнической среде: насколько это жанр стал «своим» в свадебном обряде других фольклорных традиций, смог ли он органично «встроиться» в фольклорную систему других народов и сохранили ли при этом тексты свою поэтическую стилистику, какие ритуальные акты свадьбы с точки зрения представителей другого этноса нуждались в оформлении приговорами.

В поле нашего зрения попали опубликованные, архивные и экспедиционные записи, сделанные в локальных традициях Республики Коми (Прилузский, Удорский районы, Нижняя Вычегда), Республики Удмуртия (записи и самозаписи 1970–1980-х гг. из разных районов Удмуртии) [6], Бокситогорском районе Ленинградской области [7]. Следует отметить, что не всегда собиратели при паспортизации текстов указывают этническую принадлежность информанта, это обстоятельство оказало влияние на отбор текстов для наших наблюдений: мы постарались использовать преимущественно те записи, в паспорте которых указана не только территория, но и зафиксирована эта информация. Тексты, которыми мы оперируем, записаны собирателями на русском языке.

На степень адаптации жанра иноязычной средой оказывает влияние ряд факторов, в числе которых, безусловно, жанровая специфика. В номинации жанра, использующегося в научной литературе, – *свадебные приговоры* – закреплены такие показатели, как обрядовая приуроченность (исполнение на свадьбе) и отчасти указание на манеру произношения, исполнения текстов – слова, которые приговаривают; сопровождают какое-либо действие. С одной стороны, принадлежность жанра двум системам – фольклору и ритуалу [8] – позволяет текстам, регулирующим

«движение» обряда, организующим и комментирующим обрядовые акты, действия персонажей, закрепляться в традиции и памяти информантов лучше, чем «описательным» (содержащим описания обстановки, «портретные» характеристики персонажей и проч.). Способностью «удерживать» тексты в памяти исполнителей обладает, на наш взгляд, и рифма, усиление которой регистрируется в более поздних по времени фиксации поэтических образцах приговоров [9]. Другими словами, обрядовый контекст и рифма являются стабилизаторами, оказывающими влияние на «удержание» текста в традиции и памяти информантов. С другой стороны, свадебные приговоры являются говорным жанром [10]. Индивидуальный характер жанра допускает в большей степени, чем коллективные жанровые формы, импровизацию в текстах. В числе определяющих черт жанрового своеобразия свадебных приговоров исследователи называют их «нарочитую установку на импровизацию» [11], т. е. установку на «создание текста в процессе его исполнения» [12]. Наши наблюдения над свадебными приговорами позволяют заключить, что этот жанр в русской фольклорной традиции активно развивался не столько за счет своих внутренних ресурсов, но в большей степени за счет других жанров (не только свадебного обряда). Некоторые результаты наших исследований относительно использования приговорами заговорно-заклинательного репертуара, сюжетов и фрагментов произведений наивной и профессиональной поэзии, лубочной литературы, духовных стихов и прочее, мы приводили ранее [13].

Вероятно, в числе причин, влияющих на объем и качество «усвоенного» текстового материала, следует назвать уровень знания и понимания русского языка иноязычными информантами, который зависит от интенсивности и глубины контактов представителей этносов. В этом отношении любопытны архивные записи и наблюдения, сделанные в 1850-х гг. преподавателем Вятской мужской гимназии М. С. Косаревым. Описывая быт и фольклорную культуру финно-угров, проживающих в с. Летка Орловского уезда Вятской губернии и с. Ношуль Вологодской губ. (в наст. вр. Прилузский район Республики Коми) и Глазовском у. Вятской губ. (в наст. вр. в составе Слободского района Кировской области), М. С. Косарев приводит записанные им от орловских и глазовских пермяков (так в рукописи – Ю. К.) различные фольклорно-этнографические материалы [14], в том числе тексты интересующего нас жанра. В отличие от южных коми Прилузья, у которых зафиксированы единичные ритуальные реплики и лаконичные приговоры дружек, в свадебном обряде глазовских пермяков свадебные приговоры многочисленны и разнообразны: приговоры сватов, диалоги жениха и невесты, приговоры дружек, которые произносились при входе свадебного поезда в дом невесты, за свадебным столом, при благословлении жениха и молодых, одаривании невесты. Поэтические тексты традиционны по содержанию, в них выделяется довольно большой корпус фольклорных типизированных описаний и формульных выражений, характерных для данного жанра (формулы «ножки с подходом, ручки с подносом, язык с приговором», просьба «[дать] сена зеленого, овса ядреного», просьба к родителям и гостям о благословении (с устойчивыми выражениями «челом ударить, челобитье справить», «Благословляйте милому своему чаду в Божью церковь ехать, под злат венец стать, закон божий принять, златы перстни менять, злат крест целовать...»), описание жениха, ожидающего приглашения в дом невесты и др.). М. С. Косарев, анализируя собранные им материалы о свадьбе, замечает: «Очевидно, что большая часть свадебных обычаев и обрядов заимствованы пермяками от соседей их – русских. При этом описанные обряды свадебные исполняются все точно только у богатых или очень зажиточных. У бедных, например, орловских пермяков, видзись не избирается, и все приготовления делаются проще. При том песни, причитания, прибайки не поются, а говорят и по-русски, хотя большею частию ношульские и орловские пермяки дурно еще говорят по-русски, а из женщин многие и вовсе не умеют. Глазовские пермяки только более обрусели. Там уже реже слышится пермяцкая речь, потому что они живут в селениях, смешанных с русскими» [15]. Те же особенности отмечал Ф. В. Плесовский [16], также см. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 39об. [17]

Малая распространенность и непопулярность жанра, в частности, в традициях коми объясняется тем фактом, что сами собиратели и исследователи фольклора коми не атрибутировали тексты этого жанра как свадебные приговоры, однако в номинациях, зафиксированных в архивных материалах и публикациях, закрепляли отдельные специфические показатели и особенности поэтики. Так, в архивных материалах встречается дефиниция «заговорные слова дружки» [18]. Ф. В. Плесовский в исследовании свадьбы народа коми отмечает, что в разных локальных традициях двери дома невесты открывали для поезжан после прочтения заговора, «молебна», молитвы [19]; он же цитирует Г. А. Старцева, который, описывая вымскую(?) свадьбу, отмечает, что «при закрытых дверях между шафером и лицом со стороны невесты происходит спор, объяснение, словесная схватка» [20]. Термин *зумлос* отмечен в лузско-летском диалекте, зафиксирован в свадебном обряде лузских коми, проживающих на территории Прилузского района в бассейне р. Луза. Ф. В. Плесовский трактует эту номинацию как *‘заговор’*, который читался крестным жени-

ха, и отмечает, что при незнании крестным этого текста «за стакан пива» нанимали знатока [21]. Составители «Словаря диалектов коми языка» в числе известных значений лексемы 'зумлѳс' «девичник, вечер накануне свадьбы» (с. Ношуль) и «подарок жениха невесте (мыло, зеркало, расческа и т. п.)» (д. Гурьевка, с. Ношуль, д. Прокопьевка, д. Читаево), приводят «слово жениха на помолвке; <...> вечером накануне свадьбы» (с. Ношуль, с. Читаево) [22]. Встречаются примеры, когда тексты никак не атрибутированы, например приговор дружки, записанный в 1963 г. в с. Занулье Прилузского района Республики Коми, назван по первой строке «Ехали мы, ехали...» [23]. Собиратели, комментируя этот текст, отмечают, что «существовал обычай “вѳзйысьѳны”» [24], т. е. *напрашиваться* (пер. А. Рассыхаева). Комментарий и содержание финальной реплики дружки, в которой выражается просьба открыть двери, указывают, что текст произносился перед закрытыми дверями дома невесты.

Собственно, о приговорах, зафиксированных в традициях коми, нам уже приходилось писать [25]. Работа была посвящена записям, сделанным в Прилузском районе Республики Коми, который представляет собой зону контактного проживания русского и коми населения: в нем наряду со смешанными русско-коми поселениями есть населенные пункты, заселенные преимущественно коми или русским населением. Анализируя территориальное распространение приговоров, а также поэтические особенности текстов и ритуальные акты, в которые они произносились, мы пришли к выводу, что жанр практически не испытал иноэтнического влияния и бытует преимущественно в тех местностях, где проживает или преобладает русское население. Наличие единичных записей приговоров на территории с преобладающим коми населением и использование их в одном-двух ритуальных актах позволяют говорить, что свадебные приговоры могли сопровождать наиболее «ответственные» ритуальные действия, имели в обряде коми особую функциональную и эмоциональную нагрузку [26].

Действительно, в записях, сделанных от коми населения в Республике Коми, зафиксированы приговоры-диалоги у закрытых дверей дома невесты, фрагменты и тексты, которые сопровождали вход поезжан в дом (описание дороги свадебного поезда, описание входа в дом невесты и просьба накормить коней), преподнесение подарков невесте, получение благословения. Вепские приговоры [27] также приурочены к наиболее важным моментам обряда – вход в дом невесты, выкуп невесты, получение благословения и отъезд в церковь. Вепская запись состоит из трех довольно объемных частей: в двух представлены диалоги дружки и представителей невесты, которые произносились при отпирании закрытых дверей и выкупе «княжьего места», третий – собственно приговор дружки для получения благословения перед выездом к венцу.

Многие поэтические приемы в текстах, записанных в русских и иноэтничных локальных традициях, схожи. Как и русские, иноязычные информанты заполняют образовавшиеся в текстах лакуны, используя тексты или фрагменты, композиционно-стилистические приемы других жанров; в анализируемых коми и вепских записях они, по большей части, связаны с заговорно-заклинательным репертуаром. Так, например, довольно любопытно в записи 1960 г. из д. Поруб Прилузского р-на Республики Коми реализуется описание жениха, ожидающего приглашения в дом невесты; в приговор «включен» заговор «на покладистую невесту»:

Наш молодой князь
Сидит на вороном коне на златогривом.
Шелковым плеткѳм посвистывает
И выговаривает:
*Как эта шелкова плеткѳ возилась,
Не рвалась и не ломалась,
Так же ваша молодая княжна
Над нашим князем бы не ломалась* [28] и [29].

Вепский приговор-диалог, который произносился дружкой и отцом невесты у закрытых дверей, использует известную для заговоров и неканонических молитв идею замыкания пространства с помощью святых:

- А кто у вас передѳм?
- Сам Сус Христос!
- А пѳзади?
- Мать Пресвятая Богородица!
- По правой стороне?
- Егорей на свету храбром!
- По левой?
- Никола милосливой! [30]

В другом вепском диалоге, произносившемся при выкупе «княжьего» места, финальная загадка о женихе обнаруживает близкие варианты в русской заговорной традиции, в частности с распространенной формулой «отречения от родителей» [31], например, «светлей светлаго месяца, красней красного солнца, милей отца, матери» [32], ср.:

Есть ли у вас, в этом артеле,
Крашше красного солнышка,
Светлее светлого месяца,
Отца и матери милее?
Тут уж жениха покажутт! [33]

Вообще диалоги, произносившиеся при выкупе «княжьего» места, которые зафиксированы в русских локальных традициях, состояли из «загадок-идентификаций» (термин В. Н. Топорова) [34], ориентированных на сочетание «словесной» формы вопроса и «вещной» формы ответа [35] (т. е. отгадкой служил предмет, взятый дружкой из дома жениха, необходимый для совершения дальнейших обрядовых действий), космологических и загадок о бытовых предметах. В некоторых публикациях финальной была загадка о женихе, также имеющая словесно-предметную форму (например, представитель невесты просит «дать, чего у нашего хозяина в доме нет», на что дружка «берет за руку жениха и подводит к продавцу») [36]. Одной из загадок-идентификаций была загадка об иконе: «Подайте мне краснее красного солнышка и светлее месяца, которое милее отца-матери» (Белозерский у. Новгородской губ.) [37], вар.: «Дайте мне покраснее красна солнышка, пояснее ясна месяца» (Устюжнинский у. Новгородской губ.) [38], «Давай мне, друженька, что светлее солнца, краше неба звездного?» (Пошехонский у. Ярославской губ.) [39]. Как видим, загадка о женихе из вепской записи имеет близкое текстологическое сходство с приведенными выше вариантами загадок об иконе.

Пример свадебного диалога у закрытых дверей дома невесты, многие реплики которого «отсылают» к разным областям фольклорной культуры, зафиксирован в нижевычегодской традиции коми. Диалог представителя невесты и дружки, состоящий из атрибутивных вопросов, вопросов на космологическую тематику, загадок со сформулированным заданием или загадок-задач, обнаруживает параллели с «Голубиной книгой», русской волшебной сказкой, собственно приговорами дружек (в которых реализуется мотив преодоления символических препятствий на пути к невесте и добывание молодцем утерянных девицей или нарочно брошенных в море ключей). Местный, коми-зырянский, колорит, проявляется в загадках «Какой камень над камнями камень? (Кремень (биа из))», «Какой зверь над зверями зверь? (Медведь)», «Какая птица над птицами птица? (Сокол-стервятник – каньварыш)» [40], отсылающих к мифологическим представлениям коми об отгадываемых предметах и реалиях [41].

Еще один способ функционирования приговоров в иноэтничной среде – заучивание или дословное запоминание информантами текста. Так, В. А. Лапин, анализируя разновременные записи приговоров (1982 и 1989 гг.), сделанных от вепской исполнительницы М. И. Шиловой, отмечает «степень точности ее (исполнительницы – Ю. К.) памяти» [42], поскольку «записи полностью совпадают, разночтения обнаруживаются только в некоторых ударениях» [43]. Сопоставление разновременных записей 1935 и 1977 гг., сделанных от удорского информанта Е. А. Селивановой, 1898 г. р., местным жителем С. А. Марковым [44] и московскими фольклористами [45], демонстрирует наличие минимальных разночтений в них и высокую степень совпадения вербального воплощения [46]. Показателен комментарий к загадочному диалогу, записанному на Нижней Вычегде в 1920-е гг. И. И. Размановым: «Дружке задавали <...> обычно такие вопросы и так бы должен был на них отвечать» (курсив наш. – Ю. К.) [47]. Четкое следование тексту обусловлено установкой на произнесение приговоров «по канону», т. е. по определенным требованиям, не допускавшим существенных разночтений, особенно это касается тех текстов, которые регулировали движение обряда, служили для организации тех или иных ритуальных актов. В некоторых записях с иноязычных территорий эта установка особенно чувствуется: информанты, стараясь не допускать изменений в тексте, демонстрируют свое отношение к нему как магическому, одним из обязательных условий произнесения которого является малая вариативность.

Анализ позволяет сделать ряд предварительных выводов об особенностях бытования жанра русского обрядового фольклора в традициях других этносов. Жанр приговоров можно рассматривать как индикатор русского влияния, лучшая адаптация его в иноэтничной среде свидетельствует о более сильном, интенсивном влиянии русской традиции на фольклорную культуру

других этнических традиций. Приговоры в обряде коми, вепсов, используя в наиболее ответственные ритуальные акты, приобретают особое эмоционально-функциональное значение; в качестве поэтико-стилистических приемов можно указать минимальное вмешательство в поэтическую фактуру известных текстов, использование приемов и репертуара заговорно-заклинательной поэзии.

Сокращения

АКФ МГУ – архив кафедры фольклора Московского государственного университета
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ИЯЛИ – фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, АФ – аудиофонд, ВФ – видеофонд
НА Коми НЦ – научный архив Коми научного центра УрО РАН
НМ РК – Национальный музей Республики Коми, фольклорное собрание

Примечания

1. См.: Поздеев В. А. Фольклор как маркер в Вятских этнокультурных зонах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 101–106.
2. Путилов Б. Н. К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерность, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала: материалы симпозиума (22–24 ноября 1979 г., Казань). Казань, 1983. С. 7–13. Цит. по: Золотова Т. А. О некоторых формах взаимодействия традиционной славянской и финно-угорской культур // Традиционная культура: научный альманах. 2013. № 1. С. 101–109.
3. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. Цит. по: Золотова Т. А. О некоторых формах взаимодействия традиционной славянской и финно-угорской культур // Традиционная культура: научный альманах. 2013. № 1. С. 108.
4. Власов А. Н. Проблема фольклорного двуязычия: коми-русские связи // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: материалы I Межрегион. конф. и VII Междунар. шк. молодого фольклориста (Ижевск, 23–26 октября 2005 г.) / отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2006. С. 5.
5. Лапин В. А. Русский дружка – naitaa на вепсской свадьбе (к проблеме фольклорного двуязычия) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 266.
6. Русский фольклор Удмуртии. Ижевск, 1990. С. 49–55.
7. Лапин В. А. Указ. соч. С. 267–270.
8. Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 210.
9. Плеханова М. Б. Проблема пародийности рифмы // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 251–252.
10. Левинтон Г. А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры: сб. ст. и материалов памяти Ларисы Иевлевой. СПб., 1998. С. 65–66.
11. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Изд-во «Наука», 1986. С. 132.
12. Там же. С. 132.
13. Крашенинникова Ю. А. О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек на свадебное деревце) // Традиционная культура: науч. альманах. 2015. Вып. 3. (в печати).
14. Крашенинникова Ю. А. Обзор материалов вятского архива по традиционной культуре южных коми // Вятский родник: сб. материалов науч.-практ. конф. Киров, 2007. Вып. 8. С. 55–59.
15. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 26 об.
16. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968. С. 47, 106 и др.
17. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130. Л. 39 об.
18. НА Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 217. Л. 267.
19. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968. С. 60.
20. Там же. С. 60.
21. Там же. С. 35.
22. Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар, 2012. Т. 1: А – О. С. 566.
23. НА Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 176.
24. НА Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 226. Л. 43.
25. Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир: материалы междунар. науч. конференции. Вып. 10. М., 2007. С. 33–51.
26. Там же. С. 48.
27. Лапин В. А. Указ. соч. С. 267–270.
28. ИЯЛИ: АФ 1520–19. Зап. 15. 01. 1960 г. П. И. Чисталев от Прасковьи Афанасьевны Каловой, 1909 г. р., ур. д. Поруб Прилузского р-на РК.

29. Крашенинникова Ю. А. Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры – заговоры) // Традиционная культура: науч. альманах. 2009. Вып. 1. С. 29–39.
30. Лапин В. А. Указ. соч. С. 267.
31. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005. С. 136–140.
32. Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова / послесл., приме. и подгот. текста А. К. Байбурина. СПб., 1994. С. 15, № 16; С. 20, № 27.
33. Лапин В. А. Указ. соч. С. 269.
34. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 26.
35. Там же. С. 24, 25.
36. Дерунов С. Я. Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1869. Вып. 5. С. 124.
37. Сказки и песни Белозерского края / зап. Б. и Ю. Соколовы. 1915. С. 353.
38. Воронов Г. Крестьянские свадьбы в Устюжском уезде Новгородской губернии. Новгород, 1897. С. 19. (всего 27 страниц).
39. Дерунов С. Я. Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1869. Вып. 5. С. 122.
40. НА Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 217. Л. 271.
41. Крашенинникова Ю. А. Свадебный диалог [у закрытых дверей]: логика построения текста (на примере нижевыгодских записей) // Рябининские чтения – 2003: материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2003. С. 54–57.
42. Лапин В. А. Указ. соч. С. 267.
43. Там же.
44. НМ РК. КП 12482. Л. 204–204 об.
45. АКФ МГУ: ФЭ–11:7408, № 3.
46. Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследование и тексты) / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009. С. 40–46.
47. НА Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 217. Л. 271.

Notes

1. Sm.: Pozdeev V. A. Folklore as a marker in Vyatskiye ethno-cultural areas // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2014. № 5. S. 101–106.
2. Putilov B. N. By typology of ethnic folk connections: nature, pattern, mechanism // Inter-ethnic community and the relationship of folklore of peoples of the Volga region and the Urals: proceedings of the symposium (22–24 November 1979, Kazan). Kazan, 1983, pp 7–13. Op. by: T. A. Zolotov Some forms of interaction of traditional Slavic and Finno-Ugric culture // Traditional culture: scientific almanac. 2013. № 1. pp 101–109.
3. Tolstoy N. I. Language and popular culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. M., 1995. Op. by: T. A. Zolotov Some forms of interaction of traditional Slavic and Finno-Ugric culture // Traditional culture: scientific almanac. 2013. № 1. S. 108.
4. Vlasov A. N. The problem of bilingualism folklore: the Komi-Russian ties // Russian north and east of the Finno-Ugric peoples: problems of space-time folk dialogue. Proceedings of the I and VII of the conference of the International School of the young folklorist (Izhevsk, 23–26 October 2005) / Ed. Ed. V. M. Gatsak, TG Vladykina. Izhevsk, 2006, p 5.
5. Lapin V. A. Russian boyfriend – naitaa on Vepsian wedding (to the problem of folk bilingualism) // history, current state and prospects of development of languages and cultures of the Finno-Ugric peoples. Materials of III All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric. Syktyvkar, 2005. P. 266.
6. Russian folklore Udmurtia. Izhevsk, 1990. S. 49–55.
7. Lapin V. A. Russian boyfriend – naitaa on Vepsian wedding (to the problem of folk bilingualism) // history, current state and prospects of development of languages and cultures of the Finno-Ugric peoples. Materials of III All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric. Syktyvkar, 2005, pp 267–270.
8. Baiburin A. K. The ritual in the traditional culture. Structural and semantic analysis of the East Slavic rites. SPb., 1993. S. 210.
9. Plyuhanova M. B. The problem rhyme parody // Tynianov collection: Tynianov second reading. Riga, 1986, pp 251–252.
10. Levinton G. A. Notes on the space genre of Russian folklore // Fate of Traditional Culture: A collection of articles and materials storage Larissa levleva. SPb., 1998, pp 65–66.
11. Chistov K. V. Folk traditions and folklore. Essays on the theory. L.: Publishing House “Science”, 1986, p. 132.
12. Tam same. P. 132.
13. Krashenninnikova Y. A. Cases and mechanisms of interaction in the genre texts wedding ceremony (on the basis of sentences of girls at a wedding tree) // Traditional culture: Science Almanac. 2015. Vol. 3. (in press).
14. – Krashenninnikova Y. A. Review Vyatkian archive materials on traditional culture of southern Komi // Vyatsky spring: Proceedings of the scientific-practical conference. Kirov, 2007. Vol. 8. S. 55–59.

15. GAKO. F. 170. Op. 1. D. 130. L. 26 on.
16. Plesovskih F. V. Wedding Komi people. Syktyvkar, 1968. P. 47, 106 and others.
17. GAKO. F. 170. Op. 1. D. 130. L. 39 vol.
18. NA Komi SC: 1. F. Op. 11. D. 217. L. 267.
19. Plesovsky 1968 – FV Plesovskih Wedding Komi people. Syktyvkar, 1968. P. 60.
20. Tam same. S. 60.
21. Tam same. C. 35.
22. Beznosikova LM Aybabina EA Zaboeva NK, RI Kosnyreva Dictionary Komi language dialects: in 2 volumes. Syktyvkar, 2012. Volume 1: A – G. S. 566.
23. NA Komi SC: 1. F. Op. 11. D. 226. L. 176.
24. NA Komi SC: 1. F. Op. 11. D. 226. L. 43.
25. Krashennnikov Y. A. Wedding sentences and dialogues Priluzsky district of the Komi Republic // Slavic traditional culture and the modern world. Materials Intern. scientific. conference. Vol. 10. M., 2007, pp 33–51.
26. Krashennnikov Y. A. Wedding sentences and dialogues Priluzsky district of the Komi Republic // Slavic traditional culture and the modern world. Materials Intern. scientific. conference. Vol. 10. M., 2007. P. 48.
27. Lapin V. A. Russian boyfriend – naitaa on Vepsian wedding (to the problem of folk bilingualism) // history, current state and prospects of development of languages and cultures of the Finno-Ugric peoples. Materials of III All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric. Syktyvkar, 2005, pp 267–270.
28. IYALI: AF 1520–19. Zap. 01/15/1960 of PI Chistalev by Paraskevi Afanasevny feces, born in 1909, lv. d. chopped Priluzsky district of the Republic of Kazakhstan.
29. Krashennnikova Y. A. Mezhdzhanrovye communication mifopoeticheskogo content of folklore texts (wedding sentences – plots) // Traditional culture: Science Almanac. 2009. Vol. 1. P. 29–39.
30. Lapin V. A. Russian boyfriend – naitaa on Vepsian wedding (to the problem of folk bilingualism) // history, current state and prospects of development of languages and cultures of the Finno-Ugric peoples. Materials of III All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric. Syktyvkar, 2005. P. 267.
31. Toporkov A. L. Conspiracies Russian manuscript tradition in XV–XIX centuries.: history, symbolism, poetics. M., 2005. S. 136–140.
32. Great-spells. Collected L. N. Maikova / Epilogue, notes and preparing the text A. K. Bayburina. SPb., 1994. P. 15, №16; S. 20, № 27.
33. Lapin V. A. Russian boyfriend – naitaa on Vepsian wedding (to the problem of folk bilingualism) // history, current state and prospects of development of languages and cultures of the Finno-Ugric peoples. Materials of III All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric. Syktyvkar, 2005. P. 269.
34. Toporov V. N. From observations of the mystery // Research in Balto-Slavic spiritual culture. Riddle as text. 1. M.: Indrikis, 1994. 26 pp.
35. Tam same. S. 24, 25.
36. Derunov S. Y. Peasant Wedding in Poshehonsky County // Proceedings of the Yaroslavl Regional Committee. Yaroslavl, 1869. Vol. 5. S. 124.
37. Tales and songs Belozersky edge / Zap. B. and Yu. Sokolovy. 1915. 353 pp.
38. Voronov G. Peasant wedding Ustyuzhinskom county Novgorod province. Novgorod, 1897. P. 19. (total 27 pages).
39. Derunov S. Y. Peasant Wedding in Poshehonsky County // Proceedings of the Yaroslavl Regional Committee. Yaroslavl, 1869. Vol. 5. S. 122.
40. NA Komi SC: F. 1. Op. 11. D. 217. L. 271.
41. Krashennnikova Y. A. Wedding dialogue [at the closed door]: the logic of the text (for example, nizhnevychegodskih records) // Ryabininskie reading – 2003. Materials Intern. scientific. conference. Petrozavodsk, 2003, pp 54–57.
42. Lapin V. A. Russian boyfriend – naitaa on Vepsian wedding (to the problem of folk bilingualism) // history, current state and prospects of development of languages and cultures of the Finno-Ugric peoples. Materials of III All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric. Syktyvkar, 2005. P. 267.
43. Tam same.
44. NM RK. CP 12482. L. 204–204 of.
45. AKF MGU: PV–11: 7408, № 3.
46. Wedding sentences Vilegodsky district of the Arkhangelsk region in manuscripts and oral traditions of the XX century. (research and texts) / Preparation to come. Art. Comments Y. A. Krashennnikova. Syktyvkar, 2009. S. 40–46.
47. NA Komi SC: 1. F. Op. 11. D. 217. L. 271.

Прозвищная традиция коми: опыт систематизации (по архивным материалам первой трети XX в. из фольклорного собрания Национального музея Республики Коми)*

В настоящей статье представлен корпус личных прозвищ коми, записанных в 1930-е гг. в разных районах Республики Коми и хранящихся в фондах Национального музея Республики Коми. С учетом специфики материала предпринята попытка систематизации личных прозвищ, распределения их на лексико-семантические группы по основному признаку, отмеченному в самой номинации.

The case of personal nicknames of the Komi who are written down in the 1930th years in the different regions of the Komi Republic and stored in funds of National Museum of the Komi Republic is presented in article. Taking into account specifics of material an attempt of systematization of nicknames, their distributions to lexico-semantic groups on the main sign noted in the nomination is made.

Ключевые слова: архивные материалы, личные прозвища, патронимы, систематизация, мотивация.

Keywords: archival materials, personal nicknames, patronymics, systematization, motivation.

Текстологическими источниками для статьи послужили неопубликованные архивные материалы, в настоящее время хранящиеся в фондах Национального музея Республики Коми (далее – НМ РК). Коллекция представляет собой собрание фольклорно-этнографических записей, сделанных в 1930-е гг. XX в. на территории Республики Коми. Материалы поступали разными путями: записывались корреспондентами Общества изучения Коми края, любителями-краеведами, студентами и преподавателями Коми педагогического техникума. Наибольшую часть коллекции составляют рукописные материалы, записанные студентами I–IV курсов Коми педагогического техникума в качестве исследовательской работы во время фольклорной практики. Материалы фиксировались в тетрадях, сделаны чернилами и карандашом, на коми и русском языках (в общей сложности в шести делах содержатся 110 тетрадей) [1].

Жанровый репертуар коллекции также весьма разнообразен: это сказочная и несказочная проза, обрядовая и необрядовая лирика, детский фольклор и т. д., большой процент составляют записи малых фольклорных форм (это загадки, пословицы и поговорки, приметы, прибаутки, прозвища и т. п.). Текстов паремий записано достаточно много, записи есть почти у каждого студента, что говорит о том, что записям малых жанров было уделено определенное внимание при подготовке к экспедициям. Студенты работали по специальной программе, и в вопроснике, по которому они работали, были отдельные задания, касающиеся собирания паремий [2].

Записи сопровождаются паспортом разной информативности: иногда есть сведения о районе записи с указанием имени и фамилии информанта, его возраста, социального положения. Например, «Рассказала Торлопова Анна, 61 год, крестьянка, в 1932 г., д. Придаш Проньдорского с/с, Сыктывкарский р-н» [3]. Иногда просто обозначено место записи: «Это слышал в Пойольском с/с, от кого не помню» [4]. В ряде случаев есть указание на самозапись, например: «Записал сам по памяти», или «Сам слышал в своей деревне с. Шошка Усть-Вымского р-на» [5]. Студенты, как правило, сами были носителями традиции и записывали известную им информацию, какую помнили или слышали в месте своего рождения и проживания. Некоторые записи сложно атрибутировать, так как информация об источнике вообще отсутствует.

Малые фольклорные формы в тетрадях студентов расположены по жанрам и идут подряд, общим списком, как правило, за загадками следуют пословицы и поговорки, приметы (в т. ч. толкования сновидений), личные прозвища, присловья (прозвища жителей деревень) и т. п. Тексты записаны в основном на коми языке [6], реже встречаются тексты на русском.

* Статья написана в рамках проекта РГНФ – Республика Коми, рег. № 14-14-11002а(р) «Коллекция рукописных фольклорных материалов Национального музея Республики Коми: создание каталога-путеводителя по фольклорному собранию».

Область интересов данной статьи связана с личными прозвищами жителей Коми края. Личные прозвища из архивной коллекции не были предметом специального исследования [7]. К личным прозвищам коми обращались в своих статьях лингвисты Н. И. Волкова, А. Г. Мусанов, ориентируясь, прежде всего, на современный и локальный материал [8].

Прозвище – дополнительное, неофициальное имя человека, использующееся для наиболее точной, личностной, оценочной характеристики номинируемого и выделяющее его в коллективе. В отличие от официальных наименований, прозвища связаны с образными переживаниями и выражают эмоциональную оценку. «Как особая категория собственных имен личные прозвища бытуют в отдельных территориальных социальных и других антропонимических микросистемах, в пределах определенной коммуникативной общности. Они известны только в кругу этой общности, где их используют в качестве единственного личного имени, заменившего собой и имя, и отчество, и фамилию; таким образом, прозвища выполняют заместительную функцию» [9].

В рассматриваемых рукописных материалах личные прозвища записаны разными способами: 1) указано только прозвище: *Баля 'Овца', Кёин 'Волк'* и т. п.; 2) приведено прозвище с личным именем человека: *Ыджыд Вась 'Большой Василий', Коктём Серапим 'Безногий Серафим'* и т. п., таких записей больше всего; 3) прозвище с личным именем сопровождается фамилией и именем / инициалами человека (объекта номинирования): *Гёрд Ёльёш 'Красный Алексей' – Титов А., Озьовса Иван 'Озёльский Иван' – Осипов И., Чуньтём Мишка 'Беспалый Мишка' – Юркин Михаил* и т. п.; 4) прозвище с личным именем дополнено информацией о социальном положении и фамилией с инициалами: *Ош Мишка 'Медведь Мишка' – ср. един. [10] – Титов Михаил Николаевич*; в некоторых записях прозвища оформлены в таблицу из трех столбцов, в которых также указаны само прозвище, социальное положение носителя прозвища, фамилия и инициалы. Подобный схематичный способ подачи материала также подтверждает наличие определенной программы записей. Например,

1. *Сила Ёльёксан Средняк* [11] Бессонов Александр
 2. *Кёйин Ёльёш Бедняк* Конаков Ал. Павл.
 3. *Китай Средняк* Ладанов Ал. (нрзб)
 4. *Чера пестер Средняк* Андреев Вас. Дим.
- и т. п. [12]

Считаем необходимым отметить, что одной из особенностей антропонимической системы коми является использование родовых прозвищных имен (патронимов), которые занимают в ономастическом пространстве Коми края особое положение. К примеру, *Семё Ёльёш* означает 'Алексей сын Семена', *Егёр Мить* 'Дмитрий сын Егора', *Сопрон Толя* 'Анатолий сын Софрона' [13] и т. п., причем имеющие распространение у коми русские имена адаптируются в соответствии с особенностями коми фонетики. Некоторые исследователи считают, что «особый характер произношения имени не делает его прозвищем...», и относят их к личным именам [14]. Мы также не рассматриваем их отдельно в системе прозвищ, но считаем правомерным терминологически обозначить их как прозвищные имена.

В ряде случаев прозвищное имя дается не по отцу, а по матери. Например, *Иринь Иван* 'Иван сын Ирины' («*Мать Ирина очень бойкая, а отец спокойный (рохля), никогда голос не подает, всех детей зовут по матери*») [15] или *Ёксёбнь пи Васька* 'Васька сын Аксины' и др.

Наряду с патронимом у человека может быть и другое прозвище, такие примеры также отмечены в материалах. Например, *Педёр Ёньё Роч Кашник* 'Андрей сын Федора Русский горшок', *Прокё Йигё Кёза Тош* 'Игнат сын Прокопия Козлиная борода', *Чирк Семё Ёльёш* 'Алексей сын Семена Кузнечик' и др.

Прозвище может закрепиться за человеком и в дальнейшем перейти на весь его род. Например, в рукописях встречаются такие пояснения: *Кос сой Петыр* 'Сухорукий Петр' («*Отец Петра был с сухой рукой. С младшего возраста всю семью называют Сухорукие*») [16] или *Синтём Ёньё* 'Слепой Андрей' («*С младенчества совсем слепой, и всю семью стали называть по Слепому Андрею*») [17].

Основная трудность, с которой мы столкнулись при анализе материала, связана с систематизацией прозвищ. Чаще всего в записанном корпусе прозвищ отсутствует мотивирующий контекст: почему и в какой ситуации прозвище было закреплено за тем или иным человеком, хотя в некоторых случаях зафиксированы комментарии по поводу происхождения прозвища. Поэтому, учитывая специфику материала, мы не можем придерживаться общепринятой классификации личных прозвищ по мотивирующему принципу, прежде всего, ориентируемся на саму номинацию (ее языковую форму) и предлагаем распределить прозвища на лексико-семантические группы по основному признаку, отмеченному (закрепленному) в самой номинации [18]. При этом внутри условно обозначенных нами групп мотивация прозвищ может быть различной.

При анализе корпуса прозвищ из коллекции были выявлены основные номинативные и семантические признаки, на основе которых и была составлена классификация. Примеры, где встречаются мотивирующие комментарии по поводу возникновения того или иного прозвища, мы особо отмечаем в работе. Итак, в основе номинирования личных прозвищ лежат следующие лексические признаки:

1. Физические, психические, характерологические проявления человека, а именно:

– **внешняя особенность:** *Синтём Мишка* ‘Слепой (букв. Безглазый) Мишка’, *Кыз Наталь* ‘Толстая Наталья’, *Гёрба Елен* ‘Горбатая Елена’, *Дзёлук* ‘Малыш’ («Очень маленький ростом»), *Бутё Васька* ‘Толстяк / неуклюжий Васька’, *Чукрось* ‘Морщинистый’ («На лбу семь морщин») и др. В номинации некоторых прозвищ из этого ряда фигурируют различные части тела человека, например: *Кузь юра Федька* ‘Длинноголовый Федька’, *Чукля ныра* ‘Кривоносый’, *Синь пёла Мить* ‘Одноглазый Дмитрий’, *Паськыд пиня Ёньо* ‘Широкозубый Андрей’, *Пёлос вома Гриша* ‘Криворотый Гриша’ («Рот кривой»), *Пудъя тош* ‘Борода с пуд’ («Борода очень широкая и большая») и др.;

– **особенность походки:** *Варгыль Костя* ‘Вихлявый [в значении ходящий вперевалку], кривой’, *Ватлак* ‘Шатающийся’ («Один мужик очень гордый, высокого мнения о себе [букв. себя высоко ставит], а во время ходьбы сильно шатается / качается и поэтому ему дали прозвище Ватлак. Сам очень не любит это имя, а каждый человек его так называет») [19];

– **черта характера, манера поведения** (в т. ч. с асоциальным смысловым компонентом в номинации): *Жаднй Кать* ‘Жадная Катерина’, *Пакосьт Матвей* ‘Пакостник Матвей’, *Абай Микол* ‘Лукавец, хитрец Николай’, *Шыш* ‘Вор / беглец’, *Мортвийысь* ‘Убийца’, *Жиган Ивё* ‘Вор / Пройдоха Иван’, *Юысь Мишка* ‘Пьющий Мишка’ и др. Прозвища, даваемые людям по чертам характера и манере поведения, отличаются большим эмоционально-оценочным значением (в отличие от прозвищ с нейтральной коннотацией), и чаще всего указывают на отрицательные черты номинируемого, хотя номинации, в которых маркируется положительная оценка, тоже зафиксированы: *Правё Анна* ‘Правильная Анна’, *Убор Ёльёш* ‘Опрятный Алексей’ [20];

– **особенность речи, разговора:** *Гора Ирина* ‘Громкоголосая Ирина’ («Очень громко разговаривает, поет»), *Мёмёт Иван* ‘Заика Иван’ («Сильно заикается»), *Нярган Педь* ‘Нытик Федор’, *Матькысь Дарья* ‘Матерщинница Дарья’ и др.

2. Профессия (бывшая или настоящая), **род занятий:** *Мельник Васька*, *Матрос Вань*, *Портнй Вась* и др. (в названии профессий коми часто используются русские заимствования). Иногда зафиксированы комментарии по поводу возникновения подобных прозвищ, например: *Писар Иван* ‘Писарь Иван’ («Был писарем»), *Матрос* ‘Матрос’ («Ходил в матросах да сам всегда хвастается») [21]. К этой же группе отнесли оригинальное прозвище с фонетическим искажением облика слова ‘Бусяр’ [от слова Гусар]: «Бусяр – это прозвище произошло давно. Когда-то в царское время был Гусар или Гусаровский полк и в этом Гусаровском полку Алексей служил 25 лет безвыходно. Когда он вернулся, то ему дали прозвище Бусяр. И это прозвище идет из поколения в поколение» [22].

3. Этническая или топонимическая составляющая в номинации – указание на национальность, место рождения, проживания или временное пребывание в той или иной местности (номинируемого или его близкого родственника), местоположение и т. п.: *Роч Иван* ‘Русский Иван’, *Сибирик Микол* ‘Сибирик Николай’, *Озьовса Иван* ‘Иван с Озела’, *Яруславса Микол* ‘Ярославский Николай’ («Мать в Ярославль ходила [на заработки]»), *Тюмень* («Потому так [назвали], когда-то сам ходил в Тюмень [город] шить, а детей стали называть Тюмень Саня, Тюмень Коля») [23]; *Пом Сергей* ‘Крайний Сергей’ («Дом на самом краю [деревни]»). К этой же группе относится прозвище *Жыд* ‘Еврей’, но употребляется оно, вероятнее всего, не в прямом (национальная принадлежность номинируемого), а в переносном значении (‘жадина, скряга’).

4. Социальный статус, имущественное положение: *Корысь Ёльёксе* ‘Нищий Алексей’, *Купеч Иван* ‘Купец Иван’, *Богатй Васька*, *Озыр Пиля* ‘Богатый Филипп’. Такое номинирование в ряде случаев подтверждается фактическими сведениями, к примеру, у людей с высоким социальным статусом в номинации прозвища в графе социальное положение стоит запись – кулак. Прозвища *Барин*, *Сар* ‘Царь’ по внешнему оформлению можно отнести к этой же группе, но они отличаются коннотативным значением (связаны не со статусом, а с поведением номинируемого). Например, прозвище *Царь* мужчина получил за то, что имея большой загон для скота, никому не разрешал им пользоваться [24].

В ряде примеров наблюдается принцип инверсии, или энантиосемии. Например, прозвища ‘Купец’, ‘Богач’ могут быть присвоены беднякам в насмешку, на что указывает не собственно номинация, а сопровождающий ее комментарий [25]. Кстати сказать, принцип энантиосемии может проследиваться и в других номинациях, к примеру, прозвище *Мича* ‘Красивый’ дано невзрачному / некрасивому человеку («Очень некрасивый был»). Прозвище *Сьёла Ардё* ‘Рябчик Ардальон’ объясняется следующим образом: «Рябчиков ходил ловить да ничего не принес».

5. В прозвищной номинации фигурируют **предметы материальной культуры** (инструменты, посуда, одежда и т. п.): *Коколюк Ольош* 'Кочерга Алексей', *Утюг Мишка*, *Журган Дарья* 'Вертушка / флюгер Дарья', *Гырнич Савва* 'Горшок Савва', *Куран Марья* 'Трабли Марья', *Багыр* 'Багор', 'Револьвер' и т. п. В данных примерах номинирование производится по разным причинам: по внешнему виду, манере поведения, выполняемой работе, определенным пристрастиям, но чаще всего по какому-то конкретному случаю или событию, произошедшему с объектом номинирования. Иногда информантами даются комментарии и оригинальные трактовки подобных прозвищ. Например, *Йой дӱрем* 'Дурная рубаха' («Сын всегда, когда пьяный, рубаху рвет»); *Ной гач* 'Суконные штаны' («Обещали ему за работу дать суконные штаны, он хвастался товарищам, что будут у него штаны из сукна (тогда делали штаны исключительно из холста), но его обманули, штаны не получил» [26]; *Зарава чуман* 'Берестяной короб с березовым соком' («Один мужик пошел в лес стрелять, у него зрение плохое, специально положил короб собирать березовый сок, мужик пришел туда же [на то же место] и увидел как будто утку, и выстрелил девять раз [в этот короб], с тех пор его стали называть Зарава чуман») [27].

6. В отдельную группу можно выделить прозвища с **пищевыми лексемами**, в т. ч. в названии которых присутствуют лексемы 'едящий', 'пьющий'. В основе мотивации – пристрастия в еде или, возможно, внешние особенности номинируемого (типа 'Колобок' – внешне упитанный или любящий выпечку). К примеру, *Кӱвдум Педер* 'Колобок Федор', *Шома нянь сӱйыс Иван* 'Кислый хлеб едящий Иван', *Тар яй сӱйыс* 'Мясо тетерева едящий', *Кос тшак* 'Сухой гриб' («Один мужик всегда ел бульон от сухих грибов»), *Греча рокӱяс* 'Гречневые каши' («Торговали [гречневой крупой] и все время гречневую кашу ели»). *Юмку Миш* [юмку – от юм 'сырое сложеное тесто, кулага', типа ржаной солодовой каши] («Это прозвище произошло потому, что один мужик очень любил есть юм, когда об этом узнали, то стали называть 'любителем юма', после этого мужик перестал есть юм... И вот, если мать делает юм, то при людях не смеет принести его на стол») [28].

7. Хотелось бы особо выделить группу **личных прозвищ с зоо-, орнито-, ихтиокомпонентом** в номинации, например: *Ош Вась* 'Медведь Василий', *Ош Марья* 'Медведь Марья', *Турӱ Семӱ* 'Журавль Семен', *Кӱч Миша* 'Заяц Михаил', *Варыш Вась* 'Ястреб Василий', *Сюзь Иван* 'Сова Иван', *Гыч Петыр* 'Карась Петр' и др. Сюда же отнесем прозвища, в номинации которых фигурируют различные части тела животного, например: *Баля юр* 'Овечья голова', *Ур бӱж* 'Беличий хвост', *Кӱч куыс Вась* 'Заячья шкура Вася', *Мӱс кок Иван* 'Коровья нога Иван' и т. п. Прозвища из этой группы – одни из самых распространенных прозвищ у коми (их больше всего из числа всего корпуса прозвищ, зафиксированных в анализируемых материалах). Мотивация подобных прозвищ может быть различна, поэтому внутри группы можно выделить лексико-семантические подгруппы (те случаи, когда зафиксированы комментарии по поводу номинирования, мы приводим в качестве примеров). Прозвища могут быть даны, например:

– **по внешним особенностям** (внешнему сходству): *Кӱч 'Заяц'* («Зубы и уши как у зайца и теперь всегда зовут зайцем»); *Сырчик* 'Трясогузка' («Мальчик-батрак с тоненькими [ногами]»).

– **по роду деятельности** (связаны с охотой на означаемый вид животных / птиц или их разведением): *Кӱр Петыр* 'Олень Петр' («Много оленей пас»);

– **по стереотипным концептуальным признакам** (например, лиса – хитрая, заяц – трусливый и т. п.): *Руч 'Лиса'* («Очень хитрый, Егор сын Анисима»); *Кӱч Митрей* 'Заяц Дмитрий' («Савин Дмитрий Николаевич, середняк, колхозник, очень трусливый как заяц, поэтому называют Заяц Дмитрий») [29];

– **по манере поведения или образу жизни**: *Порсь Иван* 'Свинья Иван' («В грязи живет»); *Вурдысь* 'Крот' («Так называют ее, потому что она все собирает, копит. Игнатова Устинья») [30]; *Тӱвтя* 'Кулик' («Панюкова Гликерья, всегда ругается, поэтому получила прозвище Кулик») [31] – возможно, по звучащей речи: *тӱв-тӱв* – стон кулика [32];

– **по конкретному событию или ситуации** (оказиональные). Например, по поводу прозвища 'Клоп' зафиксирован комментарий: «Один крестьянин – Миша – в праздник напился вина и в пьяном виде сказал: "О, ребята, я все равно, как клоп красный". Отсюда и прозвище – Клоп, которое также идет из поколения в поколение» [33]; или прозвище *Ош Вась* 'Медведь Вася' («Его отец ходил в лес и за пазухой принес медвежонка, с этого случая появилось прозвище Медведь») [34].

Подобные зоо-, орнито-, ихтиономинации часто закрепляются за целым родом и могут выступать в роли семейно-родовых прозвищ. Некоторые из них являются родовыми именами и, как считают исследователи, могут иметь тотемическую природу. Например, в материалах есть свидетельства о родовых прозвищах: *Ош рӱд* – *Ладановӱяс Вас.*, *Ник.* (Род медведя – Ладановы Вас.[илий], Ник.[олай]) [35]. Существование родовых прозвищ у коми подтверждается и современными полевыми материалами. Например, в экспедиционных записях из села Большелуг Корткеросского района есть сведения о том, что самые старые рода Богородско-Большелугского

куста носят названия птиц: *Сизь рѡд* – Род Дятла (выходцы из д. Джиян), *Кути рѡд* – Род Орла (выходцы из Большелуга), орлами называют за то, что смысленные / умные и смуглые; *Юсь рѡд* – Род Лебеда (уроженцы д. Макарсикт), за то, что обликом белые [36]. Современные информанты выделяют, как правило, два признака (внешний вид и черту характера), лежащих в основе родового номинирования. В Усть-Куломском р-не информант отмечает: «Кличками не называли, а только родовые прозвища: *Байдѡг, Съѡла, Чипан, Меж, Ош, Кукань, Кѡч, Руч...*» [37]

Малочисленные в количественном отношении группы составили:

8. Прозвища с цветообозначением: *Гѡрд Павел* 'Красный Павел', *Гѡрд Ѡльѡш* 'Красный Алексей', *Съѡд Ѡльѡксан* 'Черный Александр', *Еджыд Павел* 'Белый Павел'. К сожалению, не встречается объясняющих комментариев по поводу данных номинаций. На наш взгляд, мотивация прозвищ может быть связана с внешним видом номинируемого (например, цветом волос) или с классовой принадлежностью (красный как приверженец революционных взглядов [38]). В ряде примеров идет прямое указание на внешний вид номинируемого – *Съѡд Юр Марья* 'Черноголовая Марья'.

9. Звукоизобразительные прозвища, мотивация которых может зависеть от конкретного значения звукоподражающей лексемы и может связываться с голосовыми качествами номинируемого, с его ремеслом, внешним видом и т. п. Например, *Егор Опонь Тинь-тонь* 'Афанасий сын Егора Тинь-тонь' [как звон колокольчика / колокола], *Самѡ Ѡньѡ Брунттик-брунттик* 'Андрей сын Самуила Брунттик-брунттик' («сапожник, букв. изготавливающий сапоги») [как стук с гулким звуком – получается от стука молотком по подошве], *Педѡр Тима Бугзиль-багзиль* 'Тимофей сын Федора Бугзиль-багзиль' [как плюхаться, т. е. можно перевести как Увалень].

10. Растительные / флористические объекты в основе номинирования. Это одна из самых малочисленных групп, мотивации не зафиксированы: *Тшак Настя* 'Гриб Настя', *Тшак Петя* 'Гриб Петя', *Кѡнтусь Васька* 'Конопля Васька'.

11. Прозвища с использованием прецедентных имен (исторических деятелей, литературных персонажей и т. п.), причины номинирования, как правило, отсутствуют, и также могут быть различны (внешнее сходство, поведение, аналогия и т. п.), например: *Бѡрѡ Якѡ* (Яков сын Бориса) – 'Иисус Христос'; *Тарзан Ельѡ* 'Тарзан Елисей'; 'Тарас Бульба' («[у него] имя Тарас») и др.

12. Магическая составляющая в основе номинации: *Шева Чуман Анна* 'Колдунья Анна', *Еретник Вань* 'Колдун Иван' и т. п. Подобные прозвища закрепляются за людьми, обладающими, по мнению односельчан, некими сакральными знаниями, использующими вредоносную магию. Эти прозвища чаще всего несут на себе негативную оценочность.

13. В основе номинирования указание на возрастное положение среди членов семьи: *Ичѡт Иван* 'Маленький Иван', *Ыджыд Ѡльѡш* 'Большой Алексей', *Шердын Иван* 'Средний Иван', *Дзоля Иван* 'Маленький Иван' («Было два брата, один старший, другой младший по возрасту») [39]. Лексемы большой / маленький также имеют значение – значительный / небольшой по размерам, по величине, поэтому могут отмечать и внешние особенности номинируемого, связанные с ростом человека, в таких случаях мы можем отнести эти прозвища к первой группе.

14. Прозвища связаны с речевой деятельностью и даются по речевым ошибкам номинируемого, по произнесенным в какой-то ситуации словам или по любимым фразам. Такого рода прозвища трудны для перевода и интерпретации без поясняющих комментариев, поэтому эту группу можно выделить только в том случае, если наблюдается мотивирующий контекст. Приведем ряд наиболее репрезентативных, с нашей точки зрения, примеров:

Прозвище *Кишт*: «Так же ныне была крестьянская пара, а муж был беззубый, да однажды принесла им одна баба рожь, и мужик хотел сказать: “Кисьт” [букв. насыпь], а получилось: “Кишт”, и поэтому появилось прозвище Кишт» [40].

Прозвище *Кутук*: «Один мужик, когда был выпивший, поднял кулак и начал кричать: “Я такой же храбрый, как Кутук”. Хотел сказать Кутузов, а получилось Кутук, и теперь называют Кутуком» [41].

Прозвище *Тилим болим руд тутур* 'Тилим болим серый penis': «Когда один мужик пьяный, то всегда кричит эту фразу и всегда показывает свой penis, сам кричит, мол, почему называют руд тутур [букв. серый penis], когда он у меня белый» [42].

Прозвище *Макаль* [43]: «Одному мужику принесли северюху [муж. соцветие ели] да сказали, мол, шелуху сними с дерева, и он сказал, зачем чистить, почему, мол, шелуха сама не отбрасывается, и с тех пор и поныне называют Макалем» [44].

Прозвище *Кук юр куртчись* 'Кусающий голову теленка': «К 12-летнему мальчику пришел поп и жалуется его отцу, что сын в школе не слушается. Отец сильно рассердился, взял сына за руку и отвел в хлев к теленку. Мальчик стал кричать и ругаться, мол, если не пустишь, то укушу голову теленка. И вот теперь [его] называют Кусающим голову теленка» [45].

Подобные номинации можно также обозначить как окказиональные прозвища, связанные с конкретным случаем или ситуацией, в которой оказался номинированный, и вычлениаются они

только по мотивирующему контексту. В анализируемых рукописных материалах в ряде случаев эта мотивация зафиксирована, поэтому мы можем отдельно выделить группу ситуативных прозвищ, хотя она и выбивается из наших принципов классификации.

Окказиональные прозвища основаны на тех событиях или случаях из жизни номинируемого, которые надолго запоминаются и служат отличительными признаками, выделяющими человека из ряда ему подобных. К примеру, прозвище 'Широкий' (*«Это тоже во время праздника Михаил напился пьяный, взял кол и шел по деревне, махал им и кричал: "О, какой я широкий!"»*) [46]. К этой же группе можно отнести ряд прозвищ, уже отмеченных нами в других группах (типа Клоп, Медведь и др.). К примеру, прозвище 'Соловей' по нашему принципу классификации относится к общей группе с орнитокомпонентом в номинации, но по имеющемуся мотивирующему контексту может быть отмечено в группе окказиональных прозвищ: *«Есть крестьянин Мальцев Иван Андреевич, по прозвищу Соловей. Это прозвище от слова соловей (птица). Однажды этот Иван с дядей отца пошел к речке, примерно 1,5 км, он забыл ложку и громко крикнул: "Жена, ложку забыл!" Жена услышала и отнесла ложку. С этого времени ему дали прозвище Соловей»* [47].

Нельзя не упомянуть, что из всего анализируемого корпуса прозвищ из коллекции встречается ряд номинаций, трудных для прочтения из-за почерка собирателя, не поддающихся переводу, с неясным (затемненным) или утраченным смысловым значением. Поэтому некоторые прозвища трудно интерпретировать и классифицировать. Малопонятным для нас, к примеру, оказалось прозвище *Магаль Коль* (*«Мать нагуляла [его], поэтому такое прозвище»*) [48]. Слово *магаль* не имеет в коми языке конкретного значения, мы не смогли его определить или найти близкие соответствия. Возможно, номинированный Николай получил прозвище из-за отсутствия отца, прозвищное имя стало заместителем имени предка. Прозвище *Пашляк Матрен* закрепилось за женщиной-бесприданницей (*«При замужестве ничего не было, и свекровь сказала: "Только себя принесла, больше ничего"»*) [49]. Сложно сказать, относится ли зафиксированный комментарий непосредственно к прозвищу, и, если так, то какие ассоциации были задействованы. Слово *пашляк* в коми языке имеет значение 'потрескивание в стене [дома] во время мороза' [50]. На наш взгляд, прослеживается семантическая аналогия: с одной стороны, пустота звучания, звук из ниоткуда, без видимой причины, и, с другой стороны, бедность, нищета, пустота, обусловленная отсутствием вещей. В данном контексте считаем также допустимой ассоциацию со словом *пыш ляк* (диал. 'самый низкий сорт конопли, который обычно не снимается, остается на поле' [51]), т. е. низкосортность = бедность [52].

В заключение следует отметить, что рукописная коллекция 1930-х гг. содержит богатый фактический материал по прозвищной традиции коми. Прозвища содержат информацию о родственных отношениях и происхождении человека, его профессии или занятиях, сохраняют память о неких событиях в его жизни, характеризуют внешние особенности номинируемого, его поведение и особенности личности, имплицитно давая нравственную оценку носителю прозвища. Личные прозвища, зафиксированные в рукописных материалах, отличаются большим разнообразием номинаций, некоторые из них (например, данные по чертам характера или внешнему виду) могут обладать оценочными свойствами, другие, например, указывающие на деятельность или место жительства или временного пребывания, являются стилистически нейтральными.

Список сокращений

НА Коми НЦ – Научный архив Коми научного центра
НМ РК – Национальный музей Республики Коми
ОИКК – Общество изучения Коми края
РК – Республика Коми

Примечания

1. Более подробно о фольклорной коллекции НМ РК см.: Крашенинникова Ю. А. Фольклорные материалы в собрании Национального музея Республики Коми (проблемы описания коллекции) // Духовная культура финно-угорских народов России: материалы Всерос. конф. к 80-летию А. К. Микушева. Сыктывкар, 2007. С. 66–69.; Крашенинникова Ю. А. Собрание фольклорных материалов в фондах Национального музея Республики Коми: итоги и перспективы работы с коллекцией // Сер. Sator. Тарту: Изд-во Эстон. лит. музея, 2015 (in press) и др.

2. Известно, например, что в 1924 г. была издана программа ОИКК по собиранию материалов, в т. ч. «по народной словесности», за подписью А. С. Сидорова. Но вероятнее всего, студенты пользовались рекомендациями Георгия Афанасьевича Старцева (преподавателя и руководителя практики), которые позднее были опубликованы в его брошюре (на основе лекционного курса в Педагогическом институте им. Герцена в Ленинграде). В работе очень кратко описаны основные жанры фольклора коми и даны советы по их собиранию (см.: Старцев Г. А. Коми фольклор (его изучение и значение, жанры, детский фольклор, как и что изучать). Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1933). В записях студентов прослеживается структура подачи материала

из работы Старцева, т. е. паремии, например, фиксируются именно в том порядке, какой отмечен у преподавателя (загадки, пословицы и поговорки, прозвища, прибаутки).

3. Перевод с коми яз. мой – С. Н. НМ РК. КП-12483. Л. 65.

4. НМ РК. КП-12482. Л. 197об.

5. НМ РК. КП-12482. Л. 62.

6. Большинство текстов на коми языке записаны латиницей или видоизмененной кириллицей, так называемым молодцовским алфавитом, который в 1920–30-е гг. был в основе коми письменности, что в некоторой степени затрудняло работу с записями.

7. Нами были рассмотрены загадки и коллективные прозвища. См., например: *Низовцева С. Г., Крашенникова Ю. А.* Локально-групповые прозвища жителей Коми края (на материалах 1930-х гг. из фольклорного собрания Национального музея Республики Коми) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 2 (1). Киров, 2013. С. 113–119; *Низовцева С. Г.* Малые фольклорные формы в коми традиции: загадки (по архивным материалам первой трети XX века) // Сер. Sator. Тарту: изд-во Эстонского литературного музея, 2015 (in press).

8. *Волкова Н. И.* Национально-культурные константы в современных коми прозвищах // Вестник Коми государственного педагогического института. Вып. 8. Сыктывкар, 2010. С. 7–13; *Волкова Н. И.* Репрезентанты концепта Человек социальный в сфере прозвищ Республики Коми // Лингвокультурология. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. С. 36–48; *Мусанов А. Н.* Прозвища южных коми // Коренные этносы севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: материалы междунар. науч. конф. Сыктывкар, 2000. С. 479–481.

9. *Шостка Е. С.* Региональные прозвища: психологическая и социальная характеристика // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 5 (73). Тамбов, 2009. С. 59.

10. *Ср. един.* – возможно, имеется в виду середняк-единоличник, т. е. крестьянин, ведущий отдельное, самостоятельное хозяйство и не являющийся членом сельскохозяйственной артели (см.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. С. 130).

11. *Середняк* – крестьянин-единоличник, обрабатывающий землю своими силами, без наемного труда, и по имущественному положению стоящий между бедняками и кулаками (См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка... С. 502).

12. НМ РК. КП-12483. Л. 179.

13. Любопытно, что в ряде населенных пунктов, например в с. Аныб Усть-Куломского р-на, в составе патронима из двух лексем первой лексемой выступает имя прапрадеда, а не отца, как это принято у большинства коми. К примеру, *Конё Сёмё* означает не Семен сын Кондрата, Кондрат – это имя дальнего предка, возможно, основателя рода (по устному сообщению Л. С. Лобановой).

14. *Мусанов А. Н.* Прозвища южных коми // Коренные этносы севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: материары междунар. науч. конф. Сыктывкар, 2000. С. 480.

15. Подача материала осуществляется нами следующим образом: курсивом указывается прозвище на коми языке из первоисточника, рядом в кавычках дается перевод на русском языке. Чтобы не загромождать работу многочисленными ссылками, укажем шифры дел фольклорного собрания НМ РК, материалы которых использованы в настоящей работе: КП-12480, КП-12495, КП-12483, КП-12482, КП-12484, КП-12481. При наличии мотивирующего контекста он приводится в круглых скобках в кавычках курсивом на русском языке (перевод наш. – С. Н.), в квадратных скобках комментарии наши. После подробных комментариев в обязательном порядке указывается ссылка на источник: НМ РК. КП-12481. Л. 114.

16. НМ РК. КП-12481. Л. 114.

17. Там же.

18. Подобный принцип систематизации нами был применен при анализе локально-групповых (коллективных) прозвищ жителей из той же коллекции НМ РК.

19. НМ РК. КП-12484. Л. 229.

20. *Убора* – диал. (вс), см.: *пельк* – чистый, чистоплотный, опрятный (см.: Справнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961. С. 279).

21. НМ РК. КП-12482. Л. 169об.

22. Комментарий собирателя записан на русском языке: НМ РК. КП-12480. Л. 166.

23. НМ РК. КП-12480. Л. 65.

24. НМ РК. КП-12483. Л. 75.

25. НМ РК. КП-12483. Л. 126.

26. НМ РК. КП-12483. Л. 126об.

27. НМ РК. КП-12484. Л. 229.

28. НМ РК. КП-12484. Л. 229.

29. НМ РК. КП-12483. Л. 10.

30. НМ РК. КП-12482. Л. 169об.

31. НМ РК. КП-12483. Л. 10.

32. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / отв. ред. Л. М. Безносилова. Т. 2. Сыктывкар, 2014. С. 524.

33. Комментарий записан на русском языке: НМ РК. КП-12480. Л. 166.

34. НМ РК. КП-12480. Л. 139.

35. НМ РК. КП-12483. Л. 180.

36. НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 697. Л. 6.
37. НА Коми НЦ. Ф. 5 Оп. 2. Д. 578. С. 36. Зап. в 2001 г. от Ваддорова Д. И.
38. Материалы собирались и записывались в 1920–1930-е гг. и относительно недавние исторические события (революция и Гражданская война) могли отразиться в народном самосознании и личностной идентификации.
39. НМ РК. КП-12481. Л. 114.
40. НМ РК. КП-12483. Л. 10.
41. НМ РК. КП-12484. Л. 229.
42. НМ РК. КП-12484. Л. 229об.
43. *Макаль* – возм. от слова *макальны* – диал. (сс.) – разбрасывать, отбрасывать (Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / отв. ред. Л. М. Безноскова. Т. 1. Сыктывкар, 2012. С. 900).
44. НМ РК. КП-12483. Л. 10.
45. НМ РК. КП-12484. Л. 229.
46. Комментарий записан на русском языке: НМ РК. КП-12480. Л. 166об.
47. НМ РК. КП-12480. Л. 139.
48. НМ РК. КП-12480. Л. 21.
49. НМ РК. КП-12481. Л. 114.
50. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Со-рвачева. Сыктывкар, 1961. С. 278.
51. Там же. С. 213.
52. О демониме *пашляк*, связанных с ним мифологических ассоциациях и этимологических параллелях рассуждает в своей статье А. В. Панюков (см.: *Панюков А. В. Образ мороза в календарной мифологии коми-зырян* // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Вып. 1(9). 2012. С. 82–92). Автор приводит в качестве примера прозвище *Пашляк Ирина* (дано бойкой, громкоголосой, маленького роста женщине, жившей в первой половине XX в.), предлагает различные варианты ассоциаций, но также затрудняется в правильном выборе, и считает этимологию слова *пашляк* пока невыясненной.

Notes

1. More about the folklore collection NM KR see: Krasheninnikova Yu. A. *Fol'klornye materialy v sobranii Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi (problemy opisaniya kollektsii)* [Folk materials in the collection of the National Museum of the Komi Republic (the problem of describing the collection)] // *Duhovnaya kul'tura finno-ugorskih narodov Rossii: materialy Vseros. konf. k 80-letiyu A. K. Mikusheva – Spiritual culture of the Finno-Ugric peoples of Russia: materials of All-Russia conf. on the 80th anniversary of A. K. Mikushev. Syktyvkar. 2007. Pp. 66–69.*; Krasheninnikova Yu. A. *obranie fol'klornykh materialov v fondah Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi: itogi i perspektivy raboty s kollektsiej* [The collection of folklore materials in the collections of the National Museum of Komi Republic: results and prospects of work with the collection] // *Ser. Sator. Tartu. Publishing house of Esthon. lit. Museum. 2015 (in press).*
2. It is known, for example, that in 1924 was published the program OICC of collecting materials, including "folk literature", signed by A. S. Sidorov. But most likely, the students used the recommendations of George A. Startseva (teacher and supervisor), which were later published in his brochure (based on the lecture course at the Pedagogical Institute n.a. Gerzen in Leningrad). In the work the main genres of Komi folklore are briefly described and are given advices on collecting (see: Startsev G. A. *Komi fol'klor (ego izuchenie i znachenie, zhanry, detskij fol'klor, kak i chto izuchat'* [Komi folklore (the study and meaning, genres, children's folklore, how and what to study)]. Syktyvkar. Komi SPH. 1933). In the records of the students the structure of the presentation material from Startsev is traced, i.e., paroemia, for example, are recorded in the order, which is marked by the teacher (riddles, proverbs and sayings, nicknames, jokes).
3. Translated from the Komi language by me – S.N. NM KR. КП-12483. Sh. 65.
4. NM KR. КП-12482. Sh. Ob.
5. NM KR. КП-12482. Sh. 62.
6. The majority of texts in the Komi language are written in the Latin alphabet or a modified Cyrillic alphabet called *molodtsovsky* that in 1920–30-ies. was in the basis of the Komi written language, which to some extent hindered the work with the records.
7. We have studied the riddles and collective nicknames. See, for example: S. G. Nizovtseva, Krasheninnikova Yu. A. *Lokal'no-grupповые prozvischcha zhitelej Komi kraya (na materialah 1930-h gg. iz fol'klornogo sobraniya Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi)* [Local-group nicknames of inhabitants of Komi (on materials of the 1930s from the folklore collection of the National Museum of the Komi Republic)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University of Humanities. No. 2 (1). Kirov. 2013, pp. 113–119*; S. G. Nizovtseva *Malye fol'klornye formy v komi traditsii: zagadki (po arhivnym materialam pervoj treti XX veka)* [Small folklore forms in Komi tradition: riddles (on archival materials of the first third of the XX century)] // *Ser. Sator. Tartu. Publishing house of the Estonian Literary Museum. 2015 (in press).*
8. Volkova N. I. *Nacional'no-kul'turnye konstanty v sovremennykh komi prozvischchah* [National-cultural constants in the modern Komi nicknames] // *Vestnik Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta - Herald of the Komi State Pedagogical Institute. Is. 8. Syktyvkar. 2010. Pp. 7–13*; Volkova N. I. *eprezentanty koncepta CHelovek social'nyj v sfere prozvischch Respubliki Komi* [Representantes of concept of a Social Person in the field nicknames of the Republic of Komi] // *Lingvokul'turologiya – Cultural linguistics. Ekaterinburg. Publishing house of*

Ural state Ped. University. 2007. Pp. 36–48; Musanov A. N. Prozvishcha yuzhnyh komi [Nicknames of South of Komi] // Korennye ehnosy severa evropejskoj chasti Rossii na poroge novogo tysyacheletiya: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. Konf. – Aboriginal ethnic groups of the North of the European part of Russia on the threshold of a new Millennium: the history, present and prospects: proceedings of the international scientific conf. Syktyvkar. 2000. Pp. 479–481.

9. Shostka E. S. Regional'nye prozvishcha: psihologicheskaya i social'naya harakteristika [Regional nicknames: psychological and social characteristics] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki» - Herald of Tambov University. Ser. "Humanities". Is. 5 (73). Tambov. 2009. P. 59.

10. Ср. един. - perhaps this refers to the middle-individual, i.e. the farmer, leading a separate, independent economy and not a member of the agricultural cooperative (see: Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. M. Onyx, Peace and Education. 2007. P. 130).

11. The middle peasants – the peasant- individualist, processing the soil on their own, without hired labor, and property position standing between the poor and fists (See: Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language...] P. 502).

12. NM KR. КП-12483. Sh. 179.

13. Interestingly, in some localities, e.g. in village Anyb of Ust-Kulom district, consisting of patronyme of two lexems, the first lexem is the name of the grandfather, not the father, as is customary in the majority of Komi. For example, Конö Семö means not Semen son of Kondrat, Kondrat is the name of a distant ancestor, perhaps the founder of the genus (by oral communication of L. S. Lobanova).

14. Musanov A. N. Prozvishcha yuzhnyh komi [Nicknames of South of Komi] // Korennye ehnosy severa evropejskoj chasti Rossii na poroge novogo tysyacheletiya: istoriya, sovremennost', perspektivy: materiary mezhdunar. nauch. konf. – Aboriginal ethnic groups of the North of the European part of Russia on the threshold of a new Millennium: past, present, prospects: materials of intern. scientific conf. Syktyvkar. 2000. P. 480.

15. The material feed is as follows: italics indicates a nickname in the Komi language from the original, next, in quotes given the translation in Russian. In order not to overload the work of numerous references, we indicate the codes of the folk collection of the Republic of Komy NM, the materials of which are used in this paper: КП-12480, КП-12495, КП-12483, КП-12482, КП-12484, КП-12481. In the presence of a motivating context it is given in parentheses in quotes, italics in Russian (the translation is ours – S. N.), in brackets are our comments. After a detailed review the source reference must be mention: NM KR. КП-12481. Sh. 114.

16. NM KR. КП-12481. Sh. 114.

17. Ibid.

18. Such a principle of systematization was applied in the analysis of local-group (collective) names of residents from the same collection of NM KR.

19. NM KR. КП-12484. Sh. 229.

20. Убора – dial. (sun) see: пельк – clean, neat, tidy (see: Sravnitel'nyj slovar' komi-zyryanskih dialektov - Comparative dictionary of Komi-zyryan dialects / comp. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova, V. A. Sorvacheva. Syktyvkar. 1961. P. 279).

21. NM KR. КП-12482. Sh. Ob.

22. Kommentarij sobiratelya zapisan na russkom yazyke – Review of the collector is written in Russian: NM KR. КП-12480. Sh. 166.

23. NM KR. КП-12480. Sh. 65.

24. NM KR. КП-12483. Sh. 75.

25. NM KR. КП-12483. Sh. 126.

26. NM KR. КП-12483. Sh. 126 turn.

27. NM KR. КП-12484. Sh. 229.

28. NM KR. КП-12484. Sh. 229.

29. NM KR. КП-12483. Sh. 10.

30. NM KR. КП-12482. Sh. 169 turn.

31. NM KR. КП-12483. Sh. 10.

32. Slovar' dialektov komi yazyka – Dictionary of the dialects of the Komi language: in 2 vol. / resp. ed. L. M. Beznosikova. Vol. 2. Syktyvkar. 2014. P. 524.

33. Review is written in Russian: NM KR. КП-12480. Sh. 166.

34. NM KR. КП-12480. Sh. 139.

35. NM KR. КП-12483. Sh. 180.

36. IN Komi science centre. F. 5. Sh. 2. File 697. Sh. 6.

37. IN Komi science centre. F. 5 Sh. 2. File 578. P. 36. Writ. In 2001 from Vaddorova D. I.

38. The materials were gathered and recorded in the 1920s-1930s and relatively recent historical events (the revolution and Civil war) could be reflected in the national identity and personal identification.

39. NM KR. КП-12481. Sh. 114.

40. NM KR. КП-12483. Sh. 10.

41. NM KR. КП-12484. Sh. 229.

42. NM KR. КП-12484. Sh. 229turn.

43. Макаль – probably from the word макалны – dial. (CC.) – to scatter, to throw (Slovar' dialektov komi yazyka – Dictionary of dialects of the Komi language: in 2 vol. / resp. ed. L. M. Beznosikova. Vol. 1. Syktyvkar. 2012. P. 900).

44. NM KR. КП-12483. Sh. 10.
45. NM KR. КП-12484. Sh. 229.
46. Review is written in Russian: NM KR. КП-12480. Sh. 166turn.
47. NM KR. КП-12480. Sh. 139.
48. NM KR. КП-12480. Sh. 21.
49. NM KR. КП-12481. Sh. 114.
50. Sravnitel'nyj slovar' komi-zyryanskih dialektov - Comparative dictionary of Komi-zyryan dialects / comp. T. I. Zhilina, M. A. Sakharova, V. A. Sorvacheva. Syktyvkar. 1961. P. 278.
51. Ibid. P. 213.
52. About demonio пашляк, related with mythological associations and etymological parallels A.V. Panyukov says in his article (see: A. V. Panyukov *Obraz moroza v kalendarnoj mifologii komi-zyryan* [Image of frost in a calendar mythology of the Komi-Zyryans] // *Izvestiya Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya RAN* - Proceedings of the Komi scientific center of Ural branch of Russian Academy of Sciences. Is. 1(9). 2012. Pp. 82–92). The author cites as an example the nickname Pashlyak Irina (given to a brisk, loud-voiced, small in stature woman who lived in the first half of the twentieth century), offers a variety of associations, but also is hindered in the correct choice, and considers the etymology of the word пашляк still unknown.

УДК 398.44

Г. А. Трофимов

Образ женщины в русских народных змееборческих сюжетах

В статье рассмотрен генезис образа женщины в русских народных змееборческих сюжетах на материале сказки и былины. Автор рассматривает основные модели взаимоотношения женщины и змееподобного существа, связанные с видами вредительства последнего (требование человеческой жертвы, похищение с целью людоедства или насильственного супружества, посещение женщины с целью совершения над ней насилия), обращая внимание на смену отношения к спасаемой героем невесте из другого мира в процессе эволюции змееборческих сюжетов и формирования жанра песенного героического эпоса. Эта метаморфоза привела к частичному смещению образа женщины – в том числе в контексте древних представлений о её могуществе – и женской ипостаси змея как представителя нечистой силы или иномирия. Выводы автора проиллюстрированы примерами из фольклорных текстов сказочного и былинного жанров.

In this article the essence and evolution of the image of women in Russian folk fairy-tale and epic dragon-fighting plots are considered. The author reveals the basic models of interaction between a woman and a dragon connected with the forms of harm the latter can do (a demand of a human sacrifice, an abduction for the purpose of eating or forced matrimony, visits to a woman for the purpose of rape). A special attention is focused on the change of the attitude to the bride from the other world whom a hero saves from the dragon in the process of the evolution of dragon-fighting plots and the forming of the Russian epic genre. This metamorphosis has led to a partial blending of the images of women – including the context of archaic beliefs in their mighty powers – and the female side of the image of dragon as the representative of evil forces and the other world. The conclusions are illustrated by the examples from the fairy-tale and epic folk texts.

Ключевые слова: фольклор, сказка, былина, змей, женщина, жертвоприношение, похищение, колдовство, женитьба, загробный мир.

Keywords: folklore, fairy, tale, Russian epic, dragon, woman, sacrifice, abduction, witchcraft, marriage, the other world.

Образ змееподобного существа, а также змееборческие и драконоборческие мотивы, с которыми он неразрывно связан, представлены в фольклоре и мифологии многих народов мира. Богатый пласт сюжетов, включающих подобные мотивы, могут предложить и произведения русского народного творчества. В данной статье мы обратимся к рассмотрению женского образа в контексте змееборческих мотивов в русском фольклоре на примере сказочного и былинного материала. Несмотря на то что термин «былина» может иметь более широкое значение и в его форму могут облекаться, например, духовные стихи [1], мы будем обозначать этим словом героические эпические песни.

В рамках статьи мы будем прибегать к традиционной системе ссылок на сборники фольклорных произведений: упоминание конкретного текста состоит из краткого обозначения сбор-

ника и номера текста в нём. Например, говоря о сказке «Два Ивана, солдатских сына», приведённой в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева под номером 155, мы обозначим её как «Аф. 155». Перечень фольклорных сборников приведён в списке условных сокращений.

Основные функции (термин введён В. Я. Проппом в работе «Морфология сказки» [2]) змея как антагониста нередко связаны с его вредительскими действиями по отношению к женскому персонажу. Последние могут заключаться в требовании змеем человеческой жертвы (как правило, это именно женщина) с целью людоедства или насильственного супружества [3], её похищении для тех же целей [4] или посещении жертвы по ночам для совершения насилия над ней [5]. Несмотря на то что Пропп в своём исследовании выделил эти функции в контексте морфологической структуры только лишь волшебной сказки, аналогичную мотивацию змей проявляет и в других жанрах фольклора. Таким образом, одной из основных мотиваций действий героя-змееборца является спасение женщины от чудовища.

Змей же в этом контексте проявляет свою мужскую, фаллическую символику. По мнению В. Я. Проппа, наличие у него подобных эротических коннотаций вполне органично вписывается в образ представителя потустороннего мира, так как в мифологии многих народов обитателям иномирия (другими словами, сверхъестественным существам) свойственны два инстинкта – голод и половой голод. Так, древние греки различали любовное похищение представителем иного мира в качестве одного из видов смерти [6]. Джеймс Джордж Фрэзер в своей знаменитой «Золотой ветви» (“The Golden Bough”) приводит примеры обрядовых практик жертвоприношения, в которых женщина преподносится в качестве дара для существа змеиной природы. Например, кенийское племя акикуйю, поклоняющееся речной змее, раз в несколько лет проводит обряд женитьбы бога-змея на девушке [7]. В. Я. Пропп утверждает, что подобные обряды и связанный с ними мифологический и фольклорный мотивы достигли полного развития на раннеземледельческой стадии развития общества [8] и были связаны с представлениями о том, что половое общение между божеством (в частности, хозяином вод или покровителем плодородия, каким может являться змей) и принесённым ему в жертву человеком способствует повышению урожайности [9]. Кроме того, подобные обряды могут являться способом умиловить божество, избежать его гнева.

Вероятно, отголоском именно таких обрядов являются упомянутые нами мотивы вредительства змея и в русском фольклоре. Б. А. Рыбаков в своём исследовании «Язычество древней Руси» описывает образ *Ящера*, который предположительно являлся хозяином вод, рыбы и водных путей [10]. Учёный видит возможные отголоски обряда жертвоприношения Ящеру в одноимённой молодёжной игре песенно-плясового разряда [11]. Анализ этой игры посвящена статья Т. А. Бернштам [12]. Содержание песни, сопровождающей игру, повествует о Ящере, который сидит в *ореховом* или *ракитовом кусте* и *грызёт орехи*. Ему предлагают жениться и предлагают на выбор *старуху, бабу, молодицу*, которых он отвергает, соглашаясь только на *красную девку*. В другом варианте игры он должен сам *поймать, схватить* девицу, которая ему нравится [13]. Бернштам обращает внимание на то, что в восточнославянской народной традиции орех носит плодородную символику, и разгрызание орехов мужским персонажем – ящером – символизирует, таким образом, мужскую производящую силу. Об этом же свидетельствует и ракитовый куст (венчание вокруг него тождественно половому акту) [14].

Дальнейшее развитие общества и постепенное отчуждение от окружающей его дикой природы приводит к тому, что прежние божества становятся враждебными по отношению к человеку представителями сверхъестественных сил, а иномирие начинает ассоциироваться с удалённой от населённых пунктов, необжитой людьми территорией. Представитель этого «чужого» мира является угрозой для человека, олицетворяет смерть и разрушение. Змей в этой роли начинает требовать принесения жертвы под угрозой причинения человеческому сообществу вреда или отбирая у него определённые блага (воду, урожай и т. д.).

Именно такие поборы змея являются типичными для сказочного сюжета «Победитель змея»: № 300₁ по «Сравнительному указателю сюжетов» Л. Г. Барага и др. (далее мы будем обозначать его как СУС). Девушка, похищаемая змеем, практически всегда является царевной – дочерью чужого для героя-змееборца царства. Несмотря на то что последнее обычно не имеет черт потустороннего мира и представляется абстрактным *чужим государством* или *городом*, в сказках, представляющих собой сочетание сюжетных типов «Победитель змея» и «Молодильные яблоки» (СУС 551), аналогия с иным миром прослеживается гораздо отчётливее. Герой попадает в подземное царство, *где люди всё делают с огнём* (Аф. 171) или *где таков же свет, как и у нас* (Онч. 8); там есть свой правитель и народ, страдающий от гнёта змея.

Объяснение, почему в качестве жертвы для чудовища выбрана именно царская дочь, может быть различным. В некоторых сюжетах змей совершает налёты на царство и поедает людей, и те, пытаясь умиловить его, начинают приводить ему жертв (*Поселился на нашем озере двенадца-*

тиглавый змей, каждую ночь прилетает да людей поедает; для того у нас очередь положена – с какого конца <города> в какой день на съедение давать (Аф. 204)). Нередко чудовище само выставляет требования, которые также могут быть различны: змей может требовать любую жертву (Аф. 206) – очередь царевны в таком случае выпадает по жребию – либо только девушек (Ник. 6), либо конкретно царскую дочь. В Ник. 3 и Ник. 5 змей ставит царя перед выбором: *Требует у царя Морской змей всех людей егова государства на съеданье или три дочери еговых. Царь думал подумал, нать всё государство отдать на съеданье. «А лучше я одам трёх дочерей на съеданье»* (Ник. 3).

Иногда требования чудовища вызывают ассоциации с ультиматумом иноземного врага, представителя враждебного государства: *...а под ихно царство подступился Змей трёхглавый. Писал письма с угрозами: «Я пришел к царю не пир пировать да не беседовать, а приехал жениться. Пусть он за меня отдаст Александру-царевну. Если он не отдаст, я ихне царство выжгу-выпалю и мечом покачу, и пепелок развею. Всех я в плен заберу, Александру-царевну неволей увезу»* (Кор. 2). Обратим внимание, что чудовище здесь не требует девушку на съедение, а сватается к ней. Однако чёткого разграничения видов мотивации жертвоприношения русская сказка не даёт: иногда рассказчик смешивает требования выдать царевну замуж за змея и скормить её змею. Так, в Ник. 1 чудовище просит царевну *в жёны*, но везут её ему *на съедение*.

Победа над змеем в сюжетах, где герой спасает чужеземную царевну, в большинстве случаев ведёт к женитьбе на спасённой. В центре внимания сказки находится личная судьба персонажа, обретение им семейного счастья, а не спасение целого царства от чудовищной угрозы. Этим сказка отличается и от мифа и, как мы увидим ниже, от героического эпоса. Одной из главных мотиваций действий сказочного героя является поиск невесты, и борьба с чудовищами здесь, как отмечает Е. М. Мелетинский, утрачивает космические черты и служит этой же цели [15]. Приняв во внимание тот факт, что чужое, далёкое государство, где обитает змей, ассоциируется в народном сознании с иным миром, можно сделать вывод, что невесту победитель змея находит именно там.

В сказочных сюжетах «Змееборец Кожемяка» (СУС 300₂), «Три подземных царства» (СУС 301), «Катигорошек» (СУС 312D) и «Животные-зятья» (552A) змееподобное существо силой или обманом похищает женщину (царскую дочь, либо сестру или мать героя) – представительницу «земного» мира – т. е. родного для протагониста царства – и живёт с ней как с женой. Для СУС 552A, и, в отдельных случаях, СУС 312D характерен мотив сватовства представителя иномирия; в результате он может забрать девушку с разрешения её родных. Однако и такое развитие событий не гарантирует отсутствия конфликта между героем и сверхъестественным существом.

В былинном сюжете «Добрыня и змей» одним из видов вредительства антагониста также является похищение девушки: как правило, это *племянница князя Забава Путятична* (Авен. 6, Гильф. 157 и др.), либо *княжеская дочь* (Гильф. 59 = Пом. 2, Гильф. 64) или *жена* (Пом. 5), реже – *безымянная красна девица* (Гильф. 289 = Пом. 3, Пом. 33) или *девица-чернавица* (Пом. 9). Однако былина практически никогда не заканчивается свадьбой героя и спасённой жертвы. Такая развязка уже не соответствует ценностям героического эпоса, который, в отличие от сказки, фокусируется не на семейном и социальном аспектах, а на племенном и государственном [16]. Деяния, достойные былинного богатыря, совершаются во имя защиты Родины и её народа от внешнего врага (олицетворением последнего может стать и чудовище: в змеиных пещерах Добрыня обнаруживает не только похищенную княжну, но и множество *полонов* – других похищенных змеем людей (Авен. 6, Гильф. 5 и др.)), а не ради поиска невесты и обустройства личной жизни.

Похитителем змееподобное существо проявляет себя и в сказках Аф. 159 и Аф. 160 (СУС 552A + 400₁ + 554), развитие змееборческого конфликта в которых начинается с женитьбы героя (*Ивана-царевича, Фёдора Тугарина*) на царевне или девице (*Марье Моревне, Анастасии Прекрасной*). После свадьбы протагонист нарушает запрет жены, зайдя в определённый чулан или комнату; там он видит *Кощея* (Аф. 159), прикованного цепями, или *змея* (Аф. 160), висящего на крюке. Поддавшись на уговоры злодея, герой освобождает его, и тот скрывается, а позже похищает пленившую его девушку. Хотя её спасителем становится Иван или Фёдор, изначально противником чудовища была именно девушка: она победила Кощея или змея и заточила его в чулан ещё до встречи с будущим мужем. В контексте рассматриваемых сказок этот факт неудивителен: девушка в них проявляет некоторые богатырские черты. Например, в Аф. 160 на пути к шатру, в котором спит Анастасия, герой видит три рати, побитые девицей. Образ воительницы, подобной персонажу этих сказок, отражает, по мнению В. Я. Проппа, древние представления о могуществе женщины [17], способной победить хтоническое змееподобное существо.

Богатырские черты проявляются также и в образе *Царь-девицы*, хранительницы запретного сада в сказочном сюжете «Молодильные яблоки» [18]. Её функция хозяйки источника жизни и молодости соотносится с традиционной ролью змея как охранника древних артефактов, знаний или иных ценностей. В Аф. 172 (вариант текста из примечаний к сборнику) герой на своём пути в

сад Царь-девицы встречает и змея, который также является стражем сада. От удара по голове чудовище *засыпает на трое суток*. Примечательно, что уснувшей вор застаёт и саму девицу. В некоторых вариантах текста он не может устоять перед её красотой и овладевает спящей хозяйкой сада (Аф. 172, Аф. 176, Онч. 8 и др.). Л. А. Абрамян считает, что соитие с девушкой является здесь символическим замещением убийства змея [19]. Таким образом, представления о женщине как могущественном хтоническом существе могут привести к отождествлению её образа со змеем или даже к их смешению: богатырша может и сама проявлять черты существа змеиной природы, как, например, *Настасья-королевична* из былинного сюжета о Дунае, *рычащая по-звериному и свистящая по-змеиному* (Гильф. 94 и др.).

Но даже «обыкновенная», не проявляющая черт воительницы девушка, судьба которой зависит лишь от героического подвига змееборца, может помогать последнему в бою. Эта помощь может быть весьма разнообразной: в сказках на сюжет «Победитель змея» царевна отправляется в церковь и молится о победе героя (Карн. 133), кладёт ему в рот ломоть хлеба, чтобы придать сил (Ник. 3), смачивает в воде платочек и оборачивает им раскалённую саблю воина, чтобы тот мог продолжить сражение (Аф. 155). Иногда её действия могут быть и более активными: в Онч. 4 она бьёт змея батоном, а в Онч. 8 – атакует его ножом. В «Трёх подземных царствах» пленённая змеем девушка может обучить героя хитростям, которые помогут победить чудовище. В Аз. 22 и Аф. 129 змееборец по совету царевны или матери переставляет *кади* или *пузырьки с сильной и слабой водой*, чтобы обмануть змея и ослабить его, а в Аф. 140 – убивает змея, когда тот засыпает под действием *сонного зелья*, которое ему подсыпала в напитки королевна.

Наконец, вредительство змея по отношению к женскому персонажу может заключаться в насилии над ней без похищения: в таком случае чудовище прилетает к своей жертве по ночам. Такой образ действий в восточнославянском фольклоре характерен для демонического существа, обычно именуемого *Огненным змеем*. Результатом связи с ним может стать болезнь, бессилие или даже смерть женщины [20].

В сказках Аф. 359 и Аф. 575 (СУС 507) невеста героя имеет дурную славу: все её женихи погибают в первую брачную ночь. Происходит это потому, что к девушке летает змей. Победителем чудовища в этом случае становится не жених, а его волшебный помощник – благодарный мертвец. В Аф. 575 победы над чудовищем оказывается недостаточно для избавления молодожёнов от беды: помощник даёт герою, Силе-царевичу, следующий совет: *...как будешь с своею супружницею опочив держать, станет она тебя целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать, а ты с нею ничего не твори – или пропадешь. <...> А как наложит она на твою грудь свою руку и сделается тебе тяжело – вскочи с постели и бей ее палкою из всех сил*. После победы мертвец проводит ещё один обряд «укрощения» невесты: выведя её в чистое поле, мертвец рассекает девушку надвое, и из её тела выползают *всякие гады*. «Видишь, какая нечистота! Все это злые духи зародились в твоей супружнице». После spryskivaniya тела живой водой женщина оживает, став кроткой и неопасной.

Таким образом, «заболевшая» под влиянием змея женщина становится одержимой и пытается навредить своему жениху. Аналогичным образом ведёт себя жена из другого мира в сказке Аф. 136, в которой Иван Быкович совершает то же действие, что и волшебные помощники женихов: он защищает своего брата от невесты последнего в первую брачную ночь. Мотив змееборчества в этом тексте отсутствует, и герой сразу приступает к обряду укрощения девушки: он сечёт королевну прутьями до тех пор, пока та не соглашается стать покорной и перестать вредить мужу.

Исторические корни этих действий можно обнаружить в древнем обряде дефлорации невесты «помощником в сватовстве», смысл которого состоял в ограждении мужа от опасного контакта со злыми духами [21], связанными с женщиной. По мнению В. Я. Проппа, описанный нами сказочный мотив отражает древние представления об опасности дефлорации девушки из-за демонического могущества последней [22], которого она лишается, согласно проявлению этого мотива в сказках, через истязание палкой или прутьями трёх сортов – железными, оловянными и медными.

Мотив использования прутьев встречается в сценах «укрощения» враждебных женских персонажей и в других сказках: в «Молодильных яблоках» герой именно таким образом заставляет коварную соблазнительницу (*прекрасную Дуню* (Аф. 171), *Ирину мягкую перину* (Аф. 175)) освободить пленённых ею старших братьев.

В древности данный ритуал невесты мог проводить колдун, носящий маску демонического существа, являвшегося носителем в том числе и змеиных черт; таким образом, змей, согласно предположениям В. Я. Проппа, изначально мог быть не врагом героя, а тем самым «помощником в сватовстве», которым в сказках является змееборец [23]. Позже, когда отношение к змею в народном сознании стало сменяться на отрицательное и его образ стал ассоциироваться с колдовством и нечистой силой, сама демоническая одержимость девушки стала объясняться его влиянием.

Это влияние проявляется в фольклорных произведениях и в несколько ином виде: змееподобное существо может быть соблазнителем, в результате общения с которым женский персонаж – мать, сестра или жена героя – становится добровольной сообщницей чудовища. В одном из вариантов сказочного сюжета «Неверная жена» (СУС 318) – Аф. 209 – Иван купеческий сын щадит побеждённого в бою Змея Горыныча и, женившись на Елене Прекрасной, берёт чудовище в слуги. Когда герой отлучается на охоту, змей обольщает его жену и уговаривает её известить мужа. Аналогичную роль змей играет в сказках типа «Звериное молоко» (СУС 315). В этом сюжете он может свободно заменяться как другими представителями нечисти (*Огненный Царь* (Аф. 206), *волк* (Ник. 5), *леший* (Аз. 19) и т. д.), так и вариантами образа, лишёнными мистических черт: например, в Аф. 203 и Кор. 5 сестру героя склоняет на свою сторону *разбойничий атаман*.

Образ зловредной колдуньи в русских сказках и былинах также может связываться со змееподобным чудовищем или быть носителем змеиных черт: в сюжете «Добрыня и Маринка» колдунья является любовницей змея (Гильф. 78, Гильф. 122 и др.), а когда герой убивает её, у неё *во всяком суставе* оказывается *по змеёнышу, по гадёнышу* (Гильф. 163). В некоторых вариантах былины о Михайле Потыке жена-колдунья, пытаясь его погубить, напускает на него змей (Марк. 8) или сама становится змеей:

*А в те поры Овдотьа в гробу шевелилася,
А как лютою змеёю обернулася* (Марк. 74).

Другие богатыри и князь Владимир, отговаривая Потыку от женитьбы на иноземной злодейке, предупреждают его об этой стороне её сущности:

*«А как не жена тебе будет любимая;
А того же она роду ведь змеинога»* (Марк. 74).

Эпитет *змеиный* здесь может относиться как к иноземному происхождению невесты (атрибуты нечисти и хтонических чудовищ в былинном эпосе переносятся на образ иноземного врага), так и к её колдовской природе. Способность подобного женского персонажа управлять змеями отражена и в сказках: в Онч. 57 (СУС 465А) описан образ *Вассы-девицы еретицы*, приказывающей змеям отправиться в погоню за героем, уплывающем на корабле: *В то время Васса-девичка прибежала в поле и кричит: «Все змеи, змеёныши, летите в море, садитесь на снасти, под воду кораб топите, Данилу-царевича живком ко мне принесите»*.

Обзор вариаций образа женского персонажа в змееборческих сюжетах был бы неполным без рассмотрения женской ипостаси самого чудовища. Для некоторых сюжетов – былинных «Добрыня и змей» и «Михайло Потык», а также сказочного «Бой на калиновом мосту» (СУС 300А) – характерным является змееподобный противник женского пола. В «Бое на мосту» у побеждённых героем змеев-мужчин есть родственницы – *сёстры* или *жёны*, а также «главная» змеиха – *мать* (Аф. 136, Карн. 163, Онч. 27), *сестра* (Зел. 13) или *тёща* (Аф. 137) змеев. В большинстве текстов жёны или сёстры имеют человеческий облик, однако иногда (Ник. 14) являются змеями. Образ «главной» змеихи близок к *ведьме* (Аф. 137), *колдунье* или *Бабе-яге* (Аф. 136). Бросившись в погоню за героями, она может принять облик огромной *свиньи* (Аф. 136), *бури* (Зел. 13) или *горы* (Черн. 82), способной поглотить героев, но нередко предстаёт и в своём «истинном» облике *гигантской змеи* (Аф. 34, Ник. 14, Ник. 15, Черн. 2), *разинувшей пасть от земли до неба* (Аф. 135, Аф. 138).

Погоня нередко заканчивается тем, что герой прячется от змеихи в кузнице и с помощью кузнецов убивает или укрощает её. Оружием при этом могут служить раскалённые *клещи* и *молоты* (Аф. 134, Черн. 82 и др.), а в Ник. 14 – *железный, медный, оловянный и стальной прутья*. Змея при этом выживает и начинает служить герою кобылицей. Аналогичный мотив превращения змеихи в кобылу встречается и в других текстах: Зел. 13, Карн. 163, Онч. 27. Те же предметы – *клещи* (Гильф. 6, Гильф. 40 и др.), а также *железный, оловянный и медный прутья* (Авен. 21 и др.) – использует против змеи женского пола и Потык, при этом также, как правило, не убивая её, а заставляя принести живой воды для оживления своей мёртвой жены. Наконец, мотив с использованием прутьев мы видим и в сюжете о змееборстве Добрыни: в Пом. 8 он изготавливает их в кузнице по совету матери; при этом упоминается, что обычное оружие против змеи бессильно. Богатырь в этом варианте, опять же, не убивает змею, а заставляет её подарить ему *золотую казну, доброго коня и красну девицу*. Другими словами, в русском фольклоре змеиный персонаж женского пола укрощается с помощью прутьев точно так же, как и женщина-человек, и, покорившись герою, выполняет его требования.

Этот факт, а также проявление у отрицательных женских персонажей сюжетов змеиных черт или их связь с образом змея (змей как любовник колдуньи или подчиняющееся ей существо) говорят об определённой тождественности женской ипостаси змея и образа женщины в змееборческом сюжете. Коварную Марью, «иномирную» невесту Михайло Потыка, насылающую на мужа змей или обращающуюся в змею, можно назвать иллюстрацией нового этапа развития образа сказочной невесты из другого мира, которую герой должен был спасать от чудовища. В контексте характерного для русского эпоса враждебного отношения к потустороннему миру и иностранным государствам образ этой невесты также стал отрицательным; изначально невраждебная царевна слилась со злой соблазнительницей, которую в переносном – или даже прямом – смысле можно назвать *змеёй*. В свою очередь, женская ипостась змея, существовавшая в народном сознании всегда, что обусловлено двойственностью образа змея как медиатора между противоположностями (мужским и женским началом, верхним и нижним мирами, жизнью и смертью) [24], приобрела в контексте этого смешения определённые антропоморфные черты: результатом этой метаморфозы можно считать, например, «пооявление» у зооморфной змеи *кос*, за которые Добрыня *хватает её*, когда избивает прутьями (Пом. 8).

Таким образом, и сказочный, и былинный материал содержит как примеры «классической» формы змееборства, в рамках которой женский персонаж является жертвой, спасаемой героем от чудовища, так и следы смешения образов жертвы и вредителя, женщины-человека и женской ипостаси змея, в некоторых случаях трудноотделимых друг от друга.

Список условных сокращений

- Авен. – Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / сост. В. П. Авенариуса. 6-е изд. М.: Изд. книгопродавца А. Д. Ступина, 1902.
- Аз. – Русская сказка. Избранные мастера: в 2 т. / ред., коммент. М. К. Азадовского. Л.: Academia, 1932.
- Аф. – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957.
- Гильф. – Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1873.
- Зел. – Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. М.: Правда, 1991.
- Карн. – Сказки и предания Северного края в записях И. В. Карнауковой. М.: ОГИ, 2009.
- Кор. – Сибирские сказки / пересказ А. С. Кожемякиной; лит. запись И. С. Коровкина. Новосибирск: Запдно-Сибир. кн. изд-во, 1973.
- Марк. – Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1901.
- Ник. – Никифоров А. И. Победитель змея. Севернорусские сказки. М.: ОГИ, 2009.
- Онч. – Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: в 2 т. СПб.: Тропа Троянова, 1998. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/sev/ern/yue/>
- Пом. – Добрыня Никитич и Алеша Попович / отв. ред. Э. В. Померанцева; подгот. изд. Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого. М.: Наука, 1974.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барага, И. П. Березовского, К. П. Кабашникова, Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1979.
- Черн. – Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Примечания

1. *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. С. 9.
2. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.
3. Там же. С. 33.
4. Там же. С. 31.
5. Там же. С. 34.
6. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 252.
7. *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 144.
8. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 258.
9. Там же. С. 259.
10. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Академ. проект, 2013. С. 277.
11. Там же. С. 269.
12. *Бернштам Т. А.* Следы архаических ритуалов и культов в русских молодёжных играх «Ящер» и «Олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 17–36.
13. Там же. С. 18–19.
14. Там же. С. 22–23.

15. Структура волшебной сказки / Е. М. Мелетинский [и др.]. М.: РГГУ, 2001. С. 16.
16. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. С. 26.
17. Пропп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. С. 236.
18. Мадлевская Е. Л. Русская мифология: энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С. 509–510.
19. Абрамян Л. А. Змей у источника (к символике универсального ритуально-мифологического образа) // Историко-этнографические исследования по фольклору. М.: Изд. фирма «Науч. лит.» РАН, 1994. С. 25.
20. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Изд. книгопродавца М. Березина, 1880. С. 266.
21. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 326.
22. Там же. С. 327.
23. Там же. С. 328.
24. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд. М.: Вост. лит., 2000. С. 239.

Notes

1. Propp V. Ja. Russkij geroicheskiy jepos [Russian Epic Poetry]. Moscow, Labirint Publ., 1999. P. 9.
2. Propp V. Ja. Morfologija volshebnoj skazki [Morphology of the Wonder Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2001.
3. Ibid, p. 33.
4. Ibid, p. 31.
5. Ibid, p. 34.
6. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [The Historical Roots of the Wonder Tale]. 2nd ed. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1986. P. 252.
7. Frazer J. G. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion / translated from English by M. K. Ryklin. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1983. P. 144.
8. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [The Historical Roots of the Wonder Tale]. 2nd ed. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1986. P. 258.
9. Ibid, p. 259.
10. Rybakov B. A. Jazychestvo drevnej Rusi [The Paganism of the Ancient Rus']. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2013. P. 277.
11. Ibid, p. 269.
12. Bernshtam T. A. Sledy arhaicheskikh ritualov i kul'tov v russkikh molodjozhnyh igrach «Jashher» i «Olen'» (opyt rekonstrukcii) [Traces of Archaic Rituals and Cults in Russian Youth Games "Lizard" and "Deer" (Reconstruction Experience)] // Fol'klor i jetnografija. Problemy rekonstrukcii faktov tradicionnoj kul'tury [Folklore and Ethnography. Problems of Reconstruction of the Facts of Traditional Culture]. Leningrad, Nauka Publ, 1990. Pp. 17–36.
13. Ibid, pp. 18–19.
14. Ibid, pp. 22–23.
15. Struktura volshebnoj skazki [The Structure of the Wonder Tale] / Meletinskij E. M. [and others]. Moscow, RGGU Publ., 2001. P. 16.
16. Meletinskij E. M. O literaturnyh arhetipah [Of Literary Archetypes]. Moscow, RGGU Publ, 1994. P. 26.
17. Propp V. Ja. Russkaja skazka [Russian Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. P. 236.
18. Madlevskaja E. L. Russkaja mifologija: jenciklopedija [Russian Mythology: Encyclopedia]. Moscow, Jeksmo Publ.; Saint Petersburg, Midgard Publ., 2005. Pp. 509–510.
19. Abramjan L. A. Zmej u istochnika (k simbolike universal'nogo ritual'no-mifologicheskogo obraza) [Serpent by the Spring (Of the Symbolism of the Universal Ritual Mythological Image)] // Istoriko-jetnograficheskie issledovanija po fol'kloru [Historical and Ethnographic Studies of Folklore]. Moscow, "Nauchnaja literatura" Publishing House of Russian Academy of Sciences, 1994. P. 25.
20. Zabylin M. Russkij narod. Ego obychai, obrjady, predanija, sueverija i poezija [Russian Nation. Its Customs, Ceremonies, Legends, Superstitions and Poetry]. Moscow, The Bookseller M. Berezin's Publishing House, 1880. P. 266.
21. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [The Historical Roots of the Wonder Tale]. 2nd ed. Leningrad, Leningrad University Publishing House, 1986. P. 326.
22. Ibid, p. 327.
23. Ibid, p. 328.
24. Meletinskij E. M. Pojetika mifa. 3-e izd. [The Poetics of Myth. 3rd ed.] Moscow, Vostochnaja Literatura Publ., 2000. P. 239.

Влияние социальных характеристик коммуникантов на функционирование модальных слов в современном английском языке

Настоящая статья освещает особенности выбора модальных слов, эксплицирующих семантику достоверности в английском языке, сквозь призму социальных характеристик коммуникантов, к которым относятся возраст, пол, социальный статус, социальная дистанция между собеседниками и некоторые другие. В рамках данной работы будет рассмотрено функционирование модальных слов категорической и проблематической достоверности с учётом двух последних социальных характеристик. Результаты исследования показывают, что предоставление достоверных сведений (с большей или меньшей степенью уверенности) или понижение/повышение степени достоверности в личных целях во многом предопределено положением участников коммуникации на социальной лестнице и степенью их близости. Зачастую именно социальный статус и социальная дистанция между коммуникантами оказывают решающее значение на выбор модального слова.

This paper provides an overview of communicants' social characteristics which influence a choice of modal words, explicating the semantics of certainty in the English language. Social characteristics include age, sex, social status, social distance between interlocutors and some other. This work deals with the functioning of modal words of categorical and problematic certainty taking into consideration two last social characteristics mentioned above. The results of this research show that providing certain information (with greater or smaller degree of confidence) or decreasing / increasing the degree of certainty for trading on depend much on the position of participants of communication on a social ladder and degree of their proximity. Often the social status and the social distance between communicants play a very important role in the process of making a choice of the modal word.

Ключевые слова: модальность достоверности, модальное слово, прагматика, социальный статус, социальная дистанция.

Keywords: modality of certainty, modal word, pragmatics, social status, social distance.

Исследование языка в XIX–XX вв. может быть охарактеризовано применением так называемого лингвоцентрического подхода, суть которого заключалась в концентрации внимания учёных на свойствах и особенностях объектов языка. Вместе с тем примерно с последней четверти XX в. начинает набирать обороты антропоцентрический подход, направленный на изучение человека, принимаемого за естественную точку отсчёта как субъекта языка. В настоящее время данный подход является ведущим в лингвистике; в его рамках рассматривается личность носителя языка и её место в культуре и в процессе межкультурной коммуникации. «Если прежняя (статическая по своей сущности) лингвистика в познании языка шла от таких языковых объектов, как текст, предложение, слово или его грамматическая форма, то деятельность лингвистика (в лице, прежде всего, прагматики в самом широком понимании этого слова) отправляется от человека, его потребностей, мотивов, целей, намерений и ожиданий, от его практических и коммуникативных действий, от коммуникативных ситуаций, в которых он участвует либо как инициатор и лидер, либо как исполнитель “второй роли”» [1].

На успешное осуществление коммуникации, несомненно, оказывают влияние такие прагматические факторы, как социальные характеристики коммуникантов, к числу которых относятся возраст, пол, социальный статус собеседников и социальная дистанция между ними, так как именно от них в большой степени зависит то, как расшифрует иллокутивный замысел говорящего его собеседник. Данные характеристики определяют выбор тех или иных лексических, лексико-грамматических, синтаксических или стилистических средств в процессе коммуникации. В настоящей статье будет рассмотрено влияние социального статуса и социальной дистанции между коммуникантами на выбор тех или иных модальных слов (МС), эксплицирующих как модальность категорической достоверности (КД), так и модальность проблематической достоверности (ПД).

Под модальными словами академик В. В. Виноградов понимает такие слова, которые «определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [2]. Использование МС как маркеров мо-

дальности достоверности указывает на желание коммуниканта убедить собеседника в истинности своего высказывания. Вслед за Н. И. Кондаковым [3] под убеждением мы понимаем «твёрдую веру в истинность своих взглядов, непоколебимую уверенность в чём-либо, основанную на ясном сознании и глубоком понимании закономерностей объективной действительности и той роли, которую человек играет в коллективе и в общественном производстве».

Термином «социальный статус человека» будет обозначаться «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [4]. Существуют следующие вариации социальных статусов коммуникантов: 1) симметричная, где статус агенса (А) соответствует (=) статусу реципиента (Р), и 2) асимметричная, где а) статус А выше статуса Р и б) статус А ниже статуса Р. Вслед за Д. Ф. Коморовой [5] целесообразно подразделить социальную дистанцию на нулевую, нейтральную и близкую с точки зрения близости участников общения. Очевидно, что при нулевых отношениях коммуниканты не знакомы друг с другом и общение происходит впервые. Нейтральные отношения могут характеризовать людей, мало знакомых друг с другом, а также официальную или приближенную к ней обстановку. Близкие отношения отличают коммуникантов, обладающих близкими родственными (члены семьи) или душевно-психологическими (друзья) связями.

В рамках данной статьи будет рассмотрено несколько коммуникативных ситуаций. К первой группе относятся ситуации, где социальные статусы симметричны. При этом:

а) А = Р, отношения нулевые: *Perhaps* he was a kind of yeti [6]. После первоначального беглого знакомства женщина не решается делать категоричных утверждений о сущности молодого человека. МС ПД *perhaps* указывает на высокую степень сомнения в собственных выводах;

б) А = Р, отношения нейтральные: Look, I read your outline. It's *certainly* ... original, but it won't work [7]. Данная реплика характеризует чисто деловые отношения, в некотором роде партнёрские. Говорящий не прибегает ко лжи, поскольку это может лишь навредить работе. Главное в процессе совместной деятельности – своевременно предоставлять достоверную информацию, в которой автор абсолютно уверен, что в вышеизложенном примере маркируется МС КД *certainly*.

Или другой пример, где, общаясь с молодым человеком второй раз в жизни и понимая, что они вряд ли встретятся когда-либо ещё, девушка без сомнений предоставляет ему достоверную информацию о своей личной жизни: *Actually*, I wouldn't know <...>. I've never dated anybody [8];

в) А = Р, отношения близкие. При общении с близкими людьми (друзьями или родственниками) коммуниканты склонны предоставлять объективные сведения, то есть если говорящий не уверен в достоверности информации, он предпочтёт выразить её при помощи МС ПД (1), в случае же отсутствия сомнений более вероятно использование МС КД (2). Например: (1) Who knows, *maybe* that old woman give you a good word [9] – разговор между мужем и женой; *Of course* we have to pay the bus fare to get Yule May back up here on the weekends [10] – разговор между близкими друзьями.

Тем не менее в процессе коммуникации часто возникают ситуации, требующие намеренного изменения иллокутивной силы высказывания для оказания требуемого перлокутивного эффекта. Проиллюстрируем несколькими примерами: *Maybe* Miss Walter didn't tell her lies Miss Hilly started. You never know [11]. В разговоре с лучшей подругой Эйбилин заведомо снижает степень уверенности в достоверности предоставляемых сведений, используя МС ПД *maybe*, чтобы подбодрить женщину, хотя в данном случае требовалось МС КД, учитывая то, что она владела достоверной информацией. *Of course* she doesn't appreciate a thing I do [12]. Стремясь демонстративно отстраниться от своей вины в том, что отправила мать в дом для престарелых, Хилли нарочито уверенно говорит о том, что женщина никогда не ценила всего того, что дочь делала для неё. Желая оправдаться, она выдаёт за абсолютно достоверную весьма спорную информацию. *It's time you learned*, Eugenia, how things *really* are [13]. Агнс выражает абсолютную уверенность в том, что факты, которые она собирается предоставить, являются достоверными и единственно возможными. Однако это мнение основано на исторически сложившейся в США убеждённости, что существуют две расы, высшая («белые» люди) и низшая (темнокожие). При этом вторая призвана служить и подчиняться первой. Вместе с тем для реципиента, не придерживающегося идей расовой сегрегации и считающего, что все люди равны, последовавшее за этим высказывание не предоставляет информативной ценности и, очевидно, не может трактоваться как достоверное.

Ко второй группе причисляются коммуникативные ситуации, где социальный статус асимметричен, а именно А > Р, с дальнейшим подразделением на

а) А > Р, отношения нулевые: I just don't *really* know anybody. I don't ... get out too much [14]. Селия Фут незнакома с Эйбилин, служанкой в доме Лифолтов, поэтому считает возможным сказать ей правду и, возможно, вызвать сочувствие своими переживаниями. «Well <...> that's *certainly* an honorable subject». В приведённом примере жена сенатора прямо доводит свою уверенность до сведения реципиента, общение с которым происходит впервые;

б) $A > P$, отношения нейтральные: *Maybe you ought to go, Minny, since you know what to buy and all* [15]. Здесь стоит отметить, что Селия – девушка, у которой до этого никогда не было прислуги, она не знает, какие существуют правила и порядки обращения с ней. Вследствие этого она разговаривает с Минни практически как с равной себе по положению, не боясь показать прислуге свою слабость, беспомощность и неуверенность. Другой пример, где Хилли просит знакомую Дину приготовить к завтрашнему дню 500 пирожных. Свою просьбу она облекает в следующую форму: *The bake sale committee really needs somebody like you* [16]. МС КД *really* указывает не на то, что Комитету требуется именно Дина; Хилли использует своё положение и авторитет, чтобы заставить девушку поверить в то, что в ней действительно нуждаются;

в) $A > P$, отношения близкие: *Aibileen, do you really think they'd... hurt us? I mean, like what's in the papers?* [17]. Во всех анализируемых примерах с социальным неравенством интерактантов, но близкими отношениями между ними, можно отметить стремление к передаче достоверных сведений и истинных мыслей, что в приведённом выше примере выражается МС КД *really*. Для коммуникантов нет необходимости заведомо предоставлять недостоверную информацию из-за разницы в положении на социальной лестнице благодаря их дружеским отношениям, отсутствию официальности или подхалимства.

И наконец, в третьей группе будет раскрыто функционирование МС, эксплицирующих семантику достоверности, в коммуникативных ситуациях, где социальный статус также асимметричен ($A < P$), в совокупности с

а) нулевыми отношениями. В подобной ситуации говорящий склонен выражать свою уверенность в достоверности информации сдержанно, зачастую используя МС ПД для снижения категоричности. Вместе с тем случаются отклонения от типичных ситуаций. Приведём два примера: «*We ain't hiring*». But what they *really* mean is: «*We ain't hiring Minny*» [18]. В данном высказывании темнокожая служанка размышляет об истинных причинах, которыми руководствовались «белые» люди при отказе принять на работу её подругу. Обзвонив с десятков семей, Эйбилин понимает, что негативная рекомендация с предыдущего места работы является решающей. Однако позволить себе столь категоричные рассуждения она может лишь наедине с собой. *Surely you must feel some obligation, for the sake of history* [19]. Женщина слишком взволнована встречей с семьёй сенатора штата, чтобы давать себе отчёт в том, что она говорит. Вследствие этого высказывание, которое по правилам субординации необходимо было замаскировать под добродушное предположение, звучит как категорическая убеждённость в своей правоте;

б) нейтральными отношениями: *Maybe we ought to just build you a bathroom outside, Hilly* [20]. В рассматриваемом примере положение девушек в обществе примерно одинаковое, обе принадлежат к расе «белых» людей, к привилегированному классу, являются приглашёнными гостями на многих званых ужинах. Тем не менее реципиент является непосредственным начальником агентства, поэтому последний вынужден своё убеждение завуалировать МС ПД *maybe*. Другой пример, где темнокожая служанка доводит до хозяйки своё мнение, основанное на абсолютной уверенности в его истинности, завуалированное под совет за счёт отношений субординации и эксплицированное МГ ПД *maybe*: *Maybe you ought to go make some friends* [21];

в) близкими отношениями: «*I – I said you got him now, Miss Celia,*» I say. But *evidently*, Miss Celia doesn't think so [22]. Несмотря на то что второе высказывание относится уже к внутреннему монологу темнокожей служанки, оно служит импликацией уверенности, основанной на данных, полученных посредством органов чувств, в достоверности информации, предоставляемой в первом высказывании. Вставка МС КД *evidently* в рамки первого предложения абсолютно не изменяет его иллокутивную силу: *I – I said evidently you got him now, Miss Celia*. МС *evidently* эксплицирует логический вывод коммуниканта, обрётённый в ходе наблюдения за каким-либо событием или вытекающий из оперирования достоверными, очевидными фактами. Следовательно, уверенность говорящего приближается к абсолютной.

Из вышеизложенного анализа можно сделать вывод, что коммуниканты осуществляют передачу достоверной информации в случае, если $A = P$, отношения нейтральные; $A > P$, отношения нулевые. В коммуникативных ситуациях, где отношения между коммуникантами близкие (независимо от их социального статуса), наблюдается стремление к истине. Вместе с тем отмечены случаи, когда достоверность информации может искажаться: из-за личных мотивов (использование авторитета для манипуляции); стремления оградить близкого человека от правды из-за возможных эмоционально-психических реакций реципиента; вследствие различного рода предубеждений (расовых, национальных, гендерных и т. д.); отношений субординации, когда правда может навредить говорящему, из-за чего зачастую возникает необходимость завуалировать её под сомнение или совет. Также следует упомянуть, что при ярко выраженных отношениях субординации в совокупности с тесными, дружескими отношениями говорящий, занимающий нижнюю

ступень в социальной иерархии, не будет испытывать страха или неуверенности при предоставлении достоверной информации, зачастую в весьма категоричной форме.

Примечания

1. Аристов С. А., Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // Лингвистический вестник: сб. науч. тр. Ижевск: Изд-во учеб.-метод. объединения Santa Linqua, 1999. Вып. I. С. 5–10.
2. Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. С. 568.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1975. С. 622.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 5.
5. Коморова Д. Ф. Прагматические особенности пожелания в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2005. С. 13.
6. Lessing D. Ben in the World. N. Y.: HarperCollins Publishers, 2000. [Электрон. книга (PDF)].
- 7–22. Stockett K. The Help. L.: Penguin Books, 2010.

Notes

1. Aristov S. A., Susov I. P. Kommunikativno-kognitivnaya lingvistika i razgovornyj diskurs [Communicative-cognitive linguistics and spoken discourse] // Lingvisticheskij vestnik – Linguistic bulletin: Digest of scientific papers. Izhevsk: Santa Linqua, 1999. No. 1. Pp. 5–10.
2. Vinogradov V. V. Russkij yazyk [The Russian language]. 3rd ed., corr. M.: High School, 1986. P. 568.
3. Kondakov N. I. Logicheskij slovar'-spravochnik [Logical dictionary]. 2nd ed., corr. and amend. M.: Science, 1975. P. 622.
4. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa [The language of social status]. M.: Gnozis, 2002. P. 5.
5. Komorova D. F. Pragmalingvisticheskie osobennosti pozhelaniya v nemetskom i russkom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Pragmalinguistic features of a wish in the German and Russian languages: autoref. dis. ... cand. PhD]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 2005. P. 13.
6. Lessing D. Ben in the World. New York: HarperCollins Publishers, 2000. [Electronic book (PDF)].
- 7–22. Stockett K. The Help. London: Penguin Books, 2010. [Electronic book (PDF)].

УДК 81'1

Ю. Б. Шугайло

Коммуникативно-прагматические особенности формы настоящего времени Present Continuous в английском языке

В статье рассматриваются прагматические особенности формы настоящего длительного времени в английском языке, главной отличительной чертой которого является процессность протекания действия. Время Present Continuous является *настоящим актуальным*, которое описывает процесс совершения действия непосредственно на глазах говорящего, то есть одновременно с моментом речи. Выделяются три основных типа настоящего длительного времени в английском языке: настоящее момента речи, настоящее отрезка времени и настоящее актуальное постоянное. Каждый тип обладает определёнными семантическими характеристиками (процессности, расширения временных границ момента речи), которые проявляются при различных условиях актуализации настоящего времени, что способствует обогащению его прагматического потенциала. С помощью коммуникативно-прагматической интенции говорящего и семантической направленности того или иного типа настоящего длительного времени определяются коммуникативно-целевые характеристики времени Present Continuous в английском языке.

In the article some pragmasemantic peculiarities of the form of the Present Continuous tense in the English language are considered. The main distinctive feature of the Present Continuous tense is passing of actions process. Present Continuous Tense is *actual present* which describes the process in doing the acts directly in front of the speaker, i.e. simultaneously with the moment of speech. Three main types of the Present Continuous in the English language are identified: the present of the moment of speech, the present of the time span and the actual permanent present. Each type has certain semantic characteristics (process, time limits extension of the moment of speech) which are capable to be shown in different conditions of updating of the present tense, and that helps to enrich its pragmasemantic potential. Communicative target time characteristics of the Present Continuous Tense in English are determined with the help of communicative and pragmatic intentions of the speaker and the semantic orientation of a particular type of the Present Continuous Tense.

Ключевые слова: семантика, прагматика, семантическое значение, прагматическое значение, грамматическое значение, настоящее время, настоящее длительное время.

Keywords: semantics, pragmasemantic, semantic meaning, pragmasemantic meaning, grammatical meaning, present tense, Present Continuous tense.

Проблема функционирования форм настоящего времени в любом языке – одна из самых дискуссионных проблем современной лингвистики. Поскольку настоящее время является наиболее широким временным планом (по сравнению с прошедшим и будущим временем), то интерес к нему связан с различными особенностями проявления его категориального значения в мировоззрении человека, в формировании его отношения к миру.

Существует графическое представление соотношения основных времён на временной оси, где настоящее располагается строго на её середине, олицетворяя действие, происходящее между уже завершившимся процессом и предстоящим событием. Конечно, такая интерпретация не отражает реального функционирования самого настоящего, потому что границы его достаточно размыты, «могут выходить из поля зрения и даже вообще исчезать» и, следовательно, это есть лишь узкое понимание значения настоящего [1].

Отличительной особенностью настоящего времени от прошедшего и будущего является некая дистанция между временем обозначаемой ситуации и моментом речи. В отличие от прошедшего и будущего времени настоящее не имеет тех ограничений, в качестве которых в прошедшем и будущем выступает момент речи, который и определяет конечную точку произошедшего и начальную точку грядущего. Поэтому, в более широком понимании, настоящее время представляет собой соединение смежных участков прошлого и будущего, длительность которых зависит от особенностей обозначаемой ситуации.

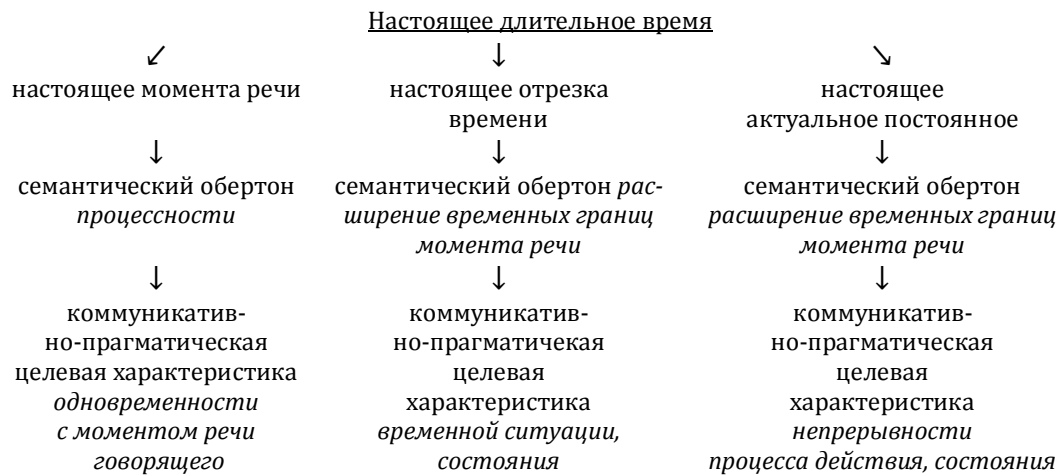
Настоящее – это такое время, где для говорящего сам факт действия так же важен, как и процесс. И, таким образом, оно представляет собой соединение прошедшего и будущего времени без какого-либо разрыва: «Настоящее время – это параллельная психологическим планам прошлого и будущего сфера течения обычного и наличного действия» [2]. Так, Дж. Лич называет настоящее время «неограниченным» и описывает основное его значение: «Неограниченное настоящее обозначает неопределённо длительное положение дел, которое продолжается в момент речи и является “неограниченным” в том смысле, что ни начальная, ни конечная её точка не даны» [3].

Традиционно принято выделять три основных направления при объяснении основного значения настоящего времени в любом языке: а) «концепция ‘беспризнаковости’ (выражается неопределённость настоящего в отношении ко времени – В. В. Виноградов); б) точка зрения, в соответствии с которой формы настоящего времени всегда выражают одновременность с моментом речи (Б. Комри приравнивает настоящее к абсолютному времени: “Our crucial claim is thus that the present tense refers only to a situation holding at the present moment” [4]); в) различие среди употреблений настоящего времени таких, которые соотносены с моментом речи, и таких, которые с ним не соотносены» [5]. Последняя концепция разбивает настоящее на актуальное и неактуальное. Актуальное настоящее обозначает действие, непосредственно протекающее в момент речи, неактуальное настоящее обозначает повторяющееся, обычное, типичное действие, не связанное с моментом речи, а также постоянные свойства и соотношения [6].

В английском языке настоящее время способно обозначать ситуации практически любой степени обобщённости. Категориальное значение форм настоящего времени в английском языке не исчерпывается лишь одновременностью с моментом речи. В настоящем предстают действия, которые реализуются не только во время речевого акта, но и до и после него или вообще постоянно. К ним относятся повторяющиеся, узуальные, обобщенно-потенциальные действия, которые выражаются категориальными формами настоящего неопределённого времени (Present Indefinite) и описываются семантикой *обобщённости*. Протекание действия в момент речи, одновременно с ним выражается категориальными формами длительного времени в английском языке (Present Continuous) и описывается семантикой *процессности*.

Настоящее время длительного вида в английском языке является актуальным настоящим, так как оно подразумевает, что осуществление процесса какого-либо действия совпадает с моментом речи говорящего. Так, Н. А. Луценко в рассмотрении настоящего считает этот факт самым важным и полагает, что главной функцией форм настоящего времени является выражение «наличия действия в поле зрения наблюдателя» [7]. Именно форма настоящего длительного времени в английском языке является основным средством обозначения происходящего на глазах говорящего. Но настоящее длительное может обозначать не только такие действия, которые имеют место в момент речи, но и действия, например, протекающие в настоящий период времени, включающий момент речи: «Разновидности значения настоящего актуального различаются по длительности обозначаемого действия, причем в отрезок протекания действия обязательно входит момент речи» [8]. Это зависит от семантической направленности того или иного типа на-

стоящего длительного времени и от коммуникативно-прагматической интенции говорящего. Поэтому для более чёткой интерпретации прагмасемантических особенностей формы настоящего длительного времени в английском языке предлагаем следующую схему:

Употребление форм длительного вида в английских высказываниях прагматически ориентировано, нацелено на реализацию определенной интенции говорящего в коммуникативно-речевом акте. Поэтому считаем важным акцентировать внимание на коммуникативно-прагматических целевых характеристиках формы настоящего длительного времени (*Present Continuous*), которые обусловлены коммуникативной задачей и прагматической установкой высказывания или речевого акта. Отметим, что для настоящего длительного времени в английском языке характерна ситуация, «занимающая непрерывный временной интервал, включающий момент речи, независимо от её фактического распределения во времени» [9]. В связи с этим различают следующие варианты употребления настоящего длительного времени в английском языке: *настоящее момента речи*, *настоящее отрезка времени*, *настоящее актуальное постоянное* [10]. Перечисленные варианты употребления настоящего определяются такими семантическими обертонами, как *процессность* и *расширение временных границ момента речи*.

Семантика *процессности* находит свою материализацию в конкретном действии, которое совершает или за которым наблюдает говорящий в свой момент речи. Высказывания, описываемые семантическим обертоном *процессности*, являются примерами такого типа *Present Continuous*, как *настоящее момента речи*, и не нуждаются в каких-либо конкретизаторах (контексте или словах-уточнителях) для определения временных параметров действия. Считаем, что категориальная форма длительного вида в английском языке является уточняющим фактором процесса протекания действия в момент речи настоящего времени и указывает на коммуникативно-прагматическую целевую характеристику *одновременности с моментом говорящего*. Рассмотрим следующий пример: ...He saw the line slanting slowly upward. “He’s coming up”, he said. “Come on hand. Please come on” [11]. Говорящий интенционально выбирает форму настоящего длительного времени (не прибегая ни к каким средствам усиления и конкретизации) для увеличения эмоциональности своего высказывания, для того чтобы адресат придал особую значимость процессу действия *is coming up*, совершающемуся в данный момент. Действие, выраженное формой *Present Continuous*, представляется говорящим как медленно приближающееся к своему завершению, которого и боится герой. Если брать пример не из литературы, а из повседневной жизни, то употребление формы длительного вида является основным средством привлечения внимания субъекта к происходящему, то есть на подобное высказывание – *He’s coming up* – субъект должен отреагировать в ту же секунду, отыскивая глазами совершающееся действие.

Предложения, выражающие моментальное эмоциональное отношение к действительности, к поведению других людей, в соответствии с собственной системой морально-этнических взглядов в форме настоящего длительного времени с семантикой *процессности*, также не нуждаются в конкретизаторах для определения временных параметров действия: She grew even a little paler. “I don’t understand what you’re talking about”... “It’s monstrous to ask me”... “What on earth are you talking about?” she faltered [12]. Интенция говорящего, выраженная глаголом *to talk* в форме *Present Continuous*, – продемонстрировать свои эмоции, возникающие *одновременно* с моментом речи собеседника, как негативная реакция на его просьбу. Коммуникативно-прагматическая цель подобных высказываний – выражение *одновременности* совершения действия *с моментом речи говорящего*, описываемая семантикой *процессности*. Так, в подобном примере процесс передачи эмоцио-

нально-оценочного высказывания героини происходит одновременно с речью оппонента: "Are you a Catholic?" His malicious eyes twinkled and his funny little face was puckered with laughter. "Why are you grinning at me?" asked Kitty [13]. Форма длительного вида, выраженная глаголом *to grin* в настоящем времени, усиливает выражение эмоционального отклика: героиня подчёркивает степень её нарастающего возмущения в ответ на действия собеседника в данный момент речи.

Форма настоящего длительного времени в английском языке пользуется преимуществом в прессе (газетах, журналах) для придания живости, действенности, важности какой-либо информации на данный момент речи. В подобном случае фигурирует такой тип Present Continuous, как *настоящее отрезка времени* с семантикой *расширения временных границ момента речи*, поскольку описываемые действия совершаются не только в данную секунду, а занимают какой-то определённый период времени, обязательно включающий момент речи. Коммуникативно-прагматическая интенция подобных высказываний – донести до читателя *временность* описываемой *ситуации или состояния*, разворачивающейся в течение определённого промежутка времени, включающей момент речи. Рассмотрим следующий пример: Drugs kill some 30,000 Russians a year... Russian's anti-drugs tsar *is stepping up* his fight at home and abroad [14]. Действие героя новостей, выраженное фразовым глаголом *to step up* в форме настоящего времени длительного вида, рассматривается как основная его задача на данный период жизни. Ярко выраженная интенция автора – передать читателю мысль о временной деятельности героя (борьбе с наркотиками) – связанной с назревшей и широко распространившейся проблемой, актуальна как в настоящий период времени, так и в момент, когда читающий держит газету в руках. Поэтому семантическая сторона момента речи в подобных предложениях расширяется до определённого отрезка времени, имеющего особое коммуникативно-прагматическое значение *временности* длящегося события. Так, например, в газете «The Moscow News» в 2006 г. вышел заголовок: According to statistics, there are 91 cellphones for every 100 Russians. For this reason, our cellular operators *are actively tapping into* the vast expenses of the CIS and beyond [15]. С появлением и быстрым развитием сотовых телефонов в жизни современных людей операторы демонстрируют активную повсеместную деятельность, выраженную глаголом *to tape (into)* в форме настоящего длительного времени. Их активность является временным состоянием в сложившейся обстановке, включающим и данный момент речи. В настоящий период времени процесс осуществления действия *to tape (into)* является вполне актуальным. Однако продолжительность деятельности сотовых операторов может закончиться в любой момент, если спрос на мобильную связь упадёт.

Форму настоящего длительного времени с коммуникативно-прагматической целевой характеристикой *временной ситуации, состояния* также можно наблюдать в рекламных объявлениях, в которых подчёркивается важность и актуальности информации на данный период времени и момент речи: THE EXPAT FOOTBALL LEAGUE *is looking for* new players and team managers for our over 28s league [16]. Используя глагол-сказуемое в форме настоящего времени длительного вида, работодатель акцентирует внимание на том, что в тот самый момент, когда читатель держит в руках страницу объявлений газеты, организацией THE EXPAT FOOTBALL LEAGUE всё ещё совершается процесс поиска сотрудников на указанные вакансии, выраженный фразовым глаголом *to look for*. Временные параметры процесса *to look for* не ограничиваются одновременностью с моментом речи читающего, а расширяются по своей семантике до определённого промежутка времени: с того момента как начали искать и пока не найдут нового сотрудника, включающий момент речи. В течение этого намеченного промежутка времени осуществляется длительное действие, выраженное глаголом *to look for* в форме настоящего длительного времени.

В рамках такого семантического обертона, как *расширение временных границ момента речи*, также передаётся действие или состояние *непрерывного процесса*, куда обязательно включается момент речи. Подобная семантика типична для такого типа Present Continuous, как *настоящее актуальное постоянное*, которому присуща коммуникативно-прагматическая целевая характеристика *непрерывности процесса действия состояния*. Эта характеристика свойственна высказываниям типа *The Earth is rotating around the Sun* или *Some animals are dying all over the world*, где подчёркивается постоянство, непрерывность протекания действия как в момент речи, так до и после него. Так, в примере из рассказа Агаты Кристи «Why Didn't They Ask Evans?» не случайно употребляется именно форма настоящего длительного времени: "Everything seems to have ended very fortunately," said Bobby. "*Badger's doing well* at the garage, thanks to your father. And also thanks to your father, I've got this perfectly marvelous job" [17]. Интенция говорящего – выразить свои наблюдения за нынешним состоянием человека по имени *Badger* с помощью глагола *to do (well)* в форме настоящего времени длительного вида. Использование Present Continuous в данном случае нацелено на то, чтобы воздействовать на слушателя, убеждая его в том, что герой (*Badger*) преуспевает в своём деле, благодаря определённому лицу (thanks to your father) не толь-

ко в данный момент речи, а на протяжении всей жизни. Так, состояние постепенно прогрессирующего в своей деятельности человека на настоящий момент времени передаётся как непрерывный, постоянно развивающийся *процесс его действий*.

Коммуникативно-прагматическая интенция выражения *непрерывности процесса действия, состояния* (типичная для настоящего актуального постоянного) хорошо прослеживается в предложениях, представляющих собой риторический вопрос, цель которого – передать слушающему мысль о нескончаемости ежеминутности протекания повествуемого события. Рассмотрим следующий пример: “I’ll hunt them, Pop.” “*What is killing a kudu, anyway?*” Kandisky asked. “You should not take it so seriously. It is nothing...” [18]. Риторическим вопросом говорящий пытается заставить собеседника задуматься над глубиной и важностью произнесённого высказывания. Действие, выраженное глаголом *to kill* в форме настоящего длительного времени, передаётся как *непрерывный процесс*, совершающийся каждую секунду, безостановочно не только в момент их беседы, а вообще постоянно. Благодаря форме Present Continuous в подобном вопросе слушающий должен осознать, что описываемое действие неизменно и происходит оно независимо от того, обращает человек на него своё внимание в данный момент речи или нет.

Таким образом, вышеперечисленные прагматические особенности рассматриваемого настоящего длительного времени в английском языке являются характеристиками *настоящего актуального*, которое тяготеет к описанию процесса какого-либо действия, протекающего на глазах говорящего и совпадающего с его моментом речи. Рассмотрены типы настоящего времени Present Continuous. К ним относятся: *настоящее момента речи, настоящее отрезка времени и настоящее актуальное постоянное*. *Настоящему моменту речи* присуща семантика *процессности*, что способствует выявлению такой коммуникативно-прагматической целевой характеристики, как *одновременность с моментом речи говорящего*. *Настоящее отрезка времени и настоящее актуальное постоянное* описываются семантическим оборотом *расширение временных границ момента речи* и обладают такими коммуникативно-прагматическими целевыми характеристиками, как выражение *временной ситуации, состояния и непрерывности процесса действия, состояния*.

Примечания

1. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. С. 340.
2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. С. 540.
3. Leech G. N. Towards a semantic description of English. Bloomington; London: Indiana University Press, 1970. С. 138.
4. Comrie B. Tense. Cambridge; L.: Cambridge University Press, 1985. С. 38.
5. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славян. культур, 2007. С. 392–393.
6. Там же. С. 392–393.
7. Луценко Н. А. Глагол-предлог-падеж // ФН. 1985. № 6. С. 67.
8. Соболева Е. Г. Морфология (глагол, наречие, слова категории состояния, служебные части речи). Методические указания для студентов-заочников курса факультета журналистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 13.
9. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 393.
10. Соболева Е. Г. Морфология (глагол, наречие, слова категории состояния, служебные части речи). Методические указания для студентов-заочников II курса факультета журналистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 13.
11. Hemingway E. The Old Man and the Sea. Green Hills of Africa. СПб.: КАРО, 2006. С. 44.
12. Maugham W. S. The Painted Veil. М.: Менеджер, 2002. С. 66–67.
13. Там же. С. 120.
14. The Moscow News. 2010. 6–8 July. P. 1.
15. The Moscow News. 2006. 26 May – 1 June. P. 8.
16. The Moscow Times 2013. 12 February. P. 15.
17. Christie A. Why Didn’t They Ask Evans? М.: Менеджер, 2004. С. 283.
18. Hemingway E. The Old Man and the Sea. Green Hills of Africa. СПб.: КАРО, 2006. С. 104.

Notes

1. Smirnitsky A. I. Morfologiya anglijskogo yazyka [Morphology of English]. M. Publ. of lit. on the foreign lang. 1959. P. 340.
2. Vinogradov V. V. Russkij yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language: Grammatical teaching of the word]. M.; L. Uchpedgi. 1947. P. 540.
3. Leech G. N. Towards a semantic description of English. Bloomington; London: Indiana University Press, 1970. P. 138.
4. Comrie, B. Tense. Cambridge; L.: Cambridge University Press, 1985. P. 38.

5. Knyazev Yu. P. Grammaticheskaya semantika. Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. M. Languages of the Slavs. cultures, 2007. Pp. 392–393.
6. Ibid. Pp. 392–393.
7. Lutsenko N. A. Glagol-predlog-padezh [Verb-preposition-case] // FN. 1985, No. 6, p. 67.
8. Soboleva E. G. Morfologiya (glagol, narechie, slova kategorii sostoyaniya, sluzhebnye chasti rechi). Metodicheskie ukazaniya dlya studentov-zaochnikov kursa fakul'teta zhurnalistiki [Morphology (verb, adverb, words of the category of state, the official part of speech). Methodical instructions for students of correspondence course of faculty of journalism]. Ekaterinburg. Publishing house of Ural University. 2004. P.13.
9. Knyazev Yu. P. Grammaticheskaya semantika. Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. M. Languages of Slavic cultures. 2007. P. 393.
10. Soboleva E. G. Morfologiya (glagol, narechie, slova kategorii sostoyaniya, sluzhebnye chasti rechi). Metodicheskie ukazaniya dlya studentov-zaochnikov II kursa fakul'teta zhurnalistiki [Morphology (verb, adverb, words of the category of state, the official part of speech). Guidelines for part-time students of II course of faculty of journalism]. Ekaterinburg. Publishing house Ural University. 2004. P.13.
11. Hemingway E. The Old Man and the Sea. Green Hills of Africa. SPb. CARO. 2006. P. 44.
12. W. S. Maugham The Painted Veil. M. Manager. 2002. Pp. 66–67.
13. Ibid. P. 120.
14. The Moscow News. 2010. 6–8 July. P. 1.
15. The Moscow News. 2006. 26 May – 1P. 15.
17. A. Christie Why Didn t They Ask Evans? M. Manager, 2004. P. 283.
18. Hemingway E. The Old Man and the Sea. Green Hills of Africa. SPb. CARO. 2006. P. 104.

УДК 81'373.45

Л. Н. Мирошниченко

Когнитивные основы процесса заимствования терминов

В статье характеризуются когнитивные основы взаимодействия концептуальных пространств, участвующих в процессе иноязычного заимствования в спортивную терминологию немецкого языка. Заимствованные термины рассматриваются как языковые формы репрезентации профессионального знания, появляющиеся и развивающиеся в процессе познания. На основе концептуального анализа исходного и заимствованного концептов выявляются особенности трансформации концептуальных структур из языка-донора в язык-реципиент в процессе заимствования спортивных терминов. Особое внимание уделяется изменениям в смысловом объеме, который ассоциируется с вербализатором в исходном и заимствующем языке. Отмечается, что смысловое содержание трансформируется в процессе заимствования по принципу частичной или полной аналогии, и этот процесс сопровождается сужением или сохранением концептуального объема, ассоциированного с заимствованным вербализатором. Дается описание смысловых преобразований, связанных с адаптацией спортивного термина в концептуальном пространстве языка-реципиента.

The given article presents the characteristics of the cognitive bases of the conceptual space interaction which participate in the course of foreign borrowing in sports terminology of the German language. The borrowed terms are studied as the language forms of professional knowledge representation that appear and develop in learning. Being based on the conceptual analysis of the initial and the borrowed concepts, the features of conceptual structures transformation from the donor language into the recipient one when borrowing the sports terms, come to light. The special attention is paid to the changes in semantic content which is associated with a verbalizer in the initial and borrowing language. It is noted that in the process of borrowing the semantic contents is transformed by a partial or perfect analogy. This process is followed by the narrowing or the preservation of the conceptual content, which is associated with the borrowed verbalizer. It is given the description of the semantic transformations that are connected with the sports term adaptation in the conceptual space of the language-recipient.

Ключевые слова: заимствование, термин, спортивная терминология, когнитивное терминоведение.

Keywords: borrowing, term, sports terminology, cognitive terminology.

Теоретическое осмысление процесса заимствования в лингвистике осуществляется уже на протяжении нескольких веков. Новые лингвистические подходы позволяют расширить и углубить традиционные научные взгляды, касающиеся такого сложного и многоаспектного языкового явления, как заимствование.

В основе традиционного лингвистического подхода находится понимание заимствования как «элемента чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенного из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [1]. С точки зрения когнитивного подхода язык рассматривается как система репрезентации и обработки знаний, что позволяет охарактеризовать процесс заимствования как «взаимодействие двух концептуальных пространств, результатом которого становится заимствованный концепт или концептуальная структура», а «за каждым иноязычным наименованием стоит структура знания и опыта, полученного в рамках определенной сферы профессиональной деятельности, актуальной для принимающей культуры» [2].

Таким образом, заимствованные номинанты могут быть определены как языковые формы представления знаний, как результат основных познавательных процессов, концептуализации и категоризации, осуществляемых с помощью языка. В связи с этим актуальным является вопрос об особенностях трансформации смыслового содержания концептов в процессе заимствования, репрезентируемых иноязычными вербализаторами. В данной статье мы охарактеризуем отличительные черты когнитивных трансформаций, наблюдаемых в процессе иноязычного заимствования. Предметом нашего исследования является немецкая спортивная терминология, заимствованная из английского языка.

Следует отметить, что в рамках традиционных подходов особенностям заимствования в терминологии уделялось небольшое внимание, поскольку считалось, что процесс заимствования терминологических единиц не имеет значительных отличий от заимствования общеупотребительных единиц [3]. Однако когнитивно-дискурсивный подход позволил выделить ряд особенностей в процессе заимствования терминов. Прежде всего, сам термин стал рассматриваться не как «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [4], а как «вербализованный специальный концепт, появляющийся и совершенствующийся в процессе познания» [5]. Понятие является результатом рационального отражения и осмысления наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, а концепт, напротив, отражает один или несколько признаков объекта, в том числе и несущественных. Наиболее точную, по нашему мнению, характеристику отношений между понятием и концептом дает Е. И. Голованова, определяя их как «челночные отношения»: «специальное понятие конструируется на основе (или с привлечением) концепта как элемента общего, “разделенного” знания, в процессе развития науки и ее взаимодействия с общекультурным знанием содержание понятия частично включается в содержание концепта, что, в свою очередь, влияет на дальнейшее развитие понятия» [6]. Таким образом, рассмотрение термина в качестве вербализатора специального концепта позволяет характеризовать его как совокупность существенных и несущественных концептуальных признаков, которые формируются не только в научном, но и в обыденном познании.

Как отмечалось выше, в процессе заимствования происходит когнитивное взаимодействие автохтонной и «чужой» концептуальных систем, результатом которого становится заимствованный концепт или концептуальная структура, вербализованные иноязычными средствами. За межъязыковым заимствованием в профессиональной среде стоит профессиональный концепт, который появляется и эволюционирует в течение целенаправленной профессиональной деятельности как в языке-доноре, так и в языке-реципиенте. Неоспоримым является тот факт, что заимствование представляет собой «живой» процесс, стимулирующий метаязыковую рефлексию носителей языка-реципиента [7]. Отсюда можно сделать предположение о том, что активный характер принимающего языка не сможет обеспечить равнозначности смыслов, имеющих в языке-доноре. Кроме того, «чужой» концепт после трансформации сможет подвергнуться смысловому преобразованию, способствующему процессу адаптации в концептуальном пространстве принимающего языка.

На примере сравнительного анализа концептуального содержания заимствованного термина «Backspin» в языке-источнике (английский) и языке-реципиенте (немецкий язык) покажем, какие изменения в смысловом объеме происходят в результате процесса заимствования и какие смысловые преобразования затрагивают иноязычный вербализатор в заимствующем языке.

Лексема «Backspin» является прямым заимствованием из английского языка, употребляется в немецком языке в терминологии гольфа, тенниса. Спортивный термин «Backspin» появился в английском языке в начале XX в. (1909 г.) и означал «a backward rotary motion of a ball» («*обратное вращательное движение мяча*») [8]. Современные английские толковые словари дают следующую дефиницию данного слова:

- n. A spin that tends to retard, arrest, or reverse the linear motion of an object, especially of a ball (*вращение, стремящееся затормозить, приостановить или изменить линейное движение объекта, особенно шара*).

- noun a backward spin given to a moving ball, causing it to stop more quickly or rebound at a steeper angle on hitting a surface (*обратное вращение, переданное движущемуся мячу, заставляющее его остановиться более быстро или отскочить под более крутым углом при ударе с поверхностью*) [9].

В специализированных словарях спортивных терминов данная единица определяется следующим образом:

- (general) a backward motion imparted to a ball when struck, as in golf or snooker; (*общий обратное движение, переданное мячу в момент удара, как в гольфе или снукере*); (table tennis) a backward rotation given to the ball either by striking it with a downward movement or by a chop of the bat (*настольный теннис*) (*обратное вращение, заданное мячу либо нисходящим движением, либо ударом о ракетку*) [10].

Таким образом, содержательная структура концепта BACKSPIN в англоязычной концептосфере представляет собой совокупность следующих концептуальных характеристик: 'круговое движение объекта', 'обратный характер движения', 'круглая форма объекта', 'столкновение с препятствием', 'изменение линейного движения объекта', 'торможение движущегося объекта', 'спортивный инвентарь', 'инструмент воздействия на объект', 'нисходящее движение инструмента'.

Следует отметить, что в различных видах спорта происходит специализация значения: в гольфе или снукере рассматриваемый термин имеет значение «a backward motion» (*обратное движение*), в настольном теннисе – «a backward rotation» (*обратное вращение*). С точки зрения физики, вращение представляет собой круговое движение объекта вокруг центра (или точки) вращения в плоском пространстве или вокруг линии в трехмерном пространстве. Движение – это изменение положения тела в пространстве относительно других тел.

Обратимся к концептуальному содержанию заимствованного концепта, репрезентированного аналогичной лексемой, в языке-реципиенте. Этимологические данные о времени появления данной лексики в немецком языке отсутствуют. В немецких лексикографических источниках лексема «Backspin» имеет следующие дефиниции:

(bes. Golf, Tennis, Tischtennis) 1. Rückwärtsdrehung des Balles um seine horizontale Achse, die vermittelt wird, wenn der abwärts gehende Schläger den Ball trifft (*обратное вращение мяча вокруг своей горизонтальной оси, которое задается в момент удара вниз по мячу ракеткой*).

2. Schlag, bei dem der Ball die gleichnamige Drehung erhält (*удар, при котором мяч получает одноименное вращение*) [11].

В словаре портала wissen.de дается следующая дефиниция: «Back|spin <[bæk-] m. 9; Sport; Golf; Tennis> unterschmittener Ball, der mit starkem Rückwärtsdrall fliegt» (*«мяч, подрезанный снизу, который летит с сильным обратным вращением»*) [12].

В немецком языке концепт BACKSPIN имеет следующие концептуальные характеристики: 'движение объекта в обратном направлении', 'вращательный характер движения объекта', 'круглая форма объекта', 'воздействие на объект', 'спортивный инвентарь', 'нисходящее движение инструмента'.

Таким образом, заимствование спортивного термина «Backspin» осуществляется путем трансформации в заимствующий язык элементов концептуальной структуры концепта BACKSPIN с одновременной их вербализацией иноязычным словом. В языке-реципиенте репрезентированы не все концептуальные признаки, имеющиеся в языке-доноре, что свидетельствует о сужении концептуального объема в языке-реципиенте. В процессе ассимиляции в концептуальном пространстве немецкого языка происходит профилирование отдельных концептуальных признаков, содержащихся в смысловой структуре заимствованного концепта. В результате механизма концептуальной метонимии в языке-реципиенте происходит расширение терминологического значения заимствуемого термина на основе когнитивных моделей «действие → причина»: Rückwärtsdrehung (*обратное вращение*) → Schlag (*удар*); «действие → субъект действия»: Rückwärtsdrehung (*обратное вращение*) → Ball (*мяч*).

Следует отметить, что в немецком языке в процессе адаптации данный термин участвует в межсистемном заимствовании и в настоящее время используется для обозначения техники диджеев, впервые примененной в хип-хопе американским рэпером Грэндмастером Флэшем [13].

Сравнительный анализ ряда заимствованных из английского языка спортивных терминов позволил нам сделать вывод о том, что в процессе заимствования трансформация концептуальных структур из языка-донора в язык-реципиент осуществляется по принципу частичной или полной аналогии, сопровождающейся сужением или сохранением концептуального объема смыслового содержания, ассоциированного с заимствованным вербализатором. Возможно расширение концептуального объема заимствованного концепта, основанного на когнитивных механизмах концептуальной деривации, однако этот процесс нужно рассматривать как адаптацию иноязычного термина в языке-реципиенте.

Примечания

1. БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 158.
2. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 108.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2008. С. 150.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 32, 99.
5. Там же.
6. Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 14.
7. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 107.
8. The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://www.thefreedictionary.com/backspin>.
9. Там же.
10. Room A. Dictionary of Sports and Games Terminology. McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, North Carolina, and London. 2010. P. 12.
11. Wehlen R. Wortschatz und Regeln des Sports. Ballspiele. Bibliographisches Institut. Mannheim, 1972. S. 200.
12. Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. URL: <http://www.wissen.de/rechtschreibung/backspin>.
13. Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. URL: <http://de.wikipedia.org/w/index.php?search=Backspin&title=Spezial%3ASuche&go=Artikel>.

Notes

1. Jazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, 1998. S. 158.
2. Golovanova E. I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie: uchebnoe posobie. M.: Flinta, Nauka, 2011. S.108.
3. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. S. 150.
4. Lejchik V. M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. Izd. 5-e, ispr. i dop. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. S. 32.
5. Ibid. S. 99.
6. Golovanova E. I. Kognitivnoe terminovedenie: problematika, instrumentarij, napravlenija i perspektivy razvitija // Vestnik Cheljabinskogo gos. univer-ta. 2013. № 24 (315). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 82. S. 14.
7. Golovanova E. I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie: uchebnoe posobie. M.: Flinta, Nauka, 2011. S.107.
8. The Free Dictionary by Farlex. Available at: <http://www.thefreedictionary.com/backspin>.
9. Ibid.
10. Room A. Dictionary of Sports and Games Terminology. McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, North Carolina, and London. 2010. P.12.
11. Wehlen R. Wortschatz und Regeln des Sports. Ballspiele. Bibliographisches Institut. Mannheim, 1972. S. 200.
12. The online encyclopedia "Wikipedia". Available at: <http://www.wissen.de/rechtschreibung/backspin>.
13. The online encyclopedia "Wikipedia". Available at: <http://de.wikipedia.org/w/index.php?search=Backspin&title=Spezial%3ASuche&go=Artikel>.

О некоторых вопросах применения административного законодательства в целях профилактики дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации

Безопасность дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации. Аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Дорожно-транспортный травматизм приводит к исключению из сферы производства людей трудоспособного возраста. Гибнут или становятся инвалидами дети.

Принимаемые уполномоченными государственными органами профилактические и правоприменительные меры по повышению безопасности дорожного движения недостаточны, поскольку темпы снижения показателей аварийности не соответствуют задачам федеральных целевых программ.

В статье дается анализ некоторых проблем применения норм административного законодательства по привлечению к ответственности лиц, виновных в нарушениях Правил дорожного движения, и предлагаются меры по повышению эффективности правоприменительной практики Госавтоинспекции МВД России.

Road safety is an important socio-economic and demographic problems of the Russian Federation. The accident rate in road transport causes huge material and moral damage to both society at large and individual citizens. Road traffic injuries lead to exclusion from the sphere of production of people of working age. Are killed or crippled children.

Taken by the authorized state bodies of prevention and enforcement measures to improve road safety is not sufficient because the rate of decline in the accident rate does not correspond to the tasks of the Federal target programs.

The article gives the analysis of some problems of application of norms of administrative law by bringing to justice the perpetrators of violations of traffic Rules and proposes measures to improve the efficiency of the law enforcement practice of the state traffic Inspectorate of the MIA of Russia.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, правила дорожного движения, административное законодательство, контроль за дорожным движением, средства видеофиксации.

Keywords: road safety, traffic rules, administrative law, traffic control, equipment for video recording.

Одной из наиболее актуальных проблем, связанных с охраной жизни и здоровья граждан Российской Федерации со стороны государства, остается безопасность дорожного движения. Обеспечение безопасности дорожного движения является составной частью задач обеспечения личной безопасности, решения демографических, социальных и экономических проблем, повышения качества жизни и содействия региональному развитию.

Несмотря на предпринимаемые меры, такие, например, как реализация федеральных целевых программ (ФЦП) «Повышение безопасности дорожного движения» на период с 2006 по 2012 г. и на период с 2013 по 2020 г. [1], государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 гг. и некоторое снижение абсолютных показателей аварийности, коренного изменения ситуации в данной сфере не происходит.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [2] в период с января по декабрь 2014 г. в Российской Федерации зарегистрировано 199 720 дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в которых пострадали люди, что всего лишь на 2% меньше, чем за аналогичный период 2013 г. (аппг). В этих происшествиях погибли 26 963 человека, что почти на уровне 2013 г., ранено 251 785 человек (– 2,6% к аппг). При этом количество погибших в ДТП детей увеличилось на 0,7% и составило 21 599! Тяжесть последствий ДТП – относительный показатель,

характеризующий долю погибших на 100 пострадавших, – составила 9,7. При этом относительные показатели аварийности (количество ДТП и пострадавших в них людей на 10 тысяч населения и на 100 тысяч транспортных средств) значительно выше, чем в странах Европейского союза.

Сложно объективно оценить материальный ущерб от гибели и травмирования людей, но по принятым Минэкономразвития методикам ежегодные экономические потери государства от ДТП составляют более 1150 миллионов в год. Основной ущерб (до 70%) связан с потерями в результате дорожно-транспортного травматизма. Материальный ущерб от повреждения транспортных средств составляет до 30%.

Такая динамика развития ситуации явно не соответствует целям и задачам ФЦП – сокращение случаев смерти в результате дорожно-транспортных происшествий, в том числе детей, к 2020 г. на 8 тыс. человек (28,82 процента) по сравнению с 2012 г., в то время как программой предусматривается выделение огромных бюджетных средств на реализацию этих задач: общий объем финансирования программы составляет 33 677,427 млн рублей (5240 млн руб. в год).

Низкие темпы снижения аварийности на транспорте также не способствуют реализации заявленных целей государственной политики в сфере развития транспорта и созданию условий для повышения конкурентоспособности экономики и качества жизни населения, включая повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы, предусмотренных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [3], а также главным направлением демографической политики в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [4]

Реализация ФЦП «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» предполагает комплексный и системный подход, то есть мобилизацию усилий всех государственных органов по выполнению поставленных задач путем реализации научно обоснованной системы мер, имеющей последовательный и всесторонний характер. Поэтому в сложившихся условиях уполномоченным органам исполнительной власти необходимо постоянно совершенствовать формы и методы профилактической работы, направленной на сокращение количества ДТП и тяжести их последствий.

Анализ статистических данных об аварийности в Российской Федерации показывает, что основной причиной совершения ДТП был и остается человеческий фактор – неправомерное поведение водителей и пешеходов в процессе дорожного движения. По данным Росстата за семь месяцев текущего года, доля ДТП, совершенных по вине водителей транспортных средств от общего их количества, составила 88%, по вине пешеходов – 8,3%. Из приведенных данных очевиден вывод о том, что основные усилия государства по профилактике аварийности должны быть направлены прежде всего на выявление и пресечение наиболее опасных административных и уголовных правонарушений со стороны водителей транспортных средств. Учитывая, что доля ДТП по причине неудовлетворительных дорожных условий составляет 25,8% (данные за 2014 г.), неисправности транспортных средств – 1%, по вине пешеходов – 8,3%, все остальные ДТП, совершенные водителями, происходят по причине нарушения правил маневрирования, проезда перекрестков, пешеходных переходов, превышения безопасной скорости движения, в том числе – в нетрезвом состоянии.

Последовательное сокращение в последние годы численности личного состава Госавтоинспекции, очевидно, не способствует повышению качества контроля за дорожным движением, а менталитет российских водителей (особенности оценки и восприятия окружающей обстановки) не позволяет надеяться на обеспечение законопослушного поведения за рулем без постоянного внешнего надзора.

В этих условиях особую важность и эффективность с точки зрения выявления и фиксации противоправного поведения водителей представляет собой более широкое использование коммуникационных технологий и средств видеофиксации окружающей обстановки.

По некоторым данным, в настоящее время в крупных городах, являющихся «очагами аварийности», постоянно фиксируется до 95% информации о процессе дорожного движения. Это видеокамеры, размещенные полицией на улицах, площадях и перекрестках в рамках реализации программ «Безопасный город», и им подобные, частные видеокамеры, размещенные на зданиях торговых центров других организаций, на различных конструкциях и т. п., а также установленные на транспортных средствах автомобильные видеорегистраторы (авторегистраторы), позволяющие фиксировать допускаемые водителями нарушения Правил дорожного движения (ПДД) и государственные регистрационные знаки их транспортных средств, что позволяет идентифицировать такие транспортные средства и привлечь нарушителя ПДД к административной ответственности.

Современные средства коммуникации дают возможность любому человеку или организации информировать органы ГИБДД о фактах противоправного поведения водителей путем размещения на официальных сайтах подразделений ГИБДД соответствующей видеoinформации,

полученной как со стационарных видеокамер, так и с авторегистраторов. При эффективном использовании этой информации, на наш взгляд, можно в относительно короткие сроки значительно снизить латентность административных правонарушений на дорогах и, обеспечив реализацию принципа неотвратимости наказания, существенно повлиять на повышение уровня безопасности дорожного движения.

В соответствии с действующими нормативными актами [5] каждое такое сообщение должно быть зарегистрировано органом внутренних дел в установленном порядке, в определенные сроки по нему должна быть проведена проверка и принято процессуальное решение.

Однако анализ правоприменительной практики показывает, что в настоящее время сотрудниками полиции крайне недостаточно используются возможности профилактики нарушения Правил дорожного движения путем возбуждения административного производства по фактам нарушений ПДД, зафиксированных автомобильными видеорегистраторами.

Сотрудники ГИБДД, на наш взгляд, необоснованно требуют в таких случаях официального обращения граждан, располагающих видеозаписями, в правоохранительные органы. С учетом обоснованных опасений граждан за свою безопасность и безопасность имущества, а также потери времени для подачи заявлений, дачи по ним объяснений и т. п., такая практика приводит к редким случаям использования сотрудниками полиции данных видеорегистраторов для возбуждения административных дел по фактам грубых, представляющих существенную общественную опасность, нарушений ПДД.

Вместе с тем действующим законодательством предусмотрена возможность возбуждения административного производства по фактам нарушений ПДД, зафиксированных любыми средствами видеосъемки, в том числе авторегистраторами, и привлечения виновных лиц к административной ответственности без каких-либо заявлений, обращений граждан и организаций по данным фактам в правоохранительные органы.

Так, согласно ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [6] (возбуждение дела об административном правонарушении), поводами к возбуждению дела об административном правонарушении, в частности, является фиксация административного правонарушения в области дорожного движения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

В соответствии с ст. 28.6 (назначение административного наказания без составления протокола), в случае выявления административного правонарушения, предусмотренного гл. 12 КоАП РФ (нарушения ПДД), зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, и оформляется в порядке, предусмотренном ст. 29.10 Кодекса. Экземпляры постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, направляются лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении.

Однако в таком постановлении, на основании ст. 29.10 (постановление по делу об административном правонарушении), должны быть указаны обстоятельства, установленные при рассмотрении дела, к которым по смыслу Закона (ст. 28.2. Протокол об административном правонарушении) относится место совершения правонарушения.

Следовательно, при наличии видеозаписи, в которой отсутствует информация о месте правонарушения, постановление не может быть вынесено в порядке ст. 28.6 (без составления протокола), но должно быть возбуждено административное расследование (ст. 28.7.), по результатам которого сотрудниками полиции должны быть установлены данные обстоятельства и принято соответствующее решение (составляется протокол об административном правонарушении либо выносится обоснованное постановление о прекращении дела об административном правонарушении).

Эти выводы подтверждаются Постановлением Пленума Верховного суда российской Федерации № 18 от 24 октября 2006 г. «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в котором отмечается: 12. «Если правонарушение в области дорожного движения было зафиксировано непосредственно сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – Госавтоинспекция) с применением указанных выше технических средств, которые не работали в автоматическом режиме, то в данном случае согласно части 1 статьи 28.6 КоАП РФ

должностным лицом выносится постановление по делу об административном правонарушении либо на основании части 1 статьи 28.2 КоАП РФ составляется протокол об административном правонарушении в отношении водителя транспортного средства. Полученные с использованием названных технических средств материалы фото- и киносъемки, видеозаписи при составлении протокола об административном правонарушении приобщаются к нему в качестве доказательств совершения административного правонарушения.

В этом случае нормы, установленные статьями 2.61, частью 31 статьи 4.1, частью 3 статьи 28.6 и частью 6 статьи 29.10 (порядок вынесения постановлений без составления протокола) КоАП РФ, не применяются» [7].

Однако следует обратить внимание, что пленум не дает понятия «работа в автоматическом режиме». Сотрудники Госавтоинспекции считают, что исходя из логики Постановления пленума под работающими в автоматическом режиме средствами видеосъемки имеются в виду специально установленные для контроля за дорожным движением технические средства. Но, во-первых, речь идет только о сотрудниках ГИБДД, а во-вторых, авторегистраторы и камеры наружного наблюдения также работают в автоматическом режиме, поскольку запись информации производится без вмешательства человека. Следовательно, вопрос остается дискуссионным.

На основании изложенного следует вывод о том, что законодательное урегулирование вопроса о необходимости привлечения правонарушителей в области дорожного движения к административной ответственности на основании видеозаписей, каким-либо образом попавших в поле зрения правоохранительных органов, не требуется. Такие материалы могут и должны быть использованы для привлечения лиц, виновных в нарушении ПДД, к административной ответственности.

Как один из вариантов оптимизации процедуры возбуждения административных дел в таких ситуациях можно предложить гражданам при направлении информации с видеорегиистраторов на сайты ГИБДД указывать место фиксации правонарушения. В этом случае будут упрощены процедуры доказывания события правонарушения, что повысит эффективность правоприменительной практики.

Примечания

1. Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 864 (ред. от 06.11.2014) «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах». Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

2. Центральная база статистических данных Росстата. URL: cbsd.gks.ru

3. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р о Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

5. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного суда российской Федерации № 18 от 24 октября 2006 г. «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

Notes

1. The decree of the Government of the Russian Federation from 03.10.2013 № 864 (edited on 06.11.2014) "About the Federal target program "Improving road safety in 2013-2020". Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

2. Central statistical database of Rosstat. Available at: cbsd.gks.ru (in Russ.)

3. The decree of the RF Government from November 17, 2008 No. 1662-p on the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020 (with changes and additions). Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

4. The decree of the President of the Russian Federation of 9 October 2007 No. 1351. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

5. The order of the General Prosecutor of the Russian Federation, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of the Russian Federation for civil defence, emergencies and elimination of consequences of

natural disasters, the Ministry of justice of the Russian Federation, Federal security service of the Russian Federation, the Ministry of economic development and trade of the Russian Federation, Federal service of Russian Federation on control over drugs of 29 December 2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

6. The Russian Federation Code of administrative offences of 30 December 2001 No. 195-ФЗ. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

7. The resolution of the Plenum of the RF Supreme court No. 18 from October 24, 2006 "About some questions arising at courts at application of the Especial part of the Code of the Russian Federation about administrative offences". Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

УДК 347.9

А. В. Пекшев

Единство судебной практики в отечественной цивилистике: особенности процессуального законодательства

Существенным элементом современной процессуальной действительности в России является актуализация принципа обеспечения единства судебной практики. Задекларированный в отечественном правовом порядке достаточно давно, в арбитражной практике и практике судов общей юрисдикции данный принцип применялся по-разному. Различия аспектов его применения, закрепленные в процессуальных кодексах, являются темой настоящего обсуждения, перспективного для выбора или выработки процессуальных требований обеспечения единства судебной практики, которые целесообразно включить в проект Единого процессуального кодекса РФ.

An essential element of modern procedural validity in Russia is the mainstreaming of the principle of ensuring the uniformity of judicial practice. Declared in the domestic legal order long enough in arbitral practice and the practice of the courts of general jurisdiction, the principle has been applied in different ways. Difference aspects of his application, as laid down in the procedural codes, are the subject of this discussion, promising to select or develop procedural requirements ensuring the uniformity of judicial practice, that it is advisable to include in the draft a single procedure code of the Russian Federation.

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, единство судебной практики.

Keywords: the arbitral process, civil process, unity of jurisprudence.

В августе 2014 г., с прекращением деятельности Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), в современной России завершилась двадцатилетняя эпоха «двоевластия» высших звеньев судебной системы. Сторонники преобразования ВАС РФ в Судебную коллегия по экономическим спорам при объединенном Верховном Суде Российской Федерации (далее – ВС РФ), как правило, ссылаются на зарубежный опыт, для которого характерно существование единого суда, стоящего во главе судебной системы государства.

Признавая уникальность отечественной дуальной подведомственности экономических и иных гражданских споров двум высшим судам, автор, тем не менее, не согласен со сторонниками объединения высших судов, основываясь как на личном опыте участия в судебных заседаниях, так и на мнении коллег, разделяющих точку зрения автора о более высоком профессиональном уровне рассмотрения и разрешения арбитражных дел. Отрадно констатировать, что на момент написания статьи не оправдались опасения юридического сообщества о перспективе слияния нижестоящих арбитражных судов и судов общей юрисдикции соответствующих звеньев судебной системы.

Также необходимо отметить, что в последние 1,5 года своего существования Пленумом ВАС РФ был подготовлен и принят целый пакет постановлений, направленных на решение как хронических проблем арбитражной практики, так и новых категорий споров, возникших вследствие реформы гражданского законодательства России. Проведенная работа существенно облегчила правоприменителям решение задачи обеспечения единства судебной практики по спорам, ставшим предметом анализа ВАС РФ. Исключительную важность такой работы для судов неоднократно подчеркивал бывший председатель ВАС РФ А. А. Иванов – «человек-прецедент», выдающийся судья, который публично отстаивал мнение, что вопреки всей «континентальности» отечественного права прецедентная система в российских судах фактически сложилась. Свое мнение

А. А. Иванов обосновывал тем, что усмотрение суда при оценке доказательств и вынесении решения по гражданскому делу практически всегда совпадает с позицией, отраженной в принятом по данной категории судебных споров постановлении Пленума соответствующего высшего суда, несмотря на формально провозглашенную процессуальную самостоятельность судьи [1].

Согласно ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [2]. Вместе с тем общеизвестна проблема низкого качества принимаемых федеральных законов. Вызывает сожаление отсутствие в отечественном правовом порядке механизмов привлечения законодателей к какой-либо ответственности. Утрата депутатского статуса одновременно с лишением законодательной инициативы означает право на получение весьма достойного пожизненного материального содержания, но не предполагает никакой материальной или иной ответственности за допущенный законодательный брак. Казалось бы, отсутствие требований к юридическому профессионализму субъектов законодательной инициативы должно влечь за собой порядок обязательного привлечения к разработке законопроектов ученых-юристов. Однако действительность зеркально противоположна: поскольку в современной России признание за юридической доктриной статуса источника права не допускается даже гипотетически, отечественным ученым остается «рекомендовать подчиненным молиться о вразумлении или даже смещении руководителей, творящих беззакония» [3].

Необходимо подчеркнуть, что сложившийся в отечественном правовом порядке подход к пониманию статуса постановлений пленумов высших судов как ключевого элемента судебных «сдержек и противовесов» свободного трактования пробелов законодательства обусловлен большим количеством таких пробелов, что, в свою очередь, вызвано целым рядом факторов. Непрофессионализм ответственных за разработку законопроекта депутатов, их неумение увязать свои благие намерения с повседневной правоприменительной деятельностью в лучшем случае приводят к принятию декларативных норм в отсутствие механизма их исполнения, а в худшем – к таким правовым казусам как, например, отмена государственной регистрации долгосрочного договора аренды 2 и 3 марта 2013 г. [4] (к счастью, разрешенным через отмену отмены регистрации долгосрочной аренды [5], с последующими разъяснениями Пленума ВАС РФ [6]) или появление нового арбитражного процессуального термина «вторая кассация» (присвоен Судебной коллегии по экономическим спорам при ВС РФ с сохранением полномочий кассационной инстанции за десятью Арбитражными судами округов [7], а полномочий надзорной инстанции – за Президиумом ВС РФ).

В данной ситуации понятно и оправданно стремление юристов, имеющих отношение к определению судебной перспективы гражданских дел, руководствоваться унифицированным подходом рассмотрения и разрешения дел аналогичных категорий. В отечественном правовом порядке такой подход давно назван «требованием обеспечения единства судебной практики». Российские юристы избегают словосочетания «судебный прецедент», стараясь не иметь отношения к прецеденту в классическом его понимании, когда объективное право творит суд, а не законодатель. В российских судах невозможно вынести решение, ссылаясь лишь на решения других судов. Между тем для стран классического прецедентного права (Великобритания, США) это обычная практика, ссылки на законы в таких решениях могут вообще отсутствовать.

В гражданском процессуальном праве России требование обеспечения единства судебной практики получило законодательное закрепление относительно недавно – с 2012 г. В декабре 2011 г. был принят Федеральный закон № 389-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ГПК РФ), вступивший в силу с 01.01.2012 г. [8]

Данными изменениями законодатель приступил к завершению глобального реформирования гражданского судопроизводства, начатого еще в 1995 г. с внесения первых изменений в ГПК РСФСР [9]. Было введено сразу несколько революционных изменений гражданско-правовой формы: замена принципа объективной судебной истины на принцип формальной истины, постановка «процессуальных замков» на предоставление доказательств в кассацию и надзор, а в последующем и в апелляционную инстанцию, исключение необоснованности судебного акта как основания для его отмены в надзорном порядке, возвращение к институту мировой юстиции и др.

Отказ от принципа объективной судебной истины в пользу формальной означает замену формулировки «что написано в судебном акте, то и происходило в действительности» на формулу «что сумели доказать стороны в споре, то и является истиной». Поскольку собирание и оценка доказательств является ключевой и самой сложной задачей гражданского процесса, обеспечение единства судебной практики по однородным делам, несомненно, способствует лучшей предсказуемости процессуального результата.

Примечательно, что российский арбитражный процесс требовал обеспечения единства арбитражной судебной практики уже в первой редакции АПК РФ 2002 г. (п. 1 ст. 304) [10]. Данное требование конкретизировалось в ст. 13 Федерального конституционного закона «Об арбитраж-

ных судах в РФ», определявшей полномочия Пленума ВАС РФ, самым первым из которых значилось рассмотрение материалов изучения и обобщения практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами и разъяснения по вопросам судебной практики. При этом ч. 2 данной статьи прямо устанавливалось, что постановления Пленума ВАС РФ, принятые им по вопросам своего ведения, обязательны для арбитражных судов в Российской Федерации [11].

На практике это означало, что судьи арбитражных судов, вынося судебный акт, обязаны учитывать положения принятых по однородным делам постановлений Пленума ВАС РФ и ссылаться на них в вынесенном решении или определении. Летом 2014 г., с принятием в нормативные акты поправок, относящихся к прекращению существования ВАС РФ, указанная обязанность утратила силу [12].

Одновременно возникла правовая неопределенность оценки позиций Пленума ВАС РФ. Упраздняя один из высших судов, законодатель не пояснил, как с этого момента нижестоящим арбитражным судам расценивать положения принятых постановлений Пленума ВАС РФ: игнорировать их как акты несуществующего органа судебной власти, продолжать ссылаться на них в судебных актах или поступать при вынесении решений по своему усмотрению?

Очевидно, что игнорирование наработанных за 20 лет судебных подходов к разрешению важнейших проблем арбитражной практики парализовало бы сложившийся коммерческий оборот. Вместе с тем мотивировать решение судебного спора мнением авторитетного, но юридически не существующего высшего суда невозможно в принципе. Оставить же решение данной проблемы на усмотрение каждого судьи означало бы разрушить и без того хрупкое, неполное и с трудом сформированное единство арбитражной практики по вопросам, которые Пленум ВАС РФ охватил своим вниманием.

«Соломоново решение» данной проблемы было озвучено в ходе круглого стола на III Всероссийском юридическом форуме для практиков, состоявшемся 8 октября 2014 г. Участники круглого стола пришли к выводу, что после 23 июня 2014 г. (с момента вступления в силу редакции указанного федерального конституционного закона, отменяющей главу о ВАС РФ) [13] на положения постановлений Пленума ВАС РФ в решениях арбитражных судов ссылаться нельзя, но их можно цитировать. Цитирование в решении суда положений Пленумов ВАС РФ не нарушает требований законодательства, поскольку формально остается в рамках судейского усмотрения. Укрепляя этот тезис, справочные правовые системы России опубликовали примечания к текстам постановлений Пленумов ВАС РФ о том, что они сохраняют силу вплоть до принятия по рассматриваемой категории споров постановления Пленума ВАС РФ.

Другими словами, на смену типовой формулировке арбитражного решения «на основании пункта № ____ постановления Пленума ВАС РФ от ____, суд считает, что ____» должна прийти формула «на основании всестороннего, полного и объективного рассмотрения доказательств, собранных судом, руководствуясь внутренним убеждением при их оценке, а также принципами разумности, добросовестности и справедливости, суд считает, что ____». При этом мнение суда, отраженное в новой формуле, скорее всего, текстуально совпадет с формулировкой постановления Пленума ВАС РФ. При всей неоднозначности данного подхода его безусловным достоинством является сохранение преемственности в обеспечении единства судебной практики.

С учетом незыблемости постулата отечественной юриспруденции об оценке доказательств и вынесению решения по внутреннему убеждению судьи, принципиальную неразрешимость сохраняет вопрос о порядке определения степени однородности рассматриваемого спора и применяемого судом положения постановления Пленума высшего суда. Так как его решение остается на усмотрение суда, шанс оспаривания сохраняется только при очевидном несоответствии цитируемого судом постановления пленума обстоятельствам дела.

Вероятно, по этой причине законодатель не спешил вводить требование обеспечения единства судебной практики в ГПК РФ. В настоящее время робкой попыткой такого обеспечения является новелла ст. 391.9 ГПК РФ, действующая с 2012 г. и говорящая о том, что третьей и последней причиной отмены судебного акта в порядке надзора является нарушение единообразия в толковании и применении норм права [14]. Однако с учетом скорректированной с 2012 г. процедуры стадийного движения гражданских дел, большинство из которых не сможет покинуть пределы региона, подсудного суду соответствующего субъекта РФ, шансы на надзорный пересмотр дела вследствие нарушения требования единства судебной практики стремятся к нулю. Примечательно и то, что изменения, внесенные в АПК РФ в августе 2014 г., не только упразднили ВАС РФ, но и, по аналогии с ГПК РФ, перенесли нарушение единообразия в применении или толковании норм права с первого (по прежней редакции ст. 304 АПК РФ) на последнее место – третье основание отмены арбитражного судебного акта в порядке надзора (по действующей редакции ст. 308.8 АПК РФ) [15].

В преддверии принятия Единого процессуального кодекса Российской Федерации напрашивается вывод, что российскому законодателю при определении процессуального статуса единой судебной практики более импонирует весьма размытая формула ГПК РФ, что вызывает сожаление. Непродуманность выбора процессуальных норм, включаемых в единый кодекс, несет риск распространения несовершенных процессуальных требований, закрепленных в настоящее время лишь в одном кодексе, в целом на арбитражный и гражданский процессы.

Примечания

1. ПРАВО.RU: Речь Антона Иванова о прецедентном праве. Кто был против? URL: <http://pravo.ru/review/view/26629/>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ), ст. 120. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
3. Сизов В. С. Библия как учебник управления // Педагогика. Общество. Право. 2012. № 3 (3). С. 37.
4. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 2, ч. 8. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 04.03.2013 № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», ст. 3. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.01.2013 № 13 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», п. 14. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.03.2015). Ст. 24. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 03.12.2011 № 389-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 30.11.1995 № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в ГПК РСФСР». Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
11. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 06.12.2011, утратила силу) «Об арбитражных судах в Российской Федерации», ст. 13. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
12. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 23.06.2014, утратила силу) «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
13. Там же.
14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.03.2015). Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.03.2015). Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

Notes

1. ПРАВО.RU: Speech by Anton Ivanov on case law. Who was against? Available at: <http://pravo.ru/review/view/26629/> (in Russ.)
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-ФКЗ, from 30.12.2008 № 7-ФКЗ, from 05.02.2014 No. 2-ФКЗ, dated 21.07.2014 No. 11-ФКЗ), article 120. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
3. Sizov V. S. Bibliya kak uchebnik upravleniya [The Bible as a textbook of management] // Pedagogika. Obshchestvo. Pravo - Pedagogy. Society. Right. 2012, No. 3 (3), p. 37.
4. Federal law of 30.12.2012 № 302-ФЗ "On amendments to chapters 1, 2, 3 and 4 of part one of the Civil code of the Russian Federation", article 2, part 8. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
5. Federal law of 04.03.2013 № 21-ФЗ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and invalidating certain provisions of legislative acts of the Russian Federation", article 3. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
6. The resolution of the Plenum of the RF dated 25.01.2013 No. 13 "On amendments to the decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 17.11.2011 No. 73 "On certain issues of practice of application of the rules of the Civil code of the Russian Federation on lease", p. 14. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
7. The arbitration procedural code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-ФЗ (as amended on 08.03.2015). Art. 24. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

8. Federal law of 03.12.2011 № 389-ФЗ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
9. Federal law of 30.11.1995 № 189-ФЗ "On introducing amendments and addenda to the CCP of the RSFSR". Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
10. The arbitration procedural code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-ФЗ. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
11. Federal constitutional law of 28.04.1995, No. 1-ФКЗ (as amended on 06.12.2011, no longer in force) "On arbitration courts in the Russian Federation", article 13. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
12. Federal constitutional law of 28.04.1995, No. 1-ФКЗ (as amended on 23.06.2014, is no longer in force) "On arbitration courts in the Russian Federation". Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
13. Ibid.
14. Civil procedure code of the Russian Federation from 14.11.2002 № 138-ФЗ (as amended on 08.03.2015). Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)
15. The arbitration procedural code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-ФЗ (as amended on 08.03.2015). Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

УДК 340

С. В. Редких

К вопросу о правовой природе производства о признании недействующими нормативных правовых актов

В статье проанализированы законодательный и научный подходы к раскрытию правовой природы производства о признании недействующими нормативных правовых актов, в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

In this article the author has analyzed legislative and scientific attitudes towards defining the legal nature of proceedings on recognizing legal normative acts as invalid in view of enactment of the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, суд, административное судопроизводство, иск.

Keywords: legal normative act, court, administrative court procedure, lawsuit.

Законодательная инициатива по принятию проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации ставила вопрос о разработке иной процедуры оспаривания нормативных правовых актов, отличной от существующей, улучшенной с учетом достижений юридической науки и практики.

Как следует из абзаца 3 пункта 1 Пояснительной записки к проекту Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [1], при разработке проекта кодекса авторы исходили из того, что субъекты публичных правоотношений не равноправны, а следовательно, для рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из таких правоотношений, нужна иная методология, чем существующая в рамках Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

В пункте 3 Пояснительной записки [2] авторы отмечали, что административный иск должен рассматриваться по иным правилам, чем гражданские иски, что предопределяется порядком правового регулирования материальных публичных правоотношений.

И в этом же пункте авторы сделали оговорку о том, что ими при составлении проекта кодекса были использованы нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, чуждого, как отмечалось ими же выше в пояснительной записке, по своим исходным началам и методологии рассмотрению и разрешению административных исков.

Изучение пояснительной записки к проекту Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации обозначило два основных вопроса: 1. В чем существенное различие между существующей процедурой и той, которую предлагает новый кодекс? 2. Оправданно ли с телеологической точки зрения отрицание возможности рассмотрения дел о признании нормативных правовых актов недействующими в порядке искового производства (с отдельными особенностями), предусмотренного Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации?

Анализ главы 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [3] позволяет заключить, что предусматриваемый проектом порядок оспаривания нормативных правовых актов существенным образом не отличается от существующего порядка, предусмотренного Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. А значит в отношении этих дел все еще применяется исковая форма защиты, предусмотренная для гражданско-правовых споров.

Попытки законодателя, сделанные в сторону ухода от исковой формы рассмотрения и разрешения исследуемой категории дел, не увенчались успехом, методологически все осталось так же, как и было.

Сохранение подхода к рассмотрению и разрешению дел о признании недействующими нормативных правовых актов, установленного Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, еще раз подчеркивает правильность выводов ученых, полагающих, что рассмотрение дел об оспаривании нормативных правовых актов, отнесенных к подведомственности судов, должно осуществляться в общей для всех дел процессуальной форме, т. е. в исковой форме гражданского процесса.

Прав И. А. Жеруолис, указывавший, что «характер требования не исключает исковой формы его рассмотрения» и что «содержание такого требования уже не имеет значения в определении процессуальной формы» [4]. М. А. Гурвич считал неправомерным деление единой гражданской процессуальной формы на виды, отстаивал идею единого порядка судопроизводства с изъятиями из общих правил для отдельных категорий дел [5].

Профессор Н. А. Громошина в своей работе, посвященной дифференциации и унификации гражданского судопроизводства, достаточно убедительно и последовательно доказывает, что дела о признании недействующими нормативных правовых актов могут и должны рассматриваться в порядке искового производства, предусмотренного Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [6].

Ученый, анализируя типы охранительных отношений и двигательное начало процесса, приходит к выводу, что отношения по обжалованию (оспариванию) актов государственных органов имеют цивилистическую природу, а двигательным началом процесса в этом случае является принцип диспозитивности [7].

«Правоотношения, возникающие не из совершенного гражданином правонарушения, а, напротив, из действия, решения или акта государственного органа, по своей сути сродни цивилистическому, а не уголовно-правовому типу, – пишет Н. А. Громошина. – Конечно, полностью отрицать наличие властной составляющей в такого рода отношениях невозможно, поскольку одним из субъектов является государство. Однако, как уже отмечалось, наличие в составе правоотношения властного (сильного) субъекта еще не означает, что это отношение обязательно строится на принципах власти и подчинения» [8].

Отсутствие прямой зависимости между материально-правовым предметом спора и процессуальной системой рассмотрения и разрешения дел также подчеркивается доцентом кафедры гражданского процесса МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Аргуновым. Автор пишет: «Материально-правовая характеристика предмета судебного разбирательства не может иметь единственного и определяющего значения, обязательным является еще и процессуальный критерий <...> Основание дифференциации единой формы процесса на конкретные производства лежит не только в материальном праве, как полагают многие ученые, но и в самом процессе <...> Наличие специфики материальных правоотношений еще не означает необходимость конструирования специальных форм защиты и охраны субъективных прав для них» [9].

Между тем ученый почему-то полагает, что существующее исковое производство в настоящее время не может служить для рассмотрения и разрешения всех категорий дел, рассматриваемых в рамках гражданского судопроизводства. Никаких аргументов в пользу этого утверждения В. В. Аргунов не приводит.

По нашему мнению, нет никаких оснований умалять универсальность искового производства. Признание недействующими нормативных правовых актов, регламентированное Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, сложившаяся многолетняя практика рассмотрения данной категории дел, отсутствие каких-либо существенных изменений законодательного порядка рассмотрения и разрешения данной категории дел в проекте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации только лишь подтверждают основополагающую роль искового производства в регулировании процессуальной деятельности.

В настоящее время нет никаких ни теоретических, ни практических предпосылок для утверждения о том, что рассмотрение и разрешение дел о признании нормативных правовых актов недействующими в порядке искового производства с отдельными изъятиями не является эффективным и препятствует реализации прав граждан и организаций на судебную защиту.

Профессор Н. А. Громошина в связи с этим отмечает: «На сегодняшний день вся судебная система (КС РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, суды общей юрисдикции и арбитражные суды в пределах своей компетенции) задействована на ниве защиты прав и интересов граждан и организаций в их публичных спорах с органами государственной власти и местного самоуправления. При этом процедура рассмотрения указанных дел регламентирована федеральными законами, определились и устоялись ее основные параметры, не исключающие внесения изменений и дополнений, наработана в огромном объеме судебная практика. Вряд ли можно упрекнуть суды в низком качестве рассмотрения этих дел. <...> Надеяться на то, что по новому Кодексу арбитражные суды и суды общей юрисдикции станут надежнее защищать права и интересы граждан и юридических лиц в их спорах с государством, – по меньшей мере утопия» [10].

Рассмотрение и разрешение дел о признании недействующими нормативных правовых актов как по действующему Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации, так и по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации, основывается на процессуальном равноправии сторон спора, на диспозитивном начале процесса, на отсутствии прямой зависимости между правовой природой и методом правового регулирования материальных правоотношений и процессуальных особенностей их рассмотрения.

Единственное принципиальное отличие правовой природы производства о признании недействующим нормативных правовых актов от искового производства состоит в том, что на стороне заявителя защищаются права неопределенного круга лиц, а исследование вопроса соответствия оспариваемого нормативного правового акта акту, имеющему большую юридическую силу, осуществляется на основе правового анализа норм действующего законодательства, а не устанавливается посредством представления и исследования доказательств. Данные особенности предопределяют процессуальные отличия искового производства и производства по исследуемой категории дел. Между тем представляется, что этого недостаточно, чтобы говорить о полной несовместимости данных производств и об их кардинальных различиях в методологическом плане.

Полагаем, что, с практической и телеологической точек зрения, нет никаких препятствий для рассмотрения и разрешения дел об оспаривании нормативных правовых актов в рамках общего порядка судопроизводства с отдельными изъятиями и дополнениями. Иными словами, вопрос о порядке судопроизводства по делам об оспаривании нормативных правовых актов заключается не в том, какая форма судопроизводства должна существовать для их рассмотрения, а в том, какие изъятия из общего порядка должны быть предусмотрены для более эффективной судебной защиты в рамках этих дел. Указанное будет способствовать развитию принципа доступности правосудия и позволит избежать излишней формализации, не имеющей практической цели.

Примечания

1. Пояснительная записка «К проекту Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, проектам федеральных законов “О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации”, “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации” и к проекту федерального конституционного закона “О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации”» // Опубликована не была. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

2. Там же.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

4. Жерулис И. А. Сущность советского гражданского процесса // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5. С. 612.

5. Гурвич М. А. Об экономии процессуальных средств в советском гражданском судопроизводстве // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1962. С. 189.

6. Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве: монография. М., 2010. С. 31–42.

7. Там же. С. 39.

8. Там же. С. 162–169.

9. Аргунов В. В. О «бесспорных» моментах проекта кодекса административного судопроизводства // Гражданский и арбитражный процесс. 2014. № 4. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

10. Громошина Н. А. Кодекс административного судопроизводства: оценка перспектив // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 47–57. Доступ из справ.-информ. системы «КонсультантПлюс».

Notes

1. Explanatory note "To the draft Code of administrative court procedure of the Russian Federation, to projects of Federal laws "About introduction in action of the Code of administrative court procedure of the Russian Federation", "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with enactment of

the administrative procedure Code of the Russian Federation" and the draft Federal constitutional law "On amendments to certain Federal constitutional laws in connection with the enactment of the administrative procedure Code of the Russian Federation" // has not been published. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus". (in Russ.)

2. Ibid.

3. The Code of administrative court procedure of the Russian Federation from 08.03.2015 No. 21- Φ3 // Collected legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1391.

4. Zheruolis I. A. Sushchnost' sovetskogo grazhdanskogo processa [Essence of Soviet civil process] // Rossijskij ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa - Russian Yearbook of civil and arbitration process. 2006, No. 5, p. 612.

5. Gurvich M. A. Ob ehkonomii processual'nyh sredstv v sovetskom grazhdanskom sudoproizvodstve [On the savings of procedural means in the Soviet civil procedure] // Razvitie prav grazhdan SSSR i usilenie ih ohrany na sovremennom ehstape kommunisticheskogo stroitel'stva - Development rights of the citizens of the USSR and the strengthening of their protection at the present stage of Communist construction. Saratov. 1962. P. 189.

6. Gromoshina N. A. Differenciatsiya, unifikatsiya i uproshchenie v grazhdanskom sudoproizvodstve: monografiya [Differentiation, unification and simplification in civil proceedings: monograph]. M. 2010. Pp. 31–42.

7. Ibid. P. 39.

8. Ibid. Pp. 162–169.

9. V. V. Argunov O «besspornykh» momentah proekta kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva [About "indisputable" points of the draft code of administrative procedure] // Grazhdanskij i arbitrazhnyj process - Civil and arbitration process. 2014, No. 4. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus".

10. Gromoshina N. A. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva: ocenka perspektiv [The Code of administrative procedure: evaluation of prospects] // Vestnik grazhdanskogo processa – Herald of civil procedure. 2013, No. 3, pp. 47–57. Access from ref.-inform. system "ConsultantPlus".

УДК 343.56

К. В. Петухов

Свобода совести и вероисповеданий в дореволюционном законодательстве России: уголовно-правовой аспект

В статье анализируются нормы российского дореволюционного законодательства, способствовавшие оформлению правового института свободы совести и вероисповеданий. В частности, рассмотрены положения основных нормативных актов, закреплявших отношения церкви и государства, а также определявших правовой статус лиц, относящихся к различным вероисповеданиям. Особое внимание автор уделяет источникам уголовного законодательства, устанавливавшим ответственность за деяния, которые можно назвать нарушениями свободы совести и вероисповеданий. Подчеркивается неоднозначный характер формирования института свободы совести и вероисповеданий по причине официального закрепления христианства в качестве государственной религии в дореволюционном российском праве. Автор приходит к выводу о наличии прямой зависимости между характером отношений «государство – церковь» и развитием уголовно-правовых норм, предусматривавших наказание за посяательства на свободу совести и вероисповеданий, а также за религиозные преступления.

The article analyzes the norms of the Russian pre-revolutionary legislation, helped to form the legal institution of freedom of conscience and religion. In particular, it examined the provisions of the basic regulations, fix the relationship of church and state, and defines the legal status of persons belonging to different faiths. Particular attention is paid to the sources of criminal law, establishing liability for acts that could be called violations of freedom of conscience and religion. It emphasizes the ambiguous nature of the formation of the institution of freedom of conscience and religion because of the formalization of Christianity as the state religion in the pre-revolutionary Russian law. The author concludes that there is a direct relationship between the nature of the relationship "church-state" and the development of criminal law to punish attacks on freedom of conscience and religion, as well as for religious offenses.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповеданий, дореволюционное уголовное право, религиозные преступления, уголовная ответственность.

Keywords: freedom of conscience and religion, pre-revolutionary criminal law, religious crimes, criminal responsibility.

Современное понимание института свободы совести и вероисповеданий включает в себя не только философско-религиозную сторону, но и юридическую составляющую. Важное значение имеет способ его правового закрепления в нормативных актах государства, а также четкое определение меры юридической ответственности за деяния, посягающие на указанный институт.

Использование различных методологических подходов позволяет наиболее целостно проследить зарождение и формирование института свободы совести и вероисповеданий в России вообще, а также определить зависимость трансформации правовых норм, связанных с институтом свободы совести и вероисповеданий, от социально-экономического и политического развития России. Наиболее эффективными в рамках рассматриваемой темы являются исторический и сравнительно-правовой методы.

В институте свободы совести и вероисповеданий можно выделить важный субинститут – уголовной ответственности за нарушения права совести и вероисповеданий. Автор предлагает рассмотреть генезис указанного субинститута, проанализировав нормы уголовного законодательства России дореволюционного периода.

Анализ развития института ответственности за нарушения свободы совести и вероисповеданий неразрывно связан с анализом церковного законодательства вообще, а также с ответственностью за преступления против религии, о чем кратко будет сказано ниже.

Церковное законодательство начало развиваться с Устава князя Владимира Святославовича. Именно этот акт впервые юридически оформил отношения «государство – церковь», упрочил статус новой религии [1]. С этого периода христианство приобретает особый статус на Руси, охраняется государством.

Вторая часть Устава определяет круг лиц, на которых действует церковный суд, — все христиане. К преступлениям, за совершение которых христиане в России подлежат суду, в числе прочих были отнесены дела против веры и Православной церкви, а именно: еретичество, волшебство и колдовство, различные виды отправления языческих обрядов, ограбление мертвых тел, повреждение могил и др. [2] Фактически Устав — часть из византийского Номоканона, но с изменениями и дополнениями (например, увеличен перечень преступлений, за которые к ответственности может привлекать церковный суд).

Опасность исповедания негосударственной религии, а вместе с ней и ответственность были выше в случае, если субъект исповедовал свои убеждения совместно с кем-либо, то есть в соучастии. При этом акцент ставился на антигосударственном характере совершаемых преступных деяний.

Развитие данных норм продолжилось при Ярославе Мудром. В частности, в своем Уставе «О церковных судах» он определил ряд церковных преступлений и ответственность за них, а также коснулся порядка судопроизводства в церковных судах. Некоторые преступные деяния по своему содержанию прямо связаны с ограничением свободы совести и вероисповеданий. Так, например, запрещалось контактировать с лицом, которое не прошло обряд крещения (христианского): «А с некрещеными, как с иноземцем, так и с соотечественником, не следует ни есть, ни пить до тех пор, пока они не примут крещение. А если про кого станет известно, что он с такими людьми ел и пил, то он за то будет нести ответственность перед митрополитом» [3]. Акт также выделил понятия «грех» и «преступление», а полномочия по определению и исполнению наказаний передавались как митрополиту – представителю церкви, так и князю, что говорит о полном сращивании государственного и церковного аппаратов.

Институт свободы совести и вероисповеданий формировался крайне слабо в период формирования централизованного государства на Руси. Это было связано с явно укрепившимся положением церкви, влияние которой распространялось на все сферы общественной жизни. Власть в российском государстве была построена с сильной опорой на православную церковь, это ярко отразилось в создании идеологической основы самодержавия в XV–XVI вв. Одной из причин тесного сращивания политической власти с религиозной стало формулирование новой теологической концепции «Москва – третий Рим» монахом Филофеем, которая послужила теоретическим, а позднее и практическим основанием для проведения субъективной политики охраны «истинной веры». Такая позиция в совокупности с феодальными пережитками явилась основой для борьбы с «врагами веры» среди постоянно проживавшего населения, а также избирательной внешней политики. В подобных условиях развитие института свободы совести и вероисповеданий было немыслимым. Вместе с этим развивалось уголовное законодательство, ужесточались наказания за преступления против веры, становились популярными телесные наказания.

Соборное Уложение 1649 г. впервые предусмотрело уголовную ответственность за преступления против религии, будучи при этом сводом светским. До этого момента подобные деяния попадали под юрисдикцию церкви. Так, глава I Соборного уложения («О богохульниках и о церковных мятежниках») содержит девять статей, устанавливающих суровые наказания для лиц,

нарушивших религиозные устои. Их анализ позволяет сделать вывод о полном отсутствии института свободы совести и вероисповеданий, однако, в отличие от Устава «О церковных судах», Уложение говорит исключительно о посягательствах на православную церковь, на порядок проведения богослужений, на особо почитаемые в христианстве символы. Законодатель в этой главе не указывает на иные религиозные течения, таким образом, правовая защита направлена только на православную церковь, а наказания отличаются жестокостью («...и того богохульника обличив, казнити, зжечь», «...и его изымав и сыскав про него допряма, что он так учинит, казнити смертью безо всякия пощады») [4]. Посягательство на устои православия рассматривается раньше, чем покушение на «государскую честь» и «государское здоровье» (глава II). Уложение признавало виновным любого виновного, независимо, русский ли он или иноверец. За всякие производимые в храме бесчинства и беспорядки, к которым относилась и подача челобитий царю или патриарху во время богослужения, полагались также суровые наказания: от торговой казни (за «непристойные речи» во время совершения литургии) до тюремного заключения (подача челобитий, оскорбление кого-либо словом при богослужении).

Примечательно, что Уложение не ограничивается только лишь первой главой по церковным вопросам, в других главах встречаются постановления о присяге для людей духовного и мирского чина, об ограничении прав иноверцев, о самозванных попах и монахах, о браке, об охране церковных имуществ, о чести духовных лиц, почитании праздников и т. п. Все вышеперечисленные нормы устанавливали преимущественное положение Православной церкви, при этом Уложение в вопросах уголовной ответственности за посягательства на веру и церковь шло, в какой-то степени, по принципу равенства: учитывалась не столько принадлежность лица к той или иной вере, сколько само посягательство. Наказание напрямую отражало интересы законодателя XVII в. – устрашение, более того, ответственность часто носила сословный отпечаток, а также неопределенный характер («и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет») [5].

Подобное государственное устройство, несомненно, не способствовало развитию института свободы совести и вероисповеданий не только по причине вмешательства церкви в управление государством, но и в связи с активной религиозной пропагандой, осуществлявшейся нередко с использованием методов принуждения.

После решительных преобразований государственного аппарата, проведенных Петром I, единственным государственным органом, управлявшим делами церкви в России, стал Синод (Святейший). В целом, Петровские реформы кардинально изменили положение Православной церкви, она все больше стала зависеть от светской власти, деятельность государственного аппарата поменяла ориентиры: социальные вопросы стали иметь первостепенное значение, «патриаршее» правление было сломлено вертикалью исполнительной власти. При этом реформаторские действия были, по большому счету, направлены не на ослабление православной веры, а на реорганизацию церковного аппарата.

Помимо структурных изменений были предусмотрены и довольно жесткие уголовно-правовые меры. В 1722 г. Петр I Указом «Об обращении раскольников к православной вере» устанавливает смертную казнь для «несогласных Российской церкви мудрствующих учителей», то есть для лиц, которые пропагандируют в массах отказ от официальной православной доктрины в поддержку старообрядчества, а также склоняют православных к другой религии [6].

В целом петровское уголовное законодательство довольно жестоко наказывало за преступления против религии: за богохульство прожигали язык раскаленным железом с последующим отсечением головы, за особую хулу Девы Марии и святых приговаривали к смертной казни. Также выделялись преступления, связанные с несоблюдением церковных обрядов; ответственность в виде штрафа или тюремного заключения могла быть предусмотрена за непосещение богослужений или нахождение в церкви в пьяном виде.

Фактически, не лишая православие признака государственной религии и основы всех устоев государства, терпимость в вопросах веры распространялась на большой круг вероисповеданий, объединенных общим словом «христианство». Вероотступничество, вначале понимаемое как уход из православия вообще (независимо от вновь избранного вероучения), постепенно стало трактоваться как ересь, раскол строго определенных религиозных объединений, поименованных в законодательных источниках. Наибольший интерес при этом представляет то, что еретическими и раскольничьими течениями, а также сектами именовались запрещаемые законом направления христианства, тогда как иные религии по-прежнему полностью признавались ересью.

Главной особенностью законодательства XIX в., касающегося свободы вероисповеданий, являлось прямое указание на господствующую религию на территории Российской империи – православие, но при этом Свод законов предусматривал свободу в отправлении религиозных обрядов для подданных, иностранцев и временно пребывающих в России. Таким образом, Свод за-

конов впервые официально признал законным существование на территории Российской империи различных вероисповеданий, но при этом дифференцировал объем прав представителей этих религий, предоставив наибольший объем политических и гражданских прав представителям православия.

Уголовное законодательство по-прежнему отличалось суровостью в отношении лиц, посягнувших на религиозные устои Российской империи, под чем понимались деяния против православной веры. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. предусматривало в Главе II ряд преступлений против веры: «богохуление и порицание веры», «отступление от веры и постановлений церковных», «оскорбление святыни», «святотатство», «разрытие могил», «ограбление мертвых тел». Например, ст. 190, 191 Уложения признают преступным «отступление от веры Христианской» как по собственному желанию, так и деяния, направленные на «отвлечение» лица в другое вероисповедание [7]. Ответственность по данным составам могла быть в виде применения телесного наказания («плетьми чрез палачей»), лишения всех прав или в форме морального воздействия («отправляются к духовному началству прежнего их исповедания, для увещания и вразумления»). Уложение также возлагало обязанность на лиц, знавших о том, что их близкий человек собирается изменить православное вероисповедание, «стараться отклонить их от сего намерения» и использовать при этом все законные средства. В противном случае предусматривался арест и церковное покаяние. Таким образом, свобода совести и вероисповеданий не только ограничивалась напрямую нормами Уложения, но и была сдерживаема со стороны родственников под страхом уголовного наказания (ст. 200 Уложения) [8].

Отделение второе главы II Уложения особое внимание уделяет «ереси и расколам». Так, «последователи сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, молаканами, иудействующими, скопцами, а равно и другие принадлежащее к ересям» за религиозную пропаганду и «сворачивание» могли быть подвергнуты ссылке. Третье отделение указанной главы возлагало обязанность на православных соблюдать церковные обряды и таинства. Например, статья 220 Уложения предусматривала ответственность для родителей, которые не приводят детей, достигших семилетнего возраста, «к исповеди». Примечательно, что Уложение наделяло правом властного воздействия как должностных лиц («местное гражданское начальство»), так и лиц духовных одновременно за одно преступление [9]. В указанном виде уголовное законодательство просуществовало до разработки и принятия Уголовного уложения 1903 г.

Особое наказание предусматривалось в отношении последователей вероучений, сопряженных «со свирепым изуверством и фанатическими гнусными действиями». За принадлежность к такого рода религиозным объединениям виновные подвергались наказанию в виде лишения прав и ссылки в Сибирь или Закавказский край [10]. Появление уголовной ответственности за принадлежность к подобным объединениям можно оценить как попытку установления уголовно-правового запрета организации и участия в деятельности религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан.

Дореволюционный период государственно-религиозных отношений характеризуется возникновением на Руси христианства, пришедшего на смену язычеству, образованием автокефальной Русской православной церкви, веротерпимостью в отношении исповеданий некоторых народностей местного населения (ислам, буддизм и др.), признанием православной религии в качестве государственной. На этом фоне происходили изменения и в уголовном законодательстве. Для полного использования аппарата принуждения государство стало признавать сам факт исповедания иной религии, чем государственная, официальная, преступлением. При этом преследование собственно за религиозные убеждения сопровождалось привлечением к ответственности и наказанием лиц, совершивших общеуголовные преступления по религиозным мотивам.

Примечания

1. Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 137–162.
2. Устав князя Владимира Святославовича. Синодальная редакция // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 148–149.
3. Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 189–193.
4. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 71.
5. Там же. С. 72.
6. Указ «Об обращении раскольников к православной вере» от 3 апреля 1722 г. // ПСЗ 1. Т. VI. № 3925. С. 520.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=74>

8. Там же.

9. Там же.

10. Николин А. Церковь и государство. М.: Издание Сретенского монастыря, 1997. С. 119.

Notes

1. Ustav knyazya Vladimira Svyatoslavovicha o desyatinakh, sudakh i lyudyakh tserkovnykh // Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. M., 1984. T. I: Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. S. 137–162.

2. Ustav knyazya Vladimira Svyatoslavovicha. Sinodal'naya redaktsiya // Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 tomakh. T. 1. M.: Yuridich. lit-ra, 1984. S. 148–149.

3. Ustav knyazya Yaroslava o tserkovnykh sudakh // Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. M., 1984. T. I: Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. S.189–193.

4. М. N.Tikhomirov, P. P. Yepifanov. Sobornoye ulozheniye 1649 goda. M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. S. 71.

5. Там же. S. 72.

6. Ukaz “Ob obrashchenii raskol'nikov k pravoslavnoy vere” ot 3 aprelya 1722 g. // PSZ 1. T. VI. № 3925. S. 520.

7. Ulozheniye o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitel'nykh 1845 g. [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=74> (data obrashcheniya 02.07.2015 g).

8. Там же. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=78> (data obrashcheniya 02.07.2015 g).

9. Там же. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=85> (data obrashcheniya 02.07.2015 g).

10. Nikolin A. Tserkov' i gosudarstvo. M.: Izdaniye Sretenskogo monastyrya, 1997. S. 119.

Формирование умений математического моделирования при проведении оценки эффективности финансовых операций

В статье обозначена проблема формирования у студентов экономических направлений умений анализа и разрешения проблемных ситуаций при оценке эффективности финансовых операций с помощью математических моделей. Показано, что данная проблема объясняется предлагаемыми в учебных пособиях способами решения задач финансовой математики. В статье представлен подход к разрешению указанной проблемы.

In the article the problem of formation of students' economic areas of skills analysis and resolution of problematic situations when evaluating the performance of financial operations with the help of mathematical models. It is shown that this problem is due to the proposed teaching materials ways of solving problems of financial mathematics. The article presents an approach to the resolution of this problem.

Ключевые слова: финансовая математика, математическое моделирование, оценка эффективности финансовых операций.

Keywords: financial mathematics, mathematical modeling, the efficiency of financial operations.

Формирование умений строить математические модели финансовых операций, реализовывать их и анализировать полученный результат с целью оценки эффективности и оптимизации этих операций – необходимое условие подготовки специалистов экономического профиля. Знакомство студентов экономических направлений с подобными математическими моделями обычно начинается на младших курсах при изучении дисциплины «Финансовая математика».

Построение математической модели финансовой операции заключается в аналитическом задании зависимости результативной переменной от факторных. В качестве результативной переменной обычно выступает критерий эффективности финансовой операции (в абсолютном или относительном выражении): наращенная сумма, начисленные по вкладу или за пользование кредитом проценты, процентная или учетная ставка и т. п. К факторным переменным относятся те величины, которые тем или иным образом сказываются на результате операции. Как в любой математической модели, факторы (независимые переменные) делятся на эндогенные (внешние) и экзогенные (внутренние). К эндогенным факторам можно отнести курсы валют, процент по вкладам или кредитам, предлагаемым банками, уровень инфляции и т. п., к экзогенным – срок вклада, его размер и т. п. Совместное влияние этих факторов на финансовую операцию делает ее результат неочевидным.

Математические модели финансовых операций обычно являются моделями балансовыми или оптимизационными. Смысл балансовой модели заключается в том, чтобы подобрать значения экзогенных факторов, при которых результативная переменная принимает некоторое нормативное значение (например, требуется выяснить, на какой срок нужно поместить вклад в банк, чтобы получить определенную сумму начисленных процентов). Оптимизационные модели финансовых операций обычно отражают ситуации, в которых необходимо из нескольких наборов факторных переменных выбрать тот, который подразумевает оптимальное значение критерия (результата) финансовой операции. Это может быть, например, выбор одной из предлагаемых схем начисления процентов или наиболее выгодных условий по погашению долга в рассрочку.

Если предполагается, что значения эндогенных переменных фиксированы (известны заранее), то количественный анализ финансовой операции производится в условиях определенности. Именно такие задачи обычно предлагаются в учебных пособиях по финансовой математике. Однако на практике экономическая ситуация может достаточно быстро меняться, причем не всегда

предсказуемо. Поэтому, производя финансовые расчеты, экономист должен уметь анализировать, как изменятся результаты финансовой операции, если изменятся эндогенные переменные (курс валют, ставка рефинансирования и т. п.), а значит оценивать возможные риски. Разумеется, имеются специальные учебники и учебные пособия, в которых рассматриваются вопросы, касающиеся неопределенности в финансовых расчетах (например, [1]). Однако это учебные пособия предназначены для лиц, уже знакомых с методикой проведения финансовых расчетов. В данной статье рассматривается проблема формирования умений анализировать результаты финансовой операции в условиях неопределенности в рамках изучения стандартного курса «Финансовой математики».

Дисциплина «Финансовая математика» имеет несколько особенностей. Прежде всего, она обладает ярко выраженной практической направленностью. При изучении на младших курсах других математических дисциплин задачи с практическим содержанием выступают, в основном, в качестве иллюстраций рассматриваемых математических методов, в то время как любая задача по финансовой математике может рассматриваться как реальная проблема, с которой можно столкнуться на практике. Действительно, покупка товаров в рассрочку, взятие кредитов в банке, оформление ипотеки прочно вошли в нашу жизнь. Реклама вкладов, предложения различного вида кредитов и условия их погашения находятся в широком доступе. Поэтому студенты имеют представление о том, насколько широко применение математических методов при проведении финансовых расчетов и оценке их эффективности. В то же время решение стандартных задач по финансовой математике предполагает использование сравнительно несложного математического аппарата. Расчет процентных начислений по простой и сложной процентным ставкам сводится к использованию арифметической и геометрической прогрессий. Сочетание этих двух особенностей должно, казалось бы, способствовать повышению мотивации к изучению финансовой математики.

Однако опыт показывает, что студенты, первоначально проявляющие интерес к этой дисциплине, впоследствии теряют его. Особые сложности вызывают задания, в которых требуется проанализировать изменение результата финансовой операции в зависимости от изменяющихся условий. Как уже было сказано, формулировки задач по финансовой математике действительно соответствуют реальным ситуациям. Поэтому проблема потери мотивации и сложности анализа полученных результатов, на наш взгляд, заключается в предлагаемых методах решения стандартных задач в учебных пособиях по финансовой математике. Эти методы должны быть такими, чтобы в дальнейшем студент имел возможность, умение и желание ими воспользоваться.

Продemonстрируем, какие методы решения стандартных задач по финансовой математике предлагаются в учебниках и учебных пособиях. Как уже отмечалось, большинство задач описывается балансовыми математическими моделями. В этих задачах требуется подобрать значение фактора, при котором результат финансовой операции достигнет определенного значения.

В качестве примера рассмотрим стандартную задачу: «Банк начисляет проценты по сложной ставке 8% годовых. За какой срок вклад, помещенный в банк, удвоится?» Задача очень простая с математической точки зрения. Если ввести обозначения: P – первоначальный размер вклада, $i = 0,08$ – процентная ставка, T – срок вклада (в годах), то наращенная сумма вклада S рассчитывается по формуле $S = P \cdot (1 + i)^T$. По условию задачи $S = 2P$, поэтому нужно из уравнения

$2 = (1 + 0,08)^T$ выразить срок T . Однако в большинстве учебников студентам предлагается готовая «формула удвоения»: $T = \frac{\ln 2}{\ln (1 + i)}$. Если студент использует готовую формулу, то при

решении задачи, в которой вклад должен, например, утроиться, могут возникнуть проблемы.

Приведем еще один пример стандартной задачи: «Необходимо в течение двух лет погасить долг в размере 500 тыс. руб. равными срочными ежемесячными выплатами (в конце месяца). Банк начисляет проценты по ставке 1,5% ежемесячно. Определить размер срочной выплаты». В учебных пособиях ([2] и др.) предлагаются два основных подхода к решению данной задачи. Первый из них заключается в использовании готовых формул. Для случая постоянной ренты постнумерандо (одинаковых срочных выплат в конце периода) предлагается использовать формулу

$$R = P \cdot \frac{j}{1 - (1 + j)^{-n}}, \text{ где } R - \text{размер ежемесячной выплаты, } i = 0,015 - \text{процентная ставка за месяц,}$$

$P = 500\,000$ – первоначальный долг, $n = 24$ – число месяцев, в течение которых погашается кредит.

Второй подход также заключается в использовании готовой формулы. Предлагается выразить R из выражения $P = R \cdot a_{n;j}$, где $a_{n;j}$ – коэффициент приведения постоянной ренты, значение

которого можно найти в соответствующей таблице. Использование таблиц, на наш взгляд, – самый неудачный подход. Прежде всего, подразумевается, что таблица всегда должна быть в распоряжении того, кто решает задачу. Если для студента на занятиях это требование приемлемо, то для человека, который собрался оформить покупку в кредит в торговом центре, сомнительно. Кроме того, в таблицах значения коэффициентов дисконтирования и наращенного приводятся только для некоторых значений ставок и сроков дисконтирования (наращения). Например, для указанной в задаче ставки $i = 0,015$ значение коэффициента дисконтирования во многих таблицах отсутствует.

Остановимся подробнее на подходе к решению стандартных задач по финансовой математике по готовым формулам. На наш взгляд, многие учебные пособия «перегружены» ими. Например, в теме «Начисление простых процентов» для решения задач достаточно знать только две формулы: наращенного процентов по ставке $S = P(1 + iT)$ и дисконтирования по учетной ставке $P = S(1 - dT)$. Однако во многих учебных пособиях приводится порядка 20 готовых формул, среди которых: нахождение срока ссуды, нахождение процентной ставки; формула «удвоения» и т. п.

Но если в указанной теме формулы сравнительно простые, то в дальнейшем они значительно усложняются. Например, при изучении темы «постоянные финансовые ренты» предлагаются формулы:

$$\bullet a = \frac{1 - \left(1 + \frac{i}{p}\right)^{-np}}{i/p} - \text{для нахождения коэффициента приведения ренты с } p\text{-кратным}$$

начислением процентов,

$$\bullet n = \frac{\ln\left(1 - \frac{A}{R}i\right)^{-1}}{\ln(1 + i)} - \text{для нахождения срока ренты;}$$

$$\bullet A = \frac{1 - (1 + i)^{-n}}{p\left[(1 + i)^{1/p} - 1\right]} - \text{для нахождения современной стоимости } p\text{-срочной ренты и т. п.}$$

Обилие формул объясняется тем, что почти для каждого рассматриваемого примера приводится готовая формула. Можно сказать, что в некоторых учебных пособиях предлагается «кейс-метод», т. е. для конкретных перечисленных ситуаций предлагается свой метод решения в виде готовой формулы. Таким образом, у студентов исчезает необходимость в проведении хотя бы минимального рассуждения, все сводится к поиску нужной формулы. Студент осознает, что если в дальнейшей профессиональной деятельности перед ним этой формулы не окажется, то он применить свои знания на практике не сможет. А запомнить столько формул невозможно.

Можно возразить, что без формул в расчетах не обойтись. Однако их число можно существенно «уменьшить». Для решения большинства задач по финансовой математике достаточно знать четыре основных формулы: наращенного по простой и сложной процентной ставке и дисконтирования по простой и сложной учетной ставке. Остальные формулы могут быть выведены из них. Элементы такого подхода предлагаются в [3].

В последнее время в учебных пособиях предлагается для поиска значений параметров использовать встроенные финансовые функции в MS Excel. Обычно с помощью этих функций (ПС, БС, ПЛТ, СТАВКА, КПЕР) рассчитывают параметры рент. По сравнению с использованием готовых формул применение встроенных функций имеет ряд преимуществ. Прежде всего, значительно ускоряется процесс решения задач, поскольку не тратится время на арифметические расчеты. Кроме того, в дальнейшем с большей вероятностью можно ожидать, что студенты будут использовать при проведении финансовых расчетов встроенные функции, нежели готовые формулы и таблицы.

Однако как готовые формулы, так и встроенные функции имеют общий недостаток: они рассматривают стандартные ситуации и могут стать неприменимыми в случае изменения этих ситуаций. Например, если требуется рассчитать размер аннуитетного (постоянного) платежа при изменяющейся процентной ставке, то готовой формулы для этой ситуации в учебниках, как правило, нет, а встроенные функции в «чистом виде» неприменимы. Или ставится задача рассчитать аннуитетный платеж при условии, что он вносится в определенный день месяца. Поскольку в месяцах разное число дней, рента перестает быть периодической, а значит неприменимы многие готовые формулы и встроенные функции.

На наш взгляд, для решения балансовых задач следует использовать инструмент «Подбор параметра». Этот инструмент позволяет подобрать значение фактора, при котором результат

принимает определенное значение. Несмотря на то что «Подбор параметра» очень прост в применении, ссылки на него в учебных пособиях практически отсутствуют. Исключение составляет задача о поиске внутренней нормы доходности *IRR* (размере ставки, при котором чистый доход от инвестиционных вложений равен нулю).

Использование «Подбора параметра» подразумевает создание в MS Excel шаблонов для нахождения результатов финансовой операции в зависимости от набора значений как внешних, так и внутренних переменных. Преимущества указанных шаблонов в том, что их можно адаптировать к реальным условиям. Например, вводится шаблон для расчета наращенной суммы при условии ежемесячной капитализации процентов (в качестве факторов вводятся значения первоначальной суммы, срока вклада и процентной ставки, в качестве результативных переменных – наращенная сумма и размер начисленных процентов). Этот шаблон может адаптироваться к реальной ситуации (учитывать возможные изменения процентной ставки, инфляцию, налогообложение и т. п.). «Подбор параметра» позволяет найти значение факторной переменной при условии, что результативная переменная принимает целевое значение. Кроме того, данный шаблон позволяет закладывать сценарный анализ развития (пессимистический, оптимистический, промежуточный), что позволяет оценивать риски отклонения фактического результата от ожидаемого значения.

Использование «Подбора параметра» позволяет решать (и проанализировать результат) задачи, описываемые оптимизационными математическими моделями. Оптимизационная модель обычно подразумевает проблему нахождения фактора, при котором одна финансовая операция более эффективна, чем другая. Например, требуется выяснить, при каких сроках вклада сложная процентная ставка более выгодна для вкладчика, чем простая. Решение этой задачи заключается в сравнении наращенных сумм $S = P(1 + iT)$ и $S = P(1 + i)^T$ при различных значениях срока T . Если ставки различные, то уравнение $P(1 + i_1 T) = P(1 + i_2)^T$ разрешить относительно T стандартными алгебраическими методами невозможно. Однако с помощью «Подбора параметра» можно найти решение уравнения, которое является своеобразным «барьером». Данный барьер разбивает диапазон сроков вкладов на два промежутка: при сроках из одного промежутка более выгодна простая ставка, а из другого – сложная.

Таким образом, идея решения оптимизационных задач состоит в следующем. Нужно составить в MS Excel шаблон, в котором на основании введенных значений факторных переменных рассчитываются результаты двух финансовых операций. В качестве целевой функции рассматривается разница между этими результатами. «Подбор параметра» позволяет найти барьерное значение фактора, при котором разница результатов равна нулю.

«Подбор параметра» значительно упрощает составление схем погашения долга в рассрочку. Предполагается составление шаблона схемы расчетов и определение значения факторной переменной (например, аннуитетного платежа), при котором остаток долга после определенного числа выплат становится равным нулю.

Описанный подход к решению задач финансовой математики позволит значительно повысить качество подготовки студентов экономических направлений в области проведения финансовых операций и оценки их эффективности.

Примечания

1. Ширяев А. Н. Основы стохастической финансовой математики. Т. 1. Факты. Модели. М.: ФАЗИС, 1998.
2. Блау С. Л. Финансовая математика: учеб. для студ. учреждений сред. проф. образ. М.: ИЦ Академия, 2013;
- Касимов Ю. Ф. Финансовая математика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012; Четыркин Е. М. Финансовая математика: учебник. М.: ИД Дело РАНХиГС, 2011; Чуйко А. С. Финансовая математика: учеб. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013.
3. Самаров К. Л. Финансовая математика: учеб.-метод. пособие для студ. М.: ООО «Резольвента», 2010.

Notes

1. Shiryaev A. N. Osnovy stohasticheskoy finansovoy matematiki [Fundamentals of stochastic financial mathematics. Vol. 1. Facts. Models]. M. FAZIS. 1998.
2. Blau S. L. Finansovaya matematika: ucheb. dlya stud. uchrezhd. sred. prof. obraz. [Financial mathematics: proc. for stud. of secondary vocational education]. M. RC Academiya. 2013; Kasimov Yu. F. Finansovaya matematika: uchebnik dlya bakalavrov [Financial mathematics: textbook for bachelors]. M. Yurait. 2012; Chetyrkin E. M. Finansovaya matematika: uchebnik [Financial mathematics: textbook]. M. Publ. house Delo of Russian Academy of national economy and public administration. 2011; Chuyko A. S. Finansovaya matematika: ucheb. posobie. [Financial mathematics: tutorial]. M. SIC INFRA-M. 2013.
3. Samarov K. L. Finansovaya matematika: ucheb.-metod. posobie dlya stud. [Financial mathematics: textbook-method. manual for students]. M. ООО "Resolventa". 2010.

О концепции формирования физического мышления при дистанционном обучении в основной школе

В статье обозначены основные положения концепции формирования физического мышления в системе дистанционного образования.

The article outlines the key provisions of the concept formatting physical thinking in distance education.

Ключевые слова: дистанционное образование, физическое мышление, нормы физического мышления.

Keywords: distance education, physical thinking, norms of physical thinking.

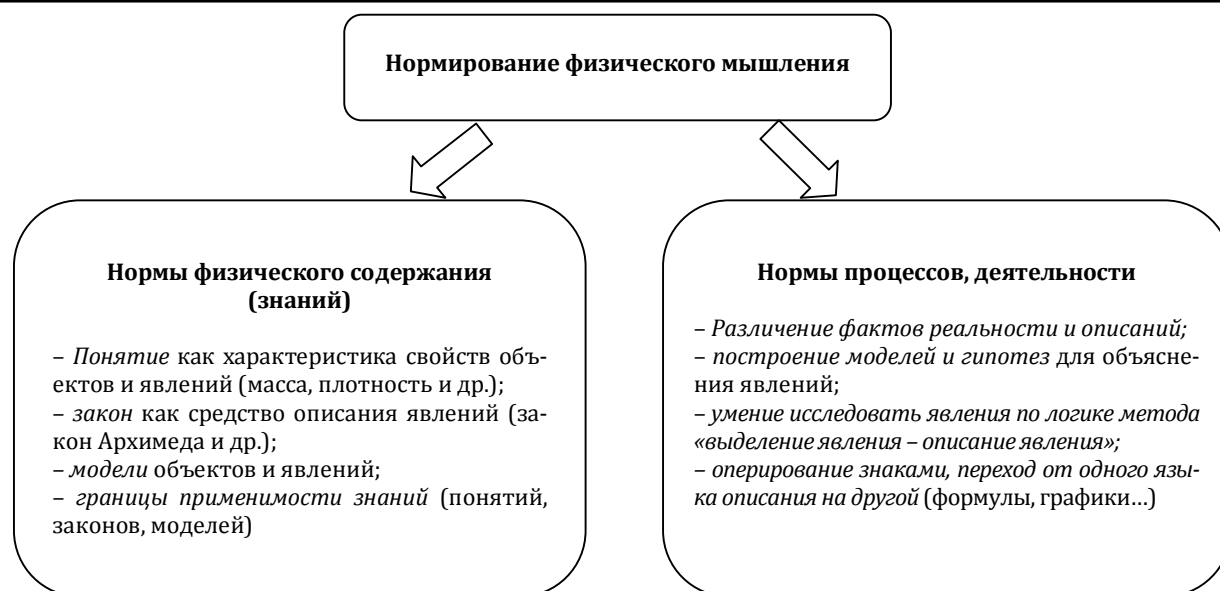
Постановка научно-методической проблемы. В связи с переходом основной школы на стандарты нового поколения происходит переосмысление процесса обучения, в том числе и по физике. В настоящее время большое внимание уделяется научной грамотности школьников (В. Г. Разумовский и др. [1]) и, в связи с этим, формированию физического мышления, методам научного познания, физическому миропониманию (В. В. Мултановский, Ю. А. Сауров, К. А. Коханов и др. [2]). Так, в образовательных программах требуется достижение, например, таких весьма трудных метапредметных результатов обучения, как «понимание различий между исходными фактами и гипотезами для их объяснения, теоретическими моделями и реальными объектами», «овладение универсальным способом деятельности на примерах выдвижения гипотез для объяснения фактов и экспериментальной проверки выдвинутых гипотез». Отсюда обостряется необходимость построения и внедрения методики освоения физического мышления в основной школе и в системе дополнительного образования детей. Нами ставится задача на основе имеющихся достижений методики физики заложить современные нормы физического мышления во все виды учебной деятельности и дидактические средства обучения.

Представления о физическом мышлении и проблема его нормирования для эффективного обучения. Важно признать, что мышление – феномен со многими свойствами (В. М. Розин, В. Ф. Юлов и др. [3]). Вот только некоторые распространенные характеристики: наглядно-действенное, творческое, репродуктивное, эмпирическое, теоретическое, знаковое, понятийное, рефлексивное, диалектическое... При этом мышление существует в единстве с рефлексией, пониманием, предметной деятельностью, познавательной коммуникацией (Г. П. Щедровицкий и др.). Для методики обучения в каждом конкретном случае необходимо принципиально определить ведущие мыслительные деятельности с объектами и явлениями физической реальности. И сделать это нужно технологично, задав соответствующие нормы через содержание и образцы деятельности. С нашей точки зрения, фундаментальными и ведущими учебными деятельностями, которые содержательно задают особенности мыслительной деятельности при обучении физике, являются экспериментирование и моделирование. На этом материале и следует искать или строить нормы физического мышления. Два направления такой методической работы обозначены на схеме (см. рисунок).

Ключевым для нормирования мышления и стратегическим для повышения качества обучения считаем различение физических объектов и явлений реальности и их описаний различными средствами (Г. П. Щедровицкий, Ю. А. Сауров и др. [4]). Именно этим шагом достигается понимание физического мира, что особенно важно для развития познавательного (и социального!) интереса к предмету.

Основные идеи концепции освоения физического мышления в системе дистанционного обучения строятся как следствие методологических, психолого-педагогических и общепедagogических представлений. Определим содержание двух последних блоков знаний.

Условия и особенности дистанционного образования. Данная форма обучения предполагает удаленность ученика от учителя в пространстве, ограниченные возможности их взаимодействия, доминирование письменной речи, вследствие чего возникает необходимость построения специальной системы организации учебного процесса, особой методикой разработки и построения учебных пособий. Она должна быть ориентирована на присвоение основных для обучения физике компетенций, среди которых приоритетными для достижения научной грамотности являются формирование физического мышления и миропонимания.

О процессах построения необходимых и доступных норм физического мышления для дистанционного обучения в базовой школе. В настоящее время нами организованы процессы построения и отбора норм мышления при изучении всех тем базового курса физики. Анализ этой реальности позволяет фиксировать следующее.

Физическое мышление по определению и цели осваивается в учебной деятельности, в процессе освоения современных норм деятельности экспериментирования и моделирования. Нормирование физического мышления осуществляется на разных уровнях: в структуре и содержании материала пособий для дистанционного образования, развернутых примерах представления мышления при решении задач, специализированных заданиях для освоения отдельных норм физического мышления (поиск причин и их описание, выдвижение гипотез...), представлении логики метода познания в письменной речи ответов школьников, комментировании методистом результата контрольных работ, диалоге онлайн через систему Интернет.

По мере изучения нового материала появляются новые по содержанию и форме возможности задания норм мышления, доступных для освоения школьниками. На начальном этапе обучения физике (седьмой, восьмой классы) доминируют такие виды теоретических обобщений (по В. В. Мултановскому), как понятия и законы. Важно раскрыть в содержании заданий смысл этих обобщений как отражений реальности. Параллельно идет поиск нормирования процессов формирования умений различать факты реальности и средства их описания, выделять физические явления и строить гипотезы для их объяснения. Например, в седьмых классах на формирование данных умений направлено большое количество качественных задач; приведены примеры решения задач, в которых делается акцент на выделение физических явлений и объектов, а также средств их описания – физических величин, законов. Мы предполагаем, что систематическая работа по заданному плану будет способствовать освоению норм мышления.

В девятых классах усиливается количественное описание объектов и явлений законами. Отсюда возникают возможности построения (задания в деятельности) моделей явлений и определения границ их применимости. Учитывая ориентир ФГОС на освоение научного метода познания, для девятого класса мы предлагаем его нормирование следующей схемой: «выделение явления – описание явления». Она задаёт методологическую ориентировку для структурирования материала базового курса физики. Дополнительно через решение конкретных специализированных заданий можно расширить структуру метода этапом «применения знаний», а в старшей школе перейти к классической форме «факты – гипотеза, модель – следствия – эксперимент». Нормируются и отдельные учебные действия, такие как поиск научных фактов, формулирование гипотез на основе фактов, получение следствий, моделирование, экспериментальное подтверждение следствий и др.

Заключение. Для научного исследования в первом приближении теоретическое конструирование (проектирование) методики формирования мышления должно быть хорошо заложено в содержание учебного пособия для школьников [5]. Но во втором приближении в непосредственном процессе обучения должно быть зафиксировано реальное освоение норм мышления школьниками, выделены особенности (затруднения, закономерности...) и выявлены их причины. И тогда, в третьем приближении, возникают возможности совершенствования и рас-

пространения методики формирования мышления при обучении. Знаковое представление этих трех этапов методической деятельности и задает целостную концепцию освоения норм физического мышления.

Примечания

1. Разумовский В. Г., Майер В. В., Вараксина Е. И. ФГОС и изучение физики в школе: о научной грамотности и развитии познавательной и творческой активности школьников: монография. СПб.: Нестор-История, 2014.
2. Мултановский В. В. Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе. М.: Просвещение, 1977; Коханов К. А., Сауров Ю. А. Проблема задания и формирования современной культуры физического мышления: монография. Киров: Изд-во ЦДООШ: «Старая Вятка», 2013.
3. Розин В. М. Мышление: сущность и развитие. М.: ЛЕНАРД, 2015; Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М.: Академ. проект, 2005.
4. Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. М., 2004; Сауров Ю. А. Формирование понятий при изучении механики и молекулярной физики: методологические основы // Физика: Приложение к газете «Первое сентября». 2005. № 18. С. 47–50.
5. Позолотина М. П. Познание физических явлений: учеб. пособие для учащихся 7-х кл. заоч. шк. / под ред. К. А. Коханова. Киров: Изд-во ЦДООШ, 2015; Механические явления и средства их описания: учеб. пособие для учащихся 9-х кл. заоч. шк. Ч. 1 / сост. М. П. Позолотина; под ред. К. А. Коханова. Киров: Изд-во ЦДООШ, 2015.

Notes

1. Razumovsky V. G., Majer V. V., Varaksina E. I. FGOS i izuchenie fiziki v shkole: o nauchnoj gramotnosti i razvitiy poznavatel'noj i tvorcheskoy aktivnosti shkol'nikov: monografiya [FSES and the study of physics in high school: on scientific literacy and development of cognitive and creative activity of schoolchildren: monograph]. SPb. Nestor-History. 2014.
2. Multanovskiy V. V. Fizicheskie vzaimodejstviya i kartina mira v shkol'nom kurse [Physical interaction and a world view in school course]. M. Prosveshcheniye. 1977; Kokhanov K. A., Saurov Y. A. Problema zadaniya i formirovaniya sovremennoj kul'tury fizicheskogo myshleniya: monografiya [Problem of jobs and the formation of modern culture of physical thinking: a monograph]. Kirov. Publishing house of CAEGS: "StarayaVyatka". 2013.
3. Rozin V. M. Myshlenie: sushchnost' i razvitie [Thinking: the essence and development]. M. LENARD. 2015; Yulov V. F. Myshlenie v kontekste soznaniya [Thinking in the context of consciousness]. M. Acad. Projekt. 2005.
4. Shchedrovitsky G. P. Problemy logiki nauchnogo issledovaniya i analiz struktury nauki [Problems of the logic of research and analysis of the structure of science]. M. 2004; Saurov Y. A. Formirovanie ponyatij pri izuchenii mekhaniki i molekulyarnoy fiziki: metodologicheskie osnovy [Formation of concepts in the study of mechanics and molecular physics: methodological foundations] // Fizika: Prilozhenie k gazete «Pervoe sentyabrya» – Physics: Annex to the newspaper "First of September". 2005, No. 18, pp. 47–50.
5. Pozolotina M. P. Poznanie fizicheskikh yavlenij: ucheb. posobie dlya uchashchihsya 7-h kl. zaoch. Shk. [Knowledge of physical phenomena: manual for pupils of the 7th class of the absentia]. / ed. by K. A. Kokhanov. Kirov. Publishing house of CAEGS. 2015; Mekhanicheskie yavleniya i sredstva ih opisaniya: ucheb. posobie dlya uchashchihsya 9-h kl. zaoch. shk.- Mechanical phenomena and their descriptions: manual for pupils of the 9th class of the absentia. Part 1 / ed. Pozolotina M. P.; edited by K. A. Kokhanov. Kirov. Publishing house of CAEGS. 2015.

УДК 378,501

В. И. Варанкина, Е. М. Вечтомов

Первые магистратуры на Вятской земле*

Статья посвящена вопросам становления и развития первых магистратур в Кировской области. Раскрываются исторические аспекты магистерского образования в сфере математики и физики в Вятском государственном гуманитарном университете. Рассматриваются авторские магистерские программы «Математическое образование», «Физическое образование», «Алгебра и дискретная математика». Анализируются проблемы, возможности и пути развития физико-математического образования в магистратуре. Показано, что магистратура является важной составной частью непрерывного образования, способной интегрировать обучение с наукой.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ и Кировской области «Проблемы и перспективы развития непрерывного математического образования в Кировской области», проект № 15-16-43005.

The article is devoted to some questions of formation and development of the first master programs in the Kirov region. It reveals some historical aspects of graduate education on mathematics and physics in Vyatka State University of Humanities. Master programs "Mathematical Education", "Physical Education", "Algebra and discrete mathematics" are considered. Challenges, opportunities and some ways of development for physical-mathematical education in the magistracy are analyzed. It's shown, that a magistracy is an important part of continuous education which is capable to integrate an education with a science.

Ключевые слова: математическое образование, физическое образование, магистратура, математика, физика.

Keywords: mathematical education, physical education, magistracy, mathematics, physics.

Введение. За последние двадцать лет в высшем физико-математическом образовании произошло много разных событий. Все это время идет поиск некоего устойчивого и эффективно-го состояния системы физико-математического образования. Эти постоянные поиски, как успешные, так и неудачные, суть симптомы кризиса российской системы образования. В данных условиях немаловажным и новым оказался переход на подготовку магистров образования. Сейчас можно признать, что выстроено новое целостное направление работы на факультетах и кафедрах нашего университета. И это направление деятельности оказалось жизнеспособным.

Предыстория. Основанный в 1914 г. как учительский институт, Вятский государственный гуманитарный университет на протяжении многих лет занимался подготовкой только учителей. С 1934 г. это был всем известный Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, прославившийся подготовкой тысяч высокопрофессиональных учителей, работавших и продолжающих работать в образовательных учреждениях г. Кирова, Кировской области, СССР и Российской Федерации. В 1995 г. вуз был переименован в Вятский государственный педагогический университет (в 2002 г. – в Вятский государственный гуманитарный университет), в эти годы была начата подготовка специалистов и непедagogических направлений.

В нулевые годы в стране повсеместно стал осуществляться переход на двухуровневую систему образования – бакалавриат и магистратуру.

Формально (и официально) магистратура по педагогическому образованию (540100 Естественное знание) открылась в ВятГПУ еще в 1999 г., но тогда бюджетные места на магистратуру не выделялись. Платная магистратура не привлекала абитуриентов. К этому времени магистерские программы разработали доктор педагогических наук, профессор Ю. А. Сауров по физическому образованию и доктор физико-математических наук, профессор Е. М. Вечтомов по математическому образованию. Под редакцией Ю. А. Саурова была издана брошюра [1] со своей концепцией магистратуры, а Е. М. Вечтомов представил два профиля магистратуры: «Математико-педагогическое образование» и «Алгебра и топология».

Следует отметить, что в нашем вузе в 1994 г. были утверждены аспирантуры: по специальности 13.00.02 Методика обучения физике под руководством профессора Ю. А. Саурова и по специальности 01.01.06 Математическая логика, алгебра и теория чисел под руководством профессора Е. М. Вечтомова. Кроме того, в 1997 г. открылась аспирантура по специальности 13.00.02 Методика обучения математике (научный руководитель – Г. И. Саранцев, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО, профессор Мордовского государственного педагогического института).

Успешной работе магистратур в дальнейшем способствовало наличие указанных аспирантур и научных школ «Функциональная алгебра и теория полуколец» [2] под руководством Е. М. Вечтомова и «Методологические вопросы в школьном курсе физики» [3] под руководством Ю. А. Саурова.

Физико-математическое образование. Впервые подготовка магистров в университете и в целом в Кировской области была начата на физико-математическом факультете ВятГГУ в 2009 г. по направлению 540200 (050200.68) «Физико-математическое образование» по двум программам – 540201М «Математическое образование» и 540202М «Физическое образование».

В квалификационной характеристике магистра говорилось: «Выпускник, получивший степень магистра физико-математического образования, подготовлен к научно-исследовательской и педагогической деятельности, требующей углубленной фундаментальной и профессиональной подготовки в области физико-математического образования. Готов работать в различных типах учебных заведений, включая профильную школу, средние специальные и высшие учебные заведения. Возможно продолжение образования в аспирантуре по научным специальностям 01.00.00 Физико-математические науки и 13.00.00 Педагогические науки».

Выпускающими кафедрами по магистратуре в соответствии с реализуемыми программами стали кафедра высшей математики и кафедра дидактики физики и математики. На кафедре

высшей математики в то время работали 10 преподавателей: два доктора физико-математических наук (по специальности 01.01.06 Математическая логика, алгебра и теория чисел), шесть кандидатов физико-математических наук (из них четыре – по специальности 01.01.06), два старших преподавателя. На кафедре дидактики физики и математики – девять преподавателей: один доктор, шесть кандидатов педагогических наук (по специальности 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания) и два старших преподавателя.

Руководителем магистратуры по программе «Математическое образование» стал заведующий кафедрой высшей математики, доктор физико-математических наук, профессор Е. М. Вечтомов (с 2013 г. магистратурой руководит доктор педагогических наук, профессор С. И. Калинин), руководителем магистратуры по программе «Физическое образование» – ректор ВятГГУ, заведующий кафедрой дидактики физики и математики, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО В. С. Данюшенков.

В 2009 г. на направление подготовки магистров «Физико-математическое образование» были приняты пять человек – наиболее успешные и мотивированные на дальнейшее обучение выпускники специалитета физико-математического факультета этого же года: трое – на программу «Математическое образование», двое – на программу «Физическое образование».

**Первые магистранты ВятГГУ,
направление 540200 Физико-математическое образование**

№ п/п	Ф.И.О магистранта	Тема магистерской диссертации	Научный руководитель
Программа «Математическое образование»			
1	Тебенкова Светлана Владимировна	Изучение жизни и научного творчества профессора Ф. Ф. Нагибина	К. ф.-м. н., доцент кафедры высшей математики В. И. Варанкина
2	Чебаевская Анна Васильевна	Регулярные полукольца с дополни- тельными условиями	Д. ф.-м. н., профессор кафедры высшей математики В. В. Чермных
3	Рябкова Мария Олеговна	Подготовка учащихся в малых группах к итоговой аттестации по математике за курс средней школы	К. п. н., доцент кафедры дидак- тики физики и математики П. М. Горев
Программа «Физическое образование»			
4	Дубовцева Екатерина Николаевна	Проблема составления учебных физи- ческих задач как метода обучения и вида учебной деятельности	Д. п. н., профессор кафедры дидактики физики и математики Ю. А. Сауров
5	Кораблева Наталья Анатольевна	Проблема организации системы допол- нительных занятий для подготовки к изучению естественнонаучных дисцип- лин учащихся пятых классов (на приме- ре содержания физики)	К. п. н., доцент кафедры дидактики физики и математики К. А. Коханов

Приведем перечень специальных дисциплин программы 540201М «Математическое образование»: Современная алгебра; Теория множеств и общая топология; Теория полуколец; Функциональная алгебра; Методология математики; Проблемы решения учебных математических задач; Теория и методика обучения математике в профильной школе; Работа с одаренными школьниками, спецкурсы по выбору студентов.

Список специальных дисциплин программы 540202М «Физическое образование»: Моделирование физических явлений на компьютере, История и методология физики, История и методология методики обучения физике, Избранные вопросы фундаментальной физики и астрономии, Технология обучения физике, Диагностика достижений школьников, Методы решения нестандартных задач, спецкурсы по выбору.

Опыт освоения программ магистерской подготовки позволяет четко отличить эффективную деятельность от малопродуктивной. Наиболее продуктивным средством освоения современных компетенций образовательной и научно-методической деятельности является выполненный магистерских исследований. Необходимым условием является заинтересованная совместная работа магистранта и научного руководителя, работа поисковая и творческая. Очевидно, что полезным здесь был и опыт руководства аспирантами.

Важным элементом в выполнении и подготовке магистерских диссертаций является подготовка научно-методической статьи и выступления на конференции. Организационно эта деятельность поддерживается изданием сборника научных статей студентов и магистрантов «По-

знание процессов обучения физике» (16 выпусков) и межвузовского сборника научно-методических статей «Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона» (17 выпусков).

Защита первых магистерских диссертаций состоялась 7 апреля 2011 г., а вручение дипломов – 6 июля 2011 г. Трое из пяти выпускников магистратуры получили дипломы с отличием.

В отчете итоговой аттестационной комиссии (ИАК), подписанном В. А. Сараниным, председателем ИАК, доктором физико-математических наук, профессором, заведующим лабораторией компьютерного моделирования Глазовского государственного педагогического института имени В. Г. Короленко, говорится: «Результаты итоговой аттестации позволяют сделать вывод, что общая профессиональная подготовка выпускников факультета информатики, математики и физики направления подготовки 050200.68 Физико-математическое образование ВятГГУ полностью отвечает требованиям Государственного образовательного стандарта, предъявляемым к выпускникам степени подготовки магистр физико-математического образования... За время обучения студенты данного направления приобрели знания в области экспериментальной и теоретической физики, алгебры и геометрии, методики преподавания физики и математики, педагогики, психологии. Средний балл по результатам сессий за время обучения составил 4,7. Общий уровень подготовки студентов факультета информатики, математики и физики ВятГГУ по направлению подготовки 050200.68 Физико-математическое образование достаточно высокий».

Все магистры первого выпуска в настоящее время заняты преподавательской деятельностью и работают в учебных заведениях Кировской области.

В целом, магистранты-математики в рамках проводимых диссертационных исследований развивают тематику своих дипломных работ, осуществляя научные исследования по трем направлениям: история математического образования, абстрактная алгебра, методика обучения математике в школе и в вузе. За время учебы все они приобретают опыт публичных выступлений на научных конференциях, становятся авторами публикаций.

Магистранты-физики выполнили следующие исследования: Методика использования компьютерных моделей физических явлений в школьном курсе физики, Методика использования интернет-технологий для развития творческих способностей школьников при изучении физики, Сравнительная характеристика учебников для 10-го класса профильной школы и особенности методики их использования, Проблема формирования современного физического миропонимания в старшей школе, Проблема освоения метода научного познания при проведении лабораторных экспериментальных исследований в обучении физике, Методика построения и использования учебных физических задач с историческим содержанием и другие.

Математика и компьютерные науки. В 2010 г. на физико-математическом факультете была начата подготовка бакалавров по направлению 010300.62 «Математика. Компьютерные науки». Впервые в Кирове стали готовить классических математиков непедагогического профиля.

На год позднее, в 2011 г., в ВятГГУ была открыта магистратура 010200.68 «Математика и компьютерные науки» с профилем «Алгебра и дискретная математика» и осуществлен прием 10 магистрантов. Руководителем магистратуры назначен профессор Е. М. Вечтомов.

Первыми студентами магистратуры 010200.68 «Математика и компьютерные науки», профиль «Алгебра и дискретная математика», стали выпускники специалитетов факультета информатики, математики и физики: Екатерина Михайловна Ларенова, Татьяна Владимировна Матвеева, Ольга Сергеевна Микрюкова, Андрей Юрьевич Николаев, Елена Леонидовна Родыгина, Елизавета Григорьевна Сергеева, Владимир Юрьевич Спасский.

В 2013 г. все семь человек получили диплом магистра, пять из них – диплом с отличием. Из первых выпускников магистратуры «Математика и компьютерные науки» Т. В. Матвеева преподает в ВятГГУ, Е. Л. Родыгина и Е. Г. Сергеева продолжили обучение в аспирантуре по алгебре.

Отметим, что в конкурсе основных образовательных программ (ООП) магистратур, организованном в ВятГГУ в 2013 г., ООП по направлению подготовки магистров 010200.68 «Математика и компьютерные науки» заняла первое место (разработчики – Е. М. Вечтомов, В. И. Варанкина).

Тематика магистерских диссертаций по данному направлению связана с современной алгеброй, с дискретной математикой, с применением компьютерных наук в образовании и экономике.

Количество выпускников магистратур по математике, физике и информатике на факультете информатики, математики и физики (образовался в 2011 г. в результате объединения физико-математического факультета и факультета информатики) отражено в таблице:

Направление подготовки магистров	Число выпускников (к 2015 г.)	Число магистрантов в 2015–2016 уч. г.
44.04.01 Педагогическое образование, профиль «Математика»	10	5
44.04.01 Педагогическое образование, профиль «Физика»	11	5
02.04.01 Математика и компьютерные науки, профиль «Алгебра и дискретная математика»	24	31
03.04.02 Физика, профиль «Медицинская физика»	–	20
09.04.03 Прикладная информатика, профиль «Прикладная информатика в экономике»	3	–
ИТОГО	48	61

Перечислим научных руководителей магистерских работ по первым трем направлениям. Магистерскими диссертациями руководили и руководят: профессор Е. М. Вечтомов (7+7), профессор Ю. А. Сауров (6+3), профессор С. И. Калинин (4+4), профессор В. В. Чермных (5+1), профессор С. М. Окулов (1+3), доцент Н. А. Бушмелева (2+4), доцент В. И. Варанкина (4+1), доцент П. М. Горев (3+2), доцент Е. В. Котельников (1+3), доцент Д. В. Чупраков (4+3), а также профессора В. С. Данюшенков и О. В. Коршунова, доценты К. А. Коханов, М. В. Крутихина, Е. Н. Лубягина, В. В. Сидоров, З. В. Шилова, Д. В. Широков.

Проблемы. Трудности введения магистерской подготовки в значительной степени были обусловлены общим изменением структуры высшего образования. Происходил трудный переход на систему бакалавриата, что обосновывало необходимость магистерской подготовки. Но сначала все же в магистратуру шли выпускники специалитета.

К сожалению, тенденцией является приближение учебного плана и программ второго уровня подготовки к первому уровню, возрастание репродуктивной деятельности и т. д. Магистерский уровень образования не должен быть линейным продолжением бакалавриата или специалитета.

Малый набор магистрантов (от двух до 10), учеба во вторую смену после работы, низкая посещаемость занятий диктуют существенное изменение формы организации учебного процесса в магистратуре. Вне зависимости от базовой подготовки возникает необходимость в рассмотрении современных систем знаний, в организации творческой деятельности.

Актуальной является подготовка системы учебных пособий на платформе деятельностной парадигмы. В нашем случае основание для этого уже имеется в форме ряда пособий и монографий по математике [4] и по физике [5].

Заключение. Подчеркнем следующее. Во-первых, реализация двухуровневой подготовки студентов в ВятГГУ соответствует требованиям времени, во-вторых, и по содержанию, и по формам деятельности она должна быть тоже уровневая, в-третьих, научно-методическая деятельность в магистратуре должна быть системообразующей со всеми вытекающими условиями и требованиями, в-четвертых, общекультурным основанием должно быть формирование методологической культуры, в-пятых, профессиональным основанием должно быть освоение математического/физического мышления.

Следует признать, что этап становления и осмысления магистерской подготовки в нашем университете завершен. Начинается этап стабильного развития магистерского образования. Магистратура выступает в качестве важного звена в системе высшего образования – связующего элемента между бакалавриатом и аспирантурой, интегрирующего образование и науку.

Примечания

1. Учебный план и программы подготовки магистра образования: направление – естествознание, специализация – физическое образование / отв. ред. Ю. А. Сауров. Киров: Изд-во Вят. ГПУ, 1999.

2. Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. Научная алгебраическая школа // Герценка: Вятские записки. 2009. Вып. 15. С. 199–207.; Вечтомов Е. М., Чермных В. В. Полукольца отображений: аналит. науч. обзор. М.: РФФИ, 2003; Вечтомов Е. М. Строение полутел: аналит. науч. обзор. М.: РФФИ, 2008.

3. Патрушев В. Н., Сауров Ю. А. Вятская научная школа методистов-физиков: факты и мысли о становлении. Киров: Изд-во Вят. ГПУ, 1997; Сауров Ю. А. Деятельность методистов-физиков, вышедших из Кировского государственного педагогического института // Физика в школе. 2014. № 3. С. 62–64.

4. Вечтомов Е. М. Кольца непрерывных функций на топологических пространствах. Избранные темы: учеб. пособие для спецкурса. М.: МПГУ, 1992; Он же. Функциональные представления колец: монография. М.: МПГУ, 1993; Чермных В. В. Полукольца: учеб. пособие. Киров: ВятГПУ, 1997; Вечтомов Е. М. Введение в полукольца: пособие. Киров: ВятГПУ, 2000; Чермных В. В. Функциональные представления полуколец: монография. Киров: ВятГГУ, 2010; Вечтомов Е. М., Сидоров В. В., Чупраков Д. В. Полукольца непрерывных функций. Киров: ВятГГУ, 2011.; Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н., Чермных В. В. Элементы теории полуколец. Киров:

ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012; *Вечтомов Е. М.* Философия математики: монография. Киров: ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013; *Он же.* Основные математические структуры: учеб. пособие. Киров: ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013; *Варанкина В. И., Вечтомов Е. М., Канин Е. С.* Профессор Фёдор Нагибин. Сквозь призму времени: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ: ООО «Лобань», 2014; *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В.* Абстрактная алгебра. Базовый курс: учеб. пособие. Киров: ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2014; *Вечтомов Е. М., Петров А. А.* Полукольца с идемпотентным умножением: монография. Киров: ВятГГУ: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015.

5. *Сауров Ю. А.* Принцип цикличности в методике обучения физике: монография. Киров: Изд-во КИПК и ПРО, 2008; *Орлов В. А., Сауров Ю. А.* Практика решения физических задач: 10–11 класс: учеб. пособие для учащихся общеобраз. учрежд. М.: Вентана-Граф, 2015; *Коханов К. А., Сауров Ю. А.* Методология функционирования и развития школьного физического образования: монография. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012; *Они же.* Проблема задания и формирования современной культуры физического мышления: монография. Киров: Изд-во ИРО Киров. обл., 2013; *Сауров Ю. А.* Научное творчество профессора В. В. Мултановского. О личности в образовании: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ: О-Краткое, 2015.

Notes

1. Uchebnyj plan i programmy podgotovki magistra obrazovaniya: napravlenie – estestvoznaniye, specializaciya – fizicheskoe obrazovanie - Curriculum and programs of preparation of masters of education: the course – natural study, specialization – physical education / resp. ed. J. A. Saurov. Kirov. Publishing house of VyatSPU. 1999.

2. V. I. Varankina, E. M. Vechtomov Nauchnaya algebraicheskaya shkola [Scientific algebraic school] // Gercenka: Vyatskie zapiski - Gertsenka: Vyatka notes. 2009. Is. 15. Pp. 199–207.; E. M. Vechtomov, V. V. Chermnykh Polukol'ca otobrazhenij: analit. nauch. obzor. [Half-rings of maps: analyt. scientific review]. M. Russian Foundation for basic research. 2003; Vechtomov E. M. Stroenie polutel: analit. nauch. obzor. [Structure of half-bodies: analyt. scientific review]. M. Russian Foundation for basic research. 2008.

3. Patrushev V. N., Saurov Yu.A. Vyatskaya nauchnaya shkola metodistov-fizikov: fakty i mysli o stanovlenii [Vyatka scientific school of methodists-physicists: facts and thoughts about becoming]. Kirov. Publishing house of VyatSPU. 1997; Saurov Yu.A. Deyatel'nost' metodistov-fizikov, vyshedshih iz Kirovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [Activities of methodists-physicists who came from the Kirov State Pedagogical Institute] // Fizika v shkole – Physics in school. 2014, No. 3, pp. 62–64.

4. Vechtomov E. M. Kol'ca nepreryvnykh funktsij na topologicheskikh prostranstvakh. Izbrannye temy: ucheb. posobie dlya spektora. [Rings of continuous functions on topological spaces. Selected topics: textbook for the special course]. M. Moscow State Pedagogical University, 1992. Also him. Funktsional'nye predstavleniya kolec: monografiya [Functional representations of rings: monograph]. M. Moscow State Pedagogical University. 1993; V. V. Chermnykh Polukol'ca: ucheb. posobie. [Half-rings: tutorial]. Kirov. VyatSPU. 1997; Vechtomov E. M. Vvedenie v polukol'ca: posobie. [Introduction to the ring: tutorial]. Kirov. VyatSHU. 2000; V. V. Chermnykh Funktsional'nye predstavleniya polukolec: monografiya [Functional representations of semirings: monograph]. Kirov. VyatSHU. 2010; Vechtomov E. M., Sidorov V. V., Chuprakov D. V. Polukol'ca nepreryvnykh funktsij [Semi-rings of continuous functions]. Kirov. VyatSHU. 2011.; Vechtomov E. M., Lubyagin E. N., Chermnykh, V. V. EHlementy teorii polukolec [Elements of the theory of semirings]. Kirov. VyatSHU: Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2012; Vechtomov E. M. Filosofiya matematiki: monografiya [Philosophy of mathematics: monograph]. Kirov. VyatSHU: Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2013. Also him. Osnovnye matematicheskie struktury: ucheb. posobie [Basic mathematical structures: tutorial]. Kirov. VyatSHU: Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2013; V. I. Varankina, E. M. Vechtomov, Kanin E. S. Professor Fyodor Nagibin. Skvoz' prizmu vremeni: monografiya [Professor Fedor Nagibin. Through the prism of time: monograph]. Kirov. Publishing house of VyatSHU: "Loban'". 2014; Vechtomov E. M., Sidorov V. V. Abstraktnaya algebra. Bazovyj kurs: ucheb. posobie. [Abstract algebra. Basic course: textbook]. Kirov. VyatSHU: Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2014; E. M. Vechtomov, A. A. Petrov Polukol'ca s idempotentnym umnozheniem: monografiya [Semi-rings with idempotent multiplication: monograph]. Kirov. VyatSHU : Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2015.

5. Saurov Yu. A. Princip ciklichnosti v metodike obucheniya fizike: monografiya [Principle of circularity in the methodology of teaching physics: monograph]. Kirov. Publishing house of CIPC and PRO. 2008; Orlov V. A., Y. A. Saurov Praktika resheniya fizicheskikh zadach: 10–11 klass: ucheb. posobie dlya uchashchihhsya obshcheobraz. uchrezhd. [Practice of solving physics problems: class 10-11: proc. t for pupils of secondary schools]. M. Ventana-Graf. 2015; Kokhanov K. A., Saurov Y. A. Metodologiya funkcionirovaniya i razvitiya shkol'nogo fizicheskogo obrazovaniya: monografiya [Methodology of functioning and development of school physical education: monograph]. Kirov. Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2012; Also them. Problema zadaniya i formirovaniya sovremennoj kul'tury fizicheskogo myshleniya: monografiya [The problem of jobs and the formation of modern culture of physical thinking: a monograph]. Kirov: Publishing house of IRO of Kirov. region. 2013; Yu. A. Saurov Nauchnoe tvorchestvo professora V. V. Multanovskogo. O lichnosti v obrazovanii: monografiya [Scientific work of Professor V. V. Multanowskiy. On personality in education: monograph]. Kirov. Publishing house of VyatSHU: O-Kratkoye. 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАРАНКИНА Вера Ивановна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: veravarankina@gmail.com

ВАТНИК Нисон Семенович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна). 140410, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30.

E-mail: vanis@list.ru

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vecht@mail.ru

ДОЛГИХ Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета имени Первого президента России Б. Н. Ельцина, заслуженный деятель наук РФ. 620002, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 5.

E-mail: bve35@yandex.ru

ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна – профессор кафедры филологии и журналистики Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна – профессор кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета имени Первого президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 5.

E-mail: Ionaitis@yandex.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

КАРАУЛОВ Василий Михайлович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры бизнес-информатики Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: v.karaulov@mail.ru

КАРАУЛОВА Лариса Владимировна – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой информатики и математики Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. 610004, г. Киров, ул. Ленина, д. 25.

E-mail: v.karaulov@mail.ru

КРАШЕНИННИКОВА Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, зав. сектором фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.

E-mail: krashenninnikova@rambler.ru

КУСТОВА Елена Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kustovael@yandex.ru

МИРОШНИЧЕНКО Лариса Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета. 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.
E-mail: miroshnichenko_l@bsu.edu.ru

НИЗОВЦЕВА Светлана Григорьевна – научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.
E-mail: svetlananiz@mail.ru

ПЕКШЕВ Алексей Викторович – кандидат медицинских наук, доцент по кафедре гражданско-правовых дисциплин, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин Вятского социально-экономического института, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Вятского государственного университета. 610002, г. Киров, ул. Казанская, д. 91.
E-mail: pekshevmicrob@mail.ru

ПЕТУХОВ Кирилл Владимирович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кировского филиала МГЭИ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: mr.Kirillvadimovich@yandex.ru

ПЕЧАТНОВ Валентин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Московского государственного института международных отношений МИД России. 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76.
E-mail: vpechatnov@yandex.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: slava@pozd.kirov.ru

ПОЗОЛОТИНА Марина Павловна – аспирант кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: mpozolotina@mail.ru

РАВОЧКИН Никита Николаевич – соискатель кафедры философии Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева. 50000, г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28.
E-mail: nickravochkin@mail.ru

РЕДКИХ Сергей Владимирович – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: red-s@mail.ru

САУРОВ Юрий Аркадьевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: saurov-ya@yandex.ru

САФИНА Аделина Ренатовна – ассистент кафедры иностранных языков Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов. 423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, д. 28.
E-mail: safina-adelina@mail.ru

СОЗА Лилия Нисоновна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна). 140410, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30.
E-mail: livaso@list.ru

СТАСЬ Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета, старший научный сотрудник, Югорская лаборатория археологии и этнологии, Сургутский государственный университет. 628408, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, ул. Энергетиков, 8.
E-mail: Igor.stas@mail.ru

ТРОФИМОВ Георгий Александрович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы историко-филологического факультета Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.
E-mail: silverbeast@mail.ru

ШАКИРОВА Резеда Дильшатовна – профессор кафедры иностранных языков Набережно-челнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов. 423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, д. 28.
E-mail: rez-shakirova@yandex.ru

ШУГАЙЛО Юлия Богдановна – аспирант Московского государственного областного университета, преподаватель английского языка ГБОУ СПО МО «Электростальский колледж». 144002, Московская область, г. Электросталь, ул. Первомайская, д. 19.
E-mail: ptitsa215@yandex.ru

ЯКУПОВ Салават Фанилевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, биомедицины и гуманитарных наук Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова. 105275, г. Москва, ул. Б. Жигуленкова, 23.
E-mail: sfihtiar@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

VARANKINA Vera Ivanovna – Candidate of physico-mathematical sciences, Associate Professor of the Department of fundamental and computational mathematics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: veravarankina@gmail.com

VATNIK Nison Semenovich – Candidate of Historical sciences, Associate Professor of Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute (Kolomna). 30 Zelenaya str., 140410, Moscow region, Kolomna.

E-mail: vanis@list.ru

VECHTOMOV Eugene Mikhailovich – Doctor of physico-mathematical sciences, Professor, head of the Department of fundamental and computational mathematics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: vecht@mail.ru

DOLGIKH Andrey Yurievich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

DOMRACHEV Dmitry Garrievich – Candidate of legal sciences, head of the Department of state and legal disciplines of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

EMEL'IANOV Boris Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor of the history of philosophy and philosophy of education of the Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin, honoured scientist of the Russian Federation. 5 Sofya Kovalevskaya str., 620002, Ekaterinburg.

E-mail: bve35@yandex.ru

ZOLOTOVA Tatyana Arkad'evna – Professor of the Department of journalism and Philology of the Mari State University. 1 Lenin square, 424000, Yoshkar-Ola.

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

IONAITIS Ol'ga Borisovna – Professor of the history of Philosophy and Philosophy of education of the Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin. 5 Sofya Kovalevskaya str., 620002, Ekaterinburg.

E-mail: Ionaitis@yandex.ru

KALININA Darya Aleksandrovna – Candidate of Historical sciences, Associate Professor of Department of theory and history of state and law of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

KARAULOV Vasily Mikhaylovich – Candidate of physico-mathematical sciences, Associate Professor on the Department of business Informatics of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: v.karaulov@mail.ru

KARAULOVA Larisa Vladimirovna – Candidate of Pedagogical sciences, head of the Department of Informatics and mathematics of the Kirov branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. 25 Lenin str., 610004, Kirov.

E-mail: v.karaulov@mail.ru

KRASHENINNIKOVA Julia Andreevna – Candidate of Philology, head of the sector of folklore of Institute of language, literature and history of Komi Science Center of Ural branch of Russian Academy of Sciences. 26 Kommunisticheskaya str., 167982, Syktyvkar.

E-mail: krasheninnikova@rambler.ru

KUSTOVA Elena Vital'evna – Candidate of Historical sciences, Associate Professor of Department of Russian history of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: kustovael@yandex.ru

MIROSHNICHENKO Larisa Nikolaevna – senior lecturer of the Department of foreign languages of Belgorod State National Research University. 85 Pobeda str., 308015 Belgorod.
E-mail: miroshnichenko_l@bsu.edu.ru

NIZOVTSEVA Svetlana Grigorievna – researcher of the sector of folklore of Institute of language, literature and history of Komi science center of Ural branch of Russian Academy of Sciences. 26 Kommunisticheskaya str., 167982, Syktyvkar.
E-mail: svetlananiz@mail.ru

PECHATNOV Valentin Vladimirovich – Candidate of Historical sciences, Associate Professor of Philosophy at the Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia. 76 Vernadskiy Ave., (Department of philosophy) 119454, Moscow.
E-mail: vpechatnov@yandex.ru

PEKSHEV Alexey Viktorovich – Candidate of Medical sciences, Associate Professor on the Department of civil and legal disciplines, head of the Department of civil law disciplines of the Vyatka Social and Economic Institute, Professor of civil and legal disciplines of the Vyatka State University. 91 Kazanskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: pekshevmicrob@mail.ru

PETUKHOV Kirill Vadimovich – postgraduate student of the Department of criminal law of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.
E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

POZDEYEV Vyacheslav Alekseyevich – Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian and foreign literature of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: slava@pozd.kirov.ru

POZOLOTINA Marina Pavlovna – postgraduate student of the Department of physics and methods of teaching physics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: mpozolotina@mail.ru

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – postgraduate student on the Department of Philosophy of Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev. 28 Vesennaya str., 50000, Kemerovo.
E-mail: nickravochkin@mail.ru

REDKIKH Sergey Vladimirovich – postgraduate student of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218, Moscow.
E-mail: red-s@mail.ru

SAUROV Yuri Arkadievich – Doctor of Pedagogical sciences, Professor of the Department of physics and methods of teaching physics of VyatSHU. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: saurov-ya@yandex.ru

SAFINA Adelina Renatovna – assistant of foreign languages Department of the Naberezhnye Chelny Institute of Social Pedagogical Technologies and Resources. 28 Nizametdinov str., 423806, Republic of Tatarstan, city of Naberezhnye Chelny.
E-mail: safina-adelina@mail.ru

SOZA Lilia Nisonovna – Candidate of Historical sciences, Associate Professor of Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute (Kolomna). 30 Zelenaya str., 140410, Moscow region, Kolomna.
E-mail: livaso@list.ru

STAS' Igor' Nikolaevich – Candidate of Historical sciences, senior lecturer of the Department of General history and archaeology of Surgut State University, senior researcher of Ugra laboratory of Archeology and Ethnology of Surgut State University. 8 Energetikov str., 628408, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Surgut.

E-mail: igor.stas@mail.ru

TROFIMOV Georgy Aleksandrovich – postgraduate student on the Department of Russian and foreign literature of the Philological faculty of the Mari State University. 1 Lenin square, 424000, Yoshkar-Ola.

E-mail: silverbeast@mail.ru

SHAKIROVA RESEDA Dilshatovna – Professor of foreign languages Department of the Naberezhnye Chelny Institute of Social Pedagogical Technologies and Resources. 28 Nizametdinov str., 423806, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny.

E-mail: rez-shakirova@yandex.ru

SUGAILO Julia Bogdanovna – postgraduate student of Moscow State Regional University, English teacher of State bugetary educational establishment of secondary vocational education of Moscow region "Electrostalskiy College". 19 Pervomayskaya str., 144002, Moscow region, Electrostal.

E-mail: ptitsa215@yandex.ru

YAKUPOV Salavat Vasilevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Biomedicine Sciences and Humanities of Moscow State Medical Dental University named A. I. Evdokimov. 23 B. Zhygulenкова str, 105275, Moscow.

E-mail: sfihtiar@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 11 (2015)

Подписано в печать 30.10.2015 г.
Формат 60х84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 1000. Заказ № 178.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 208-964

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390